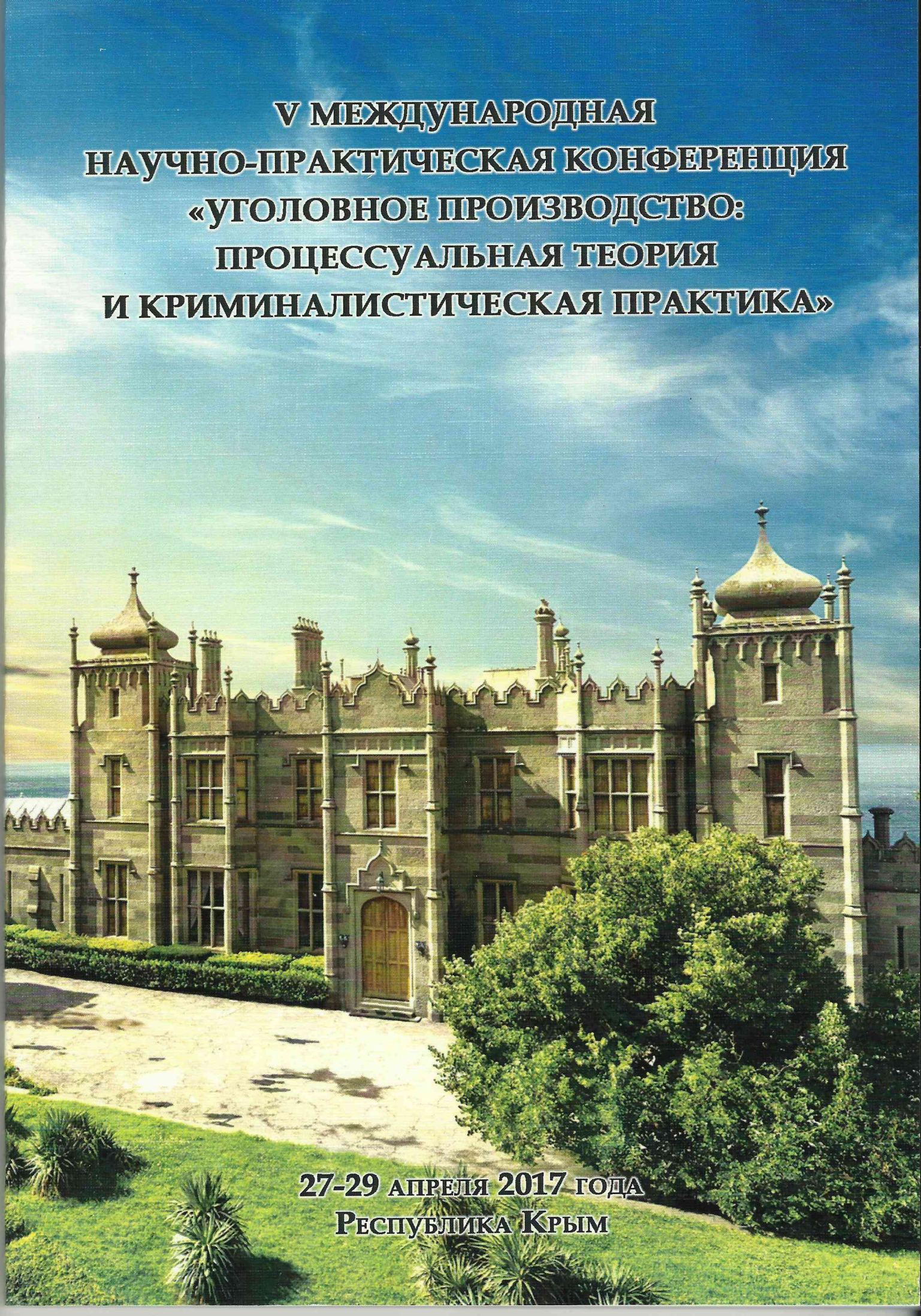
V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА»

27-29 апреля 2017 года
Республика Крым

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Таврическая академия
Юридический факультет
Кафедра уголовного процесса и криминалистики
Следственное управление МВД по Республике Крым
Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации
по Республике Крым

УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(27-29 апреля 2017 года)
г. Симферополь-Алушта

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2017

УДК 343.1.001.76
ББК 67.629.4
У 82

Редакционная коллегия:
Михайлов М. А., заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент
Омельченко Т. В., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

Составитель – Т. В. Омельченко

У 82 **Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика**: материалы V Международной научно-практической конференции, 27-29 апреля 2017 года, г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко ; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – 154 с.
ISBN 978-5-906877-99-4

Сборник содержит материалы V Международной научно-практической конференции. Анализируются актуальные проблемы процессуального и криминалистического обеспечения деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда по вопросам уголовного судопроизводства.

УДК 343.1.001.76
ББК 67.629.4

Материалы представлены в авторской редакции.
Ответственность за содержание докладов и тезисов несут авторы.

ISBN 978-5-906877-99-4

© Авторы тезисов и докладов, 2017
© ИТ «АРИАЛ», 2017

Александров А. С.

Нижегородская академия МВД России
доктор юридических наук, профессор
(Нижний Новгород, Россия)

Александрова И. А.

Нижегородская академия МВД России
доктор юридических наук, доцент
(Нижний Новгород, Россия)

НОВЫЕ ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье констатируется создание уникального организационно-правового механизма противодействия преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В статье вскрывается основное противоречие этого механизма, которое состоит в размывании публичного уголовно-процессуального регулирования общественных отношений частно-правовыми элементами. Авторы дают описание деталей механизма привлечения к уголовной ответственности за преступления, совершенные в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Они указывают на рассогласованность между отдельными процедурами, институтами, входящими в данный правовой механизм. В статье предлагаются меры, направленные на гармонизацию норм, входящих в данный правовой механизм, как между собой, так и с принципами уголовно-процессуального правового регулирования. Авторы обосновывают необходимость единых правовых стандартов в деятельности по противодействию преступности в сфере экономики.

Ключевые слова: *уголовная ответственность, правовой механизм, предпринимательская деятельность, правовой стандарт.*

Уголовная политика противодействия преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, проводимая с 2009 года, является своего рода уникальным явлением не только в истории России, но и в мировой юридической практике. Праволиберальная идеология («Doing Business»), составляющая суть этой уголовной политики, заключается в том, чтобы максимально ограничить вмешательство уголовной юстиции в разрешение правовых конфликтов, возникающих в сфере экономики, где одной из сторон выступает субъект предпринимательской деятельности. В основу этой политики были положены следующие идеи: переход на частно-правовой – диспозитивный метод работы механизма привлечения к уголовной ответственности за преступления в экономической сфере, ограничение правовых оснований для публично-правового вмешательства правоохранительных органов в деятельность предпринимателей, закрепление приоритета гражданско-правовых (экономических) средств в разрешении правовых конфликтов предпринимателей между собой и другими субъектами, государством. В основном эти инициативы к настоящему времени реализованы в целом ряде принятых федеральных законов, существенно изменивших уголовный и уголовно-процессуальный кодексы.

К 2016 году в целом сложился особый организационно-правовой механизм, включающий в себя: особый порядок возбуждения уголовного дела (часть 3 статьи 20, часть 1.2 статьи 140, части 7–9 статьи 144 УПК РФ), особенности применения мер пресечения (пункт 3.1 части 4 статьи 46, пункт 9.1 части 4 статьи 47, часть 13 статьи 107, часть 1.1 статьи 108 УПК РФ), специфическое значение гражданско-правовой преюдиции при доказывании (статья 90 УПК РФ), особый порядок провозглашения приговора (часть 7 статьи 241 УПК РФ), особенности освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования (статья 76.1 УК РФ, статья 28.1 УПК РФ). Факт создания особого привилегированного механизма применения уголовного закона за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности был официально подтвержден Пленумом Верховного Суда России, в постановлении которого разъяснены детали этого механизма и их работа [1].

Единства на данный момент указанные нормы не образуют, и было бы ошибкой применять системное толкование для выяснения их смысла. Хотя, в перспективе создание специального механизма привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности не только возможно, но было бы вполне логичным (в виде отдельных глав кодексов).

На данный момент можно говорить о следующих элементах этого особого организационно-правового механизма применения уголовного закона за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Во-первых, это институт мер уголовно-процессуального принуждения, он включает в себя главным образом абсолютный запрет на заключение под стражу лиц, указанных в части 1.1 статьи 108 УПК РФ, но также к нему можно отнести «обновленные» залог и домашний арест (редакции статьей 106, 107 УПК РФ), которые хотя и распространяются на любых обвиняемых, но создавались явно с прицелом на «спецсубъектов» – предпринимателей, оказавшихся под уголовным преследованием. Пленум Верховного Суда РФ путем расширительного толкования распространил действие части 1.1 статьи 108 УПК РФ на любое «иное лицо», совершившее преступление, указанное в части 1.1 статьи 108 УПК РФ, в соучастии (выделено нами) с индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации, то есть лицо [1, п. 8], не обладающее статусом «предпринимателя». Иными словами теперь привилегией на запрет ареста может воспользоваться любое лицо (независимо от служебного положения, выполняемых функции и рода деятельности), совершившее в соучастии с предпринимателем преступление, указанное в части 1.1 статьи 108 УПК РФ, в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности.

Во-вторых, сложился весьма специфический институт возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Несмотря на наличие некоторых общих моментов в процедуре вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, порядок возбуждения уголовных дел о предпринимательских преступлениях против собственности и порядок возбуждения уголовных дел об иных преступлениях экономической направленности различны. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, отнесены к делам частно-публичного обвинения (часть 2

статьи 20 УПК РФ). Между тем, как уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 170.2, 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, частью 1 статьи 185.6, статьями 190–199.2 УК РФ, которые совершаются в сфере иной экономической деятельности, возбуждаются в публичном порядке, но порядок этот является особым для дел о некоторых преступлениях. Серьезность ситуации в том, что разрушается единый формат возбуждения уголовных дел. Он развалился на несколько производств. В целом это ставит под вопрос сам институт возбуждения уголовного дела. Нужен ли он в современных условиях? о чем говорят некоторые представители науки.

Есть еще одна концептуальная проблема, связанная с определением круга лиц, на которых распространяется действие данного механизма. Остроту этой проблеме придает противоречивая позиция Пленума Верховного Суда РФ, который, с одной стороны подтвердил смысл части 3 статьи 20 УПК РФ, в части круга лиц, на которых распространяется механизм частно–публичного уголовного преследования, а с другой, осуществил расширительное толкование смысла части 1.1 статьи 108 УПК РФ, где говорится о круге лиц, к которым запрещено применять заключение под стражу в виде меры пресечения. Поскольку в обеих указанных нами нормах речь должна вестись об одних и тех же субъектах, подвергаемых уголовному преследованию, постольку закономерна постановка вопроса о распространении расширительного толкования и на часть 3 статьи 20 УПК РФ.

В-третьих, надо констатировать наличие нового правового стандарта оценки судом фактических оснований постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, подозреваемого в совершении преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а именно: такое решение может быть принято дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа только на основании сведений, полученных в порядке, предусмотренном УПК РФ. При этом акцент Пленумом делается на безусловном соблюдении законности и обоснованности процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением имущественных и иных прав и свобод предпринимателей, но также и лиц, состоящих с ними в трудовых отношениях (пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48).

В-четвертых, можно говорить о создании особого правового механизма досудебного урегулирования уголовно-правового спора. Речь идет о процедуре прекращения уголовного дела (преследования) на основании статьи 76.1 УК РФ и в порядке, предусмотренном статьей 28.1 УПК РФ. Опять же налицо отход от общего правового стандарта прекращения уголовно-правового спора в виду мирового соглашения сторон (статья 76 УК, статья 25 УПК) или деятельного раскаяния (статья 75 УК, статья 28 УПК). Главное в том, что он распространяется не только на преступления небольшой и средней тяжести, но и на тяжкие преступления. Помимо этого еще происходит размывание классической модели «деятельного раскаяния», которая лежит в основании данного субинститута. Такой вывод можно сделать из содержания пунктов 11–18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48. Проявилось это в следующих моментах:

1. Ослабление критерия повторности нарушения уголовного закона, как препятствия для прекращения уголовного дела. Лицо признается впервые совершившим преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается (пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48). Само по себе наличие неснятой или непогашенной судимости за любое другое преступление или преступления, перечисленные в соответствующей части статьи 76.1 УК РФ, нельзя непреодолимым препятствием для прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному статьей 28.1 УПК РФ; уголовное дело можно прекращать по данному основанию неоднократно.

2. Не обязательно выполнение даже такого требования, как полное возмещение или иное заглаживание вреда. Об этом свидетельствует содержание пункта 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ. По крайней мере, в судебных стадиях уголовное дело может быть прекращено судом и в случаях (1) не полного согласия подсудимого с предъявленным обвинением, (2) не полного возмещения вреда.

Наконец, надо сказать и о том, что гуманизация уголовной политики в отношении субъектов предпринимательской деятельности сопровождалась усилением уголовной ответственности правоприменителей за преступления, которые могут совершаться при расследовании такого рода преступлений: статья 299 (часть 3), а также статьи 303, 304 УК РФ.

Все это делает позицию правоохранителя осторожно-выжидательной, пассивной, основанной на получении разрешения (указания) сверху, а не на верховенстве закона. Эта примитивизация правоохранительной деятельности прежде всего происходит в сфере противодействия экономической преступности. Это тот образ действий, который председатель правительства Д.А. Медведев назвал «государственным управлением посредством поручений», «ручного управления» [2] . Полагаем, что уголовная политика по такому важному направлению как борьба с преступностью в сфере экономики не может реализовываться в таком режиме.

В целом весьма сомнительна «приватизация» уголовного права и уголовного процесса, приватизации уголовной политики в этой сфере. Мы видим, что законодатель сделал большие «уступки» в пользу предпринимателей. Но какова цена этих уступок? Преследуя вроде бы благую цель, все чаще забывают о характере уголовно-процессуальной деятельности, ее задачах. Уголовно-процессуальная деятельность публична по своему характеру. Но еще В.К. Случевский указывал на то, что публичный характер гражданского процесса проявляется в том, что только суд, то есть орган государственной власти, может принять по нему соответствующее решение. Однако государству не интересно, будет ли истец использовать свое право на обращение в суд или же нет. Иначе государство относится к уголовному судопроизводству. Государству отнюдь не безразлично, будет ли наказан виновник преступления или нет, поскольку есть публичный интерес и правопорядок, которые в значительной и равной мере пострадают, если невиновный понесет наказание, если виновный останется на свободе, если не будут исследованы и собраны все доказательства для объективного уяснения обстоятельств дела [3, с. 24–25].

Создание специальных гарантий неприкосновенности для предпринимателей от уголовного преследования, разделение «элитного» уголовного правосудия и «для всего остального народа» [4] подрывает принципы социальной справедливости, равенства всех перед законом и судом, и тем самым разрушаются основы правового регулирования. Поэтому мы выступаем за возврат к общему правовому стандарту в уголовно-правовой плоскости.

Список источников: 1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. 2016. 24 ноября.; 2. Выступление Д.А. Медведева на XV Международном инвестиционном форуме «Сочи-2016» от 30.09.2016 – URL: http://government.ru/news/24729/ (дата обращения: 25.09.2016).; 3. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство – судопроизводство. – СПб., 1913. – 683 с.; 4. Памфилова Э. Начало истории «Оборонсервиса» постыдно, окончание – шокирующе. – URL:http://ombudsmanrf. org/ news/novosti_upolnomochennogo/view/nachalo_acirclaquoistorii_acirclaquooboronservisaacircraquo_postydno_okonchanie_acirc_shokirujushhe

УДК 343

Alexandrov A. S., Alexandrova I. A. New legal standards of combating crime in the sphere of entrepreneurial and other economic activities

The article advocates the creation of a unique organizational and legal mechanism of combating crime in the sphere of entrepreneurial and other economic activities. The article reveals the basic contradiction of this mechanism, which consists in the erosion of the public criminal procedure, regulation of social relations of private law elements. The authors give a description of the details of the mechanism of criminal responsibility for crimes committed in the sphere of entrepreneurial and other economic activities. They point to a mismatch between the individual procedures, institutions within that legal framework. The article proposes measures aimed at the harmonization of norms within the legal framework, both among themselves and with the principles of criminal procedural legal regulation. The authors justify the need for a unified legal standards in the efforts to combat crime in the sphere of economy.

Key words: *criminal responsibility, legal framework, business activities, legal standard.*

Александров А. И.

Санкт-Петербургский государственный университет
доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)

Мельников Е. А.

Совет Федерации России
Аппарат Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству
(Москва, Россия)

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена структурным проблемам в сфере уголовно-процессуальной политики. Коротко рассмотрены причины способствующие их возникновению. Сделаны предложения по созданию сбалансированной модели российского уголовного судопроизводства, основанной на принципах континентальной системы права. В целях создания непротиворечивой модели предложено решить следующие проблемы: соотношение принципа состязательности с необходимостью установления истины по делу, соотношение дознания и предварительного следствия, соотношение процессуального статуса следователя и полномочий прокурора, условия применения суммарных производств.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальная политика, предварительное следствие, дознание, прокурор, континентальная модель уголовного судопроизводства, принцип состязательности.*

Говоря об уголовной политике в целом, то мы ее в самом общем виде определяем как отношение власти к преступности. Уголовная политика по нашему мнению имеет шесть направлений: уголовно-правовая политика, уголовно-процессуальная политика, уголовно-разыскная политика, уголовно-исполнительная политика, уголовно-превентивная политика, уголовно-организационная политика.

На наш взгляд, понимание проблем и желаемых результатов именно по этим шести направлениям в комплексе позволит в дальнейшем перейти от решения частных вопросов к системе - Концепции борьбы с преступностью на ближайшие десятилетия.

Говоря о комплексном решении проблем в сфере уголовной политики, безусловно больше всего внимания сегодня заслуживают проблемы в сфере уголовно-процессуальной и уголовно-правовой политики. Например, все дискуссии о едином следственном органе (уголовно-организационная политика), его необходимости, правовой форме, лишены всякого смысла, пока в рамках уголовного процесса не будут четко и непротиворечиво определены статус следователя и полномочия прокурора. Вопросы уголовно - разыскной политики, такие как, использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам (напрямую после их проверки на соответствие требованием уголовно-процессуального законодательства или же лишь как сведений, на основе которых происходит формирование доказательств по возбужденному уголовному делу в результате совершения следственных действий) необходимо решать в комплексе с вопросами уголовно-процессуальной политики.

Переходный период, от советского уголовного процесса к современному российскому уголовному судопроизводству длится, уже более 20 лет. В прошлом году мы отметили 15 лет со дня принятия нового УПК РФ 2001 г. Не секрет, что разработка проекта действующего Кодекса шла при сильном и настойчивом влиянии различного рода зарубежных экспертов и консультантов.

Наиболее активны были американские специалисты, которые настойчиво пропагандировали преимущества англо-американского уголовного процесса, подчас не зная и не понимая специфики России, ее правовых традиций, менталитета, реальной экономической ситуации, игнорируя ее географические особенности и специфику государственного устройства.

В российских научных публикациях и предложениях по устройству уголовного судопроизводства преобладали «списывания» чужих образцов, обоснование их полезности только тем, что в другом государстве они успешно работают. При этом преобладали фрагментарность идей, не связываемых в единую концепцию, разорванных по смыслу, а иногда взаимоисключающих одна другую.

Концептуальные идеи, позволявшие бы адаптировать наиболее успешный зарубежный опыт к российским реалиям, и создать собственно российскую модель уголовного судопроизводства, отвечающую и Конституции РФ, и нормам международного права, к сожалению, так и не возникли.

Отсутствие понятной модели и сбалансированной системы процесса привело к тому, что за время действия УПК РФ с 1 июля 2002 г. уже принято более 200 федеральных законов о внесении в него изменений и дополнений, причем нестабильность только усиливается.

Конституционный суд РФ признал за это время не соответствующими Конституции РФ более 30 норм УПК РФ.

С учетом очевидного неравенства в возможностях и средствах, с одной стороны, правоохранительных органов, а с другой – гражданина, при недостаточной активности суда (из-за отсутствия соответствующих полномочий) создается очевидный обвинительный уклон, являющийся результатом не только некачественного правоприменения, но и самой нынешней нормативно-правовой модели уголовного процесса, которая является не столько «состязательной», сколько обвинительной.

Отсутствие внятного ответа на вопрос, в каком направлении российский уголовный процесс концептуально должен развиваться, является ключевой проблемой, затрудняющей его позитивное развитие.

С одной стороны, в последние 20 лет неоднократно проявлялись попытки имплементировать на российскую почву англо-американскую модель уголовного процесса, которая в теории именуется обвинительной (accusatorial), что, по сути, и привело к отмеченным выше проблемам и отказу от принципа всестороннего, полного и объективного расследования и рассмотрения уголовных дел.

С другой стороны, «американизация» российского уголовного процесса не сопровождалась полным уничтожением исторически присущего России уголовного процесса континентального (романо-германского) типа. УПК РФ сохранил почти всю традиционную российскую уголовно-процессуальную инфраструктуру, формировавшуюся на протяжении, как минимум, полутора столетий (институты предварительного следствия, следователя, следственных действий, привлечения в качестве обвиняемого, потерпевшего, гражданского иска в уголовном процессе, судебного следствия и судебных прений, профессионального судьи в 1-й инстанции, кассации и т. п.).

В основе данных моделей лежат принципиально противоположные отношения государства к преступлению:

а) отношение государства к преступлению, как к проблеме частной, что порождает соответствующую этому активность сторон; допускает разного рода соглашения (сделки) между ними; приводит к концепции «прокурорского усмотрения», когда прокурор вправе свободно распоряжаться обвинением; исключает какое-либо участие потерпевшего в уголовном процессе (кроме тех случаев, когда он допрашивается сторонами как свидетель, или самостоятельно выдвинул обвинение) и т. д. В основе модели лежит так называемый принцип целесообразности;

б) отношение государства к преступлению, как к проблеме публичной, что порождает активность государства в инициировании уголовного производства и его обязанность обеспечивать законность уголовного судопроизводства при применении норм материального права, а также правомерность, в том числе всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела, при осуществлении самой процессуальной деятельности. В основе модели лежит принцип законности.

Не вызывает сомнения, что для российской правовой и культурной традиции более приемлемым является понимание публично-правового характера реагирования государства на преступление, даже, несмотря на развитие и некоторое расширение частноправовых элементов и аспектов диспозитивности в данной деятельности.

Попытки дальнейшей реализации некоторых заложенных в УПК принципов, характерных для одной процессуально-технической модели (англо-американской), неизбежно приводят либо к ломке, либо к деформации классических институтов, характерных для другой модели (континентальной), а также к очевидному усилению не состязательных, а обвинительных начал. В свою очередь любые попытки исправлений деформированных уголовно-процессуальных механизмов немедленно сталкиваются с концептуальным несоответствием объявленным уголовно-принципиальным принципам. Например, было много вопросов вокруг принятия закона от 2 июля 2014 г. «О внесении изменений в статьи 236 и 237 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» во исполнение Постановления КС РФ от 2 июля 2013 г., исправляющего деформацию института возвращения уголовного дела судом прокурору, именно в силу его «несоответствия» заложенной в УПК РФ идеологии.

Опыт реформ 2007 г. и 2010 г. показал, что применительно к досудебному производству так и не удалось выработать адекватную концепцию организации следствия и прокурорского надзора, что привело к известному и крайне контрпродуктивому противостоянию следствия и прокурорского надзора . Требуется понимание того, что российская система следствия сформировалась в 1860 г. в рамках концепции следствия, как судебной функции (судебные следователи). Следователь может быть самостоятелен и независим (в том числе от прокурора) лишь тогда, когда он принадлежит судебному ведомству. Если следствие выведено за пределы суда, то тогда правовую легитимность ему может придавать только прокурорский надзор .

С учетом изложенных проблем, представляется необходимым создать адекватную и внутренне непротиворечивую процессуально-техническую модель развития российского уголовного процесса, которая способна стабилизировать уголовный процесс и позволит выйти из «переходного состояния». Для чего необходимо:

- на уровне задач уголовного процесса подчеркнуть их направленность не только на обеспечение прав частных лиц (обвиняемого и потерпевшего), но и на защиту интересов общества и государства, что полностью соответствует публично-правовой природе уголовного процесса.

- проанализировать вопрос закрепления в законе принципа всестороннего, полного и объективного ис-

следования обстоятельств дела. В континентальных моделях (французской и новогерманской) уголовного судопроизводства требование установления истины по делу не противопоставляется принципу состязательности. Более того, состязательность рассматривается как средство установления истины. Это положение не раз находило свое отражение в трудах советских ученых, применительно к отечественной модели уголовного судопроизводства.

Проанализировать возможность изменения соотношения дознания, предварительного следствия и доследственной проверки. Схема, которая, безусловно, требует серьезного обсуждения и анализа, могла бы быть следующей. Дознание под руководством (надзором) прокурора должно стать первым этапом уголовного судопроизводства, который заменит нынешнюю доследственную проверку и в ходе которого будет разрешено производить любые следственные действия по поступившему сообщению о преступлении. Далее материалы дознания направляются прокурору, который принимает одно из трех решений: а) отказать при наличии оснований в возбуждении уголовного преследования (по результатам дознания); б) возбудить уголовное преследование и по несложным делам (преступлениям небольшой, средней тяжести и т. п.), где известно подозреваемое лицо (в этот момент оно становится обвиняемым), передать дело в суд; в) возбудить уголовное преследование по сложным делам об опасных преступлениях или по делам, где неизвестен подозреваемый, и передать материалы следователю для производства предварительного следствия.

Проблема соотношения дознания, предварительного следствия и доследственной проверки возникла в советский период вследствие стирания границ между дознанием и предварительным следствием. Как отмечает Л. В. Головко, «отвергнув четкое разграничение функций полиции, прокуратуры и суда, советское право подменило отделение друг от друга полицейской и судебной деятельности совершенно искусственным разделением между деятельностью «процессуальной» и деятельностью «непроцессуальной». Иначе говоря, граница была проведена не там, где ей надлежит быть. В результате, постсоветская попытка легализовать «непроцессуальную деятельность» привела к появлению особого феномена – оперативно-розыскной деятельности. С другой стороны, в рамках «процессуальной деятельности» возникло не менее искусственное концептуальное разграничение между предварительным следствием и дознанием, которым чаще всего занимаются одни и те же полицейские органы и которые едины по целям и процессуальным средствам».

- Критически обсудить подход, в соответствии с которым прокурор (в досудебном производстве), следователь и дознаватель отнесены в настоящее время к стороне обвинения. Распределение процессуальных функций с точки зрения принципа состязательности без учета целей и задач предварительного производства является несостоятельным. Представляется, что подобный подход в полной мере реализуется лишь в ходе состязательного судебного разбирательства, в котором решаются вопросы вины и наказания, в то время как предварительное производство носит по отношению к нему подготовительный характер, имеет иные цели и задачи, и имеет иное распределение процессуальных функций.

По большому счету, классификация участников процесса и выполняемых ими процессуальных функций в рамках принципа состязательности сторон, является своеобразной модернизацией советского подхода, который нашел отражение в законодательстве и теории, классификации участников процесса, на основе отстаиваемого участником процесса интересе.

Согласно данной классификации выделялись участники процесса: отстаивающие публичный интерес и, как следствие, наделенные властными полномочиями (суд, прокурор, следователь); участники процесса, имеющие личный интерес в исходе дела (обвиняемый, защитник, гражданский истец и ответчик, потерпевший, их представители; участники процесса, не имеющие интереса в процессе (свидетели, эксперты, переводчики и др.).

Построение предварительного производства на основе разделения участников процесса в соответствии с принципом состязательности учитывает наличие отстаиваемого интереса (публичного или личного) в исходе дела, но не учитывает фактического влияния участника процесса на исход дела.

Несмотря на некоторые противоречия в законодательстве, нельзя отрицать, что в действующей модели досудебного производства предварительное расследовании носит несостязательный характер, ввиду того, что возможность подозреваемого, обвиняемого, защитника и потерпевшего влиять на ход расследования несоизмеримо меньше полномочий государственных органов, принимающих участие в проведении предварительного следствия.

Более того, очевидно, что в предварительном производстве деятельность дознавателя, следователя и прокурора, не может сводиться лишь к процессуальной деятельности по осуществлению уголовного преследования. Так, например, они обязаны разъяснять подозреваемому (обвиняемому) их права и «обеспечивать возможность реализацию этих прав всеми способами не запрещенными УПК» (ч.1 ст.11, ч.1,ч.2 ст. 16 УПК), т.е. по существу выполнять функцию защиты, с учетом постановления Конституционного Суда №13-П от 29 июня 2004 г., не оспаривается. Анализ полномочий указанных лиц (ст. 37, 38, 47 УПК), говорит о наличии у них полномочий далеко выходящих за пределы функции уголовного преследования.

- Возложить на прокурора в рамках прокурорского надзора за дознанием и предварительным следствием принятие всех окончательных решений о движении уголовного дела (с правом следователя оспаривать их вышестоящему прокурору).

Например, оказывающим крайне негативное влияние на обеспечение законности средствами прокурорского надзора, является не предоставление прокурору права принимать решение о прекращении уголовного дела при его поступлении с обвинительным заключением (обвинительным актом).

Законодатель на данной стадии процесса наделил прокурора правом, как утвердить обвинительное заключение, так и вернуть уголовное дело для дополнительного расследования, но при условии, если в ходе изучения представленных материалов он придет к выводу о том, что собранных сведений недостаточно для доказанности события преступления, вины обвиняемого и его причастности к совершению преступления и

других обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

В то же время осталась неурегулированной уголовно-процессуальным законом ситуация, когда оснований для возвращения уголовного дела не имеется и совокупность собранных доказательств очевидно свидетельствует об отсутствии в действиях обвиняемых признаков состава преступления. В указанном случае возращение уголовного дела на доследование с одной стороны является незаконным, а с другой – прокурор лишен полномочий прекратить уголовное преследование. В следствии этого такие дела могут быть прекращены только в суде. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации судом первой инстанции по различным основаниям прекращается каждое четвертое поступившее дело, что создает неоправданную нагрузку на суды и бюджетную систему Российской Федерации.

Кроме того, наделив прокурора обязанностью требовать от органов предварительного расследования устранения выявленных им нарушений, законодатель не обеспечил исполнение таких решений в императивной форме, что позволяет руководителям следственных органов не выполнять их.

Такая ситуация вызывает необходимость многократного вынесения им требований об устранении одних и тех же нарушений федерального законодательства без гарантии надлежащего реагирования на них, что отрицательно сказывается на обеспечении прав участников уголовного судопроизводства, в том числе на доступ к правосудию.

Обозначить точные пределы применения разнообразных сокращенных процедур, часто являющихся неудачной попыткой копирования американских «сделок с правосудием» и превращающих суд в машину по штамповке обвинительных приговоров и, по сути, существенно «сворачивающих» сферу действия судебной власти и ограничивающих ее влияние на законность уголовного судопроизводства. Уже сегодня большая часть уголовных дел рассматривается в России в особом порядке в отношении обвиняемого при согласии с предъявленным обвинением (глава 40 УПК РФ). По действующему закону особый порядок в отношении обвиняемого при согласии с предъявленным обвинением может применяться по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы, т.е. в том числе и при совершении тяжких преступлений.

Неконтролируемый рост числа сделок о признании вины в США (страны - родоначальницы сделок о признании вины), привел там сегодня к формированию неформальной, административной, инквизиционной системы вынесения судебного решения в офисе прокурора, что не допустимо и искажает саму идею осуществления правосудия по уголовным делам .

- Вернуть суду процессуальный инструментарий, необходимый ему для обеспечения справедливости судебного разбирательства и постановления законных и обоснованных приговоров, для чего следует скорректировать структуру судебного следствия, порядок судебного допроса и.т.д.

На наш взгляд только комплексное решение вышеназванных вопросов позволит создать в России непротиворечивую модель уголовного судопроизводства на основе традиционных для нашей системы права континентальных принципах.

УДК 343.13

Aleksandrov A.I.,Melnikov E.A. Problems of criminal procedure policy at the current stage

This article is devoted to the structural issues in the field of a criminal procedure policy. The reasons contributing to the emergence of these problems are shortly viewed. The proposals to create a balanced model of Russian criminal justice based on the principles of a continental legal system have been made. In order to create a consistent model the forward issues were suggested to be solved: correlation of the adversarial principle and principle of the truth, correlation of the procedural status of investigator and prosecutor's discretion, elaboration of conditions for application of summary procedure.

Key words: *criminal procedure policy, preliminary investigation, inquiry, prosecutor, continental model of criminal justice, adversary principle*

Алымов Д. В.

Юго-Западный государственный университет
кандидат юридических наук
(Курск, Россия)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ОЧНОЙ СТАВКИ

В статье рассматриваются проблемные вопросы тактики проведения очной ставки. Значение данного следственного действия сложно переоценить, поскольку оно является важнейшим инструментом устранения существенных противоречий, возникающих в процессе расследования преступлений. Результативность очной ставки во многом зависит от высокой профессиональной подготовки и мастерства следователя, который должен учитывать не только фактические обстоятельства дела, но и психологические особенности ее участников. Автором особое внимание уделяется проблемам разрешения конфликтных ситуаций, возникающих при производстве очной ставки, а также разработки наиболее эффективных тактических приемов и тактико-криминалистических алгоритмов для наиболее результативного ее производства. Также в статье рассмотрены особенности использования криминалистических средств и рекомендаций, направленных на активизацию мыслительной деятельности ее участников.

Ключевые слова: *очная ставка, тактический прием, тактико-криминалистический алгоритм, устранение противоречий, активизация мыслительной деятельности.*

Очная ставка представляет собой следственное действие, состоящее в последовательном допросе двух лиц, в показаниях которых имеются существенные противоречия. Очная ставка является трудоемким и многоплановым следственным действием, требующим от следователя высокой профессиональной подготовки и мастерства. Уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты рассматриваемого следственного действия уже давно находится в центре внимания отечественных ученых и практиков.

С точки зрения криминалистической тактики, сложность проведения очной ставки обусловлена, прежде всего, психологическими сложностями, как со стороны самого следователя, так и со стороны других участников данного следственного действия (обвиняемый, свидетель, потерпевший).

При подготовке к проведению очной ставки следователь должен: 1) определить, когда, где и в какое время провести это действие; 2) наметить круг лиц, т.е. участников очной ставки; 3) определить, какие технические средства следует использовать; 4) какие вещественные доказательства и документы предъявить в процессе очной ставки; 5) определить, необходимо ли оперативно-превентивно профилактическое сопровождение [1, с. 189].

Особое внимание на подготовительном этапе следует уделять психологической подготовке его участников. Часто очная ставка сопровождается конфликтной следственной ситуацией, что обязательно должно быть учтено следствием. Именно, исходя из глубины конфликтности следственной ситуации, следователь определяет: во-первых, нужно ли в данной ситуации проводить данное следственное действие, во-вторых, какие тактические приемы будут наиболее эффективными в конкретной сложившейся ситуации, в-третьих, требуется ли приглашение второго следователя или оперативного работника.

Кроме того, следователь должен тщательно проанализировать материалы уголовного дела и соотнести психологические факторы с имеющимися фактическими данными.

На подготовительном этапе производства очной ставки следователю довольно трудно предвидеть развитие событий и варианты поведения лиц, которые могут противодействовать расследованию. Необходимо тщательно продумать какие тактические приемы использовать с целью психологической подготовки ее участников.

Необходимо уделить особое внимание подготовке свидетеля или потерпевшего к очной ставке, а также принять меры защиты и создать комфортные условия для дачи ими необходимых показаний.

Что касается лиц, противодействующих расследованию, следователю при подготовке к очной ставке необходимо уделить внимание изучению их психологических особенностей, получению сведений о положительных и отрицательных качествах личности, отличительных чертах их характера (сильных и слабых сторонах), в том числе информацию о поведенческих установках защитника обвиняемого в подобных ситуациях [2].

Для того, чтобы очная ставка с участием обвиняемого была результативной, целесообразно использовать тактические комбинации или тактико-криминалистические алгоритмы, которые будут направлены на преодоление конфликтной ситуации, мешающей исследованию интересующих следствие обстоятельств. Обвиняемого следует убедить в необходимости разрешения противоречивой ситуации. Он должен быть заинтересован в том, чтобы устранить имеющиеся в деле противоречия, а не в том, чтобы сделать их еще более явными или усилить конфликтную ситуацию между ним и лицами, его изобличающими.

Однако в практике чаще всего встречаются конфликтные ситуации при проведении очной ставки. Конфликтность ситуации может выражаться не только в явном противостоянии обвиняемых и лиц, их изобличающих, но и в сообщении ложных сведений с целью введения следствия в заблуждение.

Следователь должен проработать тактико-криминалистический алгоритм, позволяющий изобличить обвиняемого во лжи.

Так, например, А. С. Сорочкин предлагает следующий комплекс тактических приемов разоблачения (изобличения) лжи на очной ставке:

а) предъявление допрашиваемым доказательств (протоколов следственных действий и приложений к ним, заключений экспертов, актов ревизий, вещественных доказательств). Предъявление доказательств проводится в целях как разоблачения лжи, так и преодоления добросовестного заблуждения одного из участников очной ставки. Проведение указанного действия (тактического приема) на очной ставке эффективнее, сем при допросе, когда, например, добросовестный ее участник по предъявленным доказательствам может дать развернутые правдивые показания. В такой ситуации детализирующие показания добросовестного участника существенно усиливаются, что повышает вероятность преодоления установки на ложь недобросовестного допрашиваемого либо способствует оживлению у добросовестно заблуждающегося участника ставки ассоциативных связей памяти. Добросовестный участник очной ставки в подтверждение своих показаний непосредственно в ходе следственного действия с разрешения следователя или по его предложению может ссылаться на неизвестные следователю документы (предметы) и предъявляет их лицу, дающему ложные показания, что оказывает на него существенное психологическое воздействие;

б) использование показаний признавшихся организаторов и наиболее активных участников преступления;

в) деление темы следственного действия на эпизоды;

г) принятие решения о производстве повторной очной ставки;

д) сочетание очных ставок с допросом и предъявлением для опознания, а также производство очных ставок на месте происшествия в сочетании с осмотром, следственным экспериментом и проверкой показаний на месте (в науке криминалистике классифицируется как сложная тактическая комбинация). Это создает комплекс взаимосвязанных доказательств и также оказывает сильное психологическое воздействие на недобросовестного участника очной ставки [3, с. 396-397].

В такой ситуации немаловажным элементом криминалистической тактики является подготовка добросовестного участника данного следственного действия (потерпевшего или свидетеля).

Психологическая подготовка добросовестного участника выражается в формировании у него состояния активности на очной ставке, нейтрализации боязни обвиняемого. Нужно разъяснить его гражданский долг и общественную опасность преступления [1, с. 189].

Однако А.В. Дулов предлагает такой вид тактического приема, как специфическое воздействие на лицо, дающего, по мнению следователя, ложные показания, со стороны добросовестного участника очной ставки, предварительно подвергнув его определенной подготовке разъяснения, убеждения с тем, чтобы в ходе очной ставки он уже смог воздействовать на лицо, дающее ложные показания [4, с. 330-334].

Также следует отметить, что проведение очной ставки сопровождается активной мыслительной деятельностью ее участников. Активная роль в данной де-

ятельности, безусловно, отводится следователю. Очная ставка не должна строиться только на вопросах и ответах ее участников, следователь должен постоянно анализировать и логически обрабатывать полученную информацию, должен выражать свое отношение к достоверности того или иного суждения. Роль следователя должна быть активной, ведущей. Он должен направлять, контролировать, руководить общением других участников [1, с. 190].

Следователь должен использовать все необходимые тактические приемы психологического воздействия на участников очной ставки, а также приемы активизации их мыслительной деятельности.

Анализируя современный научный подход к проблемам активизации мыслительной деятельности на очной ставке с целью повышения ее результативности и эффективности устранения противоречий, О.Д. Ким и Э.А. Ли предлагают использовать в ходе очной ставки специальные компьютерные модели, позволяющие путем визуального восприятия, например, обстановки места происшествия, детализировать показания лиц, участвующих в рассматриваемом следственном действии.

По их мнению, мысленная модель по его вербальному описанию не всегда соответствует тому, как это было в действительности, поэтому использование наглядной компьютерной модели места происшествия для визуализации допрашиваемых лиц может максимально приблизить такие показания к реально произошедшим событиям действительности.

Так, используя исходные данные после осмотра места происшествия, а именно: фото- и видеосъемку, замеры на месте осмотра, дополнительно применяя компьютерные технологии в качестве средств, визуализирующих модель механизма события преступления, следователь с помощью специалиста может на экране монитора компьютера воспроизвести и смоделировать обстановку этого события. Полученная таким образом наглядная компьютерная модель места происшествия может быть использована следователем для проверки и уточнения данных при производстве очной ставки [5, с. 56-57].

По нашему мнению, такой подход, действительно, будет способствовать активизации мыслительной деятельности. Когда следователь принимает решение о производстве рассматриваемого следственного действия, ему необходимо не только детально проанализировать показания его участников, но и следственную ситуацию, а также криминалистическую характеристику преступления, что способствует уяснению всех ее элементов (механизм, способ совершения преступления, обстановка и т.д.). Отталкиваясь от следственной ситуации, возможно воссоздание ее модели и визуальной демонстрации в ходе очной ставки.

Таким образом, мы рассмотрели лишь некоторые проблемные вопросы тактики очной ставки. Безусловно, это не исчерпывает всего комплекса проблем, которые могут возникать при производстве данного следственного действия.

Научные изыскания в рассматриваемой области, по нашему мнению, должны быть направлены на разработку наиболее эффективных тактических приемов и тактико-криминалистических алгоритмов, позволяющих повысить качество и результативность очной ставки применительно к любой следственной ситуации, связанной не только с имеющимися в деле противоречиями, но и с поведением лиц, участвующих в данном следственном действии.

Список источников: 1. Максимов В.С. Повышение эффективности очной ставки на досудебном производстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 1 (26). - С. 188-191; 2. Замылин Е.И. Тактико-психологические особенности проведения очной ставки с участием лиц, безопасность которых подвержена угрозе // Вестник Волгоградской академии МВД России. - Волгоград: Изд-во Волгогр. акад. МВД России, 2010, № 2 (13). - С. 58-67; 3. Криминалистическая тактика: учебник / под общ. ред. заместителя Председателя следственного комитета РФ, руководителя Главного военного следственного управления, кандидата юридических наук, генерал-полковника юстиции А.С. Сорочкина. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 728 с.; 4. Дулов А.В. Судебная психология: Учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и под. Минск, 1975. – 464 с.; 5. Ким О.Д., Ли Э.А. Тактические особенности производства допроса и очной ставки с использованием компьютерной модели // Вестник КРСУ. 2013. Том 13. № 5. - С. 56-59.

УДК 343.98

Alymov D. V. About some problems of tactics of carrying out confrontation

In the article the problem questions of the tactics of the confrontation. The value of this investigative action is difficult to overestimate, because it is a major tool for addressing significant controversies which have arisen in the process of crime investigation. The performance of confrontation is largely dependent on high training and skill of the investigator, who must consider not only the factual circumstances of the case, but and psychological characteristics of its participants. The author special attention is given to problems of conflict resolution that occurs when the production of a confrontation, and develop the most effective tactics and tactical forensic algorithms for the most efficient production. An important element of the tactics of the confrontation is the use of forensic tools and recommendations aimed at activation of cognitive activity of its participants.

Key words: *confrontation, tactic, tactical forensic algorithm, elimination of contradictions, the intensification of mental activity.*

Ануфриева Е. А.
Новосибирский государственный технический университет
кандидат юридических наук
(Новосибирск, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ГОЛОСА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассматриваются правила получения образцов голоса при назначении фоноскопической экспертизы. Кроме того, анализируются пути решения проблемы, связанной с необходимостью получения образцов голоса лица, отказывающегося их предоставить.

Ключевые слова*: криминалистика; фоноскопическая экспертиза; получение образцов для сравнительного исследования; образцы голоса.*

Современный уровень научно-технического прогресса привел в тому, что сегодня каждый четвертый россиянин тратит на пользование мобильным телефоном до часа в сутки, каждый пятый - до 3 часов в сутки [4]. Преступники также активно пользуются гаджетами для повышения эффективности своей преступной деятельности. Переговоры, осуществляемые с помощью средств связи, могут быть записаны в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий, а также самими участниками разговора с ис-

пользованием функции записи разговора на смартфоне. Кроме того, нередко раскрытие и расследования отдельных видов преступлений связано с осуществлением негласной аудио- и видеозаписи в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. В результате по многим уголовным делам одним из ключевых доказательств является фонограмма переговоров преступников. В частности, это касается коррупционных преступлений, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также захлестнувших сегодня страну так называемых телефонных и интернет-мошенничеств.

Полученная фонограмма может быть исследована в рамках проведения фоноскопической и (или) лингвистической экспертиз. Фоноскопическая экспертиза, как правило, назначается при наличии необходимости разобрать плохо слышимый текст и идентифицировать личность говорящих. Лингвистическая экспертиза преимущественно направлена на установление смыслового содержания сказанного.

Для идентификации говорящего на фоноскопическую экспертизу необходимо предоставить образцы его голоса. При получении образцов для сравнительного исследования необходимо соблюдать следующие правила:

- отбор образцов речи, как свободных, так и экспериментальных, должен быть оформлен процессуально;
- образцы могут быть представлены как на аудио-, так и на видеоносителях;
- при использования цифрового устройства использовать только формат «wav» (Microsoft Wave), исключить формат «mp3» и др. использующие алгоритм сжатия;
- не использовать автоматическую регулировку уровня записи и режим автоматического срабатывания записи на голос;
- перед проведением звукозаписи на устройствах, имеющих автономное питание, следует убедиться в том, что используемые элементы питания новые и срок их годности не истек;
- при записи на устройства, имеющие встроенные микрофоны и возможность подключения выносных микрофонов, предпочтительно пользоваться выносными микрофонами;
- микрофон должен находиться прямо перед лицом на расстоянии 20-50 см;
- объем образцов должен быть не менее 10-15 минут звучания;
- запись лучше производить к кабинете, в котором стены оклеены обоями, имеется мебель, различные предметы;
- образцы должны изыматься у лица, находящегося в нейтральном эмоциональном состоянии;
- речь подозреваемого не должна прерываться лицом, проводящим изъятие образцов, и какими-либо посторонними шумами (работающий компьютер, муниципальные шумы, реплики посторонних лиц, стук, сигналы вызова телефона и пр.);
- образцы речи не должны представлять собой чтение заранее подготовленного текста, за исключением случаев наличия на спорной фонограмме читаемого текста;
- реплики лица, у которого отбираются образцы речи, должны представлять собой высказывания как можно большей длины [1, С. 5].

Однако нередко следователь может столкнуться с ситуацией, когда подозреваемый отказывается предоставить образцы своего голоса. Существуют спорные решения данной проблемы:

1. Вынесение поручения оперативным подразделениям на получение образцов голоса в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Однако следует принимать во внимание, что Конституционный Суд РФ в Определении от 25 февраля 2010 г. № 261-О-О вполне конкретно указал, что ст. ст. 186 и 202 УПК не допускают возможность получения образцов для сравнительного исследования путем подмены установленного ими порядка производства следственных действий. Проведение в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу оперативно-розыскных мероприятий не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом, в частности ст. 202 УПК «Получение образцов для сравнительного исследования», установлена специальная процедура. Аналогичная позиция следует из Определений Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О и 1 декабря 1999 г. № 211-О [2, С. 46].

2. Производство выемки заранее рассекреченных записей, которые были получены оперативными подразделениями в ходе оперативной разработки, а не в рамках исполнения поручения следователя. Однако и этот путь не является бесспорным с точки зрения науки уголовного процесса. Наиболее целесообразной в данной ситуации является передача фонограммы как результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий в порядке, определенном Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд.

3. Производство выемки свободных образцов голоса подозреваемого. Например, видеозаписи, которыми располагают свидетели или потерпевшие, на которых зафиксирован голос подозреваемого. Также нередко можно найти такие видеозаписи в социальных сетях на странице подозреваемого или его друзей.

Таким образом, завершая анализ вышеизложенного, полагаем, что использование приведенных рекомендаций позволит оптимизировать процесс получения образцов голоса, а также позволит избежать возможных ошибок при назначении фоноскопических экспертиз.

Список источников: 1. Ануфриева Е.А. Проблемы назначения фоноскопической экспертизы при раскрытии и расследовании коррупционных преступлений // Российский следователь. 2015. № 22. С. 3-7. 2. Зенкин А.Н. Получение образцов голоса у подозреваемого, обвиняемого в условиях отказа от их добровольного предоставления // Законность. 2013. № 1 (939). С. 45-47. 3. Каганов А.Ш. О получении образцов голоса и речи фигурантов криминалистической экспертизы звукозаписей // Теория и практика судебной экспертизы. 2010. № 3 (19). С. 137-140. 4. Полмиллиона россиян практически спят с мобильным телефоном http://internetua.com/polmilliona-rossiyan-prakticseski-spyat-s-mobilnim-telefonom

УДК 343.98

Anufrieva E. A. The problems of obtaining voice samples in the appointment of phonoscopic examination

Annotation: The article deals with the rules for obtaining voice samples when phonoscopic expertise is assigned. Besides, the ways of the decision of the problem connected with necessity of reception of samples of a voice of the person refusing to give them are analyzed.

Key words: *criminalistics; phonoscopic examination; obtaining samples for comparative study; samples of voice.*

Асанов Р. Ш.

Следственное управление Министерства внутренних дел по Республике Крым, старший следователь по особо важным делам
(Симферополь, Республика Крым)

ПОРУЧЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ О ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ И ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Статья посвящена рассмотрению основных положений, связанных с необходимостью и возможностью поручения другому следователю принятие процессуальных решений наряду с производством следственных действий, а также условий, при которых данные действия будут носить обоснованный и правомерный характер.

Ключевые слова: *следователь, поручение, следственное действие, принятие процессуального решения.*

В условиях развития демократизации права, на сегодняшний день довольно актуальной тематикой остается быстрое и своевременное проведение, как отдельных следственных действий, так и расследование уголовных дел в целом. От оперативности действий следователя и органа дознания в большинстве случаев зависит эффективность проведения предварительного расследования. В теории уголовного процесса и следственной практике весьма дисскусиионым остается вопрос о возможности и правомерности дачи поручения другому следователю о принятии процессуальных решений наряду с поручением о производстве следственных действий.

В соот. с ч. 1 ст. 6-1 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок. Введение указанной статьи в уголовно-процессуальное законодательство еще раз подчеркивает важность такого понятия, как процессуальные сроки проведения уголовного судопроизводства, неотъемлемой частью которого является предварительное расследование. Однако, в следственной практике присутствует много различных факторов, которые негативно влияют на оперативность проведения предварительного следствия. Один из указанных факторов мы постараемся рассмотреть в данной статье.

Стоит отметить, что правовая регламентация рассматриваемого вопроса ограничена лишь одной статьей действующего уголовно-процессуального кодекса. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК Российской Федерации, предварительное расследование производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, за исключением случаев, предусмотренных настоящей статьей. В случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий соответственно следователю или органу дознания, который обязан выполнить поручение в срок не позднее 10 суток.

На первый взгляд, анализ данной статьи, позволяет сделать вывод о том, что следователь уполномочен поручать другому следователю проведение исключительно следственных или розыскных действий, то есть принятие процессуальных решений не предусмотрено, так как это прямо не указано в законе. В связи с этим, большинство научных деятелей склонны к тому, что поручение принятия решений другому следователю недопустимо.

Однако, действующий уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не дает определение таким понятиям, как «следственное действие» и «процессуальное решение», а равно создает среди процессуалистов возможность для дискуссий и неоднозначного толкования определенных значений, терминов и норм в целом.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 УПК Российской Федерации, следователь обязан обеспечивать возможность осуществления прав участникам уголовного судопроизводства.

Так, зачастую при проведении определенных следственных действий возникает необходимость в принятии процессуальных решений, направленных на реализацию прав участников, которые они вправе реализовать на любой стадии и в любое время. Стоит также отметить, что предугадать поведение участников сложно, в связи с чем, ограничение следователя в невозможности поручения другому следователю принятии процессуальных решений наряду с производством следственных действий, в какой-то мере является ущемлением прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве и идет в разрез с вышеуказанной нормой закона.

К тому же, рассматривая данный вопрос, можно придти к выводу, что, в буквальном понимании, принятие процессуального решения – является действием, а соответственно, его можно отнести к следственному действию, поскольку, как упомянуто выше, законодатель не дает определение и четкий перечень следственных действий. Так, по мнению И.В. Блиновой-Сычкарь и А.В. Миликовой принятие процессуального решения является процессом .

На сегодняшний день, зачастую на практике следователи, подготавливая поручения другому следователю о производстве следственных действий в порядке ч. 1 ст. 152 УПК Российской Федерации, вынуждены поручить другому следователю проведение исключительно следственных или розыскных действий, поскольку принятие процессуальных решений прямо не указано в законе, а это в свою очередь, негативно отражается на расследовании уголовного дела, так как влияет на своевременность и оперативность в определенных моментах.

Так, бывают случаи, когда промедление в выполнении определенных следственных действий, производимых на основании постановления следователя, может повлечь негативные последствия для расследования. К примеру, следователь из Приморского края, выполняя поручение другого следователя из Республики Крым, в ходе проведения допроса свидетеля или потерпевшего, выясняет, что у иного лица, также проживающего в Приморском крае, при себе или в каком-нибудь помещении имеются предметы, имеющие доказательственное значение по уголовному делу, подлежащие немедленному изъятию. Однако в силу того, что вынесение

постановления о выемке, то есть принятие процессуального решения - не предусмотрено ч. 1 ст. 152 УПК Российской Федерации, то предметы так и остаются не изъятыми, пока материалы исполненного поручения (протоколы допросов) не поступят следователю, инициировавшему проведение данных следственных действий, который, проанализировав выполненные следственные действия, вынесет постановление о выемке, и второй раз направит поручение следователю из Приморского края для проведения выемки. Учитывая, протяженность и масштабы нашей страны, на указанные действия может понадобиться значительный промежуток времени, что в свою очередь создаст возможность для утери, утраты, или уничтожения предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, изъятие которых не проведено своевременно, в срочном порядке.

Мнение многих процессуалистов сводится к тому, что принятие процессуальных решений возможно лишь следователем, в производстве которого находится уголовное дело, поскольку данное действие носит оценочный характер и так далее.

Однако, как было упомянуто выше, в некоторых случаях, предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством, следователь, при выполнении определенного следственного действия вынужден также принимать процессуальные решения. Например, перед проведением допроса свидетеля (потерпевшего), либо непосредственно в ходе следственного действия, от последнего поступает ходатайство о применении мер безопасности, которое, согласно

ст. 121 УПК Российской Федерации, подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления, либо не позднее 3-х суток со дня его заявления. Или же другой, не менее яркий пример: перед проведением допроса подозреваемого (обвиняемого) от последнего поступает ходатайство о допуске приглашенного им нового защитника и одновременный отказ от предыдущего защитника, либо ходатайство о привлечении переводчика. Данные ходатайства также подлежат рассмотрению непосредственно после их заявления, поскольку без их разрешения, выполнить следственное действие не получится. Таким образом, в приведенном примере следственные действия не могут быть произведены без принятия следователем определенных процессуальных решений, что еще раз указывает на то, что в некоторых случаях при исполнении поручений следователя, принятие процессуальных решений наряду с производством следственных действий - неизбежно.

Весьма интересная позиция по данному поводу у Калиновского К.Б. и Смирнова А.В., которые считают, что: «следователь обязан лично выполнить процессуальные действия (и не имеет право поручить их выполнение другому), когда…следственные или иные процессуальные действия связаны с оценкой доказательств в их совокупности, т.е. с принятием решений, определяющих направление расследования. Так, нельзя поручать действия: по принятию решений (избрание меры пресечения, назначение экспертизы, признание потерпевшим и др.)…» . Исходя из данного суждения можно сделать вывод о том, что принятие решений, не определяющих направление расследование, допустимо поручать другому следователю.

Поэтому следует четко понимать и разграничивать, что речь идет о возможности принятия следователем в ходе исполнении поручения другого следователя только тех процессуальных решений, которые связанны с произведенными следственными действиями, или необходимы (являющиеся основанием) для их выполнения.

Естественно, речь не идет о поручении другому следователю принятие процессуальных решений по уголовному делу, которые никак не связаны с выполнением порученного следственного действия.

На основании вышеизложенного можно придти к выводу, что возможность поручения другому следователю принятие процессуальных решений наряду с производством следственных действий облегчит и упростит деятельность следователей, положительно отразится на оперативности расследования, и реализует требования действующего уголовно-процессуального законодательства в части проведения предварительного следствия в разумный срок.

В связи с этим, для устранения имеющихся в настоящее время противоречий по данной теме, на наш взгляд законодателю целесообразно внести изменения и дополнить ч. 1 ст. 152 УПК Российской Федерации, изложив данную норму в следующей редакции: «…в случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий и принятие решений, связанных с их производством соответственно следователю или органу дознания, который обязан выполнить поручение в срок не позднее 10 суток».

Таким образом, в данной статье были рассмотрены основные положения, связанные с необходимостью и возможностью поручения другому следователю принятие процессуальных решений наряду с производством следственных действий, а также условия, при которых данные действия будут носить обоснованный и правомерный характер. Рассмотрев данную тему, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день остается острая необходимость в четкой правовой регламентации нормы закона, регулирующей данный вопрос.

Список источников: 1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ; 2. Блинова-Сычкарь И.В., Миликова А.В. «Понятие принятие решения» в уголовном судопроизводстве» // Вестник Волгоградского государственного университета. 2008. - Серия 5. - Вып. 10. -115 с; 3. Калиновский К.Б., Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации Постатейный. / Под общ. ред. А.В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.:, Питер, 2004. - 848 с.

УДК 343.102

Asanov R. S. The possibility of instructing another investigator to take procedural decisions along with the conduct of investigative actions during the preliminary investigation

The article is devoted to the consideration of the main provisions related to the necessity and possibility of instructing another investigator to take procedural decisions along with the production of investigative actions, as well as the conditions under which these actions will be justified and lawful.

Key words: *Investigator, order, investigative action, procedural decision-making.*

Баянов А. И.

Сибирский федеральный университет
кандидат юридических наук, доцент
(Красноярск, Россия)

ОСНОВООБРАЗУЮЩИЕ ПОНЯТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДОПРОСА

В статье рассматривается история становления и развития основополагающих понятий криминалистической теории допроса. Автор исследует общелингвистическое и специальное криминалистическое содержание таких понятий, как техника, тактика, стратегия, методика, технология. В результате исследования делается вывод о целесообразности замены понятия «тактика допроса» на понятие «методика допроса». Методика допроса включает в себя не только тактику, но и стратегию производства следственного действия. Для обозначения технических средств, которые используются для фиксации показаний, может применяться понятие «техника допроса». Совокупность правил, порядка, приёмов, связанных с применением технических средств, по мнению автора, составляет технологию допроса.

Ключевые слова: *допрос, тактика, стратегия, методика, техника, технология.*

Понятия «техника, тактика, методика» относятся к основополагающим и давно используемым понятиям криминалистики, отражающим не только её общую структуру, но и содержание научного знания.

С развитием криминалистического знания в понятийном аппарате науки стали использоваться понятия «стратегия» и «технология», которые направлены на углубление представлений, касающихся теории криминалистической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Расширение основополагающего понятийного аппарата криминалистки повлияло на развитие частных криминалистических теорий, в том числе на теорию следственных действий. Наиболее наглядно такие изменения наблюдаются в понятийном аппарате криминалистической теории допроса. Следует отметить, что в теории допроса в настоящее время используются все перечисленные выше понятия.

Исторически первыми в зарождающейся теории допроса стали использоваться понятия «техника» и «тактика». Некоторое время они существовали параллельно [7, с.109]. Затем понятие «тактика допроса» стало доминирующим и постепенно заменило понятие «техника допроса». Замена была необходимой. Она в определённой степени явилась следствием исторических, политических и гносеологических (научных) тенденций, господствующих в первой половине двадцатого столетия в советском государстве.

Исторически понятие «тактика» появилось в переводной иностранной и отечественной юридической литературе в начале двадцатого столетия [4; 8]. Однако особого распространения оно не получило. Понятие «тактика» находилось в состоянии невостребованности. Определяющим было понятие «техника». Оно отражало главное содержание криминалистической науки, ориентированной на работу с материальными следами преступления. Понятие «техника» использовалось в качестве определяющего во всех частях криминалистики. Наличие в понятийном аппарате науки понятия «тактика» открывало возможность активного его использования при наступлении определённых оснований. Такие основания наступили, когда борьба с преступностью была объявлена важнейшей политической установкой не только в практическом, но и в научном отношении.

Как указывалось в одном из учебников по криминалистике: «Никогда не следует забывать, что следственная работа – работа политическая, и наука, призванная служить успехам следствия, - политическая наука» [7, с.7]. Лица, совершившие преступление, приравнивались не только к противникам существующего строя, но и к «врагам народа», с которыми надо вести непримиримую борьбу [6, с.22]. Господствующая в этот период политическая установка не только влияла на особенности допроса (прежде всего подозреваемых и обвиняемых), но и должна была отразиться в названии криминалистической составляющей теории как допроса, так и целого раздела науки. Термин «тактика» как нельзя лучше подходил для этих целей, т.к. в общелингвистическом толковании «тактика» рассматривалась в качестве науки об искусстве ведения «боя», предполагающей «пути и средства, формы и способы борьбы» [3, с.622]. Следует отметить, что отголоски понимания тактики как отражения борьбы с противником встречаются и в современной криминалистической литературе.

Первая половина двадцатого столетия была связана также с бурным развитием гуманитарных наук. Закладывались основы системного подхода к изучению деятельности человека. Развитие научных знаний требовало привлечения новых научных категорий, с помощью которых объяснялась элементная структура отдельных аспектов деятельности, в том числе и в области раскрытия и расследования преступлений. В этом отношении понятие «тактика» гармонично вошло в понятийный аппарат криминалистического знания, отражая как научную (познавательную), так и политическую составляющую.

Однако содержание понятия «тактика» не исчерпывается только стратегией борьбы, искусством ведения боя с противником. Если обратиться к самому широкому значению, то в переводе с греческого языка слово «тактика» означает «приведение в порядок» [3, с.622]. Нельзя отрицать, что исторически термин «тактика» впервые стал использоваться в военной науке. Однако нельзя и не замечать, что с развитием различных направлений человеческой деятельности и соответствующих им научных направлений термин «тактика» по причине наличия самого широкого толкования стал использоваться не только в военной, но и других науках: спортивной, экономической, педагогической, юридической и т.д. В связи с этим постепенно происходило смещение «воинственного», «боевого» акцента на «мирный», «производительный».

Особенно наглядно этот процесс стал проявляться в связи с развитием теории принятия решений. В рамках этой теории понятие «тактика» стало рассматриваться во взаимосвязи с понятием «стратегия», т.к. «тактика есть часть стратегии» [3, с.622]. Благодаря этой связи обеспечивается оптимальный порядок достижения цели деятельности. Не является исключением и деятельность по раскрытию и расследованию преступлений и её частный случай – допрос.

В современной научной литературе в понятийном аппарате теории допроса наряду с понятием «тактика» используются понятия «стратегия» и «методика» [2, с. 49], «техника» [1, с. 24] и «технология» [5.]. Следует отметить, что использование указанных понятий в теории и практике допроса не всегда соответствует их общелингвистическому и специальному криминалистиче-

скому содержанию. Такое положение приводит к терминологической путанице и влечёт нарушение логической стройности теоретических и прикладных знаний о допросе. Между тем любая развитая как общая, так и частная теория должны состоять из понятий, адекватно (с учётом исторического этапа развития) отражающих объективную реальность, и при этом представлять логическую систему, в которой каждое понятие имеет присущее ему функциональное содержание. Построение логически стройного понятийного аппарата теории допроса, несмотря на многочисленность и противоречивость точек зрения, является очень сложной, но необходимой задачей. При этом использование дублирующих понятий-синонимов не только не приводит к углубленному представлению о предмете исследования, но и затрудняет понимание его сущности.

Допрос как следственное действие и часть деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, с учётом характера используемых при его производстве знаний, имеет две составляющие: гуманитарную и техническую. Принимая во внимание специфику допроса, стоящие перед ним задачи, цели и применяемые приёмы, следует отметить, что гуманитарная сторона является определяющей. Она базируется на использовании данных таких наук, как логика, психология, теория управления, теория принятия решений и т.д.

На основе реализации гуманитарной составляющей допроса допрашивающее лицо получает показания, представляющие идеальный результат (продукт). В процессе многолетней практики на основе достижений гуманитарных наук разработаны эффективные типовые процедуры, которые с полным основанием можно считать методиками допроса. Методика – это совокупность способов целесообразного проведения какой-либо работы [3, с. 406-407]. Использование понятия «методика» подчёркивает гуманитарную составляющую какой-либо деятельности (методика обучения, методика лечения, методика расследования и т.д.).

Основными элементами методики допроса следует считать ситуацию, цель, задачу, рекомендованный способ действия, процедуру принятия решения. Допрос направлен на достижение цели. Цель допроса - получение полных и правдивых показаний - достигается посредством последовательного решения ряда задач. Последовательное решение задач определяет направление допроса. Основное или главное направление допроса является его стратегией, а вспомогательное, обеспечивающее реализацию стратегии – тактическим направлением. Какое направление будет стратегическим, а какое – тактическим, зависит от характера ситуации допроса. Сначала определяется стратегия допроса, затем его тактика. Стратегия допроса направлена на полное преобразование характера ситуации допроса. Например, конфликтная ситуация преобразуется в бесконфликтную, проблемная – в беспроблемную, экстремальная – в нормальную и т.п. Тактика допроса направлена на частичное изменение характера ситуации. Постепенное решение тактических задач создаёт основание для достижения стратегии допроса. В свою очередь, стратегия направлена на создание решающих условий, обеспечивающих достижение цели допроса.

С учётом изложенного сводить допрос только к его тактике представляется нелогичным и не учитывающим современный подход к анализу деятельности допрашивающего лица, протекающей в рамках следственного действия. Понятие «методика допроса» в этом отношении снимает возникающее противоречие, т.к. включает стратегию и тактику.

Техническая часть допроса может быть представлена общедоступными (неспециальными) техническими средствами (компьютер, ноутбук, ксерокс, видео и звукозаписывающая аппаратура) и технологиями (инструкциями) по их применению. Главное отличие технической от гуманитарной составляющей допроса заключается в том, что результатом её использования являются не идеальные, а материальные объекты: протокол, видеозапись, звукозапись допроса. Техника в общелингвистическом понимании – это совокупность орудий, навыков производства, которые позволяют человеку воздействовать на окружающую природу с целью получения материальных благ [3, с.635]. По отношению к основной гуманитарной процедуре допроса, направленной на получение показаний, техническая составляющая является дополнительной, выполняющей функции фиксации полученных показаний.

Таким образом, понятие «техника допроса» не может адекватно отражать сущность следственного действия. Аналогичное утверждение можно сделать и в отношении понятия «технология допроса». Понятие «технология» является производным от понятия «техника». Попытка замены понятия «тактика допроса» на понятие «технология допроса» в тех случаях, когда отсутствует противодействие со стороны допрашиваемого лица и ситуация допроса носит непроблемный характер, представляется несостоятельной, т.к. в данном случае происходит простая замена гуманитарной составляющей на техническую. Причём такая замена не оправдана ни с лингвистической, ни с содержательной стороны, т.к. ничего нового не вносит в развитие теории и практики допроса. Гуманитарная и техническая составляющие допроса не являются взаимозаменимыми.

Таким образом, «методика допроса» по аналогии с «методикой расследования» отражает основное гуманитарное направление в деятельности по производству допроса и не противоречит общелингвистическому толкованию термина «методика». Понятия «стратегия» и «тактика» раскрывают различные направления в методике допроса, являются составными её элементами. Понятия «техника и технология допроса» представляют материально-производственную часть допроса, которая направлена на получение материального продукта. С учетом цели допроса технология направлена на фиксацию полученных показаний и представляет собой совокупность правил, процедур и приёмов, связанных с применением технических средств. В этом отношении технология допроса является своеобразной инструкцией, выполнение которой обязательно для получения качественного «результата». По отношению к методике допроса технология является вспомогательным, но необходимым направлением.

Список источников: 1.Александров А.С., Гришин С.П. Перекресный допрос: учеб. – практическое пособие. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2005. – 296 с.; 2. Баянов А.И. Стратегия и тактика в структуре следственного действия // Криминалистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения профессора Б.И. Шевченко: Тезисы выступления. – М.: МАКС Пресс, 2004. – с.46 -49.;3. Большой словарь иностранных слов. – М.: ЮВЕС, 1998. – 771с.; 4. Гаррис Р. Школа адвокатуры. Руководство к ведению гражданских и уголовных дел. – СПб, 1911. – 263с.; 5. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учебное пособие. – М.: ТК Велби, из-во Проспект, 2008. – 216 с.; 6. Кри-

миналистика / Под редакцией А.И. Винберга, С.П. Митричева. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950, ч.1. – 303с.; 7. Шавер Б.М., Винберг А.И. Криминалистика. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 200с.; 8. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое издание, перепечатанное с издания 1925 г. / Якимов И.Н. – М.: ЛексЭст, 2003. – 496 с.

УДК 343.985

Bayanov A. I. The underlying concepts of the criminalistic theory of interrogation

The article considers the history of formation and development of essential concepts of the criminalistic theory of interrogation. The author examines general linguistic and special criminalistic contents of such notions as technique, tactics, strategy, method and technology. The study concluded the expediency of replacing the notion of "interrogation tactics" by the concept of "interrogation method". The method of interrogation includes not only the practice but also the strategy of investigative actions. To denote the technical means , that are used to fix affidavits, can be applied the concept "interrogation technique". According to the author, the totality of rules, order, and techniques, related to the use of technical means, keeps the interrogation technology.

Key words: interrogation, tactics, strategy, method, technique, technology.

Белкин А. Р.

Московский Технологический университет
доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)

ПРИСЯЖНЫЙ ЗАСЕДАТЕЛЬ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ

Статья рассматривает присяжных заседателей в необычном ракурсе – с точки зрения вреда, который они способны причинить отправлению правосудия. Показано, что УПК РФ не содержит никаких возможностей для нейтрализации противодействия правосудию со стороны присяжного заседателя, тем более – старшины коллегии присяжных заседателей.

Ключевые слова: *суд присяжных, старшина присяжных, противодействие правосудию.*

Официально внедрение в рамки российского уголовного судопроизводства суда с участием присяжных заседателей принято считать крупным демократическим достижением в совершенствовании судебной системы. В то же время, деятельность и само существование суда присяжных в том виде, в каком он был скоропалительно втиснут в отечественный уголовный процесс, вызывают серьёзные сомнения в его целесообразности и пригодности для целей правосудия[1].

Несмотря на многочисленные системные недостатки суда присяжных, фактическая нацеленность законодателя на усиление роли суда присяжных выглядит довольно очевидной. Хотя спектр подсудности уголовных дел суду присяжных несколько сузился, но по делам, ему подсудным, он сохраняет главенствующую роль, что ясно подчёркивается частью 2 ст. 325 УПК РФ. Вместе с тем, целый ряд важных вопросов, связанных с его функционированием, остаётся вне поля зрения отечественных процессуалистов. Мы имеем в виду вопросы, связанные с умышленным либо неумышленным противодействием присяжных заседателей "нормальному" ходу судопроизводства.

Как уже неоднократно отмечалось (в том числе и нами[2]), присяжный заседатель фактически не несёт реальной ответственности за свои действия и принимаемые с его участием решения; более того, даже попытки выяснить те или иные обстоятельства таких действий или мотивы принятия решений могут оказаться невозможными и даже противозаконными. С другой стороны, присяжные заседатели недостаточно защищены от воздействия (и даже прямого давления) на них со стороны прокурора, защитника, суда, иных заинтересованных лиц (родственников или друзей подсудимых или потерпевших), средств массовой информации и т.п.

Никаких конкретных мер, ограждающих присяжных заседателей от незаконного воздействия на них со стороны участников судебного разбирательства и других лиц, фактически не предусмотрено. Даже анкетные данные присяжных заседателей легко доступны, что открывает богатые возможности воздействия. Следует отметить особо, что присяжные заседатели – обычные люди – к воздействию такого рода всем своим предшествующим жизненным опытом совершенно не подготовлены.

В этих условиях возможность склонить кого-то из присяжных заседателей к действиям, за которые не предусмотрено никаких реальных санкций, выглядит вполне реальной, тем более что расследовать подобные его поступки может оказаться крайне затруднительно и даже невозможно. Подобные действия могут быть предприняты им и без чьего-то подстрекательства – например, в знак иррационального, алогичного протеста против чего-то совершенно постороннего[3], по причине недостаточного правосознания, из хулиганских побуждений, и даже просто из озорства.

Возникновение подобных ситуаций обусловлено тем, что законодатель, предписывая присяжным определённую линию поведения, практически постоянно игнорирует вопрос, что произойдёт, если они от этой линии отклонятся. Заметим, что по отношению к другим участникам процесса, не являющимся должностными лицами, законодатель проявляет несравненно большую предусмотрительность, подробно регламентируя, какие действия, санкции и меры процессуального принуждения можно применить в случае того или иного нарушения или отклонения от предписанной линии. Причиной подобного отношения, на наш взгляд,

---

[1] См. например: Фоков А.П. Организационные и процессуальные проблемы деятельности суда присяжных в России // Российский судья. 2006. № 1; Кашепов В.П. Виды нарушений уголовно-процессуального закона при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей // Комментарий судебной практики. Вып. 11 / под ред. К.Б. Ярошенко. М., Юридическая литература, 2005; Басманов Н., Гусаков Э. Обвинение в суде присяжных // Законность. 2006. № 2; Завидов Б.Д. Особенности рассмотрения в суде уголовных дел с участием присяжных заседателей. М., 2006; Божьев В.П. Пленум Верховного Суда РФ о производстве в суде с участием присяжных заседателей // Законность. 2006. № 4; Быков В.М. Суд с участием присяжных заседателей: новая формула // Уголовный процесс, 2006. № 9; Белкин А.Р. Суд присяжных: сомнительные плюсы и несомненные минусы // Публичное и частное право. 2008. Вып. I; и мн. др. работы.

[2] См. *Белкин А.Р.* Указ. соч.

[3] Как не вспомнить знаменитые демарши советских времён типа: пока крышу в нашем доме не починят, голосовать не пойду!

является недоверие к присяжным, недооценка их самостоятельности и мотивации, подсознательно исключающая мысль, что кто-то из них позволит себе (непонятно почему) совершить нечто, Кодексом не предусмотренное. Последствия тех или иных действий присяжных заседателей (и даже принимаемых ими решений) далеко не всегда разъясняются им заранее, свою ответственность за них они ощущают в недостаточной степени, что только усугубляет проблему.

Рассмотрим некоторые конкретные ситуации, которые могут сложиться с участием присяжных заседателей.

1. Часть 4 ст. 328 УПК предоставляет каждому из кандидатов в присяжные заседатели право заявить самоотвод; однако последующие части 5–6 не оставляют сомнения в том, что это право не приоритетно. Судья вправе не удовлетворить самоотвод кандидата, тем самым фактически принуждая его к исполнению обязанностей присяжного заседателя против его воли. Можно ли в дальнейшем рассчитывать на добросовестность такого горе-заседателя? Выглядит вполне вероятным, что при первой же возможности он постарается ускользнуть от навязанной обязанности – например, просто не явится в очередное заседание, тем более что такое его поведение фактически ненаказуемо.

2. Немало подводных камней таит в себе часть 1 ст. 331 УПК, уделяющая прискорбно мало внимания процедуре избрания старшины присяжных заседателей. Никаких конкретных указаний на этот счёт, кроме требования открытого голосования, Кодекс не содержит.

Обычная процедура выборов кого бы то ни было предусматривает либо ведущего, выдвигающего или собирающего предложения по конкретным кандидатурам, либо инициативное выдвижение "с мест". Для небольшой группы из 12 человек второе вполне приемлемо, но как быть, если никто не проявляет инициативы?

В какой форме проходит само голосование? Требуется ли абсолютное большинство голосов "за" или достаточно относительного? Возможно ли воздерживаться при этом голосовании? Ни на один из этих вопросов ответа в Кодексе просто нет.

Далее, возможно ли избрание старшиной заседателя, который быть старшиной не желает? Если самоотвод в этой ситуации не допускать, то придётся допустить принуждение к исполнению, что выглядит сомнительно. Если допустить безусловный самоотвод, то возможна ситуация, когда желания быть старшиной так ни у кого и не возникло, либо согласие изъявляют лишь те из присяжных, которые не набирают достаточного количества голосов «за».

Если коллегия не может договориться между собой даже по такому простому вопросу, то сможет ли она плодотворно обсуждать вопросы, поставленные перед нею в вопросном листе? Или, быть может, её лучше бы распустить вовсе и попробовать сформировать что-то иное?

Нет ответа.

Кстати, а в какой форме фиксируется результат выборов старшины? Кодекс и здесь помалкивает, но в различных комментариях можно встретить упоминание протокола избрания, подписываемого всею коллегией[1]. Что ж, это логично; но как быть, если кто-то из присяжных, недовольных результатом голосования, откажется подписать протокол?

И здесь нет ответа.

3. Статья 332 УПК РФ ничего не говорит о том, что делать с тем нонконформистом, который почему-либо отказался произносить сакраментальное "Я клянусь" (часть 2) или расписаться в протоколе судебного заседания (часть 4). В уже упомянутом выше Комментарии рекомендуется заседателя, отказавшегося принять присягу, отвести и заменить запасным; однако в тексте Закона ничего подобного нет. Кроме того, отказ произнести указанные слова или расписаться, в общем, не вполне эквивалентен отказу от принятия присяги вообще.

4. Часть 3 ст. 342 УПК запрещает присяжным заседателям воздерживаться при голосовании по вопросам, перед ними поставленным. Само по себе это не выглядит бесспорным – логичнее было бы организовать голосование по правилам части 3 ст. 301 УПК, разрешающей члену судебной коллегии воздержаться, если при обсуждении одного из предыдущих вопросов он голосовал за оправдание подсудимого, но остался в меньшинстве.

Но что делать, если один из присяжных всё же решил воздержаться или вовсе отказался голосовать? Рассуждая логически, можно допустить, что тем самым он нарушил обязанности присяжного заседателя, так что его можно бы вывести из состава коллегии, заменив запасным.

Именно такой *modus operandi* предлагают в своём комментарии А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский: старшина сообщает председательствующему об отказе одного из членов коллегии принять участие в голосовании, председательствующий отстраняет данного заседателя и заменяет его запасным.

Действительно, полномочиями отстранить присяжного заседателя обладает только председательствующий судья; однако такого основания для отстранения ст. 333 УПК РФ вовсе не предусматривает. Более того, председательствующему, вообще говоря, и не суждено узнать о нарушении, поскольку некому ему об этом рассказать – прочие заседатели (и старшина в том числе) лишены возможности поведать ему о неправильном поведении их собрата, ибо часть 2 всё той же ст. 333 запрещает им разглашать тайну совещания и голосования.

5. Итак, даже рядовой присяжный заседатель вполне может поставить перед судом трудноразрешимые проблемы, препятствующие нормальному ходу судопроизводства и замедляющие его. Что уж говорить о такой значимой фигуре, как старшина присяжных!

Административно-распорядительные функции старшины в Кодексе прописаны вполне внятно, однако совершенно непонятно, как следует поступать, если эти функции он исполняет нерадиво, неправильно или вовсе их саботирует. Замена старшины в Кодексе возможна в единственном случае – если он вообще выбывает из состава коллегии (часть 2 ст. 329 УПК). Замена старшины, плохо справляющегося именно со своими обязанностями старшины, но не нарушающего обязанностей присяжного заседателя, в Кодексе не предусмотрена вовсе.

---

[1] См.: НПК к УПК РФ / ред. *В.М. Лебедев*; науч. ред. *В.П. Божьев*, М.: Юрайт, 2010. С. 876.

Легко представить себе ситуацию, когда контрпродуктивная деятельность старшины способна просто парализовать функционирование суда.

Обратимся к части 2 ст. 331 УПК. *Старшина присяжных заседателей ... по их поручению обращается к председательствующему с вопросами и просьбами, оглашает поставленные судом вопросы, записывает ответы на них, подводит итоги голосования, оформляет вердикт...*

Вот у присяжных возникли вопросы к председательствующему либо какие-то сомнения. В силу частей 1 и 5 ст. 344 УПК они вправе вернуться в зал судебного заседания, где по их поручению старшина должен обратиться к председательствующему с соответствующим вопросом или просьбой о разъяснении неясностей. Звучит неплохо; однако коль скоро старшина считает эти вопросы ненужными, а сомнения пустяшными и отказывается выходить и исполнять поручение – что тогда?

Опять нет ответа. Никакие перевыборы старшины по инициативе коллегии Кодексом не предусмотрены. Более того, и пожаловаться председательствующему на нерадивого упрямого старшину опять не получается – в силу всё того же запрета на разглашение тайны совещания.

Далее. Старшина записал ответы, подвёл итоги голосования, заполнил вопросный лист – и тут кто-то из его коллег обратил внимание, что он ошибся в нескольких местах. Старшине указывают на ошибки, а он их не признаёт, исправлять отказывается и настаивает на своём. Как поступить?

Опять ответа нет. Никакое повторное голосование по уже рассмотренным вопросам процедурно не предусмотрено. Возможно, выходом из положения представляется требование, чтобы заполненный вопросный лист удостоверялся не старшиной, а всеми присяжными; но никакой это не выход, а просто новый виток спирали. Вот мнения их разошлись – вопросный лист так и остался не удостоверенным – опять тупик.

Укажем еще на ситуацию, когда старшина, не удовлетворённый итогами голосования, просто отказывается удостоверить вердикт своей подписью. Что при этом делать? Опять нет ответа.

На самом деле, выходом из тупика было бы появление некоего надзирателя за присяжными, нейтрального супервайзера, строго следящего за порядком в совещательной комнате, полномочного инициировать отстранение злостного или просто расшалившегося нарушителя от обязанностей присяжного заседателя и/или старшины. Да, это может помочь, но чего тогда стоит вся их независимость и тайна совещания?

И в завершение – самая ошеломляющая ситуация. Вот голосование закончено, вердикт принят, вопросный лист подписан старшиной и признан судьёй понятным и непротиворечивым. Старшина торжественно провозглашает вердикт – и тут присяжные слышат, что оглашает он не совсем то (или совсем не то), что они приняли. Возможно, это по злому умыслу, а может быть, просто что-то не так услышал и зафиксировал.

Подчеркнём, что присяжные, по букве закона, даже возразить не могут во избежание пресловутого разглашения тайны совещания и голосования. А даже если бы и могли, никаких действий судьи в такой ситуации Кодекс не предлагает и саму ситуацию даже и не рассматривает .

Итак, на вопрос "что делать?" опять ответа нет. Зато по итогам нашего анализа можно сформулировать два других вопроса:

1) Не слишком ли беспечно относится законодатель к возможному противодействию отправлению правосудия со стороны присяжных заседателей?

2) Не пора ли признать наконец, что суд присяжных, имманентно обладающий такими системными недостатками, – не лучшее средство отправления правосудия?

УДК 343.195

Belkin A. R. A juror as a potential subject of counteraction to justice

The article examines jurors in an unusual perspective – concerning the harm they can do to justice. It is shown that Russian Federation Criminal Procedure Code does not contain any opportunities to neutralize the opposition to justice by a juror, especially by foreman of the jury.

Key words: *jury trial, jury foreman, counteraction to justice.*

Биляев В. А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Крымский филиал доктор юридических наук, доцент (Симферополь, Россия)

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются проблемы и перспективы создания правовых условий для эффективного использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Необходимость усовершенствования в данном направлении действующего законодательства обусловлена потребностями эффективного противодействия преступности благодаря активному использованию технических и агентурных возможностей негласного получения и фиксации информации доказательственного характера. Такая необходимость обосновывается автором с позиции системного подхода. Государственное противодействие преступности осуществляется комплексными средствами. Наиболее востребованными и эффективными в их числе являются меры (средства) оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Автор рассматривает систему государственного противодействия преступности как метасистему, объединяющую в качестве своих основных элементов уголовно-процессуальную и оперативно-розыскную подсистемы. Рассматриваются три взаимосвязанных уровня общей системы противодействия преступности, системообразующей задачей которых является защита интересов общества и государства. Обоснована необходимость комплексного привлечения необходимых элементов всей системы противодействия преступности, с целью решения взаимосвязанных задач на различных уровнях данной системы.

Ключевые слова: *система противодействия преступности, оперативно-розыскная деятельность, уголовно-процессуальное законодательство, доказательства, результаты оперативно-розыскной деятельности.*

Стремительная информатизация обществ, равно как и совершенствование способов совершения и сокрытия преступлений, актуализируют необходимость проведения комплексных научных исследований в правовой сфере, основная задача которых – усовершенствование государственной системы противодействия преступности. Такая задача обусловлена прямой обязанностью государства, закрепленной в статье 2-й Конституции Российской Федерации – защищать права и свободы человека. Однако возможности ее эффективной реализации напрямую зависят от законодательного обеспечения деятельности специальных органов государственной власти, непосредственно осуществляющих комплекс необходимых мер, направленных на гарантирование законности и защиту интересов общества и государства от преступных посягательств. Основой для решения научной задачи, заключающейся в создании эффективной правовой модели государственного противодействия преступности, является методология системного анализа.

Необходимость решения теоретико-правовой, а в последующем и законодательной проблемы эффективного использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в уголовно-процессуальном доказывании связана с факторами, которые в настоящее время сложно игнорировать. В эру стремительного научно-технического прогресса важнейшее значение приобретают широкие технические возможности получения информации. Объективная необходимость преодоления противодействия преступников, а также потребность активизации работы направленной на опережение и своевременное пресечение преступных действий требуют адекватного использования технических и агентурных возможностей негласного получения и фиксации информации доказательственного характера, с целью использования ее в уголовном судопроизводстве. Это, в свою очередь, требует создания необходимых правовых условий. Но как оценивать, и, прежде всего в правовом плане, саму возможность использования в доказывании данных, которые получены негласно, не процессуальным субъектом, на основаниях и в порядке, не предусмотренном действующим уголовно-процессуальным законом?

В уголовно-процессуальной науке неоднократно высказывались вполне обоснованные мнения о различной правовой природе судебных доказательств и результатов ОРД, которые формируются в принципиально отличных правовых режимах, а также об изначальном несоответствии результатов ОРД требованиям, предъявляемым к доказательствам [1, с. 70]. В то же время, практика правоприменительной деятельности свидетельствуют об использовании таких результатов в качестве доказательств по уголовным делам. При этом, очевидны пробелы в вопросе законодательного регулирования оснований и порядка их использования.

В определенной степени, сомнительная, с точки зрения требований законности, практика, все же, обоснована объективной общественной потребностью. И такая необходимость связана, прежде всего, с качественным преимуществом данных, полученных оперативно-розыскным путем, перед «классическими» судебными доказательствами, если приводить их сравнение по ряду информационных параметров: полноты информации, полученной в результате ОРД, ее своевременности и др.

Явное противоречие между выверенными постулатами теории, которые сложно оспорить, с одной стороны, и практикой правоприменения, фактически использующей пробелы законодательства, с другой, вынуждают исследователей искать поиск решения целого комплекса взаимосвязанных теоретико-правовых проблем как основы для последующих законодательных решений.

Вопросы придания оперативно-розыскной деятельности процессуального статуса, как и сама возможность полноценной регламентации такой деятельности с помощью норм уголовно-процессуального права, постоянно и активно обсуждается, в специализированной научной среде.

Однако, сама проблема не так проста, в плане возможностей ее «оперативного» решения на законодательном уровне, как это может показаться на первый взгляд. Объясняется такое утверждение тем, что столь кардинальные перспективные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, естественно затронут сложную многофункциональную систему правоохранительных органов государства, включая организационные основы следственной и оперативно-розыскной деятельности. Поэтому любые попытки реформирования законодательства в сфере использования результатов ОРД в доказывании не могут содержать в своей основе исключительно узко-правовую (уголовно-процессуальную) концепцию. Концептуальный фундамент, в данном случае, должен иметь комплексный и системный характер, в обязательном порядке затрагивая перспективные пути организации системы органов, непосредственно осуществляющих правоприменение.

Государственное противодействие преступности осуществляется комплексными средствами. Наиболее востребованными и эффективными в их числе являются меры (средства) оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Деятельность субъектов уголовного процесса по расследованию и разрешению уголовных дел, являясь «законным» предметом уголовно-процессуального регулирования, также подлежит регулированию другими смежными отраслями. Кроме того, процессуальный аспект их деятельности, в принципе, невозможно рассматривать в отрыве от деятельного – объединяющего всю систему органов, осуществляющих защиту интересов общества и государства в их постоянном взаимодействии.

Для изучения сложного объекта обладающего всеми признаками системы применяются приемы и принципы системного анализа. Система государственного противодействия преступности представлена совокупностью элементов, объединённых для достижения единых, общих для всех ее компонентов конечных целей в единую структуру с помощью прямых и обратных связей. При этом основное правило системного анализа говорит о том, что цели системообразующих подсистем не должны противоречить целям объединяющей их метасистемы. [2; 3]. Из логики применения данного правила вытекает также и то, что такие цели должны совпадать в плане стратегии их реализации. В противном случае нарушается устойчивость и, в конечном итоге, жизнеспособность всей системы. Из этого необходимо сделать важный вывод о том, что игнорирование межотраслевого интегрального по своей сути научного подхода, в основе которого изучение (в нашем случае) различных объединенных в пределах общей

метасистемы (противодействия преступности) сфер правового знания является непродуктивным.

Необходимым и по существу связующим элементом уголовно процессуальной подсистемы противодействия преступности является система доказательственного права. Она (как система специальных норм) прямо и тесно связана с уголовно-процессуальной наукой, которая включает теорию доказательств и уголовно-процессуальной практикой, являясь нормативно-правовой основой правоприменения в процессе доказывания. Используя системный подход, необходимо также заключить, что цели уголовно-процессуальной науки, закона и практики его применения должны соответствовать комплексной цели базовой метасистемы, которой, как ранее уже было отмечено, является система государственного противодействия преступности, а именно – максимальной эффективности такого общесистемного противодействия.

При исследовании проблем уголовно-процессуальной науки, как в целом, и производных от нее проблем правотворчества и правоприменения, нельзя игнорировать иные общесистемные функциональные элементы, которые тесно связанны уголовно-процессуальной подсистемой. Таким важным, органически связанным с ней элементом является система оперативно-розыскной деятельности. Ее основное предназначение – обеспечение интересов уголовного судопроизводства, в том числе – путем необходимого участия в формировании доказательств. Указанная система естественно дополняет уголовно-процессуальную систему в функциональном плане. Оперативно-розыскную подсистему, в свою очередь, также объединяют научный, законотворческий и правоприменительный элементы (подсистемы). Важнейшим системообразующим звеном, обеспечивающим целеполагающее взаимодействие уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной систем, является государственная политика противодействия преступности.

Исходя из требований системного подхода, необходимо учитывать потребность в усовершенствовании всей государственной системы противодействия преступности в неразрывной связи ее системообразующих элементов. Такие элементы целесообразно рассматривать в объединяющий их деятельно-реализационной конфигурации по условной связующей линии: субъект – деятельность – результат деятельности.

При таком построении *первый уровень* системы противодействия преступности представляет следующую конструкцию: государство (субъект) ---- государственная политика противодействия преступности (деятельность субъекта) ---- законодательство + комплекс мер организационно-управленческого характера (результат деятельности).

Цель (реализуемая в порядке долговременной стратегии) – усовершенствование всей системы противодействия преступности. Основные задачи данного уровня, решаются посредством законодательной политики, главный продукт которой – закон.

Второй уровень системы: система правоохранительных органов (включая судебную систему) --- функция правоохранительной деятельности --- правоприменительные акты.

Данный уровень является в определенном смысле производным от предыдущего, характеризуется подчиненным от него положением, так как правоприменительная деятельность основывается на законе, который в данном случае первичен.

Третий уровень – система научно-методического и образовательного обеспечения, применительно к которой необходимо выделить 2 приоритетные (стратегического характера) задачи:

1. Комплексное научное обеспечение законодательной политики, правотворчества и правоприменительной практики.

2. Усовершенствования методологии научных исследований с целью постоянного повышения эффективности самой системы научного обеспечения.

Общей системообразующей задачей обозначенных выше разно-уровневых подсистем, синтезирующей их отдельные задачи, является защита интересов общества и государства в процессе противодействия преступности.

Исходя из вышесказанного, необходимо заключить, что возможность эффективного реформирования уголовно-процессуального законодательства, в частности, доказательственного права, как ее стержневой основы, зависит от комплексного привлечения необходимых элементов всей системы противодействия преступности и решения взаимосвязанных задач на различных уровнях данной системы.

Список источников: Шейфер С.А. Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики : монография / С.А. Шейфер – М.: ИНФА-М, 2015. – 112; 2. Птушенко А.В. Системная парадигма права. О некоторых основополагающих проблемах современного правоведения, информациологии, экономики и экономологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/p/ ptushenko_a_w/text_0140.shtml; 3. Биляев В. А. Цивилизационный подход как необходимый инструментарий государственной политики противодействия преступности в Украине / В. А. Биляев // Журнал научных и прикладных исследований. – 2013. – № 10. – С. 31–35.

УДК 343.14

Bilyev V.A. Legal problems of using the results of operational-search activity in criminal procedural proof: a systematic approach

The article examines the problems and prospects of creating legal conditions for the effective use of the results of operative-search activity in proving in criminal cases. The need to improve the existing legislation in this area is conditioned by the needs of effective counteraction to crime due to the active use of technical and secret capabilities to secretly obtain and record information of a demonstrative nature. This need is justified by the author from the position of the system approach. State counteraction of crime is carried out by complex means. The most popular and effective among them are measures (means) of operational-search and criminal-procedural activities. The author considers the system of state counteraction to crime as a metasystem, uniting as its main elements the criminal procedural and operational-search subsystem. Three interconnected levels of the general system of combating crime are considered, the system-forming task of which is to protect the interests of society and the state. The necessity of complex attraction of necessary elements of all system of counteraction of criminality, with the purpose of the decision of the interconnected problems at various levels of the given system is proved.

Key words: *The system of crime counteraction, operative-search activity, criminal procedural legislation, evidence, the results of operational-search activity.*

Боровских Р. Н.

Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского национального исследовательского
государственного университета
кандидат юридических наук, доцент
(Новосибирск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ АВТОСТРАХОВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности содержания основных элементов криминалистической характеристики организованной преступной деятельности в сфере автомобильного страхования в России. Автор, на основании изучения материалов правоприменительной практики, осуществляет криминалистическую характеристику организованной преступной деятельности, связанной с совершением мошенничества в сфере автострахования, формулирует основные направления криминалистического изучения данных преступлений.

Ключевые слова: *автострахование, мошенничество в сфере автострахования, криминалистическая характеристика, организованная преступная деятельность.*

Автострахование представляет собой «вид страховой защиты, который призван защищать имущественные интересы застрахованных, связанные с затратами на восстановление транспортного средства после аварии, поломки или покупку нового автомобиля после угона или хищения, возмещением ущерба, нанесённого третьим лицам при эксплуатации автомобиля» [1, с. 10]. С правовой точки зрения необходимо понимать, что термин «автострахование» является условным. Говоря об автостраховании, мы имеем ввиду не только ОСАГО, которое, собственно автострахованием не является (это один из видов страхования гражданской ответственности), но и КАСКО (комплексное страхование, которое связано с покрытием самых различных рисков: угон, уничтожение, повреждение автомобиля и др.), а также ДСАГО (добровольное страхование гражданской ответственности владельца транспортного средства. «Проблема мошенничества в автостраховании является, пожалуй, самой обсуждаемой и важной в среде специалистов страхового рынка и юристов. Причинами столь пристального внимания является довольно неутешительная статистика, год от года показывающая рост мошенничества в данной сфере. Так, по данным страховых компаний, около 15-20% всех страховых выплат идет в карман мошенникам» [2]. По данным Российского Союза Автостраховщиков (РСА), «доля выплат по сфабрикованным случаям по ОСАГО, где искажены факты и некорректно описаны обстоятельства произошедшего, в среднем, составляет 20% от всех заявленных убытков. В денежном эквиваленте эти убытки составляют более 10 млрд рублей в год. Еще больше убытков приносят мошеннические выплаты по КАСКО – 12 млрд в год» [3]. За период 2014 года, РСА сообщает, что ему удалось предотвратить более 200 попыток со стороны автовладельцев получить незаконное возмещение по полису (около 15 миллионов рублей). Всего было возбуждено 50 дел в сфере манипуляций с автострахованием, 16 человек привлечены к уголовной ответственности [4].

На основании изученных материалов следственной и судебной практики (изучено 43 уголовных дела и постановленных по ним обвинительных приговора по уголовным делам о мошенничестве в сфере автострахования), для целей типологии мошенничества в сфере автострахования был избран такой критерий типологизации, как «степень организованности и коррумпированности преступления». На основании данного критерия выделим:

1) простое мошенничество в сфере автострахования (внегрупповое, бытовое, единолично-совершенное преступление, преступление дилетантов);

2) групповое мошенничество в сфере автострахования;

3) организованное и организованно-коррумпированное мошенничество в сфере автострахования.

Изучение практики показывает, что несмотря на показываемое статистикой выявляемых и раскрываемых преступлений, абсолютное доминирование в сегменте автострахования простых и групповых мошенничеств, данная сфера страхования серьезно поражена проявлениями организованной преступной деятельности. Приведем показательный пример.

Приговором Вахитовского районного суда г. Казани к ответственности привлечен А., который попал в ДТП, но при этом не вызвал на место сотрудников ДПС ГИБДД и тем самым не имел правовых оснований для получения страхового возмещения. Однако, вскоре он вступил в сговор с «неустановленными следствием лицами», которые, действуя в составе организованной группы, предложили А. совершить хищение денежных средств за вознаграждение в виде части суммы от страховой выплаты. В результате расследования А. был изобличен и осужден, но другие участники преступления установлены не были [5].

Вышеприведенный пример показывает, что преступные «цепочки» в сфере автострахования не «раскручиваются». Нейтрализуется только лишь конечное звено цепи – непосредственный исполнитель мошенничества. При том, что такие преступные «цепочки» корнями уходят в деятельность организованных преступных формирований. Яркий тому пример – вышеприведенная ситуация, где не были установлены трое лиц, выполнявших функции посредников, взаимодействовавших с сотрудниками ДПС и организатором преступлений, приискивавших лиц, которые могут выступить в качестве непосредственных исполнителей мошенничества.

Из изученных материалов можно привести примеры, наглядно показывающие масштабные хищения, совершаемые при участии должностных лиц сотрудников ГИБДД, страховых организаций – т.е. примеры выделяемого нами четвертого типа мошенничества в автостраховании (организованно-коррумпированного мошенничества).

Приговором Люблинского районного суда города Москва к ответственности привлечены Х. и К. (инспектор ДПС) которые, создав организованную группу совершили 13 эпизодов мошенничества в сфере автострахования. Х., выполняя функции организатора, осуществлял приискание транспортных средств и их владельцев для совершения инсценировок ДТП. Затем он направлял данных лиц с необходимыми документами к К., который, за вознаграждение, осуществлял оформление документов о факте ДТП. Такая деятельность у них была поставлена «на поток» а инспектор

ДПС К. получал фиксированную сумму вознаграждения (5 000 рублей) [6].

На основании изучения «скупых» материалов практики, но дополненных анкетированием и интервьюирование экспертов, представляется возможным изложить следующие общие положения и особенности криминалистической характеристики организованной преступной деятельности в сфере автострахования.

1. Типичные способы совершения преступления.

Изучение практики позволяет выделить два основных способа совершения мошенничества в сфере автострахования. К таковым относятся инсценировка ДТП и сообщение заведомо ложных сведений о факте хищения транспортного средства.

Инсценировка ДТП может реализовываться как в виде имитации столкновения автомобилей (соответствующее их расположение на проезжей части), так и фальсификация сведений о факте ДТП, которого в действительности не было. Второй способ реализуется путем сообщения лицом в органы внутренних дел заведомо ложных сведений о факте угона или кражи автомобиля, принадлежащего лицу. При этом другие лица – члены ОПГ, заблаговременно прячут такой автомобиль либо инсценируют его похищение. Органами внутренних дел проводится проверка сообщения о преступлении и практически во всех случаях возбуждалось уголовное дело. Впоследствии, данные дела прекращались за отсутствием события преступления (п.1, ч.2, ст.24 УПК РФ). При квалификации содеянного, такие действия лиц дополнительно квалифицируются по соответствующей части статьи 306 УК РФ.

Реже встречаются способы организованных мошенничеств в сфере автострахования, связанные с деятельностью «автоподставщиков» и недобросовестных юристов. Последние, в свою очередь, пользуясь неграмотностью граждан в вопросах страхования и права, выкупают у них права требования выплаты по полису, максимально занижая сумму ущерба, и затем предъявляются иски к страховой организации [4].

2. Типичные участники преступных схем.

Основные типы участников организованных мошенничеств в сфере автострахования – это организаторы преступления, участники организованной группы и лица, неосведомленные о своем фактическом участии в преступной деятельности организованной группы (назовем их неосведомленные лица).

Организаторы. Это лица, выступающие создателями и руководителями организованных групп. Они обладают социально-положительными характеристиками, являются представителями бизнеса, могут занимать заметные должности в страховых организациях, правоохранительных органах либо являться бывшими сотрудниками таких организаций и органов. В их наличии имеются возможности для финансирования преступной деятельности (например, приобретение автомобиля для совершения инсценировки ДТП или его хищения), они обладают набором соответствующих «связей» и знакомств, необходимых для совершения преступлений. В числе таких лиц выступают, как правило, сотрудники ГИБДД. Их положение в преступных группах нельзя однозначно назвать главенствующим, но, несомненно, они являются ключевыми фигурами реализации преступных схем. Как правило, в организованных группах, организатор представлен в единственном числе.

Участники организованной группы. К числу таковых относятся лица, которые либо подыскивают и вовлекают в совершение преступления дилетантов, либо выполняют функции по передаче документов от преступника-дилетанта к сотрудникам ГИБДД, действующим в составе организованной группы, а также иные лица, привлекаемые к совершению преступления (например, лица, осуществляющие инструктаж преступника-дилетанта и др.)

Неосведомленные лица. В таком качестве могут выступать как преступники-дилетанты, так и лица, не имеющие преступного умысла, но используемые участниками организованных преступных групп в «темную». Это могут быть лица, предоставляющие свой автомобиль, не подозревая о том, что содействует совершению преступления; эксперт-оценщик, производящий осмотр и оценку повреждений автомобиля, не подозревая, что она ранее уже могла проходить экспертизу. Кроме того, в их числе могут оказаться сотрудники ДПС ГИБДД, введенные в заблуждение и оформившие необходимые документы по факту ДТП, которое инсценировано.

3. Типичные способы вовлечения преступников-дилетантов в преступные схемы (в т. ч. «сопровождение» их деятельности).

Способы вовлечения лиц зависят от способа совершения самого преступления и от роли лица, вовлекаемого в его совершение. К примеру, для инсценировки ДТП или фальсификации документов о ранее произошедших ДТП, подыскиваются преступники-дилетанты и организуется их деятельность. Для поиска таких лиц используются субъекты, такие как сотрудники автомастерских, через которые проходят сотни разбитых автомобилей (и потенциальные преступники), которые активно вовлекаются путем обманных действий, прямого подстрекательства, подкупа и т.д. Дальнейшие действия дилетантов полностью контролируются и инструктируются соответствующими лицами в ОПГ (самим организаторами или специально привлекаемыми для этого лицами). Также могут вовлекаться в преступную деятельность сотрудники ДПС или аварийные комиссары.

На основании изложенного, можно заключить, что основными стратегическими целями расследования мошенничества в сфере автострахования и сопутствующих ему преступлений, максимальная степень реализация которых должна быть обеспечена посредством оптимизации соответствующей криминалистической методики расследования, являются:

- раскрытие многоэпизодных мошенничеств в сфере автострахования, «цепочки» аналогичных преступлений и сопутствующих им преступных деяний (выявление и нейтрализация «серийности»);

- выявление и пресечение деятельности организаторов преступных групп, специализирующихся на совершении мошенничеств в автостраховании (выявление и нейтрализация координирующего центра);

- изобличение факультативных участников мошеннических «схемы» – установление, наряду с исполнителями мошенничеств, лиц, способствующих преступлению путем обеспечения документальных подлогов, подыскания соучастников, приискания средств совершения преступления и т.д. (выявление и нейтрализация

сопутствующих преступлений, совершаемых на профессиональной основе);

- «выход» с раскрытого простого либо группового мошенничества на перспективу раскрытия организованных и организованно-коррумпированных мошенничеств (выявление и нейтрализация организованной преступной деятельности через «окно» мошенничества в автостраховании);

- «выход» с раскрытого преступления коррупционной направленности на взаимосвязанным с ним мошеннические и иные преступления в сфере автострахования (выявление и нейтрализация организованной преступной деятельности через «окно» коррупционных и должностных преступлений).

Список источников: 1. Тулинов В.В., Горин В.С. Страхование автомобильное // Страхование и управление риском: Терминологический словарь. – Москва: Наука, 2000; 2. О проблеме мошенничества в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Институт судебных экспертиз и криминалистики [электронный ресурс]. Режим доступа: https://ceur.ru/library/articles/item196593; 3. Кунле М., Алексеевских А. Мошенники зарабатывают 22 млрд рублей в год на автостраховках // Известия [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.izvestia.ru/news/548125; 4. Емельянов В. Махинации с ОСАГО и КАСКО: как действуют «страховые мошенники» / Официальный сайт радиостанции «Вести FM» [электронный ресурс]. Режим доступа: http://radiovesti.ru/brand/61178/episode/1423327; 5. Приговор Вахитовского районного суда г. Казани № 1-346/2014 от 22.08.2014 г. // Картотека судебных решений «РосПравосудие» [электронный ресурс]. Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-vaxitovskij-rajonnyj-sud-g-kazani-respublika-tatarstan-s/act-457780344; 6. Приговор Люблинского районного суда г. Москвы 1-704/2014 от 12.11.2014 г. // Картотека судебных решений «РосПравосудие» [электронный ресурс]. Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-lyublinskij-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-457805239.

УДК 343.9

Borovskikh R.N. Features of criminalistic characteristic of organized criminal activity in the field of motor insurance in Russia

In the article considers the problem of organized crime activities in the field of motor insurance. The authors, based on a study of the judicial and investigative practice, examines aspects of criminalistics characteristic of organized criminal activities, related to motor insurance fraud, formulates main directions of Forensic study of these crimes.

Keywords: *car insurance, motor insurance fraud, criminalistics characteristic, organized crime activities.*

Бочарова О. С.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет», Филиал в г. Минске
кандидат юридических наук
(Минск, Республика Беларусь)

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВИДЕОСПЕКТРАЛЬНОГО КОМПАРАТОРА «РЕГУЛА» 4307 ДЛЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗАЩИЩЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ И ИХ РЕКВИЗИТОВ

В статье рассматриваются новые возможности экспертной мини-лаборатории – видеоспектрального компаратора «Регула» 4307. Компаратор позволяет проводить все виды судебно-экспертных исследований документов и их реквизитов посредством комплексного изучения оптических и физических свойств исследуемых объектов в различных спектральных диапазонах и при различных положениях источников света; фиксировать результаты исследований; осуществлять контроль подлинности защищенных документов и сравнение их с образцами из соответствующих баз данных. С использованием видеоспектрального компаратора возможно также анализировать спектры поглощения, отражения, пропускания и флуоресценции объектов исследования, проводить специальное исследование голограмм, поляризационных средств защиты, автоматическое считывание MRZ-зоны паспортов, распознавание 1D и 2D штрихкодов и информации из RFID для е-паспорта и ID-карты.

Ключевые слова: *Судебно-экспертные исследования, защищенные документы, реквизиты документов, элементы и средства защиты, контроль подлинности, видеоспектральный компаратор, оптические и физические свойства, спектральные диапазоны.*

Судебно-экспертное исследование всех разновидностей защищенных документов и вносимых в них реквизитов предполагают использование специальных приборов и оборудования, обеспечивающих контроль их подлинности. Немаловажным при проведении экспертных исследований защищенных документов является наличие достоверной справочной информации (сведений) об их структуре и средствах защиты.

Традиционно для исследования защищенных документов используются микроскопическая техника и приборы контроля подлинности документов, оснащенные источниками проходящего и косопадающего света, ультрафиолетового и инфракрасного излучения, специальные лазеры для возбуждения видимой анти-Стоксовой люминесценции, приборы магнитооптического контроля, контроля подлинности голограмм и др.

В мире существует множество приборов комплексного характера, объединяющих в себе большинство заявленных функций, – видеоспектральных компараторов с комплексом специальных средств для исследования защищенных документов, в которых исследуемый документ помещается на просмотровом столе под крышкой, а его видеоизображение выводится на монитор. При выборе соответствующих условий освещения и исследования становятся видимыми все элементы и средства защиты, входящие в систему защиты защищенного документа. Основной модуль видеоспектрального компаратора включает в себя цифровую видеокамеру, набор источников УФ, видимого и ИК света с различными длинами волн, пороговые длинноволновые, пороговые коротковолновые и полосовые оптические фильтры. Управление модулем осуществляется посредством соответствующего программного обеспечения. Спектральная реакция цифровой видеокамеры обычно выходит за рамки видимых/ИК-диапазонов длин волн от 400 нм до 1000 нм, превышая возможности невооруженного глаза. Основной целью создания видеоспектрального компаратора является расширение спектрального отклика визуального поля в ИК-зоне и улучшение визуального контраста выбранных элементов защиты документа при создании специальных условий освещения (источники света, геометрия освещения, оптические фильтры) и условий осмотра (оптические фильтры цифровой видеокамеры). К визуальному контрасту отнесем: контраст отражения (значительные различия в отражательной способности поверхности), контраст пропускания, угловой контраст (отражение или преломление света только под определенным углом в зависимости от топологии и структуры

элемента защиты). К угловому контрасту относится световозвращающее отражение при использовании коаксиального света, тени и рельеф, визуализирующиеся в косопадающем свете, преломление света в голограммах и иных OVD-элементах защиты, проявляющееся в зависимости от угла освещения. Компаратор обеспечивает также установление и фиксацию УФ-, ИК- и анти-Стоксовой люминесценции элементов и средств защиты защищенных документов.

В Республике Беларусь разработан и выпускается стационарный прибор комплексного исследования защищенных документов и иных объектов судебно-технической экспертизы документов – видеоспектральный компаратор «Регула» 4307, основной функцией которого является изучение оптических свойств исследуемых объектов в различных диапазонах спектра и исследование оптических и физических свойств исследуемых объектов при различных расположениях источников света. Прибор позволяет проводить экспертные исследования и контроль подлинности элементов и средств защиты документов при оптическом увеличении от х3,9 до х117 с полем зрения в цифровом канале камеры от 5,7х3,2 мм до 172х97 мм (использована видеокамера 3,2Мп КМОП с разрешением 1920х1080 пикселов). Максимальный формат исследуемых документов 530×400мм.

Базовыми осветителями прибора являются светодиодные источники верхнего белого света, источники ультрафиолетового света (с длинами волн 254, 313, 365 и 400 нм), возбуждающие люминесценцию (флуоресценцию) материалов и красителей, используемых в защищенных документах. Для проведения исследований в косопадающем свете используются 6 белых и 6 инфракрасных светодиодов, расположенные с левой и правой стороны и позволяющие осуществлять исследования в косопадающем свете под тремя разными углами без изменения положения исследуемого объекта. Для проведения исследований на просвет в компараторе имеется ряд донных источников света – белого, инфракрасного, ультрафиолетового (365 нм) света, а также точечные источники высокоинтенсивного белого и инфракрасного света.

В приборе имеются светодиодные источники излучения с доминантными длинами волн 450 нм (синий) 470 нм (голубой), 505 нм (сине-зеленый), 505 нм (зеленый), 530 нм (зеленый), 590 нм (желтый), 613 и 630 нм (красный) для возбуждения инфракрасной люминесценции красителей средств письма и средств защиты документов. Данные светодиоды для удобства проведения исследований могут использоваться в различных сочетаниях. Особенно полезно и информативно использование данных источников света при экспертизе пересекающихся штрихов, залитых, зачеркнутых, угасших, выцветших записей, для установления факта дописок, дорисовок, допечаток, обнаружения следов (прочтения) удаленных подчисткой записей (подписей, текстов) при наличии ИК люминесцентных свойств материалов и красителей, которыми выполнены исследуемые записи или тексты.

Для исследования инфракрасных свойств элементов защиты защищенных документов, а также для установления признаков их подлинности, обусловленных инфракрасными свойствами использованного в защищенном документе материала (метамерные краски) используются источники инфракрасного излучения с доминантными длинами волн 700, 860 и 940 нм. Отметим, что при исследовании таких средств защиты документов как водяной знак и филигрань, защитные нити и волокна, микроперфорация, помимо традиционного их исследования в видимом проходящем свете, можно использовать проходящий ИК-свет, который позволяет фиксировать рисунок водяного знака, особенности расположения волокон, элементы защиты в защитных нитях и микроперфорацию без перекрытия их элементами полиграфической защиты. При исследовании и прочтении удаленных или перекрытых помехой записей и установления технической подделки подписи также полезен ИК проходящий свет.

Дополнительной технической возможностью прибора является наличие двухстороннего широкодиапазонного ИК импульсного излучателя – источника высокоинтенсивного инфракрасного излучения 980-1100 нм для возбуждения ИК анти-Стоксовой люминесценции отдельных средств защиты, используемых в большинстве банкнот, ценных бумаг, паспортов, водительских удостоверений и иных защищенных документов.

Для исследования специальных средств защиты паспортов и идентификационных карт, таких как ретрорефлективные покрытия (изображения) с эффектом возвращения светового потока, известные еще как 3М-защита, в приборе имеется источник коаксиального поляризованного света.

Управление видеоспектральным компаратором, получение и обработка изображений осуществляются при помощи специального программного средства «Regula Forensic Studio». Данное программное средство позволяет проводить сравнение двух изображений в разных комбинациях: два сохраненных изображения, сохраненное изображение и «живое видео», сохраненное изображение и эталонное из информационно-справочных систем – Валюта, Паспорт, Автодокументы и др.

В компараторе имеются спектрометр высокого разрешения, работающий в режиме реального времени и позволяющий анализировать спектры поглощения, отражения, пропускания и флуоресценции объектов исследования в диапазоне длин волн 350-1000 нм, и модуль для гиперспектрального анализа изображений, позволяющий получить серию накопленных изображений в диапазоне волн 400-940 нм с шагом в 1 мм и выводить спектр отражения объекта исследования.

Дополнительными функциями видеоспектрального компаратора «Регула» 4307, отличающими его от зарубежных аналогов, являются: специальное исследование голограмм, автоматическое считывание текстовой информации из машиносчитываемой зоны (MRZ) паспортов, считывание и распознавание 1D и 2D штрихкодов (баркодов), а также считывание и распознавание информации из бесконтактных идентификационных микросхем (RFID) электронных документов и проверка микросхем. Новацией для приборов такого класса является еще и возможность исследования поляризационных свойств ряда новых элементов защиты документов, основанных на линейной и циркулярной поляризации. Дополнительной возможностью прибора является наличием в нем двухкоординатного столика для высокоточной плавной юстировки оптических систем по двум координатам – управление через Regula Forensic Studio. Предоставляет возможность сшивки изображений на больших увеличениях, а также возможность

проведения исследований без необходимости ручного перемещения документа в самом приборе в процессе исследования.

Для проведения специальных исследований голограмм и элементов их защиты видеоспектральный компаратор оснащен специальными источниками света – горизонтальным, состоящим из 31 светодиодов, и вертикальным, состоящим из 9 светодиодов. Для визуализации голографических изображений имеются функции автоматического переключения источников и захвата последовательности изображений, в результате чего для исследования имеется серия снимков, из которых можно создать анимированное мультиизображение в формате .gif.

Программное считывание, распознавание и анализ текстовой информации из машиносчитываемой зоны (MRZ) паспортов, визовых марок, ID-карт осуществляется в режиме белого верхнего либо инфракрасного верхнего света. Для считывания данных машиносчитываемой зоны страница документа располагается посередине просветного экрана предметного стола видеоспектрального компаратора. В зависимости от размеров документа выбирается масштаб, необходимый для считывания машиносчитываемой зоны, которая должна полностью помещаться в кадре. В режиме ручной фокусировки подстраивается фокус и выполняется автоматическое чтение и распознавание машиносчитываемой зоны. В случае если программа выявит нарушение правил заполнения машиносчитываемой зоны, то в считанной зоне с информацией красным цветом выделятся символы, которые имеют несоответствия или ошибки. Отметим, что такая ситуация может произойти при ошибочном считывании. В таком случае необходимо произвести корректировку положения документа или фокусировки камеры и произвести повторное считывание машиносчитываемой зоны. При открытии программного окна «Результаты исследования» появляется информация, считанной машиносчитываемой зоны и основных проверок правильности заполнения (контрольная сумма, дата рождения и пр.).

Чтобы прочитать информацию с бесконтактной идентификационной микросхемы (RFID-chip), находящейся в документе (паспорт, ID-карта и пр.), вначале необходимо осуществить считывание машиночитаемой зоны документа (MRZ). Для чтения данных с RFID-чипа необходимо расположить страницу с внедренным RFID-чипом, как и при чтении MRZ. В левой части прибора, за границей просветного экрана, находится антенна встроенного считывателя RFID-чипов. В случае если местонахождение чипа не известно заранее, можно закрыть паспорт и положить его в требуемую зону. Если документ расположен правильно, индикатор детекции RFID-чипа сменит свой цвет с красного на зеленый. Далее необходимо зафиксировать документ в таком положении и осуществить чтение данных с чипа. В случае если в настройках модуля управления RFID-считывателем установлена опция «Автоматически читать данные при появлении чипа», процесс чтения начнется немедленно после обнаружения чипа (если данные MRZ прочитаны и правильно распознаны). В противном случае для чтения данных чипа необходимо нажать на кнопку «Чтение данных». По окончании чтения на экране появится окно результатов чтения RFID. В случае если считывание чипа не происходит и программа требует ввести MRZ, то есть вероятность, что данные MRZ были считаны неверно. В таком случае необходимо визуально убедиться в правильности введения данных MRZ и при необходимости осуществить повторное считывание с RFID-чипа.

Следует отметить, что считывание данных с бесконтактной идентификационной микросхемы в приборе происходит в соответствии со стандартами IEC 14443. В окне данных появляется информация, описывающая основные параметры чипа, а также записанные на него данные. Данные RFID-чипа структурированы и расположены на соответствующих закладках. Так, на закладке «Общая информация» представлены параметры RFID-чипа (тип чипа, поддержка протоколов, поддерживаемые скорости обмена информацией и пр.). В разделах «Данные», «Содержимое» находится информация, считанная с чипа. Она представлена в текстовом виде. В документе должны находиться обязательные зоны: EF .DG1 (данные о владельце паспорта – данные машиночитаемой зоны документа), EF .DG2 (фотография владельца документа. Ее можно увидеть в закладке «Изображения»), EF .SOD (данные для проверки подлинности информации, записанные на RFID-чип). В соответствующих разделах отображается вся информация о правильности прочтения данных с чипа и прочая контрольная информация.

Программное считывание и распознавание штрихкодов осуществляется через модуль распознавания штрихкодов. Программа обеспечивает чтение различных одномерных и двухмерных штрихкодов. Для считывания штрихкода необходимо поместить объект, содержащий информацию данного типа, в поле зрения камеры компаратора. Затем настроить увеличение компаратора таким образом, чтобы штрихкод занимал максимальную площадь в поле зрения камеры. Чтения штрихкода происходит после нажатия на кнопку «Чтение штрихкодов» на панели управления. Модуль распознавания штрихкодов производит поиск всех штрихкодов на изображении. При удачном считывании и распознавании штрихкода в окне «Результаты исследования» отображается тип найденного штрихкода и расшифрованные данные.

В заключение отметим, что видеоспектральный компаратор «Регула» 4307, имеющий полный спектр описанных функциональных возможностей и дополнительно оснащенный магнитооптическим визуализатором «Регула» 4197, для исследования средств защиты документов, выполненных краской с магнитными компонентами и прочтения залитых и замазанных текстов, выполненных магнитной краской, а также термостоликом «Регула» 4168 для исследования средств защиты документов, выполненных термохромной краской, позволяет проводить все виды судебно-экспертных исследований документов и их реквизитов, фиксировать результаты исследований, осуществлять контроль подлинности защищенных документов и сравнение их с образцами из соответствующих баз данных.

Поскольку видеоспектральный компаратор «Регула» 4307 по своей сути является экспертной минилабораторией, областью его применения, помимо традиционно судебно-экспертных организаций, могут быть пограничные и миграционные службы, таможенные органы, банковские учреждения и иные ведомства и организации, имеющие полномочия по проверке документов. Прибор также будет полезен и разработчикам средств защиты документов и учебным заведениям,

которые осуществляют подготовку специалистов по специальности «Судебная экспертиза».

УДК 343.983.22

Bocharova O.S New features of video spectral comparator Regula 4307 for forensic research of security documents and their requisites

The article discusses the new features expert mini-lab – video spectral comparator Regula 4307. The comparator allows to perform all types of forensic examination of documents and their data through a comprehensive study of the optical and physical properties of the objects in different spectral ranges and at different positions of the light sources; record the results of the research; to carry out control of authenticity of secured documents and comparing them with samples from the respective databases. Using a video spectral comparator is also possible to analyze the spectra of absorption, reflection, transmittance and fluorescence of the objects of study, to conduct a special study of holograms, polarizing protection, automatic reading of MRZ zone of passports, recognition of 1D and 2D barcodes and RFID for e-passports and ID-cards.

Key words: *Forensic expertise, protected documents, requisites of documents, elements and means of protection, authentication control, video spectral comparator, optical and physical properties, spectral ranges.*

Бурмагин С. В.

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
кандидат юридических наук, доцент
(Архангельск, Россия)

РАЗРЕШЕНИЕ СУДОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье очерчена роль суда в разрешении процессуальных конфликтов в досудебном производстве по уголовным делам. Анализируются пределы обжалования в суд действий и решений органов уголовного преследования.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, процессуальный конфликт, органы уголовного преследования, злоупотребление правом, судебное обжалование.*

Уголовное судопроизводство, очевидно, является наиболее конфликтной сферой общественных отношений, в которой достаточно жестко сталкиваются государственные, общественные и личные интересы. Наличие этих (зачастую противоположных друг другу) интересов и необходимость их сочетания, равноценного учета в соответствии с назначением уголовного судопроизводства (ст.6 УПК РФ) во многом обуславливают состязательное построение уголовного процесса, а происходящее в его рамках активное противоборство сторон предопределяет конфликтность производства по уголовному делу. Детерминантой конфликтных ситуаций в уголовном производстве выступает правовой спор сторон по главному вопросу любого уголовного дела - вопросу о виновности или невиновности преследуемого лица по выдвинутому против него обвинению. Но на долгом пути прояснения и разрешения этого материально-правового, по своей сути, вопроса взаимодействие участников процесса друг с другом в условиях пересечения и столкновения их разноплановых интересов неизбежно сопровождается множеством конфликтов процессуальных. На всем протяжении производства по делу эти конфликты могут иметь локальный либо затяжной характер, ограничиваться процедурным спором или перерасти в глубокое межличностное противостояние, возникать как между сторонами обвинения и защиты, так и между участниками, потенциально относящимися к одной стороне, иметь место как между гражданами и должностными лицами государственных органов, ведущих производство по делу, так и (как это ни прискорбно) между самими властными органами. Конфликтность производства по уголовному делу, противостояние сторон и противоборство их позиций вызывают особые усилия, устремления участников процесса на преодоление давления противной стороны, порождает желание отстоять свои интересы любой ценой и зачастую мотивирует их на противоправное поведение.

В досудебном производстве наиболее распространены и существенны конфликтные ситуации между органами уголовного преследования и вовлеченными в производство по делу индивидуумами. Неизбежное и широко применяемое в уголовном процессе ограничение наиболее значимых прав и свобод личности - основная предпосылка для столкновения и противостояния частных и публичных интересов. Благодатной почвой для процессуальных конфликтов является и неправомерное процессуальное поведение участников процесса. Должностные лица органов уголовного преследования (дознания, следствия, прокуратуры) свои служебные (ведомственные) интересы нередко выдают за общественно значимые, в то время как в действительности они входят в противоречие с истинным общественным благом, защищаемым законом, либо преследуют собственные корыстные интересы, противные интересам службы, государства и общества, и при этом нарушают права граждан. В первом случае имеем дело с так называемым ложным пониманием служебного долга, во втором - с откровенным злоупотреблением полномочиями. С другой стороны лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство, далеко не всегда отстаивают в уголовном деле свое действительное право, а под видом борьбы за предполагаемое право направляют процессуальные усилия на удовлетворение противоправных интересов, злоупотребляя при этом своими субъективными правами [1, 2, 3, 4].

Важную роль в разрешении возникающих в досудебном производстве процессуальных инцидентов и снижении уровня конфронтации между участниками судопроизводства выполняет суд, призванный разрешать правовые споры по вопросам законности и обоснованности процессуальной деятельности (конкретных действий, бездействия и решений) органов обвинительной власти, сопряженной с ограничением основополагающих (конституционных) прав и свобод личности. В современной России данная миссия уголовного суда оформилась в самостоятельное направление уголовно-процессуальной деятельности, именуемое судебным контролем. В отличие от обязательных форм контроля над досудебным производством диспозитивный судебный контроль (обжалование в судебном порядке действий и решений органов уголовного преследования - статьи 125, 125.1, 463 УПК РФ) априори имеет конфронтационную основу. Действительно, с жалобой на следователя, дознавателя или прокурора заинтересованные субъекты обращаются лишь тогда, когда не удовлетворены их действиями (бездействием) или ре-

шением, когда не добились от этих должностных лиц желаемого для заявителя процессуального поведения, когда, как правило, получили отказ в удовлетворении их притязаний либо уже претерпевают реальное ограничение своих прав и свобод, когда коллизия интересов налицо и процессуальный инцидент может быть разрешен только независимым и беспристрастным арбитром - судом.

С момента появления в российском уголовном судопроизводстве формы обжалования действий и решений органов предварительного расследования и суда (с середины 90-х годов прошлого столетия) наиболее остро в теории и практике судебного контроля стоит вопрос о предмете судебного обжалования [5, с. 222 - 227], который не потерял актуальность и в настоящее время. Иными словами, применительно к тематике нашего выступления, его можно сформулировать таким образом: Какого рода процессуальные конфликты подлежат разрешению в порядке ст.125 УПК РФ?

Данные судебной статистики по России (далее использованы сводные годовые отчеты Судебного департамента при ВС РФ «По работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел» - форма № 1) показывают постоянный устойчивый рост общего количества жалоб, поступающих в суд в порядке ст.125 УПК РФ: с 44 800 в 2004 г. до 130 962 в 2015 г. (пик приходится на 2013 г. - 136 063 жалоб). При этом так же стабильно сокращается удельный вес удовлетворенных жалоб: с 25% в 2006 г. до 6,2% в 2015 г. (до 2006 г. данный показатель официально не публиковался). Эти цифры могут восприниматься как показатель повышения уровня законности досудебного производства, но, к сожалению, другие реалии общественной жизни не дают оснований для такого оптимистического вывода, а значительное увеличение потока жалоб указывает скорее на «повышение градуса» конфликтности процессуальных взаимоотношений. До 2010 г. включительно количество позитивных судебных решений по жалобам в абсолютных цифрах оставалось относительно стабильным, на уровне 15 000 - 16 000 в год, лишь с 2011 г. приобрело тенденцию к снижению и в 2015 г. «опустилось» до уровня 8086 удовлетворенных жалоб. В тоже время и количество судебных решений, которыми отказано в удовлетворении жалоб за это же время снизилось почти вдвое: в 2011 г. - отказано в удовлетворении 64 963 жалоб, в 2015 г. - 35 240. Приведенные цифры указывают на то, что судами все чаще принимаются решения, не являющиеся результатом рассмотрения жалобы по существу, а представляющие собой отказ в принятии жалобы к рассмотрению либо прекращение производства по жалобе (в 2015 г. таких решений вынесено 87 636, т.е. в 67% случаев). Оба варианта таких судебных постановлений не предусмотрены ст.125 УПК РФ, тем не менее, широко применяются судами на практике в целом ряде случаев и рекомендованы Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 10.02.2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ». Наиболее распространенной причиной, по которой жалобы не принимаются судом к рассмотрению, а по принятым жалобам прекращается судебное разбирательство, является обжалование действий (бездействия) или решения, не относящегося к предмету судебного контроля в рамках ст.125 УПК РФ.

Конституционный Суд РФ в ряде своих решений выработал конкретные правовые критерии для разрешения вопроса о допустимости обжалования в порядке ст.125 УПК РФ того или иного процессуального действия или решения [6, с. 219 - 244]. Согласно позициям Конституционного Суда РФ, на стадиях досудебного производства в судебном порядке могут быть обжалованы лишь такие решения и действия (бездействие), которые не только затрагивают собственно уголовно-процессуальные отношения, но и порождают последствия, выходящие за их рамки, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности, и при этом отложение проверки законности и обоснованности таких решений и действий (бездействия) до стадии судебного разбирательства может причинить ущерб, восполнение которого в дальнейшем окажется неосуществимым. На основе этих выводов, несмотря на приверженность немалого числа процессуалистов к идее «беспробельного» судебного контроля, в судебной практике сохраняется подход ограничения пределов судебного обжалования в порядке ст.125 УПК РФ.

Именно этим обстоятельством, а также тем, что правом на обжалование с некоторых пор активно злоупотребляют обвиняемые и осужденные, пытающиеся использовать данную судебную процедуру в целях блокирования работы органов расследования либо искусственного создания поводов для пересмотра вступивших в законную силу приговоров суда [7, 8, 9], объясняется увеличивающееся число отказов судов в принятии жалоб.

В этой связи Верховный Суд РФ вполне закономерно продолжает курс на сужение предмета обжалования в порядке ст.125 УПК РФ и исключения из него действий и решений, не отвечающих критериям относимости жалоб, выработанным Конституционным Судом РФ. Изменения, внесенные в вышеуказанное постановление Пленума Верховного Суда РФ постановлением от 24.05.2016 г. № 23, расширили перечень действий и решений, не подлежащих обжалованию в судебном порядке. В соответствии с новыми разъяснениями Верховного Суда, не подлежат обжалованию в порядке ст.125 УПК РФ решения и действия (бездействия), не связанные с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве, в частности деятельность прокурора, осуществляющего надзор за процессуальной деятельность органов дознания и органов предварительного следствия; а также отказы прокурора или руководителя следственного органа в удовлетворении обращений (жалоб) заинтересованных лиц, поданных и рассмотренных в порядке ст.124 УПК РФ (п.3 постановления). Также Верховный Суд впервые обозначил как не подлежащие обжалованию в порядке ст.125 УПК РФ действия (бездействие) и решения, проверка законности и обоснованности которых относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего уголовное дело по существу (например, отказ следователя и дознавателя в проведении процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств; постановления следователя, дознавателя о привлечении лица в качестве обвиняемого), а также действия (бездействие) и решения, для которых уголовно-процессуальным законом предусмотрен специальный порядок их обжалования в досудебном производстве (например, постановление следователя или прокурора

об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, решение прокурора о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия) (п.3.1 постановления). Вполне логичным и последовательным представляется исключение из постановления пункта 17, двусмысленного по своему содержанию и дававшего повод сомневаться в запрете обжалования следственных действий, предназначенных исключительно для собирания и проверки доказательств и затрагивающих лишь уголовно-процессуальные отношения, не порождая последствий, выходящих за их рамки.

В результате произведенной Верховным Судом корректировки более четко и последовательно очерчивается характер процессуального конфликта (предмет обжалования), подлежащий разрешению судом в порядке ст.125 УПК РФ, а судебные органы ограждаются от неуместного на предварительных этапах производства по делу вовлечения их в материально-правовой спор о виновности лица и в осуществляемый органами предварительного расследования процесс доказывания. Значительно сокращены также и поводы для «втягивания» суда в заведомо бесплодные и необоснованные тяжбы недобросовестных участников процесса с органами обвинительной власти.

Список источников: 1. Белоковыльский М.С., Игнатьев А.Н. За гранью процессуального конфликта: к вопросу о незаконном противодействии сторон в уголовном процессе // Адвокат. – 2009. – № 8. – С. 35 – 41; 2. Бурмагин С.В. Проблема права на защиту в уголовном судопроизводстве // Публичное и частное право. - М.: Издательство МПСИ. - 2011. - №3. - С. 101 - 105; 3. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: понятие и признаки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 43. – С. 23-27; 4. Калинкина Л.Д. К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве // Адвокат. – 2010. – № 4. – С. 5-9; 5. Бурмагин С.В. Уголовный суд России.- М.: Юрлитинформ, 2010. - 392 с.; 6. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / З.Д. Еникеев, Е.Г. Васильева, Р.М. Шагеева, Е.В. Ежова. - М.: Издательство Юрайт, 2011. - 555 с.; 7. Бурмагин С.В. Злоупотребление правом на защиту при производстве по уголовным делам: постановка проблемы // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений: Материалы межвуз. науч.-практ. конференции (23–24 апреля 2009 г., Москва): в 2-х ч., ч.1 -М.: Акад. упр. МВД России, 2009. - С. 149 -153; 8. Бурмагин С.В. Злоупотребление правом на защиту в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-практической конференции. - Душанбе: «Ирфон», 2014. – С. 72 - 76; 9. Бурмагин С.В. Злоупотребление правом на защиту и справедливость уголовного судопроизводства // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы IV международной научно-практич. конференции, 28-29 апреля 2016 г.).- Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. - С. 11-13.

УДК 343.13

Burmagin S. V. The court resolution of procedural conflict in pre-trial proceedings

The article shows the role of the court in resolving procedural conflicts in pre-trial proceedings in criminal cases. Analyzes the limits of the appeal in court of actions and decisions of criminal prosecution bodies.

Key words: *Criminal procedure, procedural conflict, the criminal prosecution bodies, abuse of rights, appeal to the court.*

Ван Хайцзюнь

Восточно-китайский университет политики и права
доктор юридических наук
(Шанхай, Китайская Народная Республика)

ИНСТИТУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЬИ В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Рассматриваются вопросы обеспечения деятельности судов и судей в России и Китае.

Ключевые слова: судебная система России, судебная система Китая, судьи Китая

Судебная справедливость является центральным назначением осуществления судебной власти. Законодательство многих стран мира предусматривает, что судебная власть принадлежит только судам – в лице судей и представителей народа, привлекаемых в установленных законом случаях к осуществлению правосудия. Судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей. При этом следует отметить, что судьи – носители судебной власти, в соответствии с законом осуществляют правосудие и исполняют свои обязанности на профессиональной основе. В связи с этим, мы считаем, что обеспечение прав судей является важным вопросом судебной справедливости и является актуальным в настоящее время.

Во-первых, самое важное обеспечение – осуществление правосудия судьей. По законодательству РФ, в своей деятельности по осуществлению правосудия, судьи никому не подотчетны [1]. Процедура осуществления правосудия, предусмотренная законом – одна из важнейших гарантий прав судьи. В нормах процессуального законодательства и федеральных законодательных актах детально излагаются правила проведения судопроизводства по уголовным, гражданским, арбитражным делам, а также порядок осуществления конституционного контроля. В современных странах мира, включая КНР, государственное законодательство предусматривает вышесказанное. Обеспечение осуществления правосудия судей, установленное Законом «О судьях КНР» в соответствии с Конституцией КНР (ст. 126): судьи осуществляют свои полномочия независимо, в соответствии с законом. Ни один административный орган, общественная организация или частное лицо не может вмешиваться в их деятельность [2]. Следование этим нормам объективно обеспечивает устранение из процедуры правосудия посторонних влияний, а всякое вмешательство в процессуальную деятельность судьи преследуется по закону.

Во-вторых, обеспечение несменяемости судьи. В России полномочия судьи федерального суда не ограничены определенным сроком, за исключением судей конституционных судов. Предельный возраст пребывания в должности судьи – 70 лет, если иное не установлено соответствующим федеральным конституционным законом. Русский судья не подлежит переводу на другую должность или в другой суд без его согласия, и его полномочия могут быть прекращены или приостановлены не иначе, как по основаниям и в порядке, установленном федеральным законодательством. В Китае, полномочия судьи ограничены определенным сроком – его полномочия могут быть прекращены или приостановлены по основаниям и в порядке, установ-

ленном Конституцией КНР и Законом. Судья подлежит переводу на другую должность или в другой суд, в зависимости от решения руководителя своего суда и соответственного Собрания народных представителей, а не от его согласия. Причина заключается в том, что в Китае судья в значительной степени, прежде всего, является государственным служащим, а потом уже судебным персоналом. При этом, – значение первого выше, чем последнего.

В-третьих, обеспечение неприкосновенности судьи. Неприкосновенность судьи включает в себя неприкосновенность личности, неприкосновенность занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электронных и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений). Обеспечение безопасности судей – один из главных вопросов, установленных Законом Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» (ст. 9) в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 120) и Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ст. 5). Обеспечение безопасности судьи, членов его семьи, сохранности принадлежащего им имущества в порядке, определённом Федеральным законом от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». В Китае есть закон обеспечения личной и имущественной безопасности судей, и домицилий, однако только простое содержание, в последние годы в Китае было много несчастных случаев с судьями – словесные оскорбления, угрозы, травмы, даже убийства судей.

В-четвёртых, обеспечение права на судейский иммунитет судей. В России судья, в том числе после прекращения своих полномочий, не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении, либо вынесении заведомо неправосудных приговоров, решений или иных судебных актов. Закон «О судьях КНР» только предусматривает – судьи исполняют свои обязанности в соответствии с законом, охраняются законом. Это положение, которое является слишком абстрактным, не может пользоваться правовой основой обеспечения права на судейский иммунитет судей [3, с. 44].

В-пятых, материальное и социальное обеспечение судей. В соответствии с Законом «О статусе судей в Российской Федерации» заработная плата судьи состоит из должностного оклада. Размеры доплат за квалификационные классы и выслугу лет судей устанавливаются федеральным законом; судья, достигший возраста 60 лет (женщины – 55 лет), при стаже работы по юридической профессии не менее 25 лет, в том числе не менее 10 лет работы судьей, вправе, уйдя в отставку, получать ежемесячное пожизненное содержание в полном размере; судьям предоставляются ежегодные оплачиваемые отпуска продолжительностью 30 рабочих дней; жилое помещение передается в собственность судьи бесплатно; судья имеет право по служебному удостоверению бесплатно пользоваться на территории Российской Федерации всеми видами общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения (кроме такси). Кроме того, в России судья и члены его семьи имеют право на медицинское обслуживание, включая обеспечение лекарственными средствами, которое оплачивается за счет средств федерального бюджета. При этом следует отметить, что в настоящее время материальное обеспечение российских судей внушительно [4, с. 123].

Меры социальной защиты судьи и членов его семьи включают, что жизнь, здоровье и имущество судьи подлежат обязательному государственному страхованию за счет средств федерального бюджета. При этом жизнь и здоровье судьи подлежат страхованию в размере его 180 ежемесячных денежных вознаграждений. Органы государственного страхования выплачивают страховые суммы в случаях, предусмотренных законом.

В Китае заработная плата судьи регулярно увеличивается. В соответствии с законом, работа судей должна регулярно оцениваться. Если результат оценки является отличным, или соответствующим занимаемой должности, то возможно увеличение его заработной платы в соответствии с законом. Если судья внес особый вклад в своей деятельности, то возможно досрочное увеличение его заработной платы. Судьи пользуются судебными пособиями, региональными и другие пособиями, а также страхованием и другим благосостоянием, как это предписано государством. Другие меры обеспечения судей законодательством прямо не предусмотрены.

Исходя из анализа вышесказанных вопросов, следует отметить, что в рамках института обеспечения судей между Россией и Китаем существует большая разница. В современном Китае продолжается новый раунд судебной реформы, улучшение института обеспечения судей является его важной частью. Таким образам, Китай должен не только основываться на своих собственных национальных условиях и реалиях, но и заимствовать правила институтов обеспечения судей из других странах, в том числе России.

Список источников: 1. Закон «О статусе судей в Российской Федерации», [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_648/: 2. Закон «О судьях КНР», [Электронный ресурс].URL: http://www.china.com.cn/zhuanti2005/txt/2001-07/01/ content_ 5042140.htm: 3. Цэнь Яли, Чжан Гэвэнь. Сравнительное исследование института обеспечения судей в Китае и западных странах // Вестник Гуанчжоуского университета. – 2010. – № 1: 4. Клеандров М.И. Статус судьи: Правовой и смежные компоненты. Москва, 2011.

УДК 343.16

Wang Haijun Institute for Judicial Support in Russia and China: A Comparative Legal Analysis

The issues of ensuring the activity of courts and judges in Russia and China are considered.

Key words: *judicial system of Russia, judicial system of China, judges of China*

Волочай С. Н.

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
Первый факультет повышения квалификации (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону) института повышения квалификации
кандидат юридических наук
(Ростов на Дону, Россия)

ЗНАЧЕНИЕ ТИПОВЫХ КРИМИНАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ ОБСТАНОВКИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ УБИЙСТВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО СЕКСУАЛЬНОМУ МОТИВУ)

В статье рассматриваются подходы к определению содержания типовых криминальных ситуаций, устанавливаются наиболее характерные компоненты, составляющие суть этой категории, и на примере убийств несовершеннолетних, совершенных по сексуальному мотиву, показываются наиболее типовые ситуации, характерные для такой группы преступных деяний. При этом определяется значение установленного понятия и его теоретическая и практическая значимость.

Ключевые слова: *типовые криминальные ситуации, типовые версии, механизм преступления, типовые ситуации при совершении убийств несовершеннолетних, сексуальный мотив, алгоритмы действий следователя.*

В последние годы имеет место тенденция постоянного роста количества преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Значительный удельный вес среди них составляют убийства, в том числе малолетних, совершаемые по сексуальному мотиву.

Никто не будет спорить в такой ситуации, что в числе основных мер противодействия данной тенденции выступает быстрое и эффективное раскрытие этих преступлений. И здесь нельзя полагаться только на опыт сотрудников правоохранительных органов или везение; необходимы знания типовых криминальных ситуаций, типовых версий в подобных ситуациях и алгоритмы действий в соответствии с имеющимся информационным массивом по конкретному факту преступления.

Любая ситуация, в том числе и криминальная, состоит из каких-либо структурных компонентов, которые и определяют ее содержание. Изучение преступлений сексуального характера, совершенных в отношении детей различного возраста, позволяет утверждать, что наиболее важными составляющими указанных ситуаций являются: во-первых, данные, характеризующие несовершеннолетних (крайне важный источник информации о содеянном), во-вторых, признаки обстановки и способа, включающие, зачастую, признаки подготовки и сокрытия. И то и другое находится во взаимосвязи с преступником, совершающим преступления, являющиеся объектом нашего изучения.

Проведя анализ следственной практики с точки зрения оценки механизма совершения преступлений в отношении несовершеннолетних с сексуальным мотивом, следует отметить, что в большинстве случаев следователи и оперативные работники органа дознания работают по традиционной схеме для расследования убийств – даже обнаружив признаки сексуального мотива преступного деяния, они отрабатывают связи потерпевших от этих посягательств и, не найдя признаков причастности к совершению преступления родственников или близких знакомых, снижают интенсивность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, так как не имеют версий, которые привели бы к раскрытию. Кроме того, проверяются версии о том, что преступления совершены ранее судимыми за аналогичные преступления; лицами, имеющими психические отклонения и состоящими на учете у психиатров. Более детальных характеристик преступников в выдвигаемых версиях не определяется. Не все так удручающе, как может показаться. Прежний опыт раскрытия имеет большое значение. Количество информации, которую проверяют по так называемым «горячим следам» впечатляет, но допускаемые ошибки позволяют говорить о том, что многих практиков этот опыт ничему не учит.

В то же время, исследования показывают, что в подавляющем большинстве случаев преступники нападают на лиц, совсем им незнакомых, выбор ими своих жертв происходит в такой обстановке и по таким критериям, которые никак не связаны со степенью близости преступника и лица, на которое он посягает. В этой ситуации выдвижение версий о предполагаемом преступнике исходя из стандартного набора (ранее судимые за аналогичные преступления; психически больные, состоящие на учете; наркоманы и т.д.) далеко не всегда дает результаты. Необходимо учитывать наиболее важные элементы характеристики исследуемых преступлений, особенности ситуаций, в которых они совершаются и механизмов их совершения.

Отталкиваясь от характеристики личности несовершеннолетних жертв, мы систематизировали криминальные ситуации, связанные с нападением и убийством.

Несовершеннолетние и особенно малолетние заведомо для преступника не смогут оказать ему должного сопротивления, а к тому же в возрастном диапазоне 7-12 лет, являются более привлекательным объектом нападения с целью удовлетворения его сексуальных желаний.

Из указанной группы преступлений наибольшая часть – результат нападения на жертву в результате того, что убийца заранее увидел передвижение ребенка в направлении удобного для совершения нападения места (например, одна из погибших шла короткой дорогой в музыкальную школу, другой мальчик отошел вблизи пляжа в укромное место по надобности, а в большинстве случаев дети, гуляя, углублялись либо в заброшенные строения, либо в лесонасаждения, либо в другие укромные места, где на них совершалось нападение). На место совершения преступления преступник попадает целенаправленно, регулярно проверяя места, где могут находиться дети интересующей его социальной группы. Проживает он, как правило, в одном с потерпевшим регионе. Наряду с этим убийца может временно находиться в местности, где совершено убийство, и использовать сложившуюся ситуацию в преступных целях. Причина приезда туда – в основном командировка, отпуск, приезд в гости к родным, близким и т.д. Убийство 10-летней девочки в январе 2015 года в Ростовской области и быстрое его раскрытие как раз подтверждает работоспособность предлагаемых нами типовых криминальных ситуаций для оценки обстановки совершения преступления и организации работы следственно-оперативных групп на начальном этапе расследования.

УДК 343.9

Volochaj. S.N. The importance of typical criminal situations for assessing the situation of committing crimes (on the example of homicide of minors on sexual motive)

The article considers approaches to definition of the content model of criminal situations, set the most typical components that make up the essence of this category, and the example of juvenile murders committed for sexual motives, seem most typical situations, typical for this group of criminal acts. Wherein the determined value of the set concept and its theoretical and practical significance.

Keywords: *sample criminal situation, the standard version, the mechanism of the crime, type of situation the murder of a minor, sexual motivation, algorithms of actions of the investigator.*

Гаврилов Б. Я.

Академия управления МВД России
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации
(Москва, Россия)

К 15-ЛЕТИЮ ДЕЙСТВИЯ УПК РФ: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

В статье анализируются состояние уголовно-процессуального законодательства на основе деятельности органов предварительного следствия и дознания и с учетом точек зрения ученых-процессуалистов и потребностей практики формируется авторская позиция реформирования досудебного производства.

Ключевые слова: *досудебное производство; стадия возбуждения уголовного дела; процессуальные сроки расследования и содержания под стражей; предъявление обвинения; процессуальный контроль; прокурорский надзор.*

В качестве предисловия автор отмечает, что Россия, приняв в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс, сделала существенный шаг к построению правового государства, в котором права и свободы человека и гражданина, его честь и достоинство являются высшей ценностью, что закреплено как в международных правовых актах, так и в национальном законодательстве и что следует из содержания (ст. 2 Конституции РФ).

Одновременно анализ эффективности предварительного расследования (в суд следователями направляется лишь каждое третье уголовное дело, а дознавателями – каждое второе) с учетом мониторинга мнений ученых-процессуалистов позволяет утверждать о несовершенстве многих процессуальных правил современного досудебного производства. В определенной степени об этом свидетельствуют и внесенные в УПК РФ за период его действия 205 федеральными законами *(на момент написания статьи – выделено Б.Г.)* изменения и дополнения. О низкой эффективности законодательных мер свидетельствует то, что почти по каждому третьему закону они не носят системного характера и при этом отдельные из них противоречат нормам действующего законодательства, а в ряде случаев представляют собой контрреформы [5, с. 19]. Частично это явление профессор В.П. Божьев назвал «тихой революцией» Конституционного Суда РФ [3, с. 393-415]. Последнее автор относит и к отдельным решениям Верховного Суда РФ [5, с. 21].

При этом автор отмечает, что вопросы развития уголовно-процессуальной политики в контексте уголовной политики только за несколько последних лет обсуждались на Парламентских слушаниях в Совете Федерации ФС РФ 18 ноября 2013 г. [4] и там же на заседаниях «круглого» стола 24 июня и 23 сентября 2014 г.[1] В последующем о необходимости разработки концепции досудебного производства активная научная дискуссия шла на «Бабаевских» чтениях в мае 2015г. [15], на «Кутафинских» чтениях в апреле 2016 г. [24], на Парламентских слушаниях в Совете Федерации20 декабря 2016 г. и 5 апреля 2017 г. при обсуждении Дорожной карты (2017-2025 гг.) совершенствования уголовной политики, представленной А.Л. Кудриным, и ряде других научных форумов.

Вместе с тем, необходимость дальнейшего реформирования досудебного производства обусловлена тем, что принятый в 2001 году УПК РФ, во-первых, в определенной степени был и сегодня во многом остается компромиссным; во-вторых, Кодекс не в полной мере отражает произошедшие в российском обществе за три последних десятилетия весьма сущностные экономические и социальные преобразования; в-третьих, досудебное уголовное судопроизводство содержит в себе отдельные положения УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., являющиеся чрезвычайно забюрократизированными и затратными при их низкой эффективности.

К числу факторов, обуславливающих необходимость совершенствования обоих стадий досудебного производства, автор относит и то обстоятельство, что деятельность правоохранительных органов, среди которых основную нагрузку несут непосредственно органы внутренних дел, осуществляется в условиях значительного увеличения количества зарегистрированных сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и иных происшествиях (с 19,3 млн. в 2006 г. до 30,8 млн. в 2016 г.), что повлекло естественно увеличение объема процессуальной деятельности (1,85 млн. возбужденных уголовных дел и 6,8 млн. процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, а всего 8,65 млн. процессуальных производств. При этом, в 1992 г. количество «отказных» материалов составляло 1,3 млн. и возбужденных уголовных дел – 2,8 млн., а всего 4,1 млн.).

1. В первоочередном порядке требует принципиального пересмотра стадия возбуждения уголовного дела. Результаты многочисленных исследований позволяют автору утверждать, что ст. 148 УПК РФ, предоставляющая правоприменителю возможность отказывать в возбуждении уголовного дела, не только ежегодно ограничивает конституционное право миллионов граждан на доступ к правосудию и возмещение причиненного преступлением вреда (ст.52 Конституции РФ), но и ведет к многочисленным нарушениям закона. Об этом свидетельствуют статистические данные, подтверждающие, что каждое пятое процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела прокурорами признавалось незаконным или необоснованным и отменялось (в 2014-2016 гг. – 1,4-1,5 млн.). И хотя количество уголовных дел, возбужденных в связи с отме-

[1] Автор участвовал в указанных слушаниях и представлял свои предложения по совершенствованию отбельных институтов УПК РФ.

ной процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, остается незначительным (не более 15%), однако за 20 лет оно возросло почти в 7 раз (с 32,5 тыс. в 1991 г. до 215,3 тыс. в 2013 г. и 198 тыс. в 2016 г.).

При выработке наших предложений об исключении ст. 148 УПК РФ учитывалось, что ни Устав уголовного судопроизводства 1864 г., ни УПК РСФСР 1923 г. подобной процессуальной нормы не предусматривали. Отсутствует она и в зарубежном процессуальном законодательстве, в том числе и в УПК ряда стран бывшего СССР (государства Балтии, Молдова, Казахстан, Украина).

Влияние на уровень процессуального реагирования на сообщения о преступлениях оказывает сегодня и процессуальное правило о начале расследования, предусматривающее вынесение постановления о возбуждении уголовного дела. Негативные последствия заключаются в двух кратном (с 30,8 % в 2006 г. до 15,9 % за 2016 г.) сокращении только за последние 10 лет количества решений о возбуждении уголовных дел.

Статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел

	2006	2013	2014	2015	2016
Зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн.)	10,7	11,7	11,8	12,2	11,6
Возбуждено уголовных дел (млн.)	3,3	1,78	1,73	1,89	1,85
В т. ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях	30,8 %	15,2 %	14,6 %	15,5 %	15,9%

А при соотнесении удельного веса возбужденных уголовных дел с общим количеством всех зарегистрированных сообщений граждан и организаций о совершенных, по мнению заявителей, в отношении них противоправных деяниях (30,8 млн. в 2016 г.), показатель уровня уголовно-процессуального реагирования в виде количества возбужденных уголовных дел (1,85 млн. в 2016 г.) составит всего 6%. Для примера, с введением нового УПК, в котором отменена стадия возбуждения уголовного дела, в Казахстане уровень уголовно-процессуального реагирования в 2015 году составил 26%, т.е. в 4,5 раза выше, чем в Российской Федерации, что означает более качественное реагирование правоохранительных органов Казахстана на сообщения о преступлениях и иных правонарушениях.

А в целом за последние 25 лет уровень уголовно-процессуального реагирования российскими правоохранительными органами на сообщения с признаками преступления снизился почти в 8 раз, о чем свидетельствует сокращение удельного веса возбужденных уголовных дел (2,8 млн. в 1992 г. и 1,85 млн. в 2016 г.) к количеству «отказных» материалов, показатель которых в 1992 г. составил 1,3 млн. против 6,8 млн. в 2016 г.

Более того, негативные последствия стадии возбуждения уголовного дела за последние 30 лет приняли гипертрофированный характер в форме так называемого «административного» фактора регулирования показателей преступности (+32,7% в 1989 г. до -14,9% в 2002 г.), на что автор в последние 10 лет обращал неоднократно внимание [7, с. 233-251; 6, с. 29-36]. Для сравнения, в Германии за последние 10 лет ежегодные изменения преступности при ее количественной составляющей 6,5 млн. в год при населении 81 млн. чел. не превышают 1-1,5%.

Изложенные и иные обстоятельства позволяют констатировать необходимость изменения порядка начала производства расследования. Так, ст. 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. устанавливала, что «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка» [24, с. 150]. Положения Устава воспроизводятся по сути в положениях Концепции судебной реформы в РФ, устанавливающих, что «когда хотя бы в минимальной степени существует вероятность того, что преступление было действительно совершено, необходимо возбуждать уголовное дело и устанавливать истину наиболее надежными средствами, то есть действиями, облеченными в процессуальную форму» [14, с. 88-89].

Недостатки действующих правил о возбуждении уголовного дела заключаются и в существенных препятствиях при собирании доказательств на первоначальном этапе расследования [5, с. 21], а также в ограничении возможностей использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности [10, с. 24-39] и др.

Негативная составляющая стадии возбуждения уголовного дела сегодня проявлялась и в позиции Верховного Суда РФ при оценке соблюдения органами предварительного расследования процессуальных правил возбуждения уголовного дела, о чем свидетельствует определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.12.2013 №60-Д13-3 по обвинению «Г». Уголовное дело было возбуждено по п. «б» (как минимум – совершение преступления группой лиц) ч. 4 ст. 132 УК РФ, однако в постановлении о возбуждении следователь указал только гражданина «З». По мнению Верховного Суда РФ, в отношении «Г» в силу положений ст.ст. 140 и 146 УПК РФ также необходимо было вынести постановление о возбуждении уголовного дела, что противоречит не только сложившейся многолетней практике самого Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ [11, с. 5-8; 13, с. 20-22] по этому вопросу, но и здравому юридическому смыслу.

Однако существует и иная точка зрения о необходимости сохранения в УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела [27, с. 3-17].

2. К факторам забюрократизированности уголовно-процессуального закона, оказывающим негативное влияние на эффективность расследования уголовных дел, автор причисляет и процессуальные сроки. Необходимость их реформирования сегодня обусловлена введением в УК РФ нормы-принципа (ст. 6^1) о разумном сроке уголовного судопроизводства и принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 [21], устанавливающего разумный срок производства по уголовному делу в четыре года. Это требует пересмотра:

- ч.1 ст.162 УПК РФ о первоначальном двухмесячном сроке предварительного следствия, в которой вос-

производятся положения ст. 119 УПК РСФСР 1922 г., без учета существенного усложнения самого предварительного следствия и многократного увеличения объема уголовных дел. Это влечет за собой необоснованные затраты труда следователей на продление процессуальных сроков, необходимость чего предлагается по истечении 12 месяцев расследования;

- первоначального двухмесячного срока содержания обвиняемого под стражей (ч. 1 ст. 109 УПК РФ), из которого сегодня подлежат исключению от 10 до 30 суток для принятия прокурором решения о дальнейшем движении поступившего к нему с обвинительным заключением уголовного дела – ч. 1 и ч. 1^1 ст. 221 УПК РФ (вместо 5 суток по УПК РСФСР) и еще 14 суток для принятия судом (судьей) решения в соответствии с ч. 1 ст. 227 УПК РФ. Как следствие сроки содержания обвиняемых под стражей в 2016 г. продлевались по 50 % уголовных дел. В государствах Европы данный срок, устанавливаемый по судебному решению, составляет от 100 до 120 суток.

3. Заформализованность действующего УПК РФ проявляется и в неизменности института предъявления обвинения, на необходимости исключения которого автор настаивал еще в 2000-2001 гг. при подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению. Кстати, это предложение было фактически реализовано при расследовании в форме дознания, где данный институт из УПК РФ был исключен, кроме случаев, когда подозреваемый заключался под стражу и дознаватель в течение 10 суток не смог составить обвинительный акт, являющийся обвинением по уголовному делу.

При этом автор исходит из того, что:

- Устав уголовного судопроизводства 1864 г. данный институт не предусматривал;

- в российском законодательстве на протяжении десятилетий его потребность обуславливалась тем, что предъявление обвинения являлось правовым основанием допуска защитника к участию в уголовном деле. Однако сегодня в соответствии с Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ [16] участие защитника в уголовном деле предусмотрено с момента начала осуществления процессуальных действий с лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении;

- законодатель в УПК РФ по сути нивелировал разницу в правовом статусе подозреваемого (ст. 46) и обвиняемого (ст. 47);

- о возможности исключения предъявления обвинения из УПК РФ идет речь и в решении Конституционного Суда РФ от 16.05.2007. № 6-П [22] в части, что «пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)».

Одновременно исключение из УПК РФ института предъявления обвинения:

- не противоречит позиции Европейского Суда по правам человека, согласно которой термину «обвинение» должно придаваться содержательное, а не формальное (как в настоящее время по УПК РФ) значение [23];

- основывается и на практике расследования за 15 лет действия УПК РФ порядка 4,5 млн. уголовных дел в форме дознания без предъявления обвинения и последующего судебного разбирательства, чем подтверждается конституционность положений УПК РФ о предъявленном обвинении в форме обвинительного акта (обвинительного постановления).

4. Внесенные в УПК РФ федеральными законами от 05.06.2007 № 87-ФЗ [18] и от 06.06.2007 № 90-ФЗ [19] изменения в части дифференциации процессуальных полномочий руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания и прокурора по-прежнему вызывают значительный научный и практический интерес**.** Анализ действия в течение 10 лет указанных изменений свидетельствует об улучшении качества расследования уголовных дел, сокращении числа лиц, незаконно, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, в том числе содержащихся под стражей, что подтверждается приведенными ниже статистическими данными.

Сведения о состоянии законности расследования уголовных дел следователями

Период	Число оправданных судом лиц, в т. ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержавшихся под стражей			
	По делам, расследованных следствием МВД	Из них содержалось под стражей	По делам, расследованным следователями прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 - 2,0	524	1885 - 18,0	954
2008	954 - 1,5	316	966 - 8,0	595
2011	699 - 1,6	399	658 - 7,0	368
2013	509 - 1,3	250	654 - 5,8	411
2015	346 - 0,92	126	399 - 3,4	230
2016	324 - 0,84	208	422 - 3,6	193

Сведения о качестве расследования уголовных дел следователями

	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (всего)	
	Следствие МВД	Удельный вес (в%)	Следствие прокуратуры и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В том числе следователям / удельный вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 - 4,0 %
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2008	17573	3,5	3524	3,2	26502	20955 - 3,6 %
2011	18560	4,8	3118	3,5	7689	5962 - 1,3 %
2013	15104	4,3	4029	3,9	5992	4689 - 1,1 %
2015	13892	4,1	3459	3,2	6063	4517 - 1,01 %
2016	15195	4,4	3727	3,4	6479	4443 - 1,0 %

На основе статистических данных автор утверждает об указанной положительной тенденции и по уголовным делам, расследованным в форме дознания, по которым:

- значительно улучшились показатели законности: уменьшилось более, чем в два раза число оправданных судами (с 330 лиц в 2006 г. до 149 – в 2016 г., а их доля на 1 тыс. обвиняемых по направленным в суд делам составила в 2016 г. – 0,36 против 0,73 – в 2006 г.) и сократилось число оправданных и реабилитированных, содержавшихся под стражей (с 18 лиц в 2006 г. до 10 – в 2016 г.);

- одновременно возрос уровень прокурорского надзора, о чем свидетельствует увеличение почти в два раза (с 6810 дел в 2006 г. или 1,6 % к направленным в суд делам до 13146 дел в 2016 г. или 3,5 %) количества уголовных дел, возвращенных прокурорами дознавателям для дополнительного расследования.

Изложенное позволяет выдвинуть тезис о необходимости расширения границ процессуального контроля начальника подразделения дознания путем передачи ему от прокурора полномочий по процессуальному руководству дознавателями по аналогии с руководителем следственного органа.

5. Неоднозначные мнения среди ученых-процессуалистов высказываются о производстве дознания в сокращенной форме. Анализ результатов работы дознавателей показывает, что введение Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ дознания в сокращенной форме вызвало у правоприменителей и ученых ряд существенных вопросов в связи с несовершенством данной формы расследования (А.С. Александров [2], Б.Я. Гаврилов [5, с. 19-21], С.И. Гирько [9, с. 2-5], Н.Н. Ковтун [12, с. 47-49] и др.). Как следствие, в 2015 г. окончено расследованием с направлением в суд всего 60,5 тыс. и в 2016 г. – 80 тыс. уголовных дел, хотя под указанную форму расследования подпадают порядка 250 тыс. преступлений (для сравнения, по протокольной форме досудебной подготовки материалов в 1995–1998 гг. в суд ежегодно направлялось около 250-300 тыс. таких материалов).

Автором предлагаются следующие компоненты протокольной формы расследования (реально сокращенного дознания) и последующего судебного разбирательства уголовных дел, включающие в себя:

- незамедлительное (в течение 24 час.) с момента регистрации сообщения о преступлении начало расследования без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, которое считается возбужденным с момента принятия к своему производству дознавателем, органом дознания указанного сообщения к своему производству;

- основаниями для расследования в протокольной форме должны бытьсуществующие сегодня процессуальные правила расследования в форме сокращенного дознания (п.п. 1-5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ);

- срок расследования ограничивается 48 часами, что в условиях очевидности совершенного преступления и, исходя из реальной практики расследования многих противоправных деяний (вероятно в будущем и уголовных проступков [8, с. 38-41]), является вполне достаточным;

- в целях обеспечения исполнения приговора при расследовании уголовных дел по протокольной форме подозреваемое лицо (около 200 тыс. в год) в обязательном случае задерживается (за определенными исключениями) в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ на срок до 48 часов, что должно обеспечить резкое сокращение числа лиц, находящихся в федеральномрозыске (сегодня 150 тыс.), в основном, за указанные преступления;

- после направления прокурором уголовного дела в суд последний назначает судебное заседание и одновременно в соответствии с п.3 ч.7 ст.108 УПК РФ, с учетом внесения в данную норму незначительных изменений, продлевает задержание подозреваемого на срок не более 72 часов, в течение которого рассматривает уголовное дело;

- по причинам, указанным выше, расследование по протокольной форме производства должны производить, наряду с дознавателями, иные должностные лица органа дознания, например, участковые уполномоченные полиции.

6. О несовершенстве механизма избрания меры пресечения в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск. Действующие процессуальные правила не допускают заочного вынесения судом решения о заключении под стражу, за исключением обвиняемого, объявленного в международный розыск (ч. 5 ст.108 УПК РФ). Хотя данное правило и соответствует положениям Конституции РФ, однако механизм его реализации в практической деятельности следователя, дознавателя является несовершенным. С учетом этого предлагается предоставить суду по месту расследования уголовного дела возможность заочного вынесения решения (с участием защитника) о заключении объявленных в федеральный

розыск подозреваемых, обвиняемых под стражу. Одновременно в УПК РФ следует предусмотреть процессуальный механизм, который предоставляет лицу, объявленному в федеральный розыск и задержанному вне места производства предварительного расследования, в течение 48 час. с момента фактического задержания предстать перед федеральным судьей ближайшего районного суда с целью установления личности задержанного и проверки, не отменено ли ранее вынесенное решение о заключении его под стражу, а после доставления к месту производства предварительного расследования – в течение 48 час. предстать перед судом (судьей), избравшим меру пресечения, для решения вопроса о возможности ее сохранения или изменения (подобный порядок действует в Германии, Франции и др. странах).

В заключение еще раз отмечу, что при рассмотрении вопроса о реформировании досудебного производства следует учитывать, что изложенные предложения ранее неоднократно озвучивались как автором, так и другими учеными и практическими работниками. Часть из них (исключение стадии возбуждения уголовного дела, реформирование института предъявления обвинения, изменение порядка исчисления процессуальных сроков расследования и ряд других) сегодня реализованы, в т.ч. в ряде государств бывшего СССР. Необходимы и другие изменения. Дело за законодателем.

Список источников: 1. Александров А.С. Современное досудебное производство в модели прокурорского дознания: видение ученого / Стенограмма парламентских слушаний в Совете Федерации 20 декабря 2016 года «15 лет принятия уго-ловно-процессуального кодекса РФ: стратегия совершенствования уголовно-го правосудия» / www.council.gov.ru. 2. Александров А.С., Сафин Р.Р., Юнусов А.А. К вопросу о сокращенной форме досудебного производства по уголовному делу // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 4. 3. Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного суда в уголовном процессе Российской Федерации / Избранные труды / В.П. Божьев. – М.: Юрайт, 2010. - 716 с. 4. Выступление Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайки на парламентских слушаниях в Совете Федерации РФ от 18.11.2013 г. на тему: «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения». // www.genproc.gov.ru 5. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1. 6. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Проспект. – 2008 - 208 с. 7. Гаврилов Б.Я. Уголовная политика России: научные и законодательные мифы и реалии правоприменения // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 3. 8. Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) // Публичное и частное право. 2016. № 4. С. 38-41. 9. Гирько Г.И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // Российский следователь. – 2013. – № 21. 10. Доля Е.А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. – 2013. – № 5. 11. Калиновский К.Б. Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица // Российский следователь. 2009. №6. С. 5-8. 12. Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Россий-ская юстиция. – 2013. – № 12. 13. Кожокарь В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – 2015. - № 1. 14. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М. – 1992. 15. Новая теория уголовно-процессуальных доказательств: в рам-ках шестых «Бабаевских чтений» // Вестник Нижегородской правовой академии. Научный журнал. – 2015. – № 5. – 134 с. 16. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 9. – Ст. 875. 17. О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (Часть I). – Ст. 4274. 18. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Феде-рации»: Федеральный закон от 05.06.2007 №87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2830. 19. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2833. 20. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: Федеральный закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – №1. – Ст. 40. 21. О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 №11 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 5. 22. По делу о проверке конституционности положений ст.237, 413 и 418 УПК РФ в связи с запросом президиума Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 №6-П // Собрание законодательства РФ. – 2007. – №24. – Ст. 2830. 23. Решение от 15.08.1982 по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. М.: Норма, - 2000. 24. Российское законодательство X-XX веков. Т.8. Судебная реформа. – М.: Юрид. лит. – 1991. 25. Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию профессора Полины Абрамовны Лупинской: М.: Проспект. – 2016. – 583 с. 26. Статистические данные ГИАЦ МВД России о результатах заявлений, сообщений о преступлении за 2006-2016 гг.: приказ МВД России от 23.10.2002 г. «Об утверждении формы статистической отчетности 4-Е». 27. Федоров А.В. Нужна ли по делам о наркопреступлениях стадия возбуждения уголовного дела? // Наркоконтроль. 2017. № 1. С. 3-17.

УДК 343.13

Gavrilov B. Y. To the fifteenth anniversary of operation of the Code of criminal procedure of the Russian Federation: procedural theory and law-enforcement practice

In article are analyzed a condition of the criminal procedure legislation on the basis of activity of bodies of preliminary investigation and inquiry and taking into account the points of view of scientists-protsessualistov and requirements of practice the author's position of reforming of pre-judicial production is formed.

Keywords: *pre-judicial production; stage of initiation of legal proceedings; procedural terms of investigation and detention; brining a charge; procedural control; public prosecutor's supervision.*

Гармаев Ю. П.

доктор юридических наук, профессор
(Улан-Удэ, Россия)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: СОСТОЯНИЕ КОНЦЕПЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена современному состоянию и перспективам развития теории и методологии криминалистических методик расследования и судебного разбирательства. Автор анализирует идеи профессора В.К. Гавло и ряда других ученых, внесших существенный вклад в создание концепции полноструктурных криминалистических методик по делам определенных категорий. Обосновываются позиции: относительно диспозитивности сценариев формирования криминалистических методик, о необходимости криминалистических характеристик, сформированных специально для судей, государственных обвинителей.

Ключевые слова: *криминалистическая методика расследования, криминалистическая характеристика преступле-*

ний, полноструктурная методика, методология криминалистической методики, судебное разбирательство по уголовным делам об убийствах.

Эта статья родилась после некоторого осмысления результатов участия во Всероссийской конференции, посвященной юбилею профессора В. К. Гавло[1]. На этом форуме лишний раз убедился, что сценарий так называемых полноструктурных криминалистических методик расследования и судебного разбирательства по делам определенных категорий (по концепции Вениамина Константиновича) – один из самых перспективных в криминалистической методике как разделе науки.

Но сначала несколько слов о профессоре В. К. Гавло. Многие годы имел честь общаться с Вениамином Константиновичем, называть своим старшим товарищем и во многом Учителем, именно Учителем с большой буквы! Мы часто встречались на различных конференциях, заседаниях диссертационных советов. Несколько раз до этого дня посчастливилось бывать в г. Барнаул по приглашению профессора, пользоваться его гостеприимством, а также поддержкой в ряде научных вопросов. Именно с его легкой руки познакомился с Алтайской школой криминалистики и уголовного процесса, со многими сидящими в этом зале, теперь уже – давними и добрыми друзьями, единомышленниками, выдающимися учеными и педагогами. Уже только за это глубоко признателен ему! И это, конечно же, далеко не все причины, по которым мы любим и помним Вениамина Константиновича.

Всю жизнь буду помнить, анализировать и передавать коллегам, ученикам те мудрые слова и ценные идеи, которыми делился Вениамин Константинович! А еще в наше сложное в этическом плане время очень важно делиться воспоминаниями о тех исключительных человеческих качествах, которыми обладал профессор. Его доброжелательность, скромность и порядочность, стремление в любой момент прийти на помощь и поддержать коллег - эти и многие другие ценнейшие качества навсегда останутся примером для последующих поколений его учеников, друзей и коллег. Везде, где бываю, слышу самые добрые и уважительные слова в адрес Вениамина Константиновича. Его любят, помнят, глубоко уважают и приводят в пример. И в этом смысле профессор В. К. Гавло навсегда рядом с нами…

Переходя к вопросу о творческом наследии профессора В.К. Гавло в части направлений дальнейшего развития криминалистической методики, остановимся не на всех, а лишь на некоторых ключевых идеях, которые он сформулировал и многие годы отстаивал, доказывал, внедрял в практику. Попробуем также продемонстрировать, как эти идеи в настоящее время развиваются и могут развиваться в дальнейшем.

Рассматривая направления развития заключительного раздела науки криминалистики, В.К. Гавло, в том числе, в соавторстве со своими известными учениками, справедливо отмечал, что досудебное и судебное производство – это единое и неделимое поле деятельности для науки криминалистики. Нельзя разрабатывать криминалистическую технику, тактику и методику для предварительного следствия без учета ситуаций судебного следствия, как и криминалистическую технику, тактику и методику судебного следствия без учета ситуаций предварительного следствия и деятельности участников уголовного судопроизводства [8]. Эту позицию в той или иной мере поддержали многие известные ученые-криминалисты [5].

Развивая обозначенную идею, В. К. Гавло предлагал авторское наименование заключительного раздела науки: «Криминалистическая методика предварительного расследования и судебного разбирательства» [7]. В своих многочисленных работал автор утверждал, что информационно взаимосвязанными блоками и основой в «полноструктурной», как он ее назвал, криминалистической методике расследования преступлений (как в научном продукте – отмечено мной, Ю.Г.) являются:

1) криминалистическая характеристика преступления;

2) криминалистическая характеристика предварительного расследования;

3) криминалистическая характеристика судебного следствия по исследуемым уголовным делам [6, с. 671-675].

Обозначенная точка зрения поначалу поддерживалась далеко не всеми учеными. Так, например А. Н. Васильев и Н.П. Яблоков в некоторых своих работах отрицали необходимость разработки тактических приемов и методов для судебного разбирательства, считая, что для суда не требуется разработки особых тактических приемов и методов, научно-технических средств. Достаточно тактических и технических приемов, разработанных для предварительного расследования [3, с. 43; 4, с. 19-20]. Такого же мнения придерживались А. А. Эйсман [19], А.В. Шмонин [18, с. 95], О. Я. Баев и другие криминалисты. Так, например, О. Я. Баев указывает на свое принципиальное несогласие с тем, что в число субъектов судебного исследования преступлений криминалистическими средствами включается суд. Как отмечает уважаемый автор: «Сказанное отнюдь не означает, что профессиональный судья не должен обладать определенными знаниями хотя бы в части планирования судебного исследования доказательств, криминалистических возможностей отдельных следственных и судебных действий, отдельных видов судебных экспертиз, методологии их производства и т.п. Но эти познания и их реализация судьей не есть криминалистика. Это есть лишь использование данных криминалистики судом» [2].

Между тем, значительная часть авторитетных ученых-криминалистов, в частности, Р. С. Белкин, И. И. Когутич, С. Л. Кисленко, В. И. Комиссаров, Ю. В. Кореневский, В. А. Образцов и другие, уже давно определили необходимым создание криминалистических методик судебного разбирательства, правда, предлагая различные наименования и структуры, принципы формирования для соответствующих научных разработок. Так, обобщая мнения многих авторов, Т. С. Волчецкая указывает, что в современный период, после принятия УПК РФ, вместе с процессом фактической реализации принципа состязательности в уголовном процессе, многие ученые стали проводить в жизнь

---

[1] Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае», посвященная памяти доктора юридических наук, профессора В.К. Гавло, 17-18 ноября 2016 года в Барнаульском юридическом институте МВД России (г. Барнаул), https://бюи.мвд.рф /press /news/item /8947624/, сборник материалов конференции https://xn--90ao9d.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site130/document_journal/Materialy_kriminalisticheskih_chteniy_2016_g.pdf

идеи расширительного применения криминалистики в рамках уголовного процесса. Так, появились научные исследования по прокурорской тактике, по проблемам использования ряда положений криминалистической тактики (версии, планирование, моделирование, ситуационный подход и т.д.) в деятельности судьи [5, с. 7].

Итак, представляется очевидным, что судьи, равно как и другие участники процесса, для повышения качества, соблюдения установленных законом сроков судебного разбирательства, принятия законных правовых решений, не могут ограниваться знаниями только, например, в области уголовного права и уголовного процесса. Необходимы специфические знания и навыки криминалистического характера. Соответственно далее встают вопросы о теоретической обоснованности и практической значимости такого рода знаний и навыков, а значит о качестве разработки соответствующих криминалистических рекомендаций различного типа.

Как справедливо отмечает А. Ю. Корчагин: «Качество судебного разбирательства не вполне соответствует самым высоким требованиям. … Брак в судебной работе допускается из-за незнания государственным обвинителем, защитником и судьями приемов и методов исследования доказательств, недостаточного умения осуществлять доказывание с использованием организационно-аналитических, тактических средств и методов» [14].

Идеи В. К. Гавло подтверждается результатами множества исследований как эмпирического, так и методологического характера. Так, сам автор приводит данные опроса 73 судей, которые единодушно заявили, что им необходимы разработки в области тактики и методики судебного следствия [8, с. 288]. Отмечая этот спрос на практическом уровне, вместе с тем, следует признать, что на уровне научном еще пока не достаточно разработаны (с активным внедрением в практику) частные криминалистические методики расследования и/или судебного разбирательства по делам определенных категорий. Однако работа в этом направлении все же ведется. Так, имеется целый ряд интересных научных разработок опять-таки алтайской школы криминалистов. Под научным патронажем В. К. Гавло и Д. В. Кима подготовлено несколько пособий и монографий [13; 15; 17], защищен ряд диссертаций, посвященных частным методикам расследования и/или судебного разбирательства по делам той или иной категории [11, с. 837-840]. Однако эти исследования пока еще мало внедряются в практику работы судов. Так, попытки создания этого типа методик предпринимались на уровне диссертационных исследований (Е.А. Ануфриева [1], О.В. Яцечко [20] и др.). Однако, как показывает анализ этих работ, авторами созданы не полноструктурные методики, а «особенности», «основы» методик. И это понятно, поскольку создание полноструктурных методик - серьезная и объемная задача, вряд ли решаемая одним исследователем. Это задача для целого научного коллектива. Тем не менее, такие исследования должны проводиться, поскольку они имеют значительную теоретическую и практическую значимость.

При этом важно учитывать, что в полном соответствии с идеями В.К. Гавло, системы рекомендаций в рамках таких полноструктурных методик должны строиться с учетом взаимосвязи и взаимообусловленности деятельности на досудебных и судебных стадиях. Так, например, следователь должен быть предупрежден о типичных ошибках, допускаемых при расследовании преступлений. Ему нужно показать негативные последствия некачественно проведенного расследования на законность и эффективность всего производства по делу.

Представители иных научных школ развили идеи Вениамина Константиновича и во многом пришли к аналогичным выводам. Так, председатель Верховного суда Республики Бурятия А.А. Кириллова, пользуясь идеями и гипотезами Алтайской школы, провела опрос судей судов общей юрисдикции в Республике Бурятия, Иркутской области и Забайкальском крае[1]. Респондентам была задана серия вопросов, направленных на выяснение их отношения к разработке и внедрению криминалистических методик судебного разбирательства по делам определенных категорий.

На один из наиболее общих вопросов: «Каковы основные причины недостаточной эффективности расследования и судебного разбирательства, в частности, по делам об убийствах», 29% респондентов указали на «отсутствие полноценных методических рекомендаций». В целом судьи считают эту причину второй после «невысокой квалификации кадров» (61% респондентов), в основном следственных, что, разумеется, взаимосвязано с указанной выше причиной[2]. Следует отметить, что на вопрос: «Какие рекомендации для судей, помощников, секретарей судебных заседаний нужны больше, учить этому надо чаще», больше всего голосов судьи отдали в пользу уголовно-процессуальных рекомендаций (67% опрошенных, большинство из них указали на 40%-50% -ную степень важности этих знаний), затем в пользу уголовно-правовых (66% опрошенных, большинство из них также указали на 40%-50% степень важности). Следует особо отметить, что судьи несколько меньше, но все же ценят знания криминалистические (43% опрошенных). Большинство опрошенных указали на 10%, 20% и 30%-ную степень важности криминалистических рекомендаций по сравнению с иными вышеперечисленными. Помощники судей криминалистические знания ценят еще ниже.

Причиной такого рода выводов может быть недостаточность и слабое внедрение криминалистических разработок, подготовленных специально для судей. А учебными и иными пособиями по криминалистике, традиционно адресованными следователям и студентам, судьи пользуются не в полной мере, поскольку не считают себя конечными адресатами таковых. Однако многие из судей в анкетах выразились в том смысле, что необходимо учить и учиться всему в совокупности, чтобы иметь полный объем знаний по всем наукам. Это указывает на значительный потенциал как криминалистических, так и межотраслевых, комплексных научных разработок [12].

---

[1] По специальной анкете автором опрошен 101 судья и 108 помощников судей судов общей юрисдикции трех указанных регионов Восточной Сибири. Большинство судей имеют стаж работы в должности более 10 лет (57%) или от 5 до 10 лет (26%); рассматривают дела об убийства постоянно, многократно (33%) или рассматривали неоднократно (40%). Далее, для краткости – по результатам опроса судей и их помощников.

[2] Другие причины: «Недостаточное взаимодействие между судом, следствием, субъектами ОРД» и «Недобросовестность отдельных сотрудников».

Имеет смысл в заданном контексте обратиться и к позиции В. К. Гавло относительно научной категории «криминалистическая характеристика преступлений» (КХП). Автор утверждает: «Криминалистическая характеристика преступлений должна описывать наиболее существенные признаки, отличительные свойства по совершению отдельных видов и групп преступлений, описание должно базироваться на тщательном изучении механизма совершения преступления и его последствий от ситуации, предшествовавшей совершению преступления до установления истины судом» [9, с. 162]. Последний фрагмент: «… до установления истины судом», наводит на размышления. Ведь это мнение автора существенным образом отличается от большинства позиций ученых по данному вопросу и вместе с тем представляется нам совершенно обоснованным. КХП преступлений является одним из основных источников и для разработки, и для применения рекомендаций, как для расследования конкретной категории преступлений, так и для судебного разбирательства по делам о них.

Развивая эту идею, отметим, что, на наш взгляд, криминалистическая характеристика того или иного вида преступлений, адресованная судьям и государственным обвинителям, в отличие от традиционной криминалистической характеристики, то есть адресованной только следователям, должна удовлетворять, в том числе, следующим критериям:

– носить не столько поисковый (розыскной), сколько исследовательский характер, позволяющий суду проверять версии обвинения и защиты, оценивать собранные по делу доказательства и принимать решения по делу;

– быть ориентированной на процессуальные функции и интересы суда, в частности учитывать апелляционную и кассационную практику по делам данной категории, типичные основания отмены или изменения судебных решений [10].

Сказанное означает, что в зависимости от сценария формирования той или иной полноструктурной или «усеченной» криминалистической методики (например, методики только для судебных стадий), созданная в ее рамках КХП должна обладать либо набором свойств по типу «два в одном», либо для судей и государственных обвинителей должна создаваться отдельная КХП.

Так, в содержании КХП для судей следовало бы вводить данные:

- указывающие на типичные ошибки и нарушения закона, допускаемые в рамках предварительного расследования в части полноты и допустимости доказательств, отражающих признаки КХП. Например, в криминалистической характеристике взяточничества имеет смысл отмечать типичные ошибки следователя в части недостаточности, неполноты доказывания умысла обвиняемого – взяткополучателя на принятие взятки именно за действия, входящие в его служебные полномочия (см. ч. 1 ст. 290 УК РФ). А типовой позицией защиты в суде с большой долей вероятности будет, например: «Умысла не имел, мне вернули долг, взял деньги для служебных нужд…» и т.п.

- указывающие на то, в каких материалах уголовного дела следует искать информацию, необходимую для эффективного судебного разбирательства (поддержания государственного обвинения) по делам данной категории. Например, по упомянутой выше категории дел судье – адресату соответствующей КХП, можно дать совет о том, что доказательства и иные сведения, указывающие на возможно имеющийся умысел можно, вероятно, найти в первичных показаниях подозреваемого-взяткополучателя, в результатах ОРД, послуживших основанием возбуждения уголовного дела, и т.д. Следователи не всегда указывают на это в обвинительном заключении, далеко не всегда делают развернутый анализ, оценку доказательств по делу.

Кроме того, на наш взгляд, КХП должны:

- больше внимания уделять обстоятельствам, влияющим на квалификацию деяния, например, применительно к отдельным видам преступлений более подробно освещать не объективные, а субъективные признаки типичных посягательств, данные о личности типичного подсудимого;

- содержать больше примеров из судебной (а не только следственной) практики, с акцентом на то, что соответствующие обстоятельства преступления исследованы судом, с описанием принятого им решения [10, с. 85-86].

Представляется, что сформированные с учетом таких критериев криминалистические характеристики видов и групп преступлений будут максимально практичными, то есть полезными для судей и иных участников судебных стадий уголовного судопроизводства.

Возвращаясь к идее В.К. Гавло о полноструктурных методиках расследования и судебного разбирательства, считаем целесообразным сделать уточнение, не отрицающее, а развивающее, на мой взгляд, идеи ученого. Изучение литературы последних десятилетий позволяет прийти к смиренному, а точнее к примирительному суждению: сценарии формирования криминалистических методик видимо могут и должны быть самыми разными (как мы и видим в настоящее время), в зависимости от назначения методики (например, научно-диссертационная, учебная, практическая и др.), целевой аудитории, научной школы и других параметров. Нет, и, по всей видимости, не может быть единственно верного сценария, унифицированной методологии создания методик, а потому суждения типа: «Методика по своей структуре и содержанию должна быть только такая и никакая иная», вряд ли корректны. Они (методики) могут как дополнять друг друга, так и конкурировать между собой, борясь за внимание к себе и за масштабы внедрения в деятельность целевой аудитории, массы «потребителей».

Сценарий полноструктурных криминалистических методик расследования и судебного разбирательства по делам определенных категорий (В. К. Гавло) – один из самых перспективных в криминалистической методике как разделе науки. Но и сценарий смежных – усеченных методик, например, посвященных только судебному разбирательству, также широко востребован практикой, равно как и сценарий частных методик поддержания государственного обвинения, в частности, публикации Санкт-Петербургской школы криминалистов [16]. Однако эти инновационные по отношению к «традиционному» (только для следователей) сценарии создания методик, реализуются пока недостаточно. Тем не менее, они, в совокупности с концепцией «Тактика судебного следствия», образуют мощное направление развитие всей науки, которое для краткости можно обозначить как «криминалистика для суда».

Проблема недостаточности соответствующих прикладных и учебных разработок[1], как представляется, решится со временем, поскольку наметился внушительный спрос со стороны практиков и, соответственно, масштабная тенденция к созданию такого рода научных продуктов. И имя профессора В. К. Гавло навсегда останется в истории науки, в памяти криминалистического сообщества как имя не только основателя, идейного вдохновителя данного научного направления, но и как разработчика прикладных рекомендаций, а также как Учителя – вдохновившего множество своих учеников и последователей к творчеству в одном из наиболее перспективных направлении развития науки.

Что касается иных сценариев формирования криминалистических методик расследования, то уверен, что разные подходы имеют право на жизнь. Пожалуй, пора снизить накал полемики по поводу различных структур, принципов и т.п. криминалистических методик расследования. Методологических сценариев, вероятно, должно быть и несколько. Оценка эффективности каждого из них должна быть дана не столько научным сообществом, сколько практикой – свидетелем конкуренции данных сценариев, заказчиком, арбитром и конечным потребителем соответствующих научных продуктов.

Список источников: 1. Ануфриева Е.А. Особенности методики предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД: монография. – Новосибирск, 2014. – 239 с. 2. Баев О.Я. О предмете современной криминалистики / О.Я. Баев // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина): Сб. матер. 53-х криминалистических чтений: В 3-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2012. - Ч.1. – С. 97, 99. 3. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М., 1984. – 143 с. 4. Васильев А.Н. Следственная тактика. – М.: Юрид. лит., 1976. – 200 с. 5. Волчецкая Т. С. Перспективы и пути развития современной криминалистики / Т.С Волчецкая // Современное состояние и развитие криминалистики: Сб. науч. тр. / под ред. Н. П. Яблокова и В. Ю. Шепитько. – Х.: Апостиль, 2012. – С. 5-15. 6. Гавло В. К. Избранные труды. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 850 с. 7. Гавло В. К. О направлениях развития науки криминалистики и месте в ней методики судебного разбирательства / В.К. Гавло // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы 6 меж. науч.-прак. конф. – Барнаул, 2008 – С. 7. 8. Гавло В. К. Тактика и методика судебного следствия – есть сфера приложения научного потенциала криминалистики / В.К. Гавло, Д.В. Ким // Актуальные вопросы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 24 ноября 2009 г. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. – С. 283-295. 9. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1985. – 286 с. 10. Гармаев Ю.П., Кириллова А.А. Криминалистическая методика судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. I ст.105 УК РФ): теоретические основы и прикладные рекомендации: Монография и практическое пособие. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2015. – 280 с. 11. Диссертации, защищенные под научным руководством доктора юридических наук, профессора Гавло Вениамина Константиновича (Перечень) / Гавло В. К. Избранные труды / В. К. Гавло; составитель В. В. Сорокин, Н.А. Дудко. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2011. – С. 837-840. 12. Кириллова А.А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ) : дис…канд. юр.наук: 12.00.12 / А.А. Кириллова. – Краснодар, 2014. – 253 с. 13. Корчагин А.А. Криминалистическая методика предварительного расследования и судебного разбирательства по делам об убийствах (проблемы теории и практики): монография. – М.: Изд-во «Юрлитинформ». – 2013. – 512 с. 14. Корчагин А.Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис…д-ра юр.наук: 12.00.09 / А.Ю.Корчагин. Краснодар, 2008. – 39 с. 15. Корчагин А.Ю. Основы тактики и методики судебного разбирательства уголовных дел: монография. – Краснодар, 2007. 16. Руководство для государственного обвинителя: учебное пособие / под ред. О.Н. Коршуновой. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2011. – 772 с. 17. Хорошева А. Е. Современные проблемы методико-криминалистического обеспечения разбирательства в суде присяжных дел об убийствах: монография /под науч. Ред. В. К. Гавло. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 240 с. 18. Шмонин А.В. Методология криминалистической методики: Монография. - М.: Юрлитинформ, 2010. – 416 с. 19. Эйсман А.А. Криминалистика в системе юридических и естественных наук : Сб. науч. работ. – Вильнюс, 1963. – №1. – С. 27. 20. Яцечко О. В. Криминалистическая методика предварительного расследования и судебного разбирательства вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ). - М., 2011. - 200 с.

[1] Теоретико-методологических исследований уже…. если не достаточно, то весьма не мало.

УДК 343.98

Garmaev Y.P. Criminalistic methods of investigation and judicial proceedings: concept status and prospects of development

The article is devoted to the current state and prospects for the development of the theory and methodology of criminalistic investigation techniques and judicial proceedings. The author analyzes the ideas of Professor V.K. Havlo and a number of other scientists who made a significant contribution to the development of the concept of full-structural forensic techniques for certain categories of cases. The positions are justified: concerning the dispositional nature of the scenarios for the formation of forensic methods, the need for criminalistic characteristics, formed especially for judges, public prosecutors.

Key words: *Criminalistic methods of investigation, forensic characteristics of crimes, polnostrukturnaya methodology, methodology of criminalistic methodology, trial in criminal cases of murders.*

Герасенков В. М.

Частное образовательное учреждение высшего образования
«Брянский институт управления и бизнеса»
(Брянск, Россия)

Герасенкова О. А.

Частное образовательное учреждение высшего образования
«Брянский институт управления и бизнеса»
(Брянск, Россия)

ХАРАКТЕРИСТИКИ УСКОРЕННЫХ ДОСУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И КРИТЕРИИ ИХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

В настоящей статье обосновывается объективная необходимость существования в уголовном судопроизводстве ускоренных досудебных форм производства по уголовным делам о преступлениях, не представляющих существенной общественной опасности в целях процессуальной экономии, исключения необоснованного затягивания сроков производства по уголовным делам указанной категории и как следствие соблюдения в полной мере принципа разумного срока уголовного судопроизводства, рационального использования сил и средств органов предварительного расследования и повышения эффективности уголовного процесса в целом при производстве по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Проведен анализ ускоренных досудебных производств в уголовном процессе, определены критерии их дифференциации, характеристики, а также правовая природа и отличительные особенности указанных форм процессуального производства, позволяющие их детерминировать от обычных форм предварительного расследо-

вания, а также проведена классификация ускоренных досудебных форм процессуального производства. По итогам проведенного исследования были сформулированы обобщающие теоретические выводы и положения, характеризующие в комплексном подходе ускоренные формы досудебного производства в уголовном процессе.

Ключевые слова: *уголовно – процессуальное законодательство, ускоренное досудебное производство, ускоренные формы процессуального производства, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, дифференциация процессуальных форм, критерии дифференциации ускоренных досудебных производств.*

Дискуссии о необходимости создания эффективных процессуальных форм разрешения незначительных уголовно-правовых конфликтов ведутся уже очень давно среди научного сообщества. И прежде всего, это касается вопросов, связанных с ускоренными досудебными производствами, призванными обеспечивать наиболее оптимальный способ производства по уголовным делам о преступлениях, не представляющих существенной общественной опасности, достигая цели процессуальной экономии и сокращения процессуальных издержек при производстве по делам указанной категории, тем самым увеличить пропускную способность уголовной юстиции и более рационально использовать силы и средства органов предварительного расследования, позволяя сконцентрировать их внимание на расследовании более сложных и общественно опасных преступлений.

Необходимость дифференциации в контексте ускорения процессуальных форм производства вызвана объективной потребностью, связанной со значительно возросшей служебной нагрузкой на органы расследования по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Об этом говорят и статистические данные, согласно которым, удельный вес преступлений небольшой и средней тяжести от общего количества зарегистрированных преступлений в Российской Федерации в 2002 г. составил 46,7 %, в 2003 г. этот показатель уже составил 60,8 % [9], в 2005 г. – 69,7 % [10], в 2010 г. – 74 % [11], а в 2015 г. – 78,2 % [12].

Тенденция развития уголовно-процессуального законодательства в направлении ускорения процессуальных форм производства является общемировой, а на европейском уровне была официально оформлена в Рекомендациях Кабинета министров Совета Европы от 17 сентября 1987 г. № 6R (87) «Относительно упрощения уголовного правосудия» [7], в которых одним из направлений повышения эффективности уголовного судопроизводства является рекомендации о применении упрощенных досудебных процедур по малозначительным и массовым преступлениям.

Кроме того, вопрос о применении ускоренных форм уголовного судопроизводства обсуждался в 2010 г. на XII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию [4], где также затрагивались вопросы повышения эффективности уголовного процесса путем разработки и введения ускоренных процессуальных форм производства.

Таким образом, применение ускоренных процессуальных форм досудебного производства возможно только по уголовным делам о преступлениях, не представляющих большой степени общественной опасности и не являющихся сложными в расследовании, то есть основным критерием существования указанных форм в уголовном процессе является материальный или уголовно-правовой, характеризующийся малозначительностью преступления и небольшим размером наказания, предусмотренным за его совершение. Однако, важнейшим условием существования ускоренных досудебных производств в уголовном процессе будет являться соблюдение прав участников уголовного судопроизводства и как справедливо указывает О.В. Качалова, что «Ускорение формы уголовного судопроизводства должны соответствовать задачам уголовного судопроизводства, отвечать интересам защиты личности, а также интересам общества, заключающимся в уменьшении социальной напряженности и процессуальной экономии при расследовании и разрешении уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести…Процессуальная экономия не может превалировать над задачами защиты законных интересов участников уголовного судопроизводства, общества и государства» [3, 43 – 44].

Помимо уголовно-правового критерия дифференциации процессуальных форм производства существует и уголовно-процессуальный, в отношении которого среди ученых отсутствует единая точка зрения, в частности, отдельные учёные полагают, что к уголовно-процессуальному критерию дифференциации относятся свойства личности обвиняемого или потерпевшего [1, 43], другие сложность установления обстоятельств уголовного дела [5, 141 – 147], другие как сложность установления обстоятельств дела, так и особые качества, свойственные личности обвиняемого и потерпевшего [8, 241 – 242].

По мнению авторов, наиболее полной и научно обоснованной позицией определения критериев ускоренных форм процессуального производства, является точка зрения О.В. Качаловой, которая определяет так называемый интегративный подход к критериям ускоренных уголовно-процессуальных форм, заключающийся в совокупности и взаимной обусловленности трех критериев: уголовно-правового, который, как указывалось выше, является базовым, уголовно-процессуального и организационного [3, 39 – 40].

Однако, в содержание уголовно-процессуального критерия ускоренных форм уголовного судопроизводства О.В. Качалова включает не свойства личности обвиняемого, потерпевшего, сложность установления фактических обстоятельств уголовного дела и т.д., а сокращение процесса доказывания, в который структурно могут входить три элемента: сокращение предмета доказывания, то есть обстоятельств, подлежащих доказыванию и предусмотренных ст. 73 УПК РФ, редукция обязанности доказывания, то есть в производстве только тех следственных действий, не производство которых может повлечь неустранимую утрату следов преступления и нивелирование этапа проверки доказательств, заключающееся в праве должностного лица, проводящего расследование не проверять доказательства, в случае, если они не оспаривались участниками производства по уголовному делу [3, 41 – 42].

Указанная выше позиция О. В. Качаловой, по мнению авторов, в наибольшей степени отражает сущность и правовую природу ускоренных процессуальных форм производства, в связи с тем, что произвольно сокращая сроки расследования и оставляя неизменным процесс доказывания по уголовному делу, ускорения процессуальной формы добиться невозможно, а если и возможно, то только в ущерб качественной составляющей

произведенного расследования, по причине того, что принудительно сократив сроки расследования, не сокращая доказывания, все равно будет иметься необходимость в производстве того же объема следственных и процессуальных действий, что и для общих форм предварительного расследования и только в случае сокращения в том или ином производстве процесса доказывания, оно приобретет свойства ускоренной формы процессуального производства. А такие обстоятельства, связанные со свойствами личности подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, в частности, такие как, не владение языком на котором осуществляется уголовное судопроизводство, несовершеннолетний возраст, психическое состояние, правовой статус, а также такие обстоятельства, как сложность расследования, волеизъявление участников уголовного процесса, дискреция должностных лиц не относятся к правовой природе и сущности ускоренных досудебных производств, и следовательно, к критериям дифференциации уголовно-процессуального характера не относятся, а являются лишь условиями производства ускоренных досудебных форм, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством и следует согласиться с В.И. Рохлиным и Т.Г. Николаевой, что указанные выше обстоятельства «…критериями дифференциации форм расследования (за исключением тяжести преступления) не являются, скорее их можно отнести к основаниям (условиям) выбора той или иной формы расследования [6, 15].

Следовательно, базовый уголовно-правовой или материальный критерий, характеризующийся небольшой степенью опасности совершенного преступления позволяет применить уголовно-процессуальный критерий ускорения досудебного производства, заключающийся в сокращении процесса доказывания по уголовным делам о преступлениях указанной категории, а уже из уголовно-правового и уголовно-процессуального критериев ускоренных процессуальных форм вытекает, так называемый организационный критерий, сущностью которого является возможность в рамках того или иного ускоренного производства установления предмета доказывания и возможность в результате применения ускоренных досудебных производств сконцентрировать усилия правоохранительных органов по расследованию более общественно опасных и сложных преступлений, и как следствие достичь процессуальной экономии и оптимальности использования органов предварительного расследования.

Ускоренные формы досудебного производства, условно можно классифицировать на два вида, различные по своей сущности и правовой природе.

К первому виду относятся досудебные производства, возможность применения которых никоим образом не зависит от волеизъявления уголовно-преследуемого лица, потерпевшего, то есть непрофессиональных участников уголовного процесса, а прямо предусмотрены в уголовно-процессуальном законодательстве по уголовным делам определенной совокупности наиболее малозначительных и менее общественно опасных преступлений. Примером указанного вида ускоренных досудебных производств может служить протокольная форма досудебной подготовки материалов, применявшаяся в прошлом в отечественном уголовном судопроизводстве [14], а также протокольная форма, предусмотренная в настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан и применяемая по делам о преступлениях, составляющих категорию уголовного проступка [13].

Ко второму виду ускоренных форм досудебного производства относятся производства, возможность применения которых в уголовном процессе, напрямую зависит от положительного пост криминального поведения лица, в отношении которого осуществляются меры уголовного преследования, характеризующееся признанием им своей вины в совершении преступления, характера и размера, причиненного преступлением вреда, а также иные юридически значимые обстоятельства и на основании указанного положительного поведения к уголовно преследуемому лицу применяются, предусмотренные уголовно-процессуальным законом гарантии, связанные со значительным уменьшением размера наказания за совершенное преступление.

То есть, указанный вид ускоренного досудебного производства обладает свойствами компромиссного и согласительного характера, в основе которого лежит соглашение, характеризующееся взаимными уступками сторон в процессе уголовного судопроизводства и как в данном контексте указывает Л.А. Шестакова, что «под компромиссными производствами мы понимаем вид особой уголовно-процессуальной формы, в которой уголовно-правовой конфликт разрешается путем допускаемого законом обмена сторонами обоюдовыгодными уступками» [16, 60] и как в этой связи верно указывают С.В. Власова и Г.Х. Шаутаева, что «Уголовное преследование может быть реализовано и на договорных началах посредством достижения соглашения между участниками процесса. Предметом данного соглашения могут являться размер и вид наказания за совершение преступного деяния» [2, 105].

Примером данного вида процессуальных досудебных форм производства является дознание в сокращенной форме, применяемое в настоящее время в российском уголовном судопроизводстве [15].

Сущность и правовая природа указанного вида ускоренных досудебных производств придает им в определенной степени свойства договора (соглашения) публично-правового характера, обладающего следующими определяющими его признаками:

- заключение данного рода соглашений возможно лишь с лицами, совершившими уголовно наказуемое деяние;

- сторонами указанного соглашения являются уполномоченные государственные органы и лицо, совершившее уголовно-наказуемое деяние;

- возможность, условия и порядок данного соглашения строго регламентированы уголовно-процессуальным законодательством;

- предметом данного рода соглашений является существенное смягчение размера или вида наказания уголовно преследуемому лицу в обмен на совершение им юридически значимых (положительных) посткриминальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством;

- соглашения указанного вида направлены на скорейшее разрешение существующего уголовно-правового конфликта и обладают свойствами компромиссного характера, заключающимися в обоюдовыгодных уступках сторон уголовного судопроизводства;

- существование в уголовно-процессуальном законе данного рода соглашений преследует цели ускорения

уголовного процесса, уменьшения процессуальных издержек, более рационального использования сил и средств органов расследования и в целом повышения эффективности уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы о том, что существование в уголовном процессе ускоренных досудебных форм производства определяется совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных критериев уголовно-правового (материального), который является основным, уголовно-процессуального и организационного характеров при неукоснительном соблюдении прав и законных интересов участников уголовного процесса. Незначительная общественная опасность преступления и соответственно небольшой размер наказания, предусмотренный за его совершение и является уголовно-правовым критерием, дающим основание по указанной категории уголовных дел применить ускоренное досудебное производство. Критерий уголовно-процессуального характера, в который структурно могут входить: сужение предмета доказывания, редукция обязанности доказывания и нивелирование этапа проверки доказательств показывает, за счет чего указанное ускорение может быть достигнуто. И уже из материального и процессуального критериев дифференциации ускоренных форм досудебного производства вытекает критерий организационного характера, включающий в себя возможность в рамках ускоренного досудебного производства установления предмета доказывания и в результате применения ускоренных досудебных производств сконцентрировать усилия правоохранительных органов на расследовании более сложных преступлений. А такие обстоятельства, как свойства личности подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, волеизъявление участников уголовного судопроизводства, сложность установления обстоятельств дела, дискреционные полномочия должностных лиц к критериям дифференциации ускоренных процессуальных форм не относятся, а являются только основаниями (условиями) применения указанных форм процессуального производства, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

Условно, ускоренные досудебные производства можно классифицировать на два вида. К первому относятся производства, применяемые по определенной уголовно-процессуальным законом совокупности самых малозначительных преступлений, которая может составлять категорию «уголовного проступка» и возможность производства которых не зависит от позиции участников уголовного процесса. Ко второму виду относятся производства, возможность применения которых напрямую зависит от положительного посткриминального поведения лица, совершившего преступление, являющееся обязательным условием применения данного вида ускоренных досудебных производств. Они в определенной степени обладают свойствами договора публично-правового характера и направлены на скорейшее разрешение незначительного уголовно-правового конфликта.

Список источников: 1. Аширбекова М.Т., Омарова А.С. О новом «налоговом» поводе к возбуждению уголовного дела//Российская юстиция. – 2012. - № 3. – С. 41 – 43; 2. Власова С.В., Шаутаева Г.Х. К вопросу о дифференциации форм согласительных процедур в современном уголовном судопроизводстве России// Вестник Удмуртского университета, серия экономика и право. – 2015. - № 2-3. – С. 104 – 107; 3. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. …докт. юрид. наук: 12.00.09/Качалова Оксана Валентиновна. – М., 2016. – 482 с.; 4. Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию [Электронный ресурс] – URL:http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V10/ 504/22 /PDF/V1050 422.pdf? Open Element (Дата обращения 07.09.2016); 5. Маршев С.А. О дифференциации форм уголовного судопроизводства//Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – С. 141 – 147; 6. Рохлин В.И., Николаева Т.Г. Понятие формы досудебного производства и проблемы ее дифференциации//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. - № 2. С. 13 – 16; 7. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М., 1998. – С. 116 – 122; 8. Свиридов М.К. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса//Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического государства. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1987. – С. 241 – 242; 9. Состояние преступности – январь – декабрь 2003 г. [Электронный ресурс] – URL:https://мвд.рф/ folder/101762/item/209710/ (Дата обращения 07.09.2016); 10. Состояние преступности – январь – декабрь 2005 г. [Электронный ресурс] – URL:https://мвд.рф/folder/101762/item/209686/ (Дата обращения 07.09.2016); 11. Состояние преступности – январь – декабрь 2010 г. [Электронный ресурс] – URL:https://мвд.рф/folder/101762/item/ 209732/ (Дата обращения 07.09.2016); 12. Состояние преступности – январь – декабрь 2015 г. [Электронный ресурс] – URL:https://мвд.рф/folder/101762/item/7087734/ (Дата обращения 07.09.2016); 13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. – [Электронный ресурс] – URL:http://online.zakon.kz/ Dokument /?dok_id=31575852 (Дата обращения 01.08.2016); 14. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.01.1985 г. № 6 – 25 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР»//Ведомости ВС РСФСР. – 1985. - № 5. – Ст. 163; 15. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»//СЗ РФ. – 2013. - № 9. – Ст. 875; 16. Шестакова Л.А. Компромиссные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов: проблемы межсистемных и межотраслевых связей / Л.А. Шестакова//Уголовная юстиция. – 2013. - № 2. – С. 60 – 63.

УДК 343.136

Gerasenkov V. M., Gerasenkova O. A. Characteristics of accelerated pre-trial proceedings in the criminal process and the criteria for their differentiation

This article explains the objective necessity of the existence of the criminal proceedings accelerated pretrial forms of criminal cases involving offenses that do not pose significant public danger in order to procedural economy, by eliminating unnecessarily delaying the timing of production on criminal cases of this category and as a result full compliance with the principle of reasonable time criminal proceedings, the rational use of forces and means of bodies of preliminary investigation and improve the efficiency of the criminal process as a whole by manufacture on criminal cases of crimes small and average weight. The analysis of the accelerated pre-trial proceedings in the criminal process, the criteria for the differentiation of defined characteristics, as well as the legal nature and features of these forms of production procedure, allowing them to determine from the usual forms of the preliminary investigation, as well as the classification of accelerated pre-trial procedural forms of production. According to the results of the research were formulated by generalizing the theoretical conclusions and positions that characterize an integrated approach expedited form of pre-trial proceedings in a criminal trial.

Key words: *criminal - procedural legislation, accelerated pre-trial proceedings, expedited form of production procedure, criminal procedure, criminal proceedings, the differentiation process forms, criteria for differentiation of accelerated pre-trial proceedings.*

Григорьев В. Н.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия).

КРЫМСКИЙ ВАРИАНТ ЭКОНОМИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ

Автор, приводя результаты опубликованных исследований крымского варианта (начала прошлого века) экономии уголовно-процессуальных средств, обращает внимание на сходные современные тренды. Множащиеся в последние годы особые производства, основанные на признании обвиняемым своей вины и предполагающие отказ от установления в суде действительных обстоятельств преступления, должны быть подвергнуты ревизии и оценке соответствия запросам и состоянию современного гражданского общества в России. Предлагаются альтернативные варианты решения проблемы исчерпанности традиционных ресурсов.

Ключевые слова. *Уголовно-процессуальная форма, процессуальные средства, особые производства, оптимизация процессуальной формы, крымские репрессии, признание обвиняемого, альтернативные варианты оптимизации.*

Исторический опыт (к постановке проблемы). Крым всегда привлекал к себе внимание. В условиях современных событий важно определить свое отношение к происходящему там в сфере своего социального круга. Примерно с такой мотивацией, регулярно просматривая доступные материалы об этом интересном анклаве, однажды наткнулся на весьма необычное по внешней форме высказывание касательно крымской юстиции, которое сразу вызвало возражения.

Доктор исторических наук Сергей Белоконь в своей вступительной статье к книге Леонида Абраменко «Последняя обитель. Крым. 1920–1921 годы» допускает пассаж, который можно воспринять как попытку отстранить юристов от изучения дел репрессированных и самого феномена репрессий за давностью лет, полагая, что это – сфера интересов исключительно историков.

«Я считаю, – пишет автор статьи, – что со времен большевизма минуло уже много, даже слишком много времени. Это уже почти такая же древность, как Куликовская битва. Поэтому рассматривать позиции участников былых противостояний и битв с точки зрения нашей современной юриспруденции нелепо. Полагаю, что эти дела за давностью времени необходимо открыть все (например, до 1941 года – однозначно). Все, кто был репрессирован, умерли, причем умерли достаточно давно. Этими материалами отныне должны заниматься историки» [2, с. 16].

При более внимательном анализе приходишь к выводу, что автор вовсе не это имел в виду, что речь идет об отсутствии необходимости за давностью лет пересмотра конкретных дел репрессированных с целью отмены принятых в отношении них решений и их реабилитации. Весьма небесспорная, эта мысль побудила взглянуть на некоторые детали тех давних крымских репрессий как раз «с точки зрения нашей современной юриспруденции».

Именно с этой точки зрения привлекают внимание изощренные попытки облегчить, упростить работу органов уголовной юстиции, которые из-за возрастающего вала несмотря на «небывалый ранее энтузиазм и активность» с трудом решали свои задачи.

Л.М. Абраменко, советник юстиции, написавший несколько историко-юридических работ по теме советских репрессий, обратил внимание на одно процессуальное нововведение крымских расстрельных приговоров, не встречавшееся ранее и явившееся, возможно, практическим ответом на вызовы, с которыми столкнулись советские органы в Крыму, когда им была поставлена задача тотального уничтожения в кратчайшие сроки целых социальных групп населения: упрощение процедуры документального оформления применения репрессий.

Среди таких приемов процессуального упрощения названы, в частности:

- применение репрессий не индивидуально, в зависимости от тяжести совершенного преступления и личности обвиняемого, а сразу к группе людей по многочисленным спискам;

- применение репрессий к лицам, которые ни разу не допрашивались, которым не предъявлялось обвинение, не говоря уже о выполнении других обязательных процессуальных требований [1, с. 207].

Л. М. Абраменко, назвав такую процессуальную систему «противоправосудием» или «контрправосудием», отмечает, что «списочные расстрелы противников советской власти в силу своей простоты и без «идиотской волокиты» были вскоре оценены по достоинству и получили широкое распространение не только в Крыму, но и на континенте» [1, с. 208, 207].

Современные тренды. Сегодня можно наблюдать сходные в некоторых деталях процессы, проявляющиеся в тотальных попытках упростить работу органов уголовной юстиции, как-то: расширить круг органов, наделенных полномочиями действовать в процессуальной форме; создать в рамках процессуальной формы систему упрощенных производств, в меньшей мере обремененных обрядностью и формальностями, присущими обычному производству; упростить форму обычного производства за счет исключения тех или иных обрядностей и формальных процедур.

В результате можно наблюдать, как формируются современные тренды в упрощении процессуальной формы, получившие обобщенное название оптимизации.

В современный российский уголовный процесс оптимизация пришла в виде особого порядка судебного разбирательства при согласии лица с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ). Затем эта процедура была распространена на дела с досудебным соглашением о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) и дела, расследуемые в порядке сокращенного дознания (глава 32 УПК РФ).

Количество дел, рассмотренных в особом порядке из года в год неуклонно растет. Как отметил во время парламентских слушаний заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации В.А. Давыдов, этот порядок из исключительного превратился в преобладающий: он составляет 84 процента, если брать от числа осужденных, если брать от общего числа дел, поступивших в суды, – 60 процентов [8, с. 7].

Как это не покажется странным, такой институт особого производства всех устраивает. Судью – потому что не надо проводить судебное разбирательство и не надо мотивировать приговор, который, кстати, не может быть обжалован в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (ст. 317 УПК РФ). Следователя, – степень напряженности и ответственности в работе которого не может не измениться под воздействием того, что приговор будет выноситься по делу без проведения судебного разбирательства. «Очень удобно следствию, очень удобно судам – всем удобно», – с иронией констатировал В.А. Давыдов, критически оценивая такой порядок уголовного судопроизводства [8, с. 8].

Самые свежие тенденции в процессуальной форме отражают потребности служителей Фемиды в том, чтобы облегчить свой труд, сделать его более легким и необременительным, удобным для решения повседневных вопросов.

24 марта 2015 года Государственная Дума Российской Федерации приняла в первом чтении Проект Федерального закона N 638178-6 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», внесенный Верховным Судом Российской Федерации, который вводит в практику правосудия принятие решения в виде лишь его резолютивной части, без мотивировки решения: «Решение арбитражного суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается немедленно после разбирательства дела путем подписания судьей резолютивной части решения и приобщается к делу» (ч. 1 ст.229 АПК РФ) [6]. 16 февраля 2016 года данный законопроект принят Государственной Думой ФС РФ в окончательной редакции, 26 февраля 2016 года одобрен Советом Федерации ФС РФ и 2 марта 2016 года подписан Президентом РФ [12]. Сходный порядок предлагается ввести и в уголовное судопроизводство [9, с. 142].

Один из последних законов в ряду процессуальных упрощений, являющийся примером отступлений о конституционных положений, – Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [13]. Указанный Федеральный закон ввел особое производство по освобождению от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (глава 51.1 УПК РФ), представляющий собой чрезмерно упрощенную разновидность основного производства по уголовному делу [9, с. 366]. Причем, степень упрощения достигает таких пределов, которые дают основания говорить об изменении качества, при котором правосудие превращается в процедуру, не обладающую свойствами последнего: лицо признается виновным в совершении уголовного преступления и подвергается уголовному наказанию вне судебной процедуры, без достаточных гарантий установления истины и без обеспечения участникам производства права на судебную защиту, в отсутствие достаточных гарантий от злоупотреблений. Если в отношении лица прекращено уголовное преследование в порядке, предусмотренном главой 51.1 УПК РФ, в информационных центрах органов МВД остаются сведения, что он подвергался уголовному преследованию, что является препятствием для реализации прав в выборе профессии и сферы занятий, места жительства и свободы передвижения, получения почетных званий и других государственных наград.

Все это позволяет сделать вывод о том, что производство по назначению меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, представляя исключение из конституционной нормы об обязанности государства доказывать виновность обвиняемого в совершении преступления (ст. 49 Конституции Российской Федерации), введено без достаточной ясности представления о его целях и при очевидном отсутствии необходимого уровня предварительной проработки его нормативно-правовой модели [9, с. 366-372; 4; 7].

Выводы и рекомендации. Приводимые оценки развития российского уголовного судопроизводства созвучны тем, что были обнародованы 2 марта 2017 года в Верховном Суде Российской Федерации на состоявшейся научно-практической конференции на тему «Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России: основные проблемы применения и направления совершенствования» [5]. На этой конференции, в частности, прозвучало, что «из-за нестабильности, разбалансированности и противоречивости действующих материальных и процессуальных норм судьям становится все труднее обеспечивать проведение судебных разбирательств, оценивать доказательства, выносить судебные решения, возникает ряд других проблем. Все это происходит в том числе и потому, что законодатель, как нам думается, не знает четко, в какую сторону двигаться, какими правилами руководствоваться при формировании правовой основы борьбы с преступностью и не всегда соотносит принимаемые акты с целями правового государства и конституционно-значимых ценностей» [3].

Никому, конечно, и в голову не придет обвинять современных деятелей юстиции в попытках насадить аналогичные крымским 100-летней давности порядки сегодня. Однако трудно не заметить сходства 1) решаемых проблем; 2) привлекаемых ресурсов; 3) предлагаемых средств.

Легкий путь решения проблем уголовного судопроизводства конечно привлекателен. Однако давно замечено, что дешевое правосудие дорого обходится. На мой взгляд, перевод правосудия на базу признания обвиняемым своей вины – не тот исторический опыт, к современной реализации которого следует прилагать усилия.

Тенденции к упрощению уголовно-процессуальной формы необходимо противопоставить стремление к адекватному, экономному ее применению. С этой целью следует своевременно устранять из ее сферы деяния, не отвечающие критерию общественной опасности, переводить их в сферу административной юрисдикции.

Современные особые производства, базирующиеся на признании обвиняемым своей вины и предполагающие отказ на этом основании от установления в суде действительных обстоятельств преступления, должны быть подвергнуты ревизии и оценке соответствия запросам и состоянию современного гражданского общества в России.

«В области судопроизводства нельзя довольствоваться истиной формальной, т.е. простым соответстви-

ем выводов некоторым формальным условиям (например, допросу определенного количества свидетелей)» [11, с. 151]. Либо, – можно добавить из современного материала, – согласию обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Следует признать, что нормативно-правовой порядок должен отражать прежде всего общественные потребности гражданского общества в справедливом правосудии и лишь в последнюю очередь загруженность служителей Фемиды, удобство для них формы служения правосудию.

Весьма перспективный ресурс – компьютеризация уголовного судопроизводства, разработка технологии и вариантов внедрения в него блокчейн-технологий.

Список источников: 1. Абраменко Леонид. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. – К.: МАУП, 2005. – 480 с.; 2. Белоконь С. Красный террор в Крыму (небольшой экскурс в историю Крыма) // Абраменко Леонид. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. – К.: МАУП, 2005. С. 3-17; 3. Зеновина В. По мнению научного сообщества, в России нужно принять концепцию развития уголовной политики // http://www.garant.ru/news/1096082/#ixzz4aoXYi8ed; 4. Кальницкий В.В. Порядок прекращения уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа // http://www. iuaj.net/node/2101; 5. Научно-практическая конференция «Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России: основные проблемы применения и направления совершенствования» // http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=11299. 6. Паспорт проекта Федерального закона N 638178-6 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (об унификации процессуальных норм) (внесен Верховным Судом РФ) // СПС Консультант Плюс. 7. Рыжаков А.П. Комментарий к Федеральному закону от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС Консультант-Плюс. 2016. 8. Стенограмма парламентских слушаний на тему «Вопросы совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации: тенденции и перспективы». 24 июня 2014 года. – М.: СФ ФС РФ, 2014. С. 8 // http://council.gov.ru /media/files/41d4ecb1640d5bea55f6.pdf. 9. Тарасов А.А. Протокол судебного заседания по уголовному делу: о допустимости и полезности некоторых аналогий // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 29. С. 137-143; 10. Трубникова Т.В. Производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: сущность и гарантии от злоупотребления правом // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования»: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. С. 366-372; 11. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. Н.С. Алексеева, В.З. Лукашевича, П.С. Элькинд. – М.: Юрид. лит., 1972. 584 с.; 12. Федеральный закон от 2 марта 2016 года № 47-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 10. Ст. 1321; 13. Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

УДК 343.137

Grigoryev V.N. Crimean option of economy of criminal procedures: historical experience and contemporary trends

The author, citing the results of published studies of the Crimean version (early last century) of saving criminal procedures, draws attention to similar current trends. The special production that has been multiplying in recent years, based on the recognition of the accused of their guilt and the refusal to establish the actual circumstances of the crime in court, should be subject to revision and assessment of compliance with the demands and status of modern civil society in Russia. Alternative solutions are proposed for solving the problem of exhaustion of traditional resources.

Key words: *Criminal procedural form, procedural means, special production, optimization of procedural form, Crimean repression, confession of the accused, alternative options for optimization.*

Губанова Е. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ СЛУЖБ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья освещает различные аспекты взаимодействия Федеральной службы судебных приставов с обучающимися высших учебных заведений. Авторы проводят анализ уже имеющегося опыта Крымского Федерального Университета и прогнозируют положительные результаты его применения в других регионах.

Ключевые слова: *профессиональные компетенции, профориентация, развитие карьеры.*

В процессе становления личности важное место занимает период приобретения специальности в образовательных учреждениях, в течение которого обучающийся имеет больше возможностей проявить свои таланты, способности, чего-то достичь, самоопределиться с собственной манерой поведения, образом жизни, своими стремлениями и целями на будущее. В большинстве случаев именно период обучения в высшем учебном заведении становится определяющим в жизни молодежи, поскольку на него приходится становление человека как целостной, зрелой, окончательно сформированной личности — полноценного члена общества, гражданина своего государства. В этот период жизни человека наиболее интенсивно формируется его «социальное самочувствие», жизненные ориентиры и установки, в т.ч. профессиональное самоопределение. Вся система образования направлена на приобретение обучающимися совокупности компетенций, которые являются отражением профессионального и личностного становления выпускника. Безусловно, наряду с общекультурными принципами и понятиями, которые усваиваются студентом в процессе обучения, на первый план все же выходят те компетенции, которые мы определяем как профессиональные, т.е. способность успешно действовать на основе практического опыта, умения и знаний при решении профессиональных задач. В соответствии с Приказом Министерства образования РФ от 1 декабря 2016 г. № 1511 Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 юриспруденция (уровень бакалавриата), выпускник должен обладать такими профессиональными компетенциями, которые позволят ему выполнять определенные профессиональные функции, а именно: нормотворческая; правоприменительная; правоохранительная; экспертно-консультационная [1]. Именно поэтому государственным органам, предприятиям, организациям, учреждениям следует особое внимание удалять взаимодействию со студенческой средой, становясь участниками процесса формирования их профессиональных компетенций. Различные направления взаимодействия позволят сформировать полное представление о профессии, прочувствовать всю специфику конкретной работы, чтобы оценить свои силы и готовность выбрать то или иное направление карьеры. Такому серьезному выбору, а именно — выбору будущей профессии должно предшествовать всестороннее изу-

чение особенностей работы на определенной должности, условий труда, должностных полномочий, требований, предъявляемым к кандидатам на замещение вакансии. Возможность постижения всего этого может возникнуть у студентов в случае систематического, а не эпизодического общения с работниками учреждения. Наилучшим вариантом представляется, когда образовательное учреждение взяло на себя обязанности по организации такого рода взаимодействия между обучающимися и потенциальным работодателем.

Показательным примером такого взаимодействия является Управление Федеральной службы судебных приставов по Республике Крым, которое с момента образования службы заключило Соглашение о сотрудничестве с ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», в состав которого вошло десять высших и шесть средних образовательных учреждений Крыма и города федерального значения Севастополя.

В адрес юридических наук часто раздаются критические замечания, связанные с их отставанием от потребностей практики [2, с. 26]. В учебную программу студентов юридического факультета включена такая дисциплина как «исполнительное право», однако порядок осуществления исполнительного производства не отражает в полной мере все аспекты деятельности судебных приставов. В целях наиболее полного формирования профессиональных компетенций у студентов магистратуры уголовно-правового профиля, на кафедре уголовного процесса и криминалистики разработана и преподается дисциплина «Основы деятельности судебных приставов», что в полной мере отвечает Крымского региона в формировании института судебных приставов и повышения профессионализма сотрудников. Условия сотрудничества университета с Управлением Федеральной службы судебных приставов позволяют студентам ощутить специфику практической деятельности в рамках проведения с государственными служащими трудовых будней и сконцентрироваться на получении именно тех знаний и навыков, которые в дальнейшем будут востребованы на государственной службе.

В соответствии с Соглашением о сотрудничестве Управлением проводится активная работа со студентами и выпускниками: предоставляются условия для прохождения практики обучающимися Университета в подразделениях Управления, к квалификационным требованиям для прохождения службы в которых предусмотрено высшее юридическое образование.

Руководством Управления ФССП РФ по Республике Крым предоставляется на кафедру уголовного процесса и криминалистики, где преподается соответствующая дисциплина, тематика выпускных квалификационных работ обучающихся.

Отдельным направлением такой работы является информационная деятельность. Представители службы принимают участие в тех мероприятиях университета, которые обеспечивают непосредственное общение со студентами. В соответствии с утвержденным графиком Управление проводит регулярные презентации для обучающихся университета с целью ознакомления с деятельностью Федеральной службы судебных приставов, с условиями работы и возможностями поступления на службу. На встречах с молодежью рассматриваются вопросы, касающиеся принудительного исполнения исполнительных документов, в том числе порядка исполнения уголовных штрафов, обязательных работ, административного приостановления деятельности, розыска должников и детей, оценки и реализации имущества.

Особое внимание уделяется ознакомлению ребят с алгоритмом работы электронного сервиса «Банк данных исполнительных производств», позволяющего узнать о задолженности, как у гражданина, так и у юридического лица. Благодаря ресурсу можно своевременно узнавать о своих долгах, исключив риск оказаться в списке «невыездных» и принятия судебным приставом мер принудительного исполнения судебного решения. Для будущих юристов эта информация особенно важна: после окончания университета выпускникам, планирующим посвятить себя государственной службе, нужно быть уверенным в отсутствии возбужденных в их отношении исполнительных производств. Более того, кто-то из студентов пополнит ряды судебных приставов и будет работать с этим ресурсом в своей ежедневной практике.

Отдельно освещаются проблемы взыскания алиментных долгов, которые уже давно вышли за рамки деятельности Федеральной службы судебных приставов и стали общенациональной проблемой, которая заметно обострилась в условиях экономического кризиса. Такое внимание отдельному виду долгов обусловлено тем, что взыскание алиментов — это не только решение определенных финансовых и социальных проблем, но и вопрос воспитания будущего поколения, сохранения моральных норм и ценностей.

Еще одним направлением сотрудничества Управления Федеральной службы судебных приставов и университета является привлечение студентов с научным потенциалом к участию в ежегодном конкурсе научных работ, посвященных историй образования, развития и современной деятельности института судебных приставов в России и зарубежных странах [3]. Целью данного конкурса является раскрытие творческих способностей студенческой молодежи, сохранение интеллектуального потенциала молодых ученых, поддержка и развития интереса новых поколений юристов к проблемам исполнительного производства в России. Главный судебный пристав Российской Федерации Артур Парфенчиков отмечал важность зарождения в студенческой среде интереса к профессии судебного пристава. По его словам, идеи, изложенные в конкурсных работах, зачастую находят практическое применение в современной деятельности Службы и отражение в законодательных инициативах [4].

Однако главной задачей, решаемой в процессе двустороннего сотрудничества, является пополнение кадрового состава Управления молодыми квалифицированными специалистами. Сотрудниками Управления неоднократно подчеркивалась важность качественных юридических знаний, необходимость высокой профессиональной подготовки будущих юристов. В настоящее время студенты КФУ имеют возможность проходить учебную и производственную практику в Управлении. Безусловно, такое взаимодействие имеет положительный результат и данный опыт может быть воспринят в других регионах, что будет способствовать формированию профессиональных компетенций будущих юристов, становлению и развитию карьеры выпускников и

повышению качества кадрового резерва Федеральной службы судебных приставов.

Список источников: 1. Приказ от 1 декабря 2016 г. № 1511 Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 юриспруденция (уровень бакалавриата) // Портал федеральных государственных образовательных стандартов – [Электронный ресурс] – режим доступа: http://fgosvo.ru/news/3/2138, 2. Гармаев Ю. П., Михайлов М. А. Правовое просвещение в Крымском федеральном округе: антикриминальный аспект // Материалы III международной научно-практической конференции «Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика» – 2015 г. С. 23-26. 3. Приказ ФССП России от 26.11.2012 № 544 «Об утверждении Положения о конкурсе научных работ, посвященных историй образования, развития и современной деятельности института судебных приставов в России и зарубежных странах» // Правовая система «Консультант плюс». 4. Официальный сайт ФССП России: [Электронный ресурс]. URL: http://fssprus.ru/ (дата обращения: 08.04.2017).

УДК 343.16

Gubanova E. V. Formation of professional competencies in the training of specialists for services, legal proceedings

The article highlights various aspects of the interaction of the Federal Bailiff Service with students of higher education institutions. The authors analyze the existing experience of the Crimean Federal University and predict the positive results of its application in other regions.

Key words: *professional competence, career guidance, career development.*

Духно Н. А.

Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II
Юридический институт
доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Статья посвящена проблемам, обостряющим внимание людей к фактам неубедительных решений, принимаемых при расследовании и разрешении уголовных дел. Автор приходит к выводу, что истоки необоснованных решений идут из процесса доказывания, как центральной части всего судопроизводства. Указаны причины некачественных решений. Притворные решения образуются, когда следователь или судья заинтересованы в исходе дела, а их профессиональная квалификация оставляет желать лучшего, когда в уголовно-процессуальный закон вносятся изменения, подрывающие гарантии достижения объективной истины по уголовным делам.

Ключевые слова: *процесс доказывания; необоснованные решения; уголовное судопроизводство; следователь; суд; справедливость; объективная истина.*

Процесс доказывания по уголовным делам, занимая главную часть всего судопроизводства, остается за пределами внимания практиков и ученых-процессуалистов, которых больше волнуют другие проблемы. Озабоченность быстрым раскрытием преступления и изобличением виновных в совершенном деянии, в угоду властвующих чиновников, побуждает с пренебрежением относиться к процессуальным гарантиям, а используются сомнительные доказательства по уголовному делу. В этом, на первый взгляд, благородном желании таится опасность безосновательного вторжения в права человека, не создавая достойных гарантий получения полноценного доказательства, требуемых для объективного разрешения уголовного дела.

При такой обстановке зреет недоверие к правоохранительным органам, утрачивается их авторитет и нарастает недовольство деятельностью следователей и судов. Отсутствие удовлетворенности работой правоохранительных органов, не способствует укреплению борьбы с преступностью и ведет к непредсказуемым явлениям, таким как расправа, самосуд или проявления равнодушия по любым фактам правонарушений или преступлений. Недовольство народа деятельностью следователей и судов появляется не потому, что люди не способны правильно осмыслить их деятельность, а по причине неудовлетворительных сведений, какие являются основанием принятия судебных решений, побуждающих у людей отрицательное отношению к судам. Недовольство может нарастать, если народ станет осмысленно понимать, что судебная власть, на содержание какой идут народные средства, не защищает законные интересы человека от истинных правонарушителей. Общество и государство много теряют, когда средства уходят на содержание органов власти, которые не в состоянии защитить человека от преступников, но преследуют тех, кто проявляет негодование к чиновникам. Когда судебная власть, властвующая на средства народа, утрачивает свое доверие, тогда народу становиться трудно понимать, с какой целью увеличиваются затраты на содержание судов, вызывающих сомнения своими решениями. Авторитет судов не может расти, когда становятся известны факты несправедливых судебных решений, когда потребности народа в судебной защите не удовлетворяются, когда невиновное лицо попадает в жернова органов исполнения наказания.

В укреплении судебной власти предстоит сделать многое, но уже сегодня есть возможность поправить неблагоприятно складывающуюся обстановку, если приступить к доброкачественному воплощению всех норм УПК РФ в процессуальные отношения, формируемые между участниками уголовного судопроизводства, способные выражать процессуальный порядок, когда достигается удовлетворение работой судов. Можно сказать, что сомнительных решений суда не так много среди других, какие не стали предметом широкой гласности, что может служить основанием, считать их правильными. Но вся процедура привлечения к уголовной ответственности настолько глубоко поражает права и свободы человека, оставляя боль души и огромный моральный ущерб, что даже если допущен хотя-бы один факт необоснованного обвинения, его следует всесторонне изучить, вскрыть причины его появления, чтобы искоренить их, не допуская никакой возможности повторения досадной процессуальной ошибки.

Доброкачественность уголовного судопроизводства зависит от того, как исполняются обязанности следователи и судьи, особенно в части доказывания, по к уголовному делу. Доказывание по уголовному делу, как особый процесс познания, происходит в обрамлении двух порядков. Один – гносеологический (познавательный), и второй – правовой. Оба порядка объединены в одной процессуальной формой, какая гарантирует правильный процесс познания, обстоятельств совершенного преступления, и охрану прав граждан, попавших в процесс доказывания. Такой процесс, по своей сущно-

сти, протекает по строгим процессуальным правилам, система каких гарантирует достижение объективной истины по делу и надежную охрану прав человека, ограждая его от необоснованного вторжения в уголовное судопроизводство, и защищая права, когда человек стал участником уголовно-процессуальной деятельности.

Глубокое осмысление значимости УПК РФ укрепляет убеждение в ценностях каждой процессуальной нормы не только следователей и судьей, но и всех участников уголовного судопроизводства, в сознании которых крепнет вера в справедливое разрешение уголовного дела. Апробированные многовековой практикой уголовно-процессуальные правила производства следственных и судебных действий, систематизированные в форме кодификации в УПК, образовали единый законодательный акт, где ярко выражены гарантии установления объективной истины по делу и гарантии защиты прав участников уголовного судопроизводства. Сколько сил затрачено народом России на разном этапе ее развития, чтобы отделить розыск от уголовного судопроизводства, создавая ему процессуальную форму, в какой устанавливается возможность объективно рассматривать каждое уголовное дело. Совершенствуясь на протяжении веков, уголовно-процессуальная форма стала системой гарантий получения объективных доказательств, обеспечивая справедливое разрешение уголовных дел. Уголовный процесс нужно было не только отделить от розыска, но создавались гарантии, преграждавшие проникновение розыскных действий в уголовно-процессуальную деятельность, укреплялись гарантии, препятствующие прямому вхождению оперативно-розыскных материалов в уголовное дело. Розыск нужен для оперативного получения сведений о совершенном преступлении. Но такие сведения должны пройти в уголовное дело через процессуальную форму, выполняющей функцию фильтра, очищая сведения от ненужного накопления и придавая им свойство допустимости, гарантирующее возможность проверки, входящего в дело доказательства. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе заслуживают особого внимания и подлежат самостоятельному глубокому изучению. Такие исследования неоднократно проводились, но не все проблемы решены. Возрастание степени важности оперативно-розыскной деятельности, обуславливает потребность в новых исследованиях для разработки предложений по усилению розыска и выработки новых способов и новых методик использования оперативных материалов в процессе доказывания по уголовным делам.

Сложившуюся систему процессуальных правил недопустимо менять, не исследовав влияния предлагаемых изменений на коренные процессуальные идеи и положения, гарантирующие установление объективности и полноты расследования и разрешения уголовного дела. Внесение в последние годы изменений и дополнений в УПК РФ вызвало небезрезультатные споры в научном сообществе процессуалистов. Авторитетные ученые-процессуалисты обоснованно поддерживают осуществление и развитие уголовного процесса в России на основе коренных принципов, в числе каких стоят гласность судопроизводства; независимость судей и подчинение их только закону; всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела; уважение чести и достоинства личности; неприкосновенность личности. Важным принципом уголовного процесса остается такой, как обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, а также и другие. Все, что противоречит принципам уголовного судопроизводства не должно попадать в уголовный процесс.

Сердцевиной всего судопроизводства является процесс доказывания. Эта часть уголовного процесса наиболее значима в решении судьбы человека, попавшего в орбиту производства по уголовному делу. Но, как показывает практика, именно в процессе доказывания допускаются те ошибки, какие становятся основной причиной принятия несправедливых решений.

На процесс доказывания, как специфический путь познания обстоятельств совершенного преступления, оказывает влияние все процессуальные нормы. Игнорирование ими ухудшает познавательный процесс и подавляет положение участников следственных действий. Всякое давление на следователя или судью побуждает того и другого, под разным предлогом, к устранению процессуальных гарантий, что ведет к необоснованному принятию решений на производство тех действий, какие существенно ущемляют права человека, не имеющего никакого отношения к фактам преступного характера. Ошибки в доказывании по уголовным делам могут совершаться преднамеренно, или по причине низкой квалификации следователя, или судьи, когда в УПК они ощущают одни формальности, не вникая в глубину важности процессуальных правил, видя в них препятствия для удовлетворения своих интересов. Не задумываясь над тем, что каждое процессуальное правило входит в систему гарантий, при каких и зреют условия объективного разрешения уголовного дела, трудно осознать всю полноту значения УПК. Пробелы несовершенства знаний уголовного процесса, какие становятся заметными при расследовании и разрешении дел у отдельных следователей и судей, не способствуют правильному использованию всех ценностей доказательственного права и ведут к ошибкам, цена каким выражается в неточном применении уголовного закона и несправедливом наказании. В статье 61 УПК указаны обстоятельства, исключающие участие судьи, прокурора, следователя, дознавателя в производстве по уголовному делу. Не всегда эти обстоятельства учитываются при расследовании или разрешении уголовного дела. В практике уголовного судопроизводства стали заметными факты, когда заявленный отвод следователя, или судьи, остается без удовлетворения, без обоснования отказа на отвод, и даже в тех случаях, когда становится очевидным заинтересованное участие в деле. Заинтересованность в деле молчаливо скрывается, но ее негативное влияние видно по фактам ущемления прав обвиняемого на полноценную защиту от предъявленного обвинения. Наиболее распространенным фактом стеснения прав обвиняемого можно назвать избрание обвиняемому, без достаточных оснований, такой меры пресечения, как заключение под стражу. Это самая суровая из всех семи мер пресечения, указанных в статье 98 УПК и она должна применяться только в тех случаях, когда в деле имеются сведения, указывающие на обстоятельства, при наличии которых заключение под стражу можно признать обоснованным. Под влиянием заинтересованности следователь и суд не усердствуют над сбором доказательств, подтверждающих необходимость избрания меры пресечения заключения под стра-

жу, и применяют ее к обвиняемому без обоснования и мотивирования. В числе лиц, к которым применена мера пресечения в виде заключения под стражу, нередко можно обнаружить тех, кто по тяжести предъявленного обвинения не представляет большую степень общественной опасности, кто по своему состоянию здоровья, семейному положению и другим обстоятельствам, не должен помещаться в следственные изоляторы. В переполненных следственных изоляторах нередко можно обнаружить лиц, к которым заключение под стражу, как мера пресечения, не следовало бы применять, но для правильного решения этого вопроса в деле должны быть доказательства, и если они отсутствуют, то решение принимается по субъективным выводам следователя и судьи.

Многие процессуальные ошибки являются плодом многих изменений УПК, уничтожающих в нем самые ценные принципы и положения. Принятый в 2001 г. УПК, в сравнении с УПК РСФСР 1961 г., вызывает много нареканий, не способствующих улучшению качества доказывания по уголовным делам. По действующему УПК следователь обличен в форму участников судопроизводства, поддерживающих сторону обвинения, то есть следователь в процессе доказывания стремится получать обвинительные доказательства, доказывая виновность преследуемого по уголовному делу лица. Наделенный властными полномочиями доказывать обвинительную сторону, следователь перестал проявлять заботу о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела. Он прекратил выполнять обязанности в обеспечении подозреваемому и обвиняемому права на защиту, в той мере, в какой это возможно осуществлять при стремлении в объективном исходе дела. Кто, кроме следователя, ответственного за защиту прав и законных интересов участников в уголовном деле, должен будет обеспечить полноценную защиту, когда при его новом положении, он и защитнику не даст полной возможности вести объективную защиту обвиняемого. Процессуальное положение следователя стало инициировать его на одностороннее расследование уголовного дела, устремленное к получению обвинительных доказательств. Используя свои властные полномочия, следователь, стремясь изобличить подозреваемого, не всегда заботливо и правильно выполняет процессуальные правила при получении доказательств. Обвинительная наклонность следователя усилилась после того, как из УПК был выброшен коренной принцип судопроизводства, выражавший требование к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела. Этот принцип из УПК исключили в 2001 году. Собранные по делу доказательства не редко остаются без проверки, без установления соответствия их требованиям относимости и допустимости. Подверженный стремлению получить обвинительное доказательство, следователь не заинтересован в установлении его объективности. Отсутствие в деле достоверных доказательств, приводит к тому, что решения принимаются не обоснованные, и не мотивированные, что противоречит требованиям п.4, ст.7 УПК РФ. Ломка УПК и внесение в него изменений и дополнений, не отвечающих основным принципам судопроизводства, наносит весьма ощутимый удар, каким разрушается система гарантий по установлению объективной истины по делу и ликвидируются условия, при каких возможна охрана и защита прав участников уголовного процесса. Грань между процессом доказывания и познавательным процессом, какой осуществляется до возбуждения уголовного дела, на этапе предварительной проверки сообщений о преступлении, оказалась размыта, после внесения 4 марта 2013 г. в УПК изменений и дополнений. Расширив права следователя и дознавателя, наделив их правом осуществлять процессуальные действия при проверке сообщений о преступлении, в порядке предусмотренном УПК, и придавать полученным сведениям силу доказательств, уголовно-процессуальный закон существенно снизил роль факта возбуждения уголовного дела, как надежного гаранта недопустимости процессуально необоснованного вторжения судопроизводства в законные интересы граждан. По причине неудач в раскрытии многих преступлений складывались поспешные выводы о том, что вседозволенность в распоряжении правами граждан, только предположительно возможные по непроверенному подозрению, как-то связаны с событием, где просматриваются признаки преступления, и часто не имеющие к нему никакого отношения, якобы даст возможность быстро раскрыть преступное деяние. Отсутствие достаточных сведений, по которым возможна проверка сообщения о преступлении, торопливое стремление к принятию решения, побуждает следователя к производству процессуальных действий, указанных в УПК, и получению доказательств до возбуждения дела. При внимательном рассмотрении обстоятельств, при каких возникает потребность в использовании процессуальной формы для получения доказательств до возбуждения дела, обнаруживается, что оперативно-розыскная деятельность не так доброкачественна, как это необходимо, чтобы обеспечить получение сведений, достаточных для проверки сообщений о преступлении. Недостатки оперативно-розыскной деятельности в получении нужных сведений, возмещаются сложной уголовно-процессуальной деятельностью, ошибочно внушая мысль о возможности получить полноценные сведения для проверки сообщения о преступлении. На самом деле такая практика не может найти оправдания по причине того, что в ней видны плохие результаты розыскной деятельности и необоснованно завышенные траты процессуальных средств не по своему предназначению. Растрачивая процессуальные силы, подменяя ими плохо налаженную розыскную работу и создавая условия для бесконтрольного воздействия на граждан, принуждая их к участию в различных действиях, без достаточных гарантий охраны прав, следственная практика не добилась повышения раскрываемости преступлений, и к тому же утратила свое достоинство, какое должно сохраняться в уголовном судопроизводстве. Не укрепив розыск и устранив процессуальные гарантии, в государстве не добавились силы, какие могли бы быстро раскрывать преступления и создавать условия для справедливого разрешения уголовных дел. Сближение розыскной деятельности с деятельностью процессуальной, формирует у следователей привычку к применению в ходе расследования дела способов психического и физического насилия к участникам уголовного процесса, создавая иллюзию, обманного чувства, к полученным доказательствам. Такие доказательства только кажутся, что они полные и достоверные, а по существу в них скрывается утрата терпения, кто не вынес насилия, или содержится ложное признание, данное по дру-

гим основаниям. Полученные такими способами доказательства будут всегда представляться следователю желанными, которые он хотел видеть в деле, и это заблуждение ведет его к очередной ошибке, какая состоит в том, что доказательства не проверяются. Они, по оценке следователя, такие, какие он хотел видеть, не заботясь об их достоверности. Истинный процесс доказывания протекает под воздействием стройной системы процессуальных норм, под влиянием каких складываются уголовно-процессуальные отношения, выражающие устойчивый процессуальный порядок получения доброкачественных сведений, представляющих содержание доказательства. Возбуждение уголовного дела, это ключ, открывающий вход в уголовно-процессуальные отношения, какие и составляют тот единственный порядок, при котором только и возможно получить допустимые доказательства. В статье 75 УПК РФ указано, что доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса, являются недопустимыми. Такие доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также нельзя их использовать для доказывания обстоятельств, подлежащих доказыванию. УПК РФ устанавливает запрет на использование в процессе доказывания сомнительных сведений, и сведений полученных без процессуальных гарантий. Соблюдение данного запрета, обеспечивает доброкачественность доказательств и образует правовую и объективную основу для принятия справедливых решений по уголовным делам.

УДК:343.14

Dukhno N.A. Modern problems of proof for criminal cases

The article is devoted to problems that aggravate people's attention to the facts of unconvincing decisions taken in the investigation and resolution of criminal cases. The author comes to the conclusion that the sources of unreasonable decisions come from the process of proving, as the central part of the entire shipbuilding. The reasons for poor-quality decisions are indicated. Prepared decisions are formed when an investigator or a judge is interested in the outcome of a case, and their professional qualifications leave much to be desired when amendments to the criminal procedure law undermine the guarantees of achieving objective truth in criminal cases.

***Key words**: The process of proof; Unreasonable decisions; criminal proceedings; investigator; court; justice; objective truth*

Жигулин А. М.

депутат Народного Совета Донецкой Народной республики (Донецк)

Моисеев А. М.

Донбасская юридическая академия доктор юридических наук, профессор (Донецк)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИСТОКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Рассмотрены признанные на международном уровне конституционные принципы, положенные в основу уголовного законодательства ДНР. Показана отечественная преемственность формируемой концепции уголовно-правовой политики ДНР. Конкретизированы критерии эффективности такой политики. Сформулированы направления развития уголовного законодательства. Принятие концепции обеспечивает правовой статус государства, оптимизирует законотворческую деятельность по приведению уголовного законодательства в систему.

***Ключевые слова:** уголовное законодательство, концепция, уголовно-правовая политика, конституционные стандарты.*

В Конституции Донецкой Народной Республики закреплены общепризнанные принципы и нормы международного права. Конституция направляет развитие Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) как социального государства. Обязанностью государственных органов и должностных лиц становится соблюдение этих ее базовых положений (ст.ст. 1, 3 Конституции ДНР [1]). Для становления государства необходимы действенные механизмы защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. Важную роль в этом отводится системе уголовного судопроизводства. Международные наблюдатели считают, что четкая регламентация действий его участников – показатель правовой защищенности человека. Но на современном этапе государственного строительства законодательство ДНР, регулирующее сферу уголовно-правовых отношений, характеризуется противоречивостью. Мы вынуждены констатировать, что правоохранительная и судебная практика на текущий период в Республике не в полной мере соответствует провозглашенному и воспринятому обществом девизу «Справедливость, Свобода, Совесть, Равенство». В свете продолжающегося военно-политического конфликта в ДНР, перед государством стоит концептуальный выбор пути формирования своей уголовно-правовой политики. Новому самоопределившемуся государству необходимо выбрать цель, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты личности, общества от преступных посягательств средствами уголовного законодательства[1] . В связи с этим актуализирован вопрос о построении такой концепции. Проблематика уголовно-правовой концепции современного государства нашла отражение в научной литературе [2]. Однако, внедрить разработки современной правовой науки в практику государственного строительства остается актуальной задачей.

Цель данной работы определяем как конкретизацию положений концепции уголовно-правовой политики самоопределившегося государства ДНР.

Терминологический аппарат концепции уголовно-правовой политики содержит понятия конституционного, уголовного материального и процессуального права, а также криминологии и социально-политических наук. К общим положениям концепции относим цель, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты личности, общества и государства. Концепция реализует государственную функцию обеспечения криминологической безопасности общества [3] и базируется на основных положениях социальной политики в области предупреждения преступности, защиты и поддержки лиц, потерпевших от преступлений; а

[1] Под уголовным законодательством понимаем Уголовный кодекс ДНР, Уголовно-процессуальный кодекс ДНР, соответствующие подзаконные акты.

также на принципах исполнения уголовных наказаний и принятия иных мер уголовно-правового характера, принципах социальной реабилитации и надзора за лицами, отбывшими уголовное наказание. В число общих положений концепции включают предпосылки, содержание и порядок действий законодателя по обеспечению эффективности уголовного законодательства и практики его применения. Их предлагаем дополнить и планами по дальнейшей законопроектной деятельности, по совершенствованию правоприменительной практики, по развитию уголовно-правовой политики государства.

В качестве критериев эффективности уголовно-правовой политики мы предлагаем концептуально закрепить базовые, общепризнанные на международном уровне: обеспечение безопасности личности, ее прав и свобод, а также общества и государства от угроз, связанных с преступностью; минимизация уровня социальной напряженности в обществе на основе оптимального и справедливого урегулирования конфликта, вызываемого преступлением; содействие достижению социального благополучия на основе социальной реабилитации лиц, вовлеченных в конфликт, вызванный преступлением. Достижение этих целей предполагает комплексное решение ряда взаимосвязанных задач нормотворческого и правоприменительного характера в сфере уголовно-правовой политики государства, которые состоят в том, чтобы с учетом требований юридической определенности и правовой стабильности нормативно зафиксировать не допускающие расширительного толкования признаки и границы преступного поведения. Концептуально закрепленной задачей уголовно-правовой политики также называем и достижение адекватности уголовного законодательства угрозам, связанным с преступностью, соответствия современным тенденциям видоизменения преступности. К задачам относим и правоприменение по международным стандартам: гарантию исключительного права государства на уголовно-правовое воздействие в отношении лиц, совершивших преступление, гарантию безопасности уголовно-правового суверенитета государства от внешних и внутренних угроз. Гармонизировать и унифицировать уголовное законодательство следует именно в этом направлении, с перспективой на развитие международного сотрудничества ДНР. Считаем, что в разрабатываемой концепции следует гарантировать права и законные интересы лиц, потерпевших от преступлений, обеспечить их безопасность, создать условия для максимально полной реализации прав человека на доступ к правосудию, справедливый суд и компенсацию причиненного преступлением вреда. В новом самоопределившемся государстве встает задача оптимизации уголовно-правовых последствий совершения преступления, с учетом необходимости одновременного решения карательных, восстановительных, социально-реинтеграционных и профилактических задач. Можно сказать, что это сводится к достижению современного уровня обеспечения законности, снижения общественной угрозы от таких видов преступности, как террористическая, рецидивная, организованная, насильственная, корыстная.

Требуют концептуальной конкретизации и направления уголовно-правовой политики государства ДНР. С учетом обострившегося в республике военно-политического конфликта, их целесообразно подразделить на этапы, соответствующие степени его разрешения. Первый этап связан с выходом правовой системы государства из состояния «революционной целесообразности». Это означает соответствие содержания уголовного законодательства ДНР сложившейся на практике правоприменения. Такое относится, например, к прокурорскому надзору за следствием, временному порядку задержания лиц, заподозренных в совершении преступления и т.п. Считаем безотлагательным законодательное закрепление устоявшихся механизмов правоприменительной практики.

Дальнейшие направления уголовно-правовой политики предлагаем формировать по критериям эффективности, экономичности и оперативности судопроизводства. В плане повышения эффективности судопроизводства предлагаем применить разумную декриминализацию. Экономичности может послужить реализация идеи единого органа расследования. Оперативности может соответствовать уполномочивание следователя поддерживать обвинение в суде.

Детализируем критерии эффективности уголовно-правовой политики. Принимаем, что эффективность определяется уровнем защищенности личности, общества и государства от угроз, связанных с преступностью, а также достижением концептуально декларированной цели. Тогда об эффективности уголовно-правовой политики может свидетельствовать комплекс данных о: а) результатах сопоставления объема преступности, установленного на основании криминологических исследований, с количеством зарегистрированных и расследованных преступлений; б) результативности судебной практики рассмотрения уголовных дел, оцениваемой по критериям процессуальной эффективности и оперативности судопроизводства, по соблюдению разумных сроков расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, по изменениям или отменам решений о квалификации преступлений, по практике назначения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, по качеству и срокам исполнения вступивших в законную силу приговоров суда; в) соотношении размера причиненного преступлениями вреда к величине компенсационных и иных выплат лицам, потерпевшим от преступлений; г) об общественной оценке уровня криминологической безопасности, общественном мнении об эффективности и достаточности мер уголовно-правового реагировании на криминальные угрозы.

Констатируем, что на современном этапе государственного строительства еще не в полном объеме реализованы базовые нормы Конституции ДНР, Закона Донецкой Народной Республики «О нормативно-правовых актах», уголовного законодательства. Указанные обстоятельства негативно сказываются на гарантировании конституционных прав и свобод граждан Республики. Причины их сохранения обосновывают необходимость разработки и принятия концепции уголовно-правовой политики ДНР. Исправить сложившуюся ситуацию предложено путем устранения противоречий и гармонизации уголовного законодательства. Разрабатываемая концепция определяет направление, приоритеты, этапы реализации уголовной политики в ДНР.

Цель принятия концепции определяем как криминологическое обеспечение социального самоопределившегося государства, оптимизацию законотворческой

деятельности по устранению противоречий и приведению уголовного законодательства в систему.

Список источников: 1. Конституция ДНР [Электронный ресурс] // Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/ 2. Кондрат И. Н. Концепция уголовной политики и усовершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Вестник МГИМО-университета. – 2013. – №3(30). – С. 105-109. 3. Шестаков Д. А. Постлиберальный статус криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2009, № 2(17). – С. 13-21.

УДК 343.132

Zhigulin A. M., Moiseev A. M. The constitutional origins of the criminal law policy of the Donetsk People's Republic

The internationally recognized constitutional principles, which are the basis for the criminal legislation of the DPR, have been considered. The national continuity of the forming concept of the criminal law policy of the DPR has been shown. The effectiveness criteria for such policy have been specified. The directions for the development of the criminal legislation have been formulated. The adoption of the concept ensures the legal status of the state, optimizes the legislative activities to reduce the criminal legislation to the system.

Key words: criminal legislation, concept, criminal law policy, constitutional standards.

Журба О.Л.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук
(Симферополь, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (ОБЫСК, ВЫЕМКА)

Современная система следственных действий несовершенна, поскольку дискуссионными остаются вопросы, связанные с понятием следственного действия с определением процессуального порядка проведения отдельных следственных действий, в связи с чем в статье рассмотрен процессуальный порядок проведения таких следственных действий как обыск и выемка, предусмотренный отечественным законодательством, проанализирован зарубежный опыт производства указанных следственных действий, что позволяет определить перспективы реформирования отечественного законодательства, касающегося следственных действий.

Ключевые слова: *расследование преступлений, предварительное следствие, следственные действия, обыск, выемка.*

Производство следственных действий по праву считается основным способом сбора доказательств при расследовании преступлений [1, С.195]. Следственные действия включают в себя разнообразие приемов, методов и средств осуществления расследования преступления. Только при помощи следственных действий могут быть отображены во вне и закреплены в материалах уголовного дела результаты произведенных тактических операций, информация, полученная криминалистическими средствами.

Основанием производства обыска является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Следует подчеркнуть, что эта норма почти полностью повторяет нормы действовавшие до 2001 года, о которой С.А. Шейфер пишет, что эта норма, с учетом ее четкой конструкции, может послужить своеобразной моделью для определения оснований проведения любого следственного действия [2, С.108].

Выемка - это довольно близкое по своему содержанию к обыску следственное действие, которое определяет, что при необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и если точно известно, где и у кого они находятся, производится их выемка. Что касается данного следственного действия, полагаем, что поскольку данное следственное действие является самостоятельным, оно не может иметь такую же процедуру осуществления как какое-то иное, например, обыск. Закон же отсылает нас к нормам, регламентирующим проведение обыска. Получается ситуация, при которой, достоверно зная, что желает изъять должностное лицо и где, он все же обязан перед проведением данного следственного действия предложить лицу добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности. В данном случае добровольность несколько сомнительна, если следователь, дознаватель пришел за изымаемым, достоверно зная о его существовании и местонахождении. Нужно отметить, что украинское уголовно-процессуальное законодательство не содержит такого следственного действия как выемка, при этом закреплен такой правовой институт как временный доступ к вещам и документам, процедура которого достаточно подробно выписана.

Хотелось бы отметить, что при производстве обыска законодатель наделил уполномоченное лицо правом вскрывать любые помещения, однако не нашла своего отображения позиция законодателя относительно того как действовать при наличии закрытых мест хранения, кроме того, действующее законодательство не требует обязательного упаковывания и опечатывания.

Следственное действие обыск в жилище требует обращения к понятию «жилище», закрепленному в действующем законодательстве. По нашему мнению, понятие «жилище» должно содержать такой критерий как приспособленность помещения для постоянного или временного проживания, а понятие же иное помещение в российском законодательстве вытекает из исключения того, что относится к понятию жилище, что не позволяет разрешить возникающие проблемы при проведении осмотра, например транспортного средства, которое нельзя отнести ни к понятию жилище, ни к понятию иное помещение, ни к понятию предметов. Считаем, что понятие жилище должно привязываться к помещениям, приспособленным для проживания, а не только используемые для проживания, что надеемся в скором будущем найдет свое отражение в соответствующих изменениях или дополнениях в УПК РФ.

Производство обыска регламентировано в США не менее подробно, чем в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, хотя понятие обыска не четко выписано [3, С.49]. Уголовно-процессуальному праву США, как справедливо отмечает М.А. Пешков, неизвестно самостоятельное полицейское действие - выемка (seizure), она является лишь разновидностью обыска. Огромное значение для понятия обыска и тактики проведения этого полицейского действия имеют судебные решения (прецеденты) Верховного суда США и Верховных судов штатов, что

позволяет каждому судье при решении уголовного дела свободно трактовать понятие обыска. В отличие от США российский законодатель четко определил основания, содержание и порядок производства обыска, выемки. В отличие от уголовного процесса США, где проведение обыска допускается на основе сведений, полученных от информаторов, основанием производства обыска и выемки в отечественном уголовном процессе является наличие возбужденного уголовного дела и наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудованные или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Отдельным требованием является, что в постановлении о назначении обыска точно были определены предметы, подлежащие изъятию, и места, подлежащие обыску. Так Конституция США защищает граждан от необоснованных обысков и выемок. Что же касается России, то закон гласит, что при производстве обыска во всяком случае изымаются предметы и документы, изъятые из оборота, следователь вправе вскрывать любые помещения, если владелец отказывается их открыть. Правда, при этом не должно допускаться повреждение имущества. Полагаем, что было бы неверно безоговорочно заимствовать этот американский опыт, т.к. строгое требование американской Конституции на практике вызывает множество лишних проблем в связи с тем, что полиция вторгается на территорию, которая точно не указана в постановлении.

Если же мы обратимся к опыту ближнего зарубежья, в частности, республики Беларусь, то существенных различий в понятии обыск не наблюдается. Обыск в Беларуси также как и в России проводится на основании постановления. Хотя уголовно-процессуальное законодательство Беларуси требует санкционирования его прокурором, а российский законодатель обязывает получить судебное решение на проведение обыска в жилище. Практика Беларуси показывает, что в исключительных случаях возможно проведение обыска без санкции прокурора, что очень часто используется сотрудниками правоохранительных органов как оправдание и обоснование проведения обыска без соответствующего оформления. Порядок производства обыска также имеет отличия, в частности белорусский законодатель позволяет при производстве обыска вскрывать запертые помещения и хранилища, российский же наделил правом вскрывать помещения, что на наш взгляд несколько не логично, поскольку при производстве обыска могут возникать потребности вскрывать закрытые шкафы, сейфы и т.д., поэтому позиция белорусского законодательства в этом вопросе более рациональна. Кроме этого, законодатель Беларуси обязывает упаковывать и опечатывать на месте производства обыска все обнаруженное и изъятое, российским законодательством предусмотрено, что данные действия могут производиться при необходимости, что по нашему мнению, порождает отдельные проблемы на практике, когда под сомнение могут быть поставлены результаты обыска в части возможной подмены или иной манипуляции с изъятым. Поэтому нормы белорусского законодательства в данных вопросах, по нашему мнению, могут быть рассмотрены с точки зрения возможного заимствования при совершенствовании действующего отечественного уголовно-процессуального законодательства.

В науке уголовного процесса России уже достаточно давно сформировалось единство мнения ученых о необходимости использования в доказывании новых доказательственных средств, т. к. современные условия борьбы с преступностью настоятельно требовали развития системы следственных действий [4, С.187]. Любое реформирование действующего законодательства должно осуществляться с учетом опыта применения аналогичных норм иными государствами, поскольку как гласит известная мудрость «хорошо учиться на чужих ошибках», с учетом рассмотренной практики применения аналогического законодательства зарубежными государствами, можно подытожить, что совершенства пределу нет и система норм, регламентирующих порядок проведения обыска и выемки сегодняшнего дня также требует доработки, так, в частности целесообразно внести изменения в ст. 182 УПК РФ, наделив уполномоченное лицо правом вскрывать хранилища; дополнить понятие «жилище» - как помещение, приспособленное для постоянного или временного проживания; наделить соответствующее должное лицо правом при производстве обыска вскрывать запертые помещения и хранилища, а также обязать упаковывать и опечатывать на месте производства обыска и выемки все обнаруженное и изъятое.

Список источников: 1. Омельченко Т.В. Проблемы и перспективы организации предварительного расследования: конференция в Академии Следственного комитета Российской Федерации /Михайлов М.А., Омельченко Т.В./ Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1. № 3 (67). С. 194-218; 2. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 108; 3. Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии). Учебное пособие. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998. – с. 49; 4. Буткевич Т.В. Оперативно-розыскное обеспечение деятельности органов внутренних дел в особых условиях: проблемы теории и практики / Буткевич С.А. / Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30). С. 185-190.

УДК 343.14

Zhurba O.L. Some features of conducting investigative actions (search, seizure)

A modern system of investigative actions is not perfect, because discussion are issues related to the concept of investigative actions with the definition of the procedural order of carrying out separate investigative actions, therefore in the article the procedure of conducting such investigative actions as the search and seizure provided for by the domestic legislation, analyzed foreign experience of manufacture of such investigative actions, which allows to determine the prospects of reform of domestic legislation relating to the investigation.

Key words: *crime investigation, preliminary investigation, investigative actions, search, seizure.*

Злоченко Я. М.

Международный научно-исследовательский юридический консорциум, кандидат юридических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Вафин Р. Р.

Уральский федеральный университет кандидат юридических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ОПЕРАТИВНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ: ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ, КОНФЛИКТА И РИСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ (ТРАНСГРАНИЧНЫХ) ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Противодействие международному терроризму, контакты с зарубежными правоохранительными органами через Интерпол, взаимодействие с зарубежными спецслужбами через Управление международного сотрудничества МВД России по каналам МИДа РФ. Основные направления в международной оперативно-розыскной и следственной деятельности по противодействию транснациональной (трансграничной) организованной террористической и экстремистской направленности. Внедрение инновационной модели: координация международного сотрудничества с применением результатов космических технологий, нейролингвистического программирования, космической криминалистики и других новых видов нано-био-инфокогнитивных технологий в международном раскрытии и расследовании транснациональных преступлений террористического характера.

***Ключевые слова**: Транснациональный терроризм вышел на новый международный уровень; методика расследования транснациональных террористических актов в государствах Ближнего Востока: Ирак, Сирия; в Европе: Франция, Бельгия, Англия, Германия.*

Ученые научных школ криминалистики разных континентов мира участвуют в разработке инновационных модернизированных направлений ситуационного подхода по противодействию новым видам угроз международной безопасности в двадцать первом веке: транснационального терроризма [1,с.72], коррупции, трансграничного наркотрафика, компьютерных преступлений, совершенных в глобальной информационной сети и др.

В современных реалиях международной криминалистике в комплексном развитии ситуационного подхода необходимо найти адекватные криминальной оперативно-следственной ситуации в национальных государствах и странах континентов мира инновационные средства, приемы, методы, модернизированные нанотехнологии (космическая криминалистика), позволяющие обуздать «взбесившуюся» транснациональную (трансграничную) организованную преступность.

При принятии следственных и оперативно-розыскных решений в условиях неопределенности, конфликта и риска при расследовании преступлений террористического характера - заключение экспертов позволяет получить важные процессуальные данные (п.3 ч.2 ст.74 УПК РФ), которые включаются в информационно-доказательственную систему по уголовным делам. В ряде оперативно-следственных ситуаций оперативные сотрудники спецслужб обращаются к помощи соответствующих специалистов, заключения которых согласно п.3.1 ч.2 ст.74 УПК РФ также являются доказательствами.

В современных реалиях развития ситуационного подхода международной оперативно-следственной практики, где главным оружием транснациональной, трансграничной организованной преступности (особенно религиозной организованной преступности, межэтнической организованной преступности) являются современные компьютерные технологии. Для противодействия транснациональной киберпреступности на разных континентах мира созданы международные центры киберзащиты.

Осуществляя в киберпространстве поиск террористов или организованных транснациональных (трансграничных) террористических преступных групп, эксперты ФБР США применяют комплексные ситуационные аналитические методы, космическую технику и модернизированные инновационные приемы, которые позволяют выявлять «персональные данные конкретного террориста» [2, с.186].

В современной международной криминалистике среди научных школ идет острая конкуренция за инновационное лидерство внедрения в оперативно-следственную практику комплексного ситуационного подхода криминалистически значимой информации в раскрытии и расследовании транснациональных (трансграничных) преступлений террористической направленности в области технологий шестого технологического уклада, именуемых в английской транскрипции (NBIC) НБИК-технологиями, в соответствии с первыми буквами инновационных интрузивных технологических комплексов нано-био-инфо-когнитивных технологий. В плане обеспечения лидерства является стратегическое определение и тактическая реализация наиболее эффективных направлений конвергенции и интеграции в междисциплинарном цикле криминалистических технологий шестого технологического уклада (NBIC) НБИК-технологий в оперативно-следственную российскую и международную практику. В модернизированных условиях следственной практики ситуационного подхода объемы потоков криминалистически значимой информации удваиваются менее, чем за пять лет, то стратегически важным становится уже не столько владение криминалистической информацией, сколько умение следователем быстрее других ее обработать, систематизировать и получить из нее информационно-доказательственную систему для уголовного дела, и правильного принятия организационно-управленческих решений в конфликтных оперативно-следственных ситуациях [3, с. 321].

При проведении тактической операции по многоэпизодным резонансным уголовным делам организационно-управленческие решения являются первичными по отношению к решениям тактическим, но в процессе противодействия и расследования транснациональных и трансграничных террористических преступлений, решение тактических задач является приоритетным, и в этом смысле организация и управление являются инструментарием для достижения тактических целей при расследовании международных преступлений террористического характера.

Важнейшей характеристикой ситуации тактического риска является отсутствие решений, гарантирующих обязательный (стопроцентный) успех. Какой бы де-

тальной ни была подготовительная работа сотрудника спецслужб, как бы тщательно не взвешивались шансы при выборе одного решения из множества вариантов, тем не менее, в ситуации тактического риска, которой присуща не только вероятностная, но даже и случайная структура, всегда остается пусть небольшая или даже совершенно незначительная, но, тем не менее, реальная возможность недостижения цели и наступления нежелательных последствий. В ситуациях тактического (оперативного) риска самый высокий профессионализм и выдающиеся личностные качества позволяют разработать лишь наиболее оптимальное в данных условиях решение и принять меры к его осуществлению, снизить степень риска до минимума, но не дают полной гарантии от неудачи. Тем самым объективное существование ситуации тактического риска не устраняется само по себе, без успешной реализации оптимального, но, тем не менее, не гарантированного решения.

В практике расследования преступлений террористического характера выбор оптимального способа действий существенно затруднен невозможностью строгого исчисления вероятности ожидания того или иного исхода деятельности, учитывая существование сложных оперативно-следственных ситуаций, главным образом, конфликтных или тактического риска, комбинированных ситуаций смешанного конфликтно - рискованного типа, возникающих в процессе расследования преступлений террористического характера [4, с. 62].

Процесс разрешения (устранения, преодоления) ситуаций тактического (оперативного) риска всегда связан с возможностью ошибки при выборе наилучшего способа действий, но даже и в случае правильного выбора решения, не всегда гарантируется успех и полное достижение поставленной цели, поскольку в данной ситуации значительную роль играет случай, негативные последствия которого исключить, устранить или исправить далеко не всегда возможно. Однако непринятие и нереализация решений в условиях риска - выбор тактики пассивного ожидания, также может привести, хотя и не всегда, к наступлению еще более тяжких последствий. И при этом варианте - выбор тактики выжидания, требуется глубокий и всесторонний анализ возможного, далеко не всегда благоприятного исхода и наступления самых разнообразных последствий.

Выбор наиболее оптимальной тактики (стратегии) зависит от всестороннего анализа и оценки всех не только реально действующих, но и возможных, а также еще не выявленных факторов. Разумеется, во всех сложных оперативно-следственных ситуациях действуют и оказывают различное влияние случайные (венчурные) факторы, как негативной, так и позитивной направленности. При этом, с чисто психологических позиций, воздействие позитивных случайных факторов фактически включается в избранный субъектами деятельности способ действий, хотя ранее они не учитывались, а позднее, после наступления ожидаемого результата, рассматривались ими как структурные элементы реализуемой тактики. В то же время воздействие негативных факторов, когда поставленная цель не была достигнута, рассматривается как типично случайные обстоятельства, отрицательно повлиявшие на непредсказуемый исход действий и неудачное решение поставленной задачи.

Анализ сложных следственных и оперативно-розыскных ситуаций позволяет прийти к выводу о том, что рассмотренные ранее разновидности информационной неопределенности создают комплексы, так называемых, случайных помех, воздействующих на деятельность сотрудников спецслужб разных континентов мира, противодействующих международному террористическому интернационалу. Эти помехи в силу своей стохастической (случайной) природы носят непредсказуемый (непредвиденный) характер. В отличие от ситуации тактического (оперативного) риска, в проблемных, конфликтных и организационно-неупорядоченных ситуациях случайные факторы действуют не так часто, а главное, их негативные последствия, как правило, не так значительны.

Однако «еще сложней обстоит дело в конфликтных оперативно-следственных ситуациях, где помимо естественного недостатка информации возникает еще возможность дезинформации».

Сложность успешного разрешения конфликта значительно усиливается, если данная ситуация маскируется террористами и внешне представляется как простая бесконфликтная оперативно-следственная ситуация. В результате подобной маскировки следователи СКР РФ и оперативные сотрудники ФСБ РФ ошибочно полагают, что они действуют в бесконфликтной оперативно-следственной ситуации, в которой обвиняемые (подозреваемые) и некоторые другие участники уголовного судопроизводства занимают позицию добросовестного контакта сотрудничества. Подобная ошибка в оценке оперативно-следственной ситуации, как правило, приводит к поражению сотрудников спецслужб, поскольку противодействующая сторона в этой мнимо-бесконфликтной ситуации владеет информацией о тактической позиции следователя (оперативного работника ФСБ РФ) и в то же время умело маскирует свою подлинную позицию.

Что касается проблемных оперативно-следственных ситуаций, то «зона неопределенности распространяется в этой группе ситуаций на наиболее существенные обстоятельства, имеющие решающее доказательственное значение по уголовному делу и не менее важное значение для дел оперативного учета (ДОУ). Именно поэтому разновидность информационной неопределенности - симантическую неопределенность, которая и лежит в основе проблемных оперативно-следственных ситуаций, называют «настоящей неопределенностью», поскольку она связана с одной из основных категорий гносеологии - понятием истинности, в связи с чем, их успешное разрешение почти всегда представляет повышенную сложность».

В ситуациях тактического и оперативного рисков субъекты спецслужб стремятся разработать наиболее оптимальную программу своих действий, а затем эффективно ее реализовать. Разработка, принятие и осуществление даже самых перспективных и надежных следственных и оперативно-розыскных решений в ситуациях риска не может, как подчеркивалось ранее, полностью исключить возможность неудачи, но существенно сокращает вероятность ее наступления.

Оптимальность действий следователя и сотрудника оперативно-розыскных подразделений должна обеспечить реализацию принимаемых тактических (оперативных) решений с тем, чтобы не допустить наступления негативных последствий и случайных помех, характер-

ных для ситуаций тактического (оперативного) риска, либо если это окажется невозможным минимизировать эти последствия при расследовании преступлений террористического характера.

Для других разновидностей сложных следственных и оперативно-розыскных ситуаций (проблемных, конфликтных, организационно-неупорядоченных) вполне приемлемо названное выше теоретическое положение о единстве цели, присущей каждой отдельной операции, что приводит к значительному усилению ее «ударных» возможностей. Разумеется, если следователь или оперативный сотрудник стремится к достижению нескольких целей (в данном случае - промежуточных задач), то целесообразно разработать и реализовать несколько тактических (оперативно-розыскных) операций. Подобный комплексный подход к решению сложных задач будет наиболее эффективен, хотя с позиции экономии сил и средств, он может быть и не самым оптимальным. Но иерархия целей (задач) в процессах пресечения, раскрытия и расследования преступлений террористического характера, особенно тяжких и особо тяжких, обусловила приоритет именно комплексного подхода.

В ситуациях тактического и оперативного рисков субъекты правоохранительной деятельности, правильно оценивая состояние раскрытия и расследования преступлений террористического характера, стремятся использовать все возможные в данной обстановке благоприятные обстоятельства, позволяющие свести к минимуму факторы риска.

К этим наиболее существенным факторам относятся следующие:

-надежные источники и каналы достоверной или же высоковероятной информации (сокращенно НИКИ - надежные источники, каналы информации);

- профессиональный анализ информации (сокращенно ПАИ);

- разработка оптимальных вариантов решения (сокращенно РОВР);

- выбор наиболее оптимального решения (сокращенно ВНОР);

- эффективная реализация решения (сокращенно ЭРР).

Разумеется, кроме перечисленных основных факторов, способствующих сокращению зоны тактического (оперативного) риска в их число входят и разработка плана конкретных действий и недопущение возможных вредных последствий и некоторые другие (обозначим все эти позитивные факторы следующим сокращением - ИПФ (иные позитивные факторы).

Если предположить, что максимум тактического (оперативного) риска равняется «1» (единице), то при подобном допущении на снижение степени (уровня) риска будут влиять все перечисленные выше факторы. Если обозначить степень риска сокращением - СТ, то можно обозначить (вывести) следующую формулу:

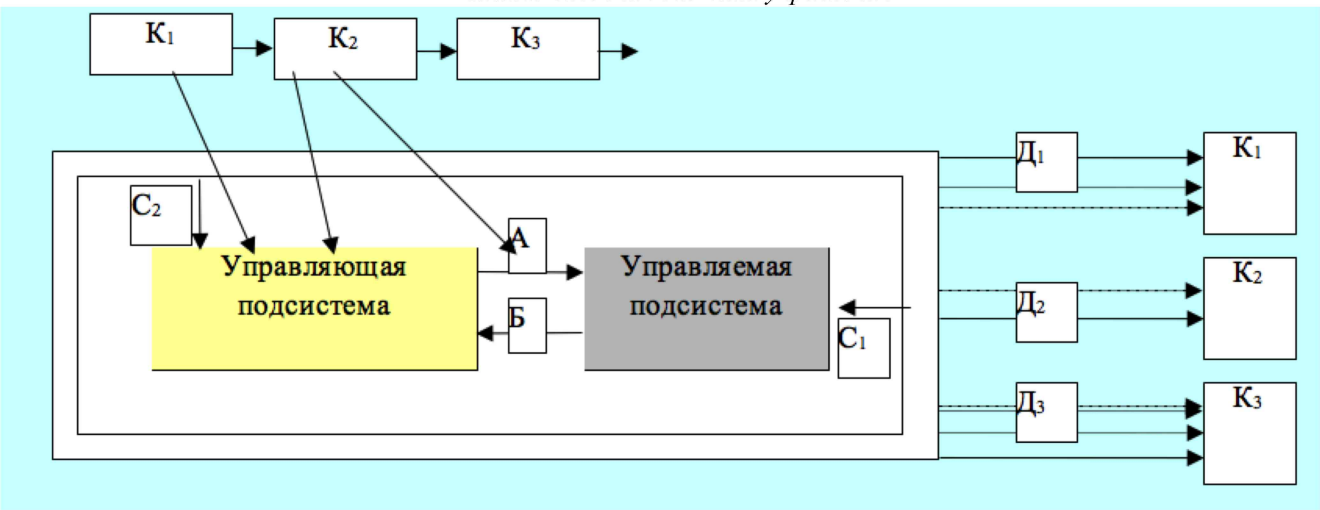
СТ = 1 - (НИКИ + ПАИ + РОВР + ВНОР + ЭРР + ИПФ)

В соответствии с предложенной краткой, и далеко не полной формуле, степень тактического и оперативного риска уменьшается, что закономерно приводит к сокращению зоны (поля) риска.

В то же время прямо противоположные - негативные факторы, увеличивают даже самую минимальную степень риска, что может привести (и часто приводит) к так называемому необоснованному (нерациональному, неразумному) риску, идти на который (все равно, что «идти на скалу»!) недопустимо. Риск признается недопустимым, если он заведомо был сопряжен с реальными угрозами и для жизни сотрудников спецслужб, а также политическими, социальными катастрофами, общественными и иными тяжкими последствиям.

Более того, в реальных ситуациях оперативно-розыскной деятельности тактико-оперативные аспекты преобладают (доминируют) в этом структурно-информационном взаимодействии. Тактико-информационное взаимодействие в процессе международного расследования можно отразить в комплексной (объединенной) схеме основных (обязательных) структурных элементов управленческой и оперативно-тактической систем.

Схема. Сложная система управления

А - канал прямой (командной) связи (для руководства подразделениями);

Б - канал обратной (осведомительной) связи (для непосредственных исполнителей);

$С_1$,$С_2$ - воздействия внешней среды (учитываемой управляемой и управляющей подсистемами);

$Д_1$, $Д_2$, $Д_3$ - оперативно-розыскная деятельность (в основном негласная);

$К_1$, $К_2$, $К_3$ - организованные транснациональные террористические формирования, разрабатываемые оперативными подразделениями спецслужб);

- негативные кадровые, информационные и другие виды воздействий на управляющую подсистему (террористическая разведка, коррупционные связи и т.п.) организованных транснациональных террористических формирований;

 - противодействие транснациональных террористических формирований оперативно-розыскным мероприятиям спецслужб (воздействие на управляемую подсистему, на исполнителей, вплоть до вооруженного террористического сопротивления);

 - дополнительный канал обратной (осведомительной) связи для гласной и негласной информации, поступающей от оперативных работников и взаимодействующих (сотрудничающих) с ними лиц;

 - внешняя среда (воздействие которой также должно учитываться).

Система управления и оперативно-тактическая система фактически являются структурными подсистемами сложной системы. При этом следует учесть, что традиционные, управленческие прямая (командная) и обратная (осведомительная) формы связи не выходят за границы системы управления, действуя в ее ограничительных рамках. Структурные элементы оперативно-тактической системы выполняют свои основные функции, в основном за пределами этой системы и испытывают негативное воздействие со стороны противодействующих криминальных террористических формирований. При этом негласная и гласная информация спецслужб поступает в управляющую систему по дополнительным каналам, проходящими за пределами подсистемы управления и расположенными в большой (объединенной) более сложной системе.

Разумеется, анализ поступающей оперативно-розыскной и иной информации осуществляется обоими подразделениями. При этом, принимаемые решения можно условно разделить, с учетом их масштабности и значимости для достижения конечной цели международного расследования, на стратегические, разрабатываемые управляющей подсистемой и тактические, разрабатываемые обеими подсистемами, в зависимости от развития оперативно-следственных ситуаций. Обе группы решений осуществляет управляемая подсистема (исполнители). [5, с.67].

Список источников: 1. Первая совместная международная операция спецслужб России, США и Великобритании по противодействию транснациональной организованной преступной группы. Архив Федерального суда штата Нью-Джерси. 2014г. Вашингтон, США. 2. Материалы уголовного дела осужденного террориста Тимоти Маквея: …одним из эпизодов оперативной игры разведсообщества США с транснациональным террористом. Архив Верховного суда США. 2015г. Вашингтон. 3. Материалы уголовного дела в отношении Пола Уильяма Хэмпела. Архив Монреальского суда. 28.11.2016г. Канада. 4. Злоченко Я.М. Международная оперативно-розыскная и следственная деятельность Европейских спецслужб по раскрытию механизмов легализации доходов, полученных преступным путем по преступлениям террористического характера. Сборник материалов научно-практической конференции «Вопросы борьбы с преступностью: междисциплинарный подход». С-Петербургский государственный университет (юридический факультет). 29 июня 2011г. 5. Драпкин Л.Я., Злоченко Я.М. «Оперативная игра – комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на достижения стратегической цели – эффективный инструмент расследования преступлений террористического характера». Журнал «Российский следователь» №19. 2009 г.Москва. 6. См.: Материалы международной конференции, состоявшейся по инициативе ФБР США в Центре изучения проблем безопасности им. Дж. Маршалла в Гармиш-Партенкирхене (Бавария, ФРГ). Архив материалов конференции Бавария, ФРГ, 2010.

УДК 319.07

Zlochenko Y. M., Vafin R. R. Organizational-managerial operational-investigative situations: decision making under uncertainty, conflict and risk in the investigation of transnational (cross-border) crimes.

Countering international terrorism, the contacts with foreign law enforcement agencies through Interpol, cooperation with foreign intelligence agencies via the Office of international cooperation of the Ministry of internal Affairs of Russia on channels of the Russian foreign Ministry. The main trends in international operational and investigative activities to counter transnational (cross-border) organised terrorist and extremist. The implementation of an innovative model: the coordination of international cooperation with use of results of space technology, neuro linguistic programming, space, forensics and other new types of nano-bio-infocognition technologies in the international detection and investigation of transnational crimes of a terrorist nature.

Keywords*: Transnational terrorism has reached a new international level; methods of investigation of transnational terrorist attacks in Middle East States: Iraq, Syria; Europe: France, Belgium, England, Germany.*

Игнатьев М. Е.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
кандидат юридических наук, доцент
(Москва, Россия)

ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ПРИЧИННОСТЬ

В публикации рассматриваются отдельные вопросы, связанные с внутренним убеждением следователя, причинностью и объективной стороной преступления, дается обоснование связи этих категорий.

Ключевые слова: *внутреннее убеждение, причинно-следственные связи.*

Понятие причинности достаточно широко представлено в уголовном судопроизводстве. Оно является одной из основ установления в ходе предварительного расследования объективной стороны преступлений, по крайней мере преступлений с материальным составом. В этой связи данный критерий познания объективной стороны тесно связан с внутренним убеждением следователя, которое он формирует относительно обстоятельств расследуемого события.

Оценка доказательств, по внутреннему убеждению, известна отечественному уголовному процессу достаточно давно. Согласно ст. 319 УПК РСФСР, принятому в 1923 г., суд обязан был оценивать доказательства по делу на основании внутреннего убеждения, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела и их совокупности [1, с. 51].

В статье 71 УПК РСФСР 1960 г. также была закреплена обязанность суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению [2, с. 238].

На основании статьи 17 действующего УПК РФ внутренним убеждением при оценке доказательств должны пользоваться судьи, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь и дознаватель.

Понятие внутреннего убеждения в процессуальной и криминалистической литературе, на наш взгляд, исследовано недостаточно, в том числе отсутствует и его общепринятое определение.

Так, например, Р.С. Белкин определяет внутреннее убеждение как психическое состояние, возникающее как результат оценки доказательств, осуществленной свободно, без следования каким-либо внешним догмам с учетом специфики конкретного уголовного дела. Внутреннее убеждение представляет собой психическое состояние, отличающееся твердой уверенностью с истинности достигнутых результатов, объективно отражающее состояние доказанности факта, события [3, с. 37].

Вероятно, в этом и подобных взглядах на понятие «внутреннее убеждение» имеется определенная логика, поскольку внутреннее убеждение сопровождает следователя в течение всей деятельности по расследованию конкретного преступления, а не только в момент оценки им источников собранных доказательств.

Внутреннее убеждение не покидает следователя не только при оценке доказательств, но и при принятии ответственных процессуальных решений, как о производстве отдельных следственных действий, так и при формировании основных процессуальных документов: постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения.

На взгляд А. Р. Ратинова проблема внутреннего убеждения следователя тесно связана с вопросом о следственной интуиции [4, с. 165], что вполне оправданно, поскольку природа и убеждения и интуиции связана с психологией человека. Согласно общепризнанному в психологии понятию, интуиция – это знание, возникающее без осознания путей и условий его получения, в силу чего субъект имеет его как результат «непосредственного усмотрения» [5, с. 149].

Основываясь на материалах судебной и следственной практики, А.Р. Ратинов считал, что оценка доказательств, по внутреннему убеждению, означает такой порядок, при котором, во-первых, эта оценка составляет исключительную компетенцию органа, ведущего производство по делу, при отсутствии заранее установленных правил о значении и силе доказательств, и, во-вторых, эта оценка завершается категорическими выводами и решениями, исключающими всякое сомнение в их правильности [4, с. 166]. Вышеизложенное позволило А.Р. Ратинову сделать принципиальный вывод о том, что внутреннее убеждение характеризует и процесс исследования, и его результат. С этим выводом, по нашему мнению, вполне можно согласиться.

Представляя процесс расследования преступления как процесс познания, которое невозможно представить вне психического отношения субъекта познания, основанного на внутреннем убеждении следователя в достижении истины, можно согласиться и с Ю.В. Астафьевым в том, что «двигательной силой одного из видов познания – расследования преступления – является возникающие на основе внутреннего убеждения юридически истинные выводы по исследуемому явлению» [6, с. 374 – 375].

Действительно, при расследовании преступления следователь, вначале действуя более интуитивно, используя собственный опыт и знания, постепенно приходит к убеждению о подтверждении следственной версии о механизме совершенного преступления, о причастности к нему конкретных субъектов, использующих те или иные способы и приемы. На основании этого убеждения, которое можно назвать внутреннем, он направляет свои усилия по обнаружению улик преступного поведения именно в тех местах, где они, по его убеждению, должны находиться к моменту расследования.

По этому поводу С.Н. Чурилов пишет, что, «структура преступления выражает причинно-следственные отношения между эмпирическими данными, полученными в результате изучения и обобщения сходных преступлений, то есть общие причины и общие следствия. Последние играют познавательную роль при установлении единичных причинно-следственных связей, характеризующих конкретное расследуемое преступление» [7, с. 244].

В противном случае, при игнорировании сигналов своей интуиции, а впоследствии и своего внутреннего убеждения, следователь, даже действуя в полном соответствии с рекомендациями криминалистов, допустит ошибку, не проверяя непосредственно на месте происшествия следственные версии о происшедшем. Нередко после отработки ряда «пустых» версий, следователь вынужден вновь возвращаться на место происшествия и вновь организовывать его осмотр с целью проверки тех предположений, которые сформировались под влиянием его внутреннего убеждения, но не были своевре-

менно проверены при первичном осмотре. Совокупность данных, полученных в результате двух последовательно проведенных осмотров места происшествия зачастую позволяет сформироваться внутреннему убеждению следователя, подтверждающего ту или иную версию.

На формирование внутреннего убеждения следователя влияют и показания лиц, вовлеченных в сферу его деятельности, которые могут как подтверждать, так и опровергать его версию расследуемого события. Поскольку процесс получения показаний достаточно сложный, именно он зачастую оказывает своё негативное влияние на формирование внутреннего убеждения следователя и на весь процесс расследования в целом.

Понятно, что одного внутреннего убеждения следователя при оценке доказательств по делу недостаточно, поскольку это убеждение может быть ошибочным, неверным, не соответствующим действительности, или как отметила Г.В. Стародубова, оценка доказательств, по внутреннему убеждению, не должна включать в себя каких-либо положений, допускающих возможность произвольной оценки доказательств вопреки законам логики [8, с. 47]. Внутреннее убеждение должно быть основано на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие произвольных, необоснованных решений [9]. Мы разделяем эту точку зрения и считаем, что внутреннее убеждение, которое следователь не в состоянии четко обосновать, опираясь на конкретные источники доказательств по делу, не может являться основой для принятия процессуальных решений по делу. В таком случае внутреннее убеждение следователя должно оставаться только лишь его точкой зрения и не служить основанием для отрицания иных версий расследуемого события.

Особое место в формировании внутреннего убеждения следователя занимают сведения, полученные оперативно-розыскным путем, особенно на стадии принятия решения о возбуждении уголовного дела. Как известно, в этот момент времени следователь зачастую не располагает достаточной доказательственной базой, полученной лично им. Можно согласиться с мнением специалистов, считающих, что именно на этой стадии следователь при принятии процессуальных решений в 75-80 % случаев использует оперативную информацию [10, с. 141].

Как показывает следственная практика, объём и качество оперативно-розыскной информации, поступающей к следователю, вполне соответствует требованиям УПК РФ не только для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, но и последующего планирования его расследования на ближайших стадиях.

Как уже отмечалось, формирование внутреннего убеждения следователя – далеко не однозначный и прямолинейный процесс. В значительной степени он зависит от образования следователя, его опыта, ситуации расследования конкретного преступления, и других объективных и субъективных факторов. Среди последних можно выделить значение суждений специалистов, привлекаемых для расследования.

Вся совокупность доказательств по делу в соответствии с внутренним убеждением следователя, излагается им в тексте обвинительного заключения. Цель этого изложения состоит в том, чтобы убедить прокурора, судью, защитника, обвиняемого и других участников уголовного процесса в доказанности версии следователя о причастности конкретного лица к совершению преступления.

В отдельной публикации достаточно сложно раскрыть связь причинно-следственных отношений и внутреннего убеждения следователя, однако мы считаем, что причинность и внутреннее убеждение следователя – понятия тесно связанные между собой.

Список источников: 1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден постановлением ВЦИК 15 февраля 1923 г. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. М.: Госюриздат, 1952; 2. Уголовный кодекс РСФСР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С изменениями и дополнениями по состоянию на 1 июля 1994 г. М.: БЕК, 1994; 3.Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: БЕК, 1997. С. 37; 4. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: ООО Издательство «Юрлитинформ». 2001; 5. Психология. Словарь / под общей ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990; 6. Астафьев Ю.В. Особенности познавательной деятельности по раскрытию преступлений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. 2011. № 1 (10). Воронеж: Воронежский университет; 7. Чурилов С. Н. Проблемы общего метода расследования преступлений. М.: ВАЭФиП, 1993; 8. Стародубова Г.В. Установление истины в уголовном процессе: монография / Г.В. Стародубова. Воронеж: изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010; 9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шулятьева А.В. Определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 183-О. Электронный ресурс «КонсультантПлюс»; 10. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность – необходимость и законность. – 2-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1997.

УДК 343.14

Ignatiev M. E. Internal assignment of the follower and reason.

The publication deals with selected issues related to internal belief of investigator, causality and objective side of the crime, given the rationale of these categories.

Keywords: *inner conviction. Cause-and-effect relationships.*

Исламова Э. Р.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, советник юстиции (Санкт-Петербург, Россия)

Сундюкова А. Р.

Судья Иркутского областного суда (Иркутск, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СУДЕБНЫХ ПРЕНИЯХ

Авторы на основании анализа действующего законодательства и судебной практики, приходят к выводу о необходимости активизации роли суда в судебных прениях в целях обеспечения необходимых условий для исполнения участниками уголовного судопроизводства их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Обращают внимание на меры, которые должны быть приняты судом в целях исключения судебных ошибок. Обосновывают необходимость использования в судебном заседании программных комплексов, обеспечивающих полную и точную фиксацию судебных заседаний в режимах аудио и видео с сохранением информации на электронные носители.

Ключевые слова: *роль суда, судебные прения, прокурор, защитник, судебные ошибки, фиксация судебного заседания, программные комплексы.*

Судебные прения – значимая самостоятельная часть судебного разбирательства, в которой каждый из участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты подводит итоги судебного следствия, анализирует и оценивает исследованные в судебном заседании доказательства, высказывает свою позицию относительно обстоятельств дела, приводит аргументы в подтверждение своей позиции по вопросам о доказанности или недоказанности предъявленного подсудимому обвинения, о квалификации преступления, о предлагаемом наказании и др. Процессуалистами совершенно обоснованно указывается на многоаспектное значение судебных прений [0, с. 25]. Правильно организованные судебные прения способствуют вынесению законного и обоснованного судебного решения. Не рассматривая являющийся дискуссионным в юридической науке вопрос об активной роли суда в исследовании доказательств в состязательном уголовном процессе, отметим, что, несомненно, крайне важна активная деятельность суда, направленная на обеспечение соблюдения прав участников уголовного судопроизводства. А.П. Гуськова и Муратова Н.Г. верно подчеркивают, что «Суд следит за состязанием сторон, контролирует правомерность поведения участников судопроизводства, взвешивает их доводы, критически оценивая доказательства, представленные сторонами, и разрешает в конечном итоге дело по существу. Задача суда состоит в обеспечении сторонам условий для свободного выражения состязательности. Суд не выполняет ни функции обвинения, ни защиты и поддержания иска или защиты от него, он выступает исключительным арбитром в споре сторон» [0]. Задача суда в судебных прениях та же – создать необходимые условия для исполнения участниками уголовного судопроизводства их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что в целом данная задача судами выполняется. Однако допускаются и отдельные судебные ошибки, причиной которых, в основном, является необеспечение надлежащих условий реализации прав участников уголовного судопроизводства. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости обращения внимания судов на такие ошибки и выработки соответствующих рекомендаций в целях их минимизации.

Судом должно быть обеспечено участие в судебных прениях всех участников уголовного судопроизводства.

Безусловную отмену приговора влекут допущенные судами существенные нарушения уголовно-процессуального закона, выразившиеся в несоблюдении процедуры судопроизводства и лишении гарантированных Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом прав осужденного и других участников процесса. Например, по одному из уголовных дел изучение протокола судебного заседания показало, что председательствующий, постановив об окончании судебного следствия и переходе к прениям сторон, не предоставил участникам судебного разбирательства возможности реализовать свое право на выступление в прениях и на принесение реплик, а также не предоставил подсудимому предусмотренное ст. 293 УПК РФ последнее слово. После чего в нарушение требований ст.ст. 295 и 310 УПК РФ, не удаляясь в совещательную комнату для постановления приговора и не провозгласив принятое судом решение, закрыл судебное заседание [0].

Согласно пп. 14 ч. 2 ст. 42 УПК РФ потерпевший вправе принимать участие во всех судебных заседаниях по рассматриваемому делу, председательствующий обязан известить потерпевшего о времени и месте судебных заседаний, а неучастие потерпевшего в заседаниях должно носить добровольный характер. С учетом положений ст. 268 и ч. 2 ст. 292 УПК РФ председательствующий обязан разъяснить потерпевшему право участвовать в прениях сторон, а при отложении разбирательства дела, по смыслу ст. 42 УПК РФ, разъяснить потерпевшему не только право на участие в последующих судебных заседаниях, но и последствия отказа от этого права, что должно быть отражено в протоколе судебного заседания. Следующий пример из судебной практики свидетельствует о невыполнении судом этого требования в отношении потерпевшей О. при рассмотрении уголовного дела в отношении О. Так, в подготовительной части судебного заседания потерпевшая не явилась, и суд постановил продолжить заседание в отсутствие потерпевшей О., уведомленной о заседании надлежащим образом, однако выводы суда о надлежащем уведомлении потерпевшей являлись необоснованными, никаких документов, подтверждающих, что потерпевшая получала судебные повестки о вызове в суд в деле не имелось и в судебном заседании они не оглашались. Суд проводил разбирательство дела в ее отсутствие, нарушая право потерпевшей участвовать в судебных заседаниях, гарантированное законом. Явившейся в судебное заседание во время проведения судебного следствия потерпевшей были разъяснены положения ст. 56 УПК РФ «Свидетель» и процессуальные права свидетеля, она была предупреждена об уголовной ответственности в соответствии с УК РФ, после чего она была допрошена в присутствии присяжных заседателей. Таким образом, потерпевшей О. не были разъяснены ее права в судебном заседании, предусмотренные ст. 42, 336, 337, 340, ч. 6 ст. 347 УПК РФ, в том числе право на участие в судебных прениях. Кроме того, при рассмотрении ее заявления, в котором она просила рассматривать дело без ее участия, ей не были разъяснены последствия отказа от реализации указанных прав. Указанные обстоятельства явились основанием для отмены Верховным Судом Российской Федерации приговора Приморского краевого суда в отношении О. [0].

В соответствии с п. 2 ст. 389.15, ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения. При этом согласно пп. 4 и 6 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ основаниями отмены или изменения судебного решения в любом случае являются рассмотрение уголовного дела с нарушением права обвиняемого пользоваться помощью защитника и непредоставление подсудимому права участия в прениях сторон.

Например, при рассмотрении уголовного дела в отношении Б., суд, разъяснив подсудимому Б., а также участвующим в процессе потерпевшему Ш. и представителю потерпевшего К. предусмотренное п. 15 ч. 2 ст.

42, ст.45, ст. 292 УПК РФ право на участие в прениях сторон, в дальнейшем не выяснял, желают ли указанные лица принимать участие в прениях сторон или нет, и фактически им такой возможности не предоставил. При этом в нарушение требований ст. 292 УПК РФ суд не предоставил возможность выступить в прениях сторон защитнику Б. При таких обстоятельствах, участники уголовного судопроизводства были существенным образом ограничены в реализации гарантированных им Конституцией РФ прав, а право подсудимого Б. на защиту было грубо нарушено, что повлекло отмену приговора суда [0].

Следует учитывать, что при отсутствии защитника в прениях сторон участвует подсудимый. Так, Ульяновским областным судом при пересмотре уголовного дела установлено, что согласно протоколу судебного заседания в ходе судебного разбирательства дела подсудимый Щ. отказался от услуг адвоката, данный отказ был принят судом, однако после окончания судебного следствия председательствующий не предоставил Щ. возможность выступить в прениях сторон, а также в нарушение положений ст. 293 УПК РФ после окончания прений сторон не обеспечил право подсудимого на последнее слово, что явилось ограничением в использовании гарантированных уголовно-процессуальным законом прав участников уголовного судопроизводства и послужило основанием для признания данных нарушений существенными [0].

По уголовному делу, пересмотренному Ростовским областным судом, установлено, что после речи государственного обвинителя и отказа подсудимых Р. и Ч. участвовать в прениях сторон, такая возможность судом была предоставлена их защитникам. Однако речи в защиту подсудимого Ч. в судебном заседании не прозвучало, поскольку как защитник Р. адвокат Веремеева, так и защитник Ч. адвокат Бортникова – оба выступили в защиту одного подсудимого – Р. Тем самым было существенно нарушено гарантированное Конституцией РФ право на защиту подсудимого Ч. [0].

Установленная процедура судопроизводства гарантирует соблюдение прав участников уголовного судопроизводства на всех стадиях судебного разбирательства, в том числе, и в прениях сторон. В связи с этим одной из задач суда является обеспечение предусмотренного ст. 292 УПК РФ и иными нормами уголовно-процессуального закона порядка проведения судебных прений.

В силу ст. 302 УПК РФ приговор может быть основан лишь тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании. С учетом указанного требования закона суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на собранные по делу доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания. Согласно ч. 4 ст. 292 УПК РФ участник прений сторон не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании или признаны судом недопустимыми.

Государственный обвинитель П. в судебных прениях сослалась на показания свидетеля Н., данные при проверке ее показаний на месте происшествия, которые согласно протоколу судебного заседания не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания. В приговоре суд также сослался на эти же показания свидетеля Н., как на доказательство вины осужденного С. В силу требований ст. 389.17 УПК РФ такое нарушение является основанием отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции [0].

Судом должна быть обеспечена установленная им последовательность выступлений участников прений сторон. Согласно ч. 3 ст. 292 УПК РФ первым во всех случаях выступает обвинитель, а последними – подсудимый и его защитник. Гражданский ответчик и его представитель выступают в прениях сторон после гражданского истца и его представителя.

В соответствии со ст. 389.14 УПК РФ прения сторон проводятся в пределах, в которых уголовное дело рассматривалось в суде апелляционной инстанции. При этом первым выступает лицо, подавшее апелляционные жалобу или представление. По смыслу закона следующими должны выступать лица, представляющие сторону лица, подавшего апелляционные жалобу или представление, а уже после этого – участники процесса, представляющие другую сторону. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Тыва при рассмотрении апелляционной жалобы осужденного К. на постановление судьи Кызылского городского суда Республики Тыва в прениях сторон не была предоставлена возможность выступить адвокату и прокурору, однако в протоколе судебного заседания содержались сведения о выступлении вышеуказанных лиц в прениях сторон, что явилось основанием отмены апелляционного постановления [0].

При наличии законных оснований суд должен возобновить судебное следствие. Согласно требованиям ст. 294 УПК РФ суд вправе возобновить судебное следствие лишь в том случае, если участники прений сторон или подсудимый в последнем слове сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, или заявят о необходимости предъявить суду для исследования новые доказательства.

Например, по уголовному делу в отношении Т.Т. и Т.С., рассмотренному судом г. Липецка, 6 декабря 2012 года подсудимые выступили с последним словом, и суд удалился в совещательную комнату для вынесения приговора, оглашение которого было намечено на 11 декабря 2012 года, однако в назначенный день судебное заседание не состоялось в связи с болезнью судьи, и было отложено на 24 декабря 2012 года, однако в указанную дату председательствующий, выйдя из совещательной комнаты, объявил о возобновлении судебного следствия в связи с тем, что после удаления в совещательную комнату он находился на больничном. При этом законных оснований, необходимых для возобновления следствия, у суда не было, поскольку участники прений сторон и подсудимые в последнем слове каких-либо данных о новых обстоятельствах не сообщали и о необходимости предъявления суду для исследования новых доказательств не заявляли. По смыслу ст. 395 и ст. 310 УПК РФ, заслушав последнее слово подсудимого, суд удалятся в совещательную комнату для постановления итогового судебного решения, после подписания которого суд возвращается в зал судебного заседания, и председательствующий провозглашает принятое решение. Исходя из изложенного, президиум Липецкого областного суда пришел к выводу, что, выйдя из совещательной комнаты без судебного решения и без законных оснований для возобновления судебного следствия, суд нарушил тайну совещательной комнаты,

что, в силу требований п. 3 ч. 1 ст. 369 УПК РФ и п. 8 ч. 2 ст. 381 УПК РФ, является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и безусловным основанием для отмены апелляционного постановления [0].

Суды также должны учитывать, что в силу ст. 294 УПК РФ по окончании возобновленного судебного следствия суд вновь открывает прения сторон и предоставляет подсудимому последнее слово.

Данные требования закона не соблюдены по уголовному делу в отношении С., поскольку по окончании возобновленного судебного следствия государственный обвинитель в присутствии вновь вступившего в процесс защитника П. не выступил с речью, не высказался относительно предъявленного С. обвинения, а также вида и размера наказания, которое подлежит назначению подсудимому. Вследствие этого было нарушено право С. на защиту от предъявленного ему обвинения, которое в силу ч. 5 ст. 246 УПК РФ окончательно в ходе судебного разбирательства формулируется государственным обвинителем в форме изложения им в судебных прениях своего мнения по существу обвинения, предложений о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания. Более того, после этого защитник П., который не знакомился с материалами уголовного дела и не слышал выступления государственного обвинителя в предыдущих прениях сторон, фактически не выступал в судебных прениях в защиту подсудимого С. При этом адвокат лишь поддержал доводы, приводившиеся ранее участвовавшим в деле защитником О., замена которого в ходе судебного разбирательства по делу произведена судом в связи с ненадлежащим осуществлением им защиты С. Таким образом, на стадии проведения по уголовному делу прений сторон подсудимый фактически остался без защиты, что противоречит приведенным выше требованиям уголовно-процессуального закона [11].

Резюмируя изложенное, следует отметить, что суд в судебных прениях должен проявлять известную активность следующим образом:

1) осуществлять руководство (то есть разъяснять лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждать о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, следить за последовательностью и своевременностью исполнения сторонами своих обязанностей, предписанных законом);

2) обеспечивать участникам уголовного судопроизводства условия для реализации сторонами своих прав и обязанностей.

Представляется, что минимизировать число судебных ошибок позволяет использование программно-аппаратных комплексов по технической фиксации судебных процессов. Целью внедрения комплексов звуко-, видеозаписи и протоколирования судебного процесса является повышение эффективности деятельности судов, а также реализация прав граждан на судебно-правовую информацию в соответствии с федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013-2020 года», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р.

Как показывает практика Шелеховского городского суда, в котором используется такая система, она позволяет обеспечивать полную и точную фиксацию судебных заседаний в режимах аудио и видео с сохранением на сеть или DVD/CD диски, вести текстовый протокол заседаний с точностью до секунды, хранение электронных архивов заседаний, передачу информации по локальной вычислительной сети и запись заседаний на различные носители, с последующим приобщением их к материалам дела. Активное использование телекоммуникационных средств будет способствовать более эффективной реализации принципов уголовного судопроизводства и обеспечению прав его участников.

Список источников: 1. Костовская Н.В. Нормативное регулирование прений сторон в уголовном процессе нуждается в совершенстве // Российская юстиция. 2014. №9. С. 25-28; 2. Гуськова А.П., Муратова Н.Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства. М.: Юрист, 2005. СПС «Консультант Плюс»; 3. Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 07.09.2015 № 44у-113/2015; 4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.03.2014 № 56-АПУ14-9СП; 5. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 12.08.2015 по делу № 22-6681/2015; 6. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 21.08.2013 по делу № 22-2616/2013; 7. Постановление Президиума Ростовского областного суда от 04.12.2014 № 44-у-257; 8. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 04.02.2015 № 73-АПУ15-1; 9. Постановление Президиума Верховного суда Республики Тыва от 23.10.2014; 10. Постановление Президиума Липецкого областного суда от 19.04.2013 № 44у-17-2013; 11. Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 11.12.2012 по делу № 44у-784/2012.

УДК 343.13

Islamova E. R., Sundiukova A. R. Actual issues of ensuring the rights of participants of criminal proceedings in judgments

Analysing current legislation and judicial practice, authors come to a conclusion about the necessity of activation of the role of court in judicial debates for providing of the necessary terms for execution by participants and realization of given to them rights. The authors pay attention to the measures that must be accepted by a court in order to avoid judicial mistakes. The authors prove the necessity of using programmatic complexes providing a complete and exact record of a judicial meeting in audio or video formats maintaining a function of saving the information on electronic devices.

Key words: *judicial debates, role of court, public prosecutor, defender, judicial mistakes, record of a judicial meeting, programmatic complexes.*

Ищенко Е. П.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки России
(Москва, Россия)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье анализируется роль современной компьютерной техники, новых информационных технологий и средств телекоммуникации в формировании уникальной информационной среды, в которой уже действует организованная транснациональная преступность. Она активно использует эти новейшие средства для совершения самых различных преступлений в сети Интернет, предоставляющей сегодня пользователям широкий ассортимент электронных сервисов. Акцентируется внимание на высокотехнологичных способах преступных посягательств в киберпространстве на различные правоохраняемые объекты и интересы, анализируются особенности следообразования в этом пространстве и специальные технические средства, позволяющие выявлять и закреплять в нем доказательственную и иную криминалистически значимую информацию. Предлагается структура методики расследования киберпреступлений, наполнение которой адекватным содержанием позволит поднять борьбу с киберпреступностью на соответствующий уровень.

Ключевые слова: *компьютерная техника, киберпреступление, информационные технологии, организованная преступность, интернет, способ, следообразование, расследование.*

Современная компьютерная техника, новые информационные технологии и средства телекоммуникаций стали в последние годы неотъемлемой частью повседневной действительности. Очень многих людей повсюду сопровождают персональные компьютеры, планшеты, мобильные телефоны, смартфоны, Skype, цифровые фото- и видеокамеры, диктофоны, пластиковые кредитные и расчетные карты, а также банкоматы, терминалы, порталы и т.д. Без всего этого компьютерного разнообразия уже невозможно себе представить жизнь цивилизованного человека.

Функционирование поименованных и неупомянутых электронных систем и устройств создало и продолжает формировать уникальную информационную среду, в которой отражаются, фиксируются и сохраняются специфические следы различной человеческой деятельности, в том числе имеющей криминальный характер. Доскональное исследование этой очень специфичной среды возникновения доказательственной и криминалистически значимой информации уже начинает приносить свои плоды, однако сделано гораздо меньше, чем предстоит сделать. Поэтому одной из насущнейших задач, стоящих перед российскими криминалистами, является создание действенных методических рекомендаций по расследованию киберпреступлений.

К киберпреступлениям относятся такие противоправные деяния, которые совершаются в сфере высоких информационных технологий с помощью или посредством компьютерных систем либо сетей, а также иных средств удаленного доступа. Киберпреступность — это преступления в сфере высоких информационных технологий, совершаемые злоумышленниками, использующими эти технологии для достижения противоправных целей. Весьма распространенными посягательствами стали взломы паролей, кражи номеров пластиковых карт и других банковских реквизитов, а также денежных средств, распространение суицидальных настроений, порнографических изображений, клеветнических сведений, материалов, возбуждающих межнациональную и межконфессиональную вражду, и т.п.) [1, с. 181-192; 2, с. 9-20].

Общественная опасность киберпреступлений состоит в том, что они могут повлечь за собой грубое нарушение деятельности автоматизированных систем управления и контроля различных жизненно важных объектов, а также несанкционированные действия по уничтожению, модификации, искажению, копированию конфиденциальной информации, иные формы незаконного вторжения в информационные системы, которые способны вызвать тяжкие и необратимые последствия, связанные не только с имущественным ущербом, но и с физическим вредом большим группам людей.

В этой связи весьма важно оптимизировать процессуальный порядок и тактико-технические приемы обнаружения, закрепления, изъятия, сохранения и экспертного исследования компьютерной информации как судебного доказательства, а также криминалистические рекомендации по расследованию киберпреступлений. Это тем более необходимо, что преступления в сфере высоких информационных технологий очень часто являются организованными и транснациональными, когда преступники действуют в одних странах, а их жертвы находятся в других. Поэтому для борьбы с такими преступлениями особое значение имеет четкое международное сотрудничество.

Следует подчеркнуть, что в последние годы наметилась устойчивая тенденция усложнения способов совершения киберпреступлений. Один из главных факторов, способствующих этому, – появление новых программно-аппаратных средств, освоение и применение которых помогает злоумышленникам находить нестандартные решения для реализации преступных замыслов, а также развитие телекоммуникационных технологий, обеспечивающих возможность входа в информационные сети, минуя проводные линии связи. Уже можно констатировать распространение высокотехнологичных способов совершения киберпреступлений.

О таком кибепреступлении можно говорить, если наличествует стадия подготовки к его осуществлению, используются разнообразные или модифицированные преступником программные либо программно-аппаратные средства, скрываются электронные следы содеянного и наносится крупный ущерб чьим-либо законным интересам. Здесь налицо полноструктурный способ совершения киберпреступления, включающий все три стадии криминального посягательства. Очень важно и то, что средством совершения преступления служат не готовые программно-аппаратные средства, а созданные или модифицированные самим злоумышленником. Такие программы обычно вредоносны.

При совершении киберпреступлений высокотехнологичным способом используются сетевые технологии, остаются специфичные электронно-цифровые следы, которые дислоцируются в различных местах, как правило территориально удаленных друг от друга. В этой связи вполне реальна возможность совершить преступное посягательство анонимно, находясь в любой точке земного шара. Использованная при этом компьютерная техника, служащая главным связующим звеном деяния с конкретным субъектом, впоследствии нередко уничтожается. Все чаще такие преступления совершаются в составе организованных преступных сообществ [3, с. 123-126].

Не случайно в России наблюдается значительное увеличение количества киберпреступлений и ухудшение их раскрываемости. В первую очередь, это связано с резким повышением степени организованности и технической оснащенности действующих в стране криминальных формирований, с активным использованием ими профессиональных знаний специалистов в сфере новых информационных технологий, в совершенстве владеющих компьютерной техникой и ее программным обеспечением как орудиями реализации в киберпространстве изощренных преступных посягательств.

Интернет предоставляет сегодня пользователям широкий ассортимент электронных сервисов, позволяющих увеличить скорость обработки данных, подготовки документов и осуществления финансово-хозяйственных операций, расширить клиентурную базу, повысить мобильность виртуальных взаимоотношений во времени и киберпространстве. Как считают специалисты, киберпространство представляет собой уникальную среду, не расположенную в географиче-

ском пространстве, но доступную любому человеку в любой точке мира посредством доступа в Интернет.

Миграция в киберпространство отдельных трудовых операций и рабочих мест, а так же бизнес-процессов в целом обусловила становление множества новых направлений предпринимательской деятельности (интернет-банкинг, интернет-трейдинг, электронные биржи и торговые площадки, интернет-аукционы, магазины и т.д.). В Глобальной сети стремительно развиваются система денежных расчетов, позволяющие получать очень крупные неконтролируемые доходы, в том числе и в кибервалюте.

Характерная особенность киберпространства состоит в том, что взаимодействующие в нем объекты (файлы данных и программ), которые участвуют в процессе следообразования, не имеют внешнего строения. Весь арсенал средств и методов работы со следами, накопленный трасологией, здесь оказывается мало востребованным. Еще и поэтому традиционные сыскные технологии в оперативно-розыскной деятельности заметно уступили место оперативно-техническим мероприятиям: прослушиванию телефонных переговоров, использованию средств пеленгации, снятию информации с технических каналов связи, анализу телефонного трафика с привязкой к базовым станциям, обращению к оцифрованным информресурсам и др.

Выявлению специфических следов содеянного и другой криминалистически значимой информации способствует использование современных научно-технических средств, имеющихся в распоряжении правоохранительных органов, например, универсальных устройств извлечения судебной информации (UFED, XRY, MOBILedit, Тарантула и др.). Такая криминалистическая техника позволяет работать практически с любой моделью мобильных устройств, в том числе с поврежденными устройствами, планшетными компьютерами, навигаторами любой операционной системы. Специфика их использования заключается в том, что извлечению и систематизации с построением структурированного отчета подлежат и удаленные данные. Устройства позволяют войти в информационную систему в обход паролей и логинов, либо распознав их [4, с. 31-33].

С помощью данных средств можно получить информацию о телефоне, сим-карте, вызовах, в том числе удаленных (время, имена, фото); об использовании интернет-браузера; закладках интернет-сайтов; файлах Cookie; записях телефонной книги; SMS, MMS и голосовых сообщениях; информации чатов и электронной почты; изображениях, видео- и аудиофайлах; местоположении (сети WiFi, ретрансляторы мобильной связи и навигационные приложения); маршрутах перемещения (можно просматривать в Google Earth и Google Maps), GPS-координатах использования мобильного устройства; введенных в GPS-устройствах (навигаторы), координаты местоположения; паролях, журналах вызовов, текстовых сообщениях, контактах в электронной почте, мессенджерах, записях в календаре, медиафайлах, приложениях, служебных данных (список IMSI, данные последней сим-карты, коды блокировки); данных журнала «Lifeblog», содержащего список действий с телефоном; переписке в различных социальных сетях («Вконтакте», «Одноклассники», «Twitter», «Facebook»), с помощью таких приложений, как Skype и др. [5, с. 41].

Криминалистическая методика расследования киберпреступлений, на наш взгляд, должна представлять собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе практических рекомендаций, базирующихся на изучении особенностей криминальной, экспертной, оперативно-розыскной и следственной работы, оптимизирующих расследование киберпреступлений.

Думается, что групповая криминалистическая методика их расследования должна включать в себя следующие структурные элементы:

1) информационную модель киберпреступления, содержащую данные о типичных исходных сведениях; способах совершения и сокрытия таких преступлений; о личности вероятного преступника, его мотивах и целях; о личности вероятной жертвы, а также о типичных обстоятельствах реализации преступных посягательств;

2) круг обстоятельств, подлежащих первоочередному и последующему установлению и доказыванию;

3) типичные следственные ситуации, складывающиеся на момент возбуждения уголовного дела и на различных этапах его расследования;

4) особенности процессуального и оперативно-технического документирования преступных действий, совершаемых в киберпространстве;

5) выдвижение следственных и розыскных версий, специфика планирования расследования киберпреступлений;

6) оптимальные научно-технические методы собирания доказательственной и иной криминалистически значимой информации;

7) организационные и тактические особенности производства следственных действий и оперативно-технических мероприятий, проводимых на первоначальном и последующих этапах расследования;

8) особенности организации взаимодействия следователя с органом дознания в ходе расследования киберпреступлений;

9) специфика использования специальных знаний и технических средств;

10) методические особенности последующего и заключительного этапов расследования киберпреступлений.

Все изложенное обосновывает вывод, что российским криминалистам в ближайшие годы предстоит разработать адекватные современной криминогенной ситуации технико-криминалистические, тактические и методические подходы к расследованию кибепреступлений [6, с. 3-23].

Список источников: 1. Ищенко Е.П. Киберпреступность: криминалистический аспект проблемы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5 (10); 2. Ищенко Е.П., Плоткин Д.М., Батманов А.В. Детский суицид: недетские проблемы квалификации и профилактики //Там же. 2016. №5 (28); 3. Поляков В.А. О высокотехнологичных способах совершения преступлений в сфере компьютерной информации //Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегодной Всероссийской науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012; 4. Скобелин С.Ю. Использование специальных знаний при работе с электронными следами // Российский следователь. 2014. № 20; 5. Методика расследования отдельных видов мошенничества : учеб. пособие. М.: Московский ун-т МВД России, 2014; 6. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития: коллективная монография. – Москва: Проспект, 2016. - 208 с.

УДК 343.98

Ishchenko E. P. Criminalistic aspects of investigation of cybertrants

The role of modern computer technology, new information technologies and telecommunications means in the formation of a unique information environment in which organized transnational crime already operates is analyzed in the article. It actively uses these newest means for committing various crimes in the Internet, which today provides users with a wide range of electronic services. Attention is focused on high-tech methods of criminal encroachments in cyberspace on various law-enforced objects and interests, features of trace formation in this space and special technical means that allow to identify and fix evidentiary and other forensic information are analyzed. The structure of the methodology for the investigation of cybercrime is proposed, the filling of which with adequate content will raise the fight against cybercrime to an appropriate level.

Key words: *computer technology, cybercrime, information technology, organized crime, Internet, method, trace formation, investigation.*

Ижийт Б. Б.

Университет правоохранительной службы Монголии
Институт исполнения судебных решений
(Монголия)

РЕФОРМЫ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ МОНГОЛИИ

В статье рассматриваются особенности проведения реформы исполнения наказания в Монголии.

Ключевые слова: *судебная реформа, исполнение наказаний*

Со времени принятия Первой Конституции Монголии от 1924 года и до правовых документов от 1926, 1929, 1934 гг. “Правил судебного разбирательства” и в 1942, 1961, 1986, 2002 гг. “Уголовного кодекса Монголии”, которые с присущей преемственностью отражали политические, социальные черты своего времени и носили исторические обязательства своего времени.

Уголовный Кодекс Монголии от 2002 года, утвержденный в соответствии с концепцией Конституции Монголии от 1992 года, был изменен более 10 раз, учитывая временные обстоятельства и изменения в общественных отношениях. Эти изменения и дополнения были внесены для установления размеров ущерба, или для более подробного установления обстоятельств преступления, или для правового регулирования состава преступления, соблюдения прав и обязательств, принятых Монголией в соответствии с международными договорами, а также в связи с принятием новых законов и законодательных актов.

В Программе работы Парламента на 2012-2016 гг., утвержденный постановлением Великого Государственного хурала № 37 от 2012 года, говорится, что “принятие и соблюдение уголовного законодательства соответствующей социальным ценностям и принципам демократии, государственным нуждам развития, с возможностью учета обязательств и с эффективной, результативной и многовыборочной политикой системы наказания”.

Чтобы защитить ценности, утвержденные Конституцией Монголии материальным законом нужно утвердить Уголовный кодекс, отвечающий требованиям нынешней общественности, гарантирующий права и свободы человека.

Также в концепции Уголовного кодекса утверждено, что “установление новых видов преступлении и их состава; пытки человека, незаконное проникновение в личное помещение, незаконный обыск, незаконное изъятие и конфискация имущества, расследование человека не имея на то законных прав, незаконный арест, дискриминация и бытовое насилие считать преступлением, установить положения, отвечающие требованиям и нужда государственной и социальной политики”.

Для реальной защиты законных интересов граждан от преступных посягательств, которая является ценностью охраняемая Конституцией Монголии, в новом Уголовном Кодексе Монголии, утвержденная 3-го декабря 2015 года Великим Государственным Хуралом и которая приступить в действие с 1-го сентября 2016 года внесли дополнения, регулирующие ответственности и уголовная субъективность не только физических лиц, но юридических лиц, и тем самым дало возможность соблюдать нормы, возложенные международными договорами.

Рассмотрим в следующем контексте обновления в системе наказания в данном новом законе:

1. Улучшения целей уголовного наказания:

В пункте 45.3 статьи 45 Уголовного кодекса Монголии от 2002 года оговорено следующее: “Целью уголовного наказания является защита гражданина и общественности от преступных посягательств, восстановление прав, нарушенных в результате преступления, уголовная наказуемость лиц, совершивших преступление и их перевоспитание, предупреждение преступлений.” А в пункте 5.1. статьи 5-ой Уголовного Кодекса Монголии от 2015 года оговорено, что “Целью наказания является наказуемость физических и юридических лиц, совершивших преступление, восстановления прав, нарушенных в результате преступления, компенсация причиненного ущерба, предупреждение от преступлении, реабилитация и социализация лиц, совершивших преступление”.

Реабилитация и социализация лиц, совершивших преступление, имеет цели социализации осужденных лиц, их перевоспитание, тем самым избавления от вредных привычек и совершения преступления в дальнейшем.

2. Обновления видов наказании:

В статье 46 Уголовного Кодекса Монголии от 2002 года, регулируется следующим образом:

- штраф;
- лишение права занимать определенные должности или заниматься

определенной деятельностью;

- конфискация имущества;
- обязательные работы;
- арест;
- лишение свободы;
- смертная казнь.

При этом штраф, обязательные работы, арест, лишение свободы и смертная казнь применяются только в качестве основных видов наказаний, а лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью применяются в качестве основных и дополнительных видов наказании, а конфискация имущества применяются только в качестве дополнительного вида наказания.

В новом Уголовного Кодексе Монголии, регулируется следующим образом:

А. Физическим лицам, совершившим преступления применяются следующие виды наказании:

• штраф;
• обязательные работы, на благо общественности;
• ограничение прав передвижения;
• лишение свободы;
• лишение прав.

При этом штраф, ограничение прав передвижения и лишение свободы применяются в качестве основных, обязательные работы, на благо общественности применяются в качестве основных или дополнительных, а лишение прав применяются в качестве дополнительных.

Б. Несовершеннолетним лицам, совершившим преступления применяются следующие виды наказании:

• обязательные работы, на благо общественности;
• ограничение прав передвижения;
• лишение свободы в дисциплинарных специализированных местах;

В. Юридическим лицам, совершившим преступления применяются следующие виды наказании:

- штраф;
- лишение прав;
- ликвидация.

Самой явной реформой в новой системы наказания является отказ от смертной казни. В статье 16 Конституции Монголии говорится, следующие права человека: “Право на жизнь. Строго запрещается лишение жизни любого человека, за исключением лиц, приговоренных судом к высшей мере наказания за особо тяжкие преступления, указанные в Уголовном Кодексе Монголии”. В соответствии с этим положением только за особо тяжкие преступления, установленные в Уголовном кодексе можно приговорить к смертной казни, а в остальных случаях нельзя такое допускать. В Уголовном кодексе от 2002 года установлены семь видов особо тяжких преступлении, предусматривающих наказание в виде смертной казни, таких как, посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля, саботаж, преднамеренное убийство, изнасилование, терроризм, бандитизм, геноцид.

Суд устанавливал наказание лицам, совершившим данные виды преступлении. Принятие закона является прерогативой Правительства и поэтому несмотря на положения Конституции Монголии, Правительство имеет право устранить смертную казнь из уголовного законодательства, как меру наказания.

Правительство Монголии поддержало инициативу Президента Монголии об устранении смертной казни, как меры наказания, а также издало закон 5-го декабря 2012 года о ратификации Факультативного Протоколо II к Международному Пакту о гражданских и политических правах, направленного на устранение смертной казни, тем самым возложив на себя обязанность на международном уровне.

3. Наказание в виде лишения свободы, его улучшения:

Лишение свободы заключается в изоляции лица, признанного судом виновным от общества, путем направления его в тюрьму на срок и условие, оговоренное в судебном решении и является мерой государственного принуждения, регулируемая действующим законодательством для защиты населения от преступных посягательств. Данный вид государственного принуждения на данный момент регулируется Уголовным кодексом Монголии, Законом Монголии об исполнении судебных актов, а также более 40 постановлениями и порядками, утвержденными в соответствии с ними Парламентом Монголии, Министром внутренних дел, Председателем Генерального управления Монголии службы исполнения судебных решений.

В рамках наказания в виде лишения свободы есть целый круг вопросов, которые нужны разрешить, такие как, улучшение методов эффективности отбывание лишения свободы, обеспечение прав осужденных лиц, улучшение их условии отбывания, социализация осужденных лиц, улучшения трудового менеджмента с целью обеспечения осужденным лицам трудового места после отбывания наказания, активизация работы по устранению компенсации причиненного ущерба, результат отбывания наказания должен полностью соответствовать целям наказания.

В стратегии развития Управления службы исполнения судебных решений, в приоритетных целях и стратегических направлениях Управления службы исполнения судебных решений главной целью является соответствие международным стандартам наказания в виде лишения свободы.

Соответствие международным стандартам наказания в виде лишения свободы предполагает не только улучшение стандартов жилищных условий и помещения, где отбывает наказание осужденные лица, но и присоединение к международным конвенциям и договорам ООН, регулирующим данные вопросы и внесение этих основных принципов и понятии в внутреннее законодательство страны. Реформы улучшения и результативности наказания в виде лишения свободы предполагают также правильное соотношение целей наказания с режимом, методом, способом отбывания наказания, правами и свободами осужденных лиц, обеспечение этого соотношения на законодательном уровне, улучшение профессиональности работников этих сфер.

Глобализация и уровень развития на современном этапе во многих странах мира подталкивает к реформам и обновлениям в политике наказания. В современных концепциях все больше отталкиваются от наказания в виде лишения свободы и дают приоритет другим видам наказания, что приводит к снижению численности осужденных лиц в местах лишения свободы. Также приоритетным является социализация и адаптация лиц, пребывающих наказание в местах лишения свободы, полное обеспечение им трудового места, обеспечение полной компенсации причиненного ущерба, обеспечение интересов потерпевших лиц, предоставление возможностей осужденным лицам предотвращающие от вторичного преступления.

Наказание в виде лишения свободы направлено на обеспечение политики и целей уголовного наказания, при этом уголовная политика является направлением государства, имеющим цели борьбы с преступностью, обеспечения общественного порядка, защиты прав, свобод и законных интересов гражданина в рамках общества, экономики, политики, законодательства на уровне развития данного государства. При этом государство обеспечивает данную политику уголовного наказания путем принятия таких мер, как создание подходящих видов уголовной ответственности, усовершенствование деятельности назначения наказания, по-

средством которых осуществляется предупреждение от преступлении и борьба с преступностью.

Основным методом улучшения эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы является правовое регулирование, предусматривающее более подходящую систему режима отбывания наказания. Что касается правового регулирования в Монголии, то действующее регулирование не достаточно направлено на конечные цели наказания и не предусматривает более широкий круг режимов.

Каждый согласен с тем, что уголовное наказание в виде лишения свободы это особая мера государственного принуждения с целью наказания преступника и его перевоспитания, которая является основным способом защиты общества и человека от преступного посягательства. В последнее время 60-70 процентов от всех наказании имеет место вышесказанный вид наказания и на сегодняшний день при Управлении службы исполнения судебных решений действует 25 тюрем /из них 1 тюрем, 1 колонии особого режима, 11 колонии строгого режима, 11 колонии общего режима/ реализующих судебное решения о лишении свободы.

С даты принятия в 2002 году Закона Монголии об исполнении судебных актов и по 2012 год были приняты конкретные меры для устранения и компенсации ущерба, причиненного гражданам и обществу, и реализованы наказания в виде лишения свободы более 66228 осужденным лицам по совпадающим числам, в соответствии с правилами, процедурами, временем и режимом установленным законом.

В соответствии с новым Уголовным кодексом Монголии лишение свободы это изоляция лица, совершившего преступление в открытых или закрытых колониях на определенный срок или пожизненно. При этом режим открытой или закрытой колонии определяется законом. А также срок отбывания наказания числится от 7 дней до 20 лет в открытых, или в закрытых колониях на определенный срок.

В законе также установлено, что в случае пожизненного лишения свободы в закрытых колониях, после отбывания 25-летнего срока осужденным лицом, судебные органы повторно рассматривают это дело, с целью решения об освобождении на основании условии совершения преступления, размера и характера причинённого ущерба, личных обстоятельств осужденного лица.

Исходя из вышесказанного можно сказать, что новое регулирование в уголовном законодательстве Монголии предусматривает уголовную политику, направленную на частое применения других видов наказания приоритетным над наказанием в виде лишения свободы и устранение ущерба и последствия, причиненного в результате преступного деяния.

Предложения

- Другие виды наказании, чем наказание в виде лишения свободы, такие как ограничение прав передвижения, обязательные работы на благо общества нужно реализовать с помощью технического наблюдения, также нужно внедрять более финансово доступные методы реализации данного вида наказании, практикующие в других странах и создать систему исполнения наказании, которая подходит для наказания юридических лиц.
- Внести изменения и дополнения в законодательство с целью улучшения эффективности работ по социализации осужденных лиц в исправительных учреждениях.
- Создать правовое регулирование более точно определяющее различие между закрытым и открытым исправительным учреждением, его условии и положении.
- В новом законодательном проекте “Закона об исполнений судебных решений Монголии” внести предложения по созданию правового регулирования соответствующей мировым тенденциям и международно-правовым договорам и иным документам, которая будет предусматривать основание, условие и правила реализации наказания.

УДК 343.8

Izhit B. B. Reforms in the Criminal Punishment System of Mongolia

The article examines the specifics of the implementation of the punishment enforcement reform in Mongolia.

***Key words**: judicial reform, execution of punishments*

Кащенко С. Г.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского доктор исторических наук, профессор (Симферополь, Россия)

«КАРОЛИНА» ОБ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируются нормы уголовно-процессуального права в уголовно-судебном уложении Карла V.

***Ключевые слова:** германский уголовный процесс, Каролина*

Длительное время христианская церковь использовала для его утверждения и распространения только никем неконтролируемое насилие. В середине средневековья, когда во многих странах Западной Европы начались еретические движения, направленные против ортодоксального католицизма, это вызвало массовое возмущение населения. Поэтому в 1215 г. Латеранский церковный собор принял решение о наказании еретиков только после доказывания церковными судами их вины в процессе инквизиционного (следственно-розыскного) уголовного процесса. С тех пор он широко применялся ими для выявления и наказания еретиков.

Однако он почти не использовался в процессе борьбы с уголовной преступностью в гражданском судопроизводстве, в котором по-прежнему господствовал обвинительный уголовный процесс. Это привело к тому, что на территории «Священной Римской империи германской нации», в состав которой в XVI в. входила большая часть Западной Европы, как отмечал ее император Карл V, в сфере борьбы с уголовной преступностью имеют место крупные недостатки: «Во многих местах зачастую действуют вопреки праву и здравому смыслу и либо обрекают мучениям и смерти невиновных, либо сохраняют жизнь виновным, оправдывают и освобождают их к вещему ущербу для истцов в уголовных делах». Поэтому он поручил «ученым и опытным мужам» составить и собрать воедино наставление, каким образом надлежит осуществлять судопроизводство по уголовным делам «в наибольшем соответствии с правом и справедливостью». Такое наставление было

ими подготовлено и в 1532 г. утверждено императором как «Уголовно-судебное изложение Священной Римской империи германской нации» почему и получило наименование «Каролина». Это был первый общегерманский законодательный акт, нормы которого были предназначены для правового регулирования в сфере уголовного права и уголовного процесса. В структурном отношении «Каролина» состояла из преамбулы, предисловия «от имени Карла V» и 219 статей, пронумерованных римскими цифрами [1]. Большинство их было посвящено правовой регламентации уголовного процесса [2].

До сих пор его форма как необходимое средство борьбы с уголовной преступностью, закрепленная «Каролиной», оценивается неоднозначно. Одни историки права утверждают, что её статьи предписывали во время уголовного процесса только его инквизиционную форму. Есть и такие авторы, которые полагают, что в них сдержалось требование применения при этом только его обвинительной формы. Имеется и третья точка зрения: «Каролина» предусматривала применение в уголовном процессе сочетания его обвинительной и инквизиционной форм. Можно, пожалуй, вести речь и о том, что она сохраняла некоторые черты обвинительного процесса, но преобладающей в уголовном процессе должна была быть следственно-розыскная. Это в частности подчеркивалось в ст. XVIII «Каролины», в которой говорилось о том, что после принятия иска о правосудии судья должен «взять под стражу или заключить в тюрьму только тех, кто будет заподозрен и обвинен в преступлении» только при наличии «добросовестных доказательств, признаков истины, подозрений и улик преступления».

Уголовный процесс, законодательно закрепленный «Каролиной», строго регламентировался и разделялся на три этапа:

1. дознание;
2. общее расследование;
3. специальное расследование.

После получения от истца или его доверенного лица иска о правосудии судья и четыре шеффена (заседатели) вначале решали, исходя из представленных им доказательств, вопрос о том, было ли в том действии, в совершении которого истец обвинял ответчика, состав преступления. Затем судья выяснял отношение обвиняемого к обвинению, который мог его признать или отвергнуть, приводя в подтверждение этого свои доказательства. Если суд признавал их неубедительными, иск оставался без юридических последствий. Когда же они признавались судом недостаточно убедительными или сомнительными, он принимал решение о производстве следственно-розыскного расследования. А ответчик переходил из разряда обвиняемых в разряд подозреваемых. Истец должен был внести определенный судом имущественный или денежный залог «соответственно обстоятельствам дела и достоинствам обоих лиц». Он являлся гарантией того, что истцом будут оплачены судебные издержки и нанесенный подозреваемому моральный ущерб, если в процессе следствия вина его не будет доказана. Если истец не мог предоставить залог, его следовало «содержать в тюрьме или под стражей вместе с им обвиняемым вплоть до окончания производства» (ст. XIV «Каролины»).

Общее расследование представляло собой основную часть уголовного следственно-розыскного процесса. Во время его судья и шеффены устанавливали все обстоятельства дела, исследовали и оценивали улики, документы, свидетельские показания, представленные противоположными сторонами на предмет их правомерности, достоверности, достаточности и степени убедительности. Показания свидетелей с чужих слов не учитывались, а только те имели значение, которые были основаны «на самоличном знании» (ст. LXV). В процессе общего расследования применение пыток к подозреваемому не допускалось, даже если он был опорочен «общей молвой и уликами как виновник злодеяния» (ст. VI, XX).

«Каролина» устанавливала, что признание подозреваемым своей вины является самым ценным и убедительным ее доказательством даже если она недостаточно подтверждалась уликами и другими доказательствами. Это служило основанием для принятия судьей решения о прекращении общего расследования и наказании подозреваемого в судебном порядке. Ст. LXVIII «Каролины» дозволяла это сделать и если в процессе общего расследования подозреваемый продолжал отстаивать свою невиновность, но она опровергалась «двумя или тремя заслуживающими доверия свидетелями, которые не опорочены и не подлежат отводу ни на каком правомерном основании». «Уголовное производство, - предписывалось в статье, - должно (в этом случае) быть завершено соответствующим вынесенным приговором».

«Каролина» обязывала судью и шеффенов при проведении общего расследования в первую очередь выявлять наличие или отсутствие в действиях обвиняемого подтверждающих или отрицающих его вину «добросовестных доказательств». Информацию о них суд должен был получить «не от его врагов или от легкомысленных людей, а от бесстрастных и добросовестных».

К числу «добросовестных доказательств», подтверждающих вину подозреваемого при расследовании всех видов уголовных преступлений, относились:

1. слухи о том, что он является «отчаянным и легкомысленным человеком», что дает основание считать его способным совершить преступление;

2. присутствие подозреваемого «в месте, опасном и подозрительном относительно преступления»;

3. обличительные свидетельства очевидцев преступления, а если он ими не был опознан, то обнаружение у него одежды, вооружения, лошадей и прочего имущества потерпевшего;

4. наличие у подозреваемого причины для совершения преступления против истца по причине зависимости, вражды, предшествующих угроз или из-за ожидания какой-либо выгоды;

5. общение его с людьми, уже совершившими подобное преступное деяние;

6. свидетельство потерпевшего, уже находящегося на смертном одре или подтвердившего свое обвинение присягой;

7. наличие между истцом и ответчиком имущественных и иных споров.

Установление в общем расследовании одного из вышеуказанных «добросовестных доказательств» вины обвиняемого не могло служить достаточным основанием для его прекращения и признания его вины. При выявлении нескольких таких доказательств судья имел право решить являются ли они в совокупности достаточными для признания подозреваемого виновным.

При принятии решения «Каролина» предписывала учитывать не только те «добросовестные доказательства», которые подтверждали вину подозреваемого, но и те, которые свидетельствовали в его пользу.

В статьях «Каролины» определялись и те «добросовестные доказательства», установление хотя бы одного из которых служило достаточным основанием для признания вины подозреваемого при расследовании всех видов преступлений (ст. XXIX-XXX). Это должно было иметь место если:

1. он на месте преступления что-либо «терял, обронил или оставил после себя и его смогли обнаружить и установить, что оно принадлежит подозреваемому;

2. подозреваемый назвал имя сообщника;

3. наличие свидетельства о рассказе подозреваемого кому-либо о готовившемся им преступлении или об угрозе его совершения.

Отдельно «Каролиной» определялись и те «добросовестные доказательства» вины, наличие одного из которых являлось достаточным для признания вины обвиняемого при расследовании преступлений, связанных с убийством и нанесением ранений (когда обвиняемый отрицал свою вину). Это было выявление у него окровавленной одежды, оружия и предметов, которые ранее находились у убитого или раненного (ст. XXXIII), а также участие подозреваемого в драке и нанесение им при этом ударов (ст. XXXIV).

Если подозреваемый в процессе общего расследования, несмотря на выявленные в достаточном количестве «добросовестные доказательства» своей вины не признавал, судья не имел права принять решение о признании его виновным. Это запрещала ему делать «Каролина». «Никто, - говорилось в ней, - не должен быть приговорен к уголовному наказанию (только) на основании одних доказательств, улик или подозрений» (ст. XXI). Оно могло быть принято лишь «на основании его собственного признания или свидетельства». Поэтому «в целях полного осведомления, потребного «для открытия истины», принималось решение о проведении в отношении подозреваемого специального расследования - «допроса под пыткой».

Когда под угрозой ее применения, подозреваемый признавал свою вину, то допрашивавшие согласно предписанию «Каролины» «должны были обязательно его допросить по поводу этого признания в отдельности обо всех обстоятельствах, необходимых для открытия истины» (ст. XLVIII). Кроме того, судье предписывалось «послать на места и велеть расспросить со всяческим усердием...относительно тех обстоятельств, о которых рассказал допрашиваемый по поводу признанного им преступления». Если во время проверки эти обстоятельства подтверждались, то из этого делалось заключение о том, что его признание истинно, а не сделано из желания избежать пыток и что он действительно совершил инкриминируемое ему преступление и что его за него следует подвергнуть уголовному наказанию.

А когда при проверке обстоятельств, сообщенных подозреваемым под угрозой применения допроса под пыткой, они не подтверждались, «Каролина» требовала подвергнуть его ей (ст. LVII) и «произвести при этом всестороннее их рассмотрение». Сделанное при допросе под пыткой подозреваемым признание своей вины судебным писцом не фиксировалось. Оно записывалось через несколько дней как добровольное, когда он его повторял перед судьей и двумя шеффенами. После этого вина подсудимого считалась окончательно установленной и его ожидало уголовное наказание. Однако допрос под пыткой не всегда имел своим следствием уголовное наказание подозреваемого. «Когда обвиняемый, - говорилось в ст. LXI «Каролины», - будет подвергнут истязаниям и допрошен под пыткой, но тем не менее не будет изобличен и не сознается в приписываемом ему преступлении... это дает основание для (его) оправдания».

«Каролина» была первым общегосударственным нормативно-правовым актом, предусматривавшим применение инквизиционного процесса при расследовании уголовных преступлений. Ее предписания действовали на территории «Священной Римской империи германской нации» до ее упразднения Наполеоном Бонапартом в начале XIX в.

Список источников: 1. Уголовно-судебное уложение Карла V: Перевод с немецкого С.А. Булатова. - Алма-Ата, 1959. - 211 с. 2. Constitutio criminalis Carolina. Материал из Википедии. Электронный ресурс. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki (последнее посещение 01.03.2017 г.).

УДК 340.153

Kashchenko S.G. "Carolina" about the criminal trial

The article analyzes the norms of criminal procedural law in the criminal code of Karl V.

***Key words**: German criminal trial, Carolina*

Кириллова Н. П.

Санкт-Петербургский государственный университет
доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)

ДОСЛЕДСТВЕННАЯ ПРОВЕРКА ПО СООБЩЕНИЯМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ПАЦИЕНТАМ В ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье рассматриваются особенности проверки заявлений и сообщений о преступлениях, совершаемых при оказании медицинской помощи, содержится анализ обстоятельств, подлежащих установлению по данной категории дел. Автором сделан вывод о том, что современное правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела не позволяет провести проверку сообщений об этих преступлениях своевременно, полно и всесторонне, поэтому предлагает рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Автор считает, что полномочие следователя по истребованию документов на стадии возбуждения уголовного дела является недостаточным и что законодателю следует разрешить проведение выемки до возбуждения уголовного дела. Предложено расширить перечь следственных действий, которые могут быть проведены в ходе доследственной проверки, увеличить ее сроки в случаях, когда необходимо проведение экспертизы.

***Ключевые слова:** доследственная проверка; возбуждение уголовного дела; оказание медицинской помощи; судебная экспертиза.*

Полная и всесторонняя проверка заявлений и сообщений о преступлениях, совершаемых при оказании медицинской помощи пациентам, является гарантией успешного дальнейшего расследования этих преступлений, поскольку доказательственная база начинает

формироваться еще на стадии возбуждения уголовного дела.

Получение медицинской помощи в государстве гарантированно каждому гражданину статьей 41 Конституции РФ и закреплено в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Основы) [1].

Важной гарантией обеспечения этого конституционного права являются меры уголовно-правового характера. Медицинский работник может быть привлечен к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 109 УК РФ (Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей), ч. 4 ст. 122 УК РФ (Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей), ст. 124 УК РФ (Неоказание помощи больному), ст. 235 УК РФ (Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности) и некоторым другим составам преступлений.

Причиной совершения медицинским работником противоправного деяния, повлекшего причинение смерти или вреда здоровью человека, может быть ненадлежащее исполнение им своих профессиональных обязанностей и профессионального долга.

Изменения, внесенные в УПК РФ за последние несколько лет, установили целый ряд новых норм, регламентирующих процедуру доследственной проверки. Возможности этой проверки существенно расширены законодателем, однако несовершенство правовой регламентации не позволяет органам предварительного расследования в полной мере решить стоящие на этом этапе уголовного судопроизводства задачи, затрудняет дальнейшее расследование уголовного дела.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ на стадии возбуждения уголовного дела возможно проведение нескольких процессуальных действий, среди которых: получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, производство экспертизы, осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, назначение документальных проверок, ревизий, исследование документов, предметов, трупов.

Тем не менее, расширенный законодателем перечень процессуальных действий далеко не всегда позволяет принять обоснованное решение о наличии либо об отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи.

Поводом для проведения доследственной проверки может служить любое сообщение, содержащее информацию о неблагоприятных последствиях оказания медицинской помощи вследствие неосторожных действий медицинских работников: заявление пострадавшего лица или его родственников, сообщение в СМИ, материалы проверки прокуратуры или органов, на которые возложены обязанности контроля качества оказания медицинской помощи и другие.

Основные проблемы, возникающие при проведении предварительной проверки по рассматриваемой категории дел, состоят в следующем:

- недостаточные специальные знания следователей и дознавателей, осуществляющих предварительную проверку сообщения о преступном деянии медицинского работника;

- невозможность оперативно получить медицинские документы, в которых отражен процесс оказания медицинской помощи, имевшей неблагоприятные для пациента последствия;

- не большие сроки доследственной проверки, в течение которых не всегда возможно получить необходимые заключения судебных медицинских исследований, чтобы установить достаточные данные, содержащие сведения о признаках объективной стороны состава преступления.

В ходе проверки следователю (дознавателю) необходимо установить обстоятельства ненадлежащего исполнения медиком своих профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи. Для этого следует выяснить, с нарушением каких конкретно правил связано ненадлежащее исполнение медиком своих профессиональных обязанностей; какими нормативными актами эти правила установлены; какой вид профессиональной деятельности или какие технологические процессы эти правила регламентируют; какое конкретно нарушение допущено, и какие последствия оно повлекло; каков механизм развития неблагоприятного процесса, повлекшего уголовно наказуемое последствие; при каких фактических условиях общественно опасные последствия, возникшие вследствие несоблюдения определенных правил, не влекут уголовной ответственности и другие [2. с. 10-11].

Для установления этих обстоятельств следователю необходимо изучить значительное количество нормативных документов, в том числе акты, регламентирующие процесс осуществления медицинской помощи; стандарты оказания медицинской помощи; протоколы ведения больных; профессиональные инструкции и методические рекомендации по диагностике и лечению тех или иных заболеваний и состояний пациентов, по технологии выполнения конкретных медицинских мероприятий (операций, процедур, манипуляций [3].

Чтобы избежать неверных выводов и необоснованных заключений при правовой оценке случая ненадлежащего оказания медицинской помощи, следователю необходимо знание того, как следовало врачу поступить в конкретном случае, то есть какие профессиональные действия он обязан был выполнить, как они регламентированы требованиями соответствующих медицинских предписаний, было ли адекватным поведение пациента. Такой подход обеспечивает возможность оперативно осуществить полное и всестороннее криминалистическое исследование процесса оказания медицинской помощи, позволяет выделить криминалистические признаки содеянного и дать объективную правовую квалификацию его последствиям.

Все это возможно сделать только при получении медицинских документов, в которых отражен весь процесс оказания медицинской помощи.

Не получив медицинские документы из лечебного учреждения, следователь или дознаватель на этапе доследственной проверки не могут провести полного и всестороннего судебно-медицинского исследования процесса оказания медицинской помощи, назначить судебно-медицинскую экспертизу.

В соответствии со статьей 13 Основ, лечебное учреждение может предоставить сведения, составляющие врачебную тайну по запросу органов дознания и след-

ствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством.

Истребование медицинских документов в процессе проверки заявлений и сообщений о преступлениях не требует судебного решения, однако заинтересованные лица могут не предоставить эти документы следователю, ссылаясь на различные причины. Выемка медицинских документов возможна только после возбуждения уголовного дела и только на основании судебного решения, поскольку они содержат охраняемую федеральным законом тайну. Невозможность оперативно провести выемку медицинских документов приводит к тому, что заинтересованные лица успевают до возбуждения уголовного дела фальсифицировать их, скрыть или уничтожить. Следственная практика свидетельствует о частом и значительном противодействии расследованию со стороны медицинских работников, администрации лечебных учреждений.

С нашей точки зрения, законодателю необходимо предусмотреть возможность проведения данного следственного действия до возбуждения уголовного дела, что будет гарантировать как права потерпевших, так и права подозреваемых и обвиняемых, обеспечивая полноту и объективность доследственной проверки и дальнейшего расследования дела.

Кроме судебно-медицинской экспертизы при проверке заявлений и сообщений о преступлениях, совершенных при оказании медицинской помощи, иногда возникает необходимость в проведении освидетельствования и даже эксгумации трупа. Это следственное действие также не предусмотрено законом до возбуждения уголовного дела.

Специалисты в области методики расследования ятрогенных преступлений отмечают, что вовремя назначенная на стадии возбуждения уголовного дела экспертиза может впоследствии сократить сроки расследования, опровергнуть недобросовестно выполненное паталого - анатомическое исследование. Так, по уголовному делу при производстве экспертного исследования эксгумированного через шесть месяцев после смерти трупа женщины, умершей в родильном доме при проведении «кесарева сечения», было установлено, что полностью отсутствуют те органы, которые были повреждены в результате неадекватного осуществления анестезии. Указанные повреждения послужили причиной кровотечения, которое привело к смерти. У экспертов возникли затруднения в установлении непосредственной причины смерти, поскольку паталогоанатомом причина смерти была указана иная – скоротечный сепсис. Последующие экспертные исследования установили недостоверность выполненного паталого - анатомического исследования. Своевременное назначение экспертизы помогло бы избежать трудовых, временных и материальных затрат [4. с. 234-235].

Установленные УПК РФ сроки доследственной проверки не позволяют провести объемную по содержанию судебно-медицинскую экспертизу. По указанным видам преступлений даже продление до 30 суток срока проведения предварительной проверки не позволяет привлеченным специалистам провести исследование медицинских документов, в которых зафиксирован процесс оказания медицинской помощи, имевшей неблагоприятные последствия. На практике такие экспертизы проводятся от трех до четырех месяцев.

Изучение следственной практики показывает, что следователи и дознаватели идут на «хитрость» по предварительной договоренности с прокуратурой. До получения заключения специалиста они выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, а прокурор, в свою очередь, отменяет указанное постановление и появляется возможность продолжить проверку. Приведенная неправомерная, но вынужденная ситуация может повторяться неоднократно.

Представляется, что по отдельным категориям доследственных проверок, когда для принятия законного и обоснованного процессуального решения требуется обязательное проведении экспертизы, следует предусмотреть возможность их продления более чем на 30 суток, например, до трех месяцев.

Успешному расследованию рассматриваемых категорий дел могут способствовать современные разработки частных методик по выявлению и расследованию преступных посягательств со стороны медицинских работников при оказании ими медицинской помощи по различным видам заболеваний, травм и состояний пациентов.

Список источников: 1. СЗ РФ. № 48. Ст.7624; 2. Пристанков В. Д. Криминалистическая теория расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи. Монография. СПб. 2007. – 358 с; 3. Гецманова И.В. Актуальные вопросы правовой оценки и расследования преступлений, связанных с дефектами оказания медицинской помощи. // Медицинское право, 2007. № 2, СПС «КонсультантПлюс»; 4. Пристанков В. Д. Криминалистическая теория расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи. Монография. СПб. 2007. – 358 с.

УДК 343.9

Kirillova N.P. Pre-investigation check of the reports of crimes committed within the provision of health care to patients in hospitals

The article concerns the features of check of reports and notifications regarding crimes committed within the provision of medical care and analyses of the circumstances to be established in this category of cases. The author concludes that the present legal regulation of the stage of initiation of criminal case does not allow to investigate reports of these crimes in time and comprehensively, therefore, offers recommendations on the improvement of criminal-procedural legislation.

The author believes that the authority of the investigator on the requirements of documents is not sufficient and that the legislator should allow the seizure before the initiation of criminal case. It is proposed to expand the list of investigative actions that can be undertaken within the pre-investigation check, to increase its terms in cases, when it is necessary to conduct the examination.

Key words: pre-investigation check; initiation of criminal case; provision of medical care; forensic examination.

Климович Л. П.

Сибирский федеральный университет
доктор юридических наук, доцент
(Красноярск, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТА

Ретроспективный анализ становления и развития судебно-бухгалтерской науки и учебной дисциплины «Судебная бухгалтерия» и практики применения специальных экономических знаний в раскрытии преступлений показал, что изучение экономико-правовых дисциплин в ходе образовательной подготовки юристов содействует формированию необходимых профессиональных компетенций и в последующем, успешному решению профессиональных задач. Наряду с многими юридическими отраслями знаний и правовыми дисциплинами, Судебная бухгалтерия, как экономико-правовая наука и как учебная дисциплина, многими десятилетиями доказала свою жизнеспособность, в части успешной образовательной подготовки юристов, чья профессиональная деятельность связана с выявлением и расследованием преступлений экономической направленности. Несмотря на то, что требованиями современных образовательных стандартов высшего образования по юридическим специальностям (направлениям подготовки) не предусмотрено изучение учебных дисциплин, обеспечивающих специальную экономическую подготовку будущих юристов, практика настоятельно требует в этом направлении совершенствования профессиональной образовательной подготовки юристов.

Ключевые слова: *Специальные экономические знания, образовательная подготовка юриста, судебная бухгалтерия*

Выявление и расследование большинства преступлений экономической направленности невозможно без использования специальных экономических знаний в различных процессуальных и непроцессуальных формах: сбора первичной информации о преступлении по результатам документальных ревизий и проверок, проводимых должностными лицами органов финансового контроля; участия специалиста-ревизора в проведении исследования документов; участия специалиста-бухгалтера (экономиста) при проведении таких следственных действий как осмотр, обыск, допрос (руководителя организации, главного бухгалтера); получения консультативной помощи специалиста-бухгалтера в ходе расследования уголовного дела; производства судебной экономической экспертизы и дачи заключения эксперта, и других формах уголовного судопроизводства. В этой связи эффективное расследование уголовных дел экономической направленности возможно только в том случае, если субъект расследования обладает достаточным уровнем компетентности в вопросах применения специальных учетно-экономических знаний для сбора необходимой информации и ее использования как доказательства по делу.

Достижению указанной цели содействует качественная образовательная подготовка юриста. Современный юрист должен владеть не только теоретическими знаниями в области различных отраслей права, но и прикладными юридическими, в том числе судебно-бухгалтерскими и экономико-криминалистическими, знаниями, и, в конечном итоге, обладать определенными компетенциями. В их числе, в соответствии с образовательными стандартами по юридическим специальностям (направлениям подготовки): способность использовать основы экономических знаний в различных сферах деятельности; способность выявлять, пресекать, раскрывать и расследовать преступления и иные правонарушения [1]. Комплекс учетно-экономических знаний необходим как для установления по данным различных источников учетно-экономической информации признаков правонарушений и преступлений, совершаемых в связи с осуществлением финансово-экономической деятельности, так и для грамотной и эффективной организации взаимодействия с субъектом, обладающим специальными экономическими знаниями, в том числе объективной оценки его выводов по результатам ревизий, проверок, судебных экономических экспертиз. Формированию таких знаний у будущих юристов способствует изучение учебной дисциплины «Судебная бухгалтерия».

Обратимся к истокам возникновения судебной бухгалтерии как практической деятельности, как учебной дисциплины и как науки.

Становление судебной бухгалтерии как сферы практической деятельности уходит своими историческими корнями в конец XIX и начало XX в.в., когда во времена царской России после судебной реформы 1864 года специальные знания судебного бухгалтера стали использоваться в суде для получения доказательственной информации. Ведущим ученым в области теории и практики судебно-бухгалтерской экспертизы того времени был выдающийся русский бухгалтер-эксперт С.Ф. Иванов. Его книга «Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе» [2], изданная как пособие для юристов и бухгалтеров-экспертов, была первым в России изданием, значимым, прежде всего, для судебно-следственной практики. В предисловии к книге дается одно из первых упоминаний термина «судебная бухгалтерия», как особого вида деятельности соответствующих специалистов.

В начале XX века преобладало методическое направление развития судебно-бухгалтерской деятельности, когда ведущие эксперты России осознавали, что для разрешения вопросов, поставленных перед ними следствием или судом, базовых экономических и бухгалтерских знаний недостаточно, и требуется применение иных методов исследования бухгалтерской информации. С.Ф. Иванов, обобщая уже имевшуюся в то время экспертную практику, сумел во многом предвосхитить современное понимание судебной бухгалтерии как науки. В этой связи представляется бесспорной и убедительной научная позиция профессора С.П. Голубятникова и доцента А.Н. Мамкина о том, что «деятельность в области судебной бухгалтерии не может базироваться только на экономических представлениях: они необходимы, но недостаточны, ведь в данном случае подразумевается изучение только следовоспринимающего объекта – системы экономической информации. Требуется и реализация криминалистического представления об отражаемом объекте – преступной деятельности, осуществляемой под видом и в процессе законных хозяйственных и учетных операций» [3].

Как учебная дисциплина судебная бухгалтерия формировалась в процессе преподавания будущим юристам экономических дисциплин с их ориентацией на потребности предстоящей деятельности по раскрытию хозяйственных преступлений. Учебная дисциплина называлась «Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы». В 40-е годы прошлого столетия вышли в свет учебные издания А.Г. Булохова

(1941), В.Б. Любкина (1947, 1948). А.Г Булохов в своем пособии сделал попытку сформулировать некоторые приемы частной методики судебно-бухгалтерской экспертизы. Именно в этих работах были заложены научные основы выявления, предотвращения и раскрытия хозяйственных преступлений (актуальных для того времени) на основе анализа учетной информации, и предопределены фундаментальные начала построения новой экономико-правовой учебной дисциплины, ориентированной на решение задач расследования экономических преступлений. В 1947 г. С.П. Фортинский подчеркивал особую роль судебно-бухгалтерской экспертизы при расследовании дел о хищениях и растратах и указывал на необходимость развития теории судебно-бухгалтерской экспертизы [4]. Позднее, он посвятил свою научную деятельность обоснованию теории новой науки – судебной бухгалтерии.

В 60-е – 80-е гг. двадцатого века в научной и методической литературе поднимается вопрос о необходимости использования в уголовном судопроизводстве, наряду с бухгалтерскими знаниями и других специальных экономических знаний. В это же время становится актуальным вопрос о необходимости проведения комплексных судебно-экспертных экономических исследований. В работе А.И Винберга и Н.Т. Малаховской [5] в системе судебной экспертологии класс судебных экономических экспертиз представлен уже как самостоятельный класс судебных экспертиз. В качестве фундаментальных базовых (материнских) наук обозначены право, экономика, статистика. В качестве пока единственной из отраслей предметной судебной науки ученые указали судебную бухгалтерию.

В этот же период времени появляются научные труды С.П. Голубятникова, посвященные разработке основ оперативно-экономического анализа для выявления признаков хозяйственных преступлений. Существенную роль в разработке научных основ судебной бухгалтерии сыграл практический опыт С.П. Голубятникова по производству судебно-бухгалтерских экспертиз (1958–1971 гг.), по организации виктимологических исследований учетных процессов на крупнейших предприятиях Урала (1968–1970 гг.), по созданию и апробации методик оперативно-экономического анализа (1973–1983 гг.).

Большой вклад в формирование научных основ судебной бухгалтерии и в развитие одноименной учебной дисциплины в части использования ревизионных методов для обнаружения признаков преступлений, внесли известные криминалисты В.Г. Танасевич и Л.А. Сергеев.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что к началу 80-х годов сложилась качественно иная структура учебной дисциплины «Судебная бухгалтерия», содержание которой уже предполагало не простое изучение основ бухгалтерского учета, а познание и освоение методик самостоятельного применения юристом учетно-экономических знаний для целей обнаружения документальных, учетных и экономических несоответствий и их последующего применения в криминалистических целях. В этот период времени и позднее профессор С.П. Голубятников в соавторстве с коллегами по кафедре неоднократно издает фундаментальные учебники по дисциплине «Судебная бухгалтерия», которые, по сути, являются классическими изданиями для современного поколения обучающихся будущих юристов.

Также, следует отметить, что в последние пятнадцать лет проведен не один десяток научных исследований, которые в той или иной мере способствовали развитию научных основ судебной бухгалтерии, наполняя содержание науки новыми теоретическими положениями и прикладными методиками, ориентированными на деятельность юриста. Научно-теоретический анализ современных работ С.П. Голубятникова, С.Г. Еремина, Е.С. Лехановой, В.А. Прорвича, В.А. Тимченко, В.В. Шадрина и других ученых, а также следственная и судебная практика использования судебно-экономических знаний в деятельности по раскрытию преступлений экономической направленности свидетельствует о том, что имеют место предпосылки к становлению и развитию нового направления в криминалистической науке, именуемого в трудах ученых как Экономическая криминалистика [6].

Несмотря на позитивные тенденции в развитии научных основ применения специальных учетно-экономических и судебно-бухгалтерских знаний в судопроизводстве, следует отметить тот факт, что и в государственных образовательных стандартах по направлению подготовки (специальности) Юриспруденция, и в образовательных программах подготовки юристов в ведущих вузах страны незаслуженно исключена из учебных планов и программ данная учебная дисциплина. Не предусмотрено изучение и иных дисциплин, касающихся вопросов применения специальных учетно-экономических знаний в практической деятельности юриста, в деятельности по выявлению и расследованию преступлений. Вместе с тем, очевидно, что недостаточный объем таких знаний или их отсутствие в ходе образовательной подготовки фактически формирует будущих юристов недостаточно компетентными в вопросах выявления и раскрытия преступлений экономической направленности, но и в иных областях правоприменительной практики.

Несмотря на то, что требованиями образовательных стандартов высшего образования по юридическим специальностям (направлениям подготовки) базовая и вариативная часть программы не предусматривает изучение учебных дисциплин, обеспечивающих специальную экономическую подготовку будущих юристов, практика настоятельно требует в этом направлении совершенствования профессиональной образовательной подготовки юристов.

Список источников: 1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата): приказ Минобрнауки России от 01.12.2016 № 1511. 2. Иванов, С.Ф. Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе : пособие для юристов и бухгалтеров-экспертов / С.Ф. Иванов. – СПб : Издание книжного склада «Коммерческая литература», 1913; 3. Голубятников, С.П. Судебная бухгалтерия и судебно-экономическая экспертиза / С.П. Голубятников, А.Н. Мамкин // Эксперт-криминалист. – 2009. - № 4; 4. Фортинский, С.П. Судебно-бухгалтерская экспертиза по делам о хищениях и растратах / С.П. Фортинский // Проблемы криминалистики : материал. научн. совещания по криминалистике при Всесоюзном институте юридических наук / под ред. И.Т. Голякова. – М. : Всесоюзный институт юридических наук, 1947; 5. Винберг, А.И. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз) : учебное пособие / А.И. Винберг, Н.Т. Малаховская. – Волгоград : Высшая следственная школа МВД СССР, 1979; 6. Шумак, Г.А. Экономическая криминалистика в системе криминалистической науки // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып.11 / редкол.: В.Н. Бибило (гл.ред.) [и др.].- Мн.: БГУ, 2001. С. 281-289; Голубятников, С.П. Экономическая криминалистика: этапы становления, перспективы

развития / С.П. Голубятников // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2001. - № 1; Мамкин, А.Н. История развития теоретических основ экономической криминалистики / А.Н. Мамкин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2009. - № 1(10).

УДК 343.148.5

Klimovich L. P. Forming of special economic knowledge in the process of educational training of a lawyer

Retrospective analysis of the formation and development of forensic accounting as a science and as an educational subject and applying of special economic knowledge in detection of crimes proved that learning of economic law disciplines in the educational training process of lawyers facilitates the formation of the necessary professional skills and, as a consequence, successful solving of the professional challenges. Forensic accounting as a science and as an educational subject, along with other law disciplines, has proved its expediency in the successful educational training process of lawyers whose professional activities are connected to detection of crimes in the economic sphere. Despite the fact that the current educational standards of higher education in the law disciplines do not include educational subjects that provide future lawyers with special economic educational background the practice demands the improvement of lawyers' educational training process in this direction.

Key words: *of special economic knowledge, educational training process of lawyers, forensic accounting*

Комаров И. М.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)

Ян Е. И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук
(Москва, Россия)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

В статье рассмотрены отдельные вопросы становления и развития криминалистического образования в России, его современное состояние, обоснованы предложения перспектив развития криминалистического образования в высшей школе.

Ключевые слова: *криминалистика, криминалистическое образование.*

Криминалистика, как самостоятельная отрасль юридического знания формируется в России уже на протяжении более ста лет. Истоки формирования криминалистической дидактики лежат в трудах российских процессуалистов, которые и до, и после принятия в 1864 году Устава уголовного судопроизводства занимались научно-практическим разрешением проблем, связанных с традиционными и новыми условиями отправления правосудия.

В этой связи можно выделить сочинения Н. Орлова [1, с. 46 – 47], Я. Баршева [2, с. 51], Е. Колоколова [3] и многих других.

Анализируя содержание их исследований можно прийти к выводу о том, что дореформенное российское уголовное судопроизводство отводило косвенным доказательствам весьма незначительную роль. Однако данное несовершенство уголовного судопроизводства, в основе которого лежала теория формальных доказательств, становилось все более очевидным. В немалой степени этому способствовала практика использования в судебных разбирательствах вещественных доказательств, которые требовали не только процессуального, а и криминалистического объяснения. На это обстоятельство указывали и прогрессивные правоведы того времени [4, с. 97].

Сам собой напрашивался вывод о необходимости реформы теории доказательств, замене теории формальных доказательств на теорию их свободной оценки на основе как процессуального, так и криминалистического аспектов, что собственно и произошло в 1864 году с введением Устава уголовного судопроизводства.

Теория свободной оценки доказательств явилась, собственно, катализатором для новых исследований, связанных с процедурами собирания и исследования доказательств. В последствии эти работы справедливо были отнесены к криминалистическим исследованиям и стали основой криминалистического образования [5].

Нельзя обойти вниманием и важное для криминалистики западноевропейское дидактическое наследие Г. Гросса, Р.А. Рейса, А. Вейнгардта. В этот же период времени в России издаются периодические правовые издания [6], где публикуются статьи по различной криминалистической проблематике.

В конце XIX начале XX века в России были созданы соответствующие объективные предпосылки, которые способствовали обоснованию необходимости введения криминалистики в качестве учебной дисциплины в системе юридического образования. В октябре 1911 года в Александровской военно-юридической академии, впервые в российских высших учебных заведениях, была создана кафедра уголовной техники, где полноценно стали преподавать криминалистику. Важная роль в этом принадлежит руководителю Главного военно-судебного управления А.С. Макаренко и С.Н. Трегубову, которые подготовили первые в России учебники по криминалистике заложив, тем самым, фактические основы криминалистической дидактики [7].

В советский период развития российской государственности, начиная с 1920 года, криминалистика преподается в Харьковском институте народного хозяйства (впоследствии Харьковский юридический институт), а со средины 20-х годов ее преподавание включается в учебные программы подготовки юристов правовых вузов. С 1925 года криминалистика включена в учебный план юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Ее дидактика была обеспечена трудами таких известных криминалистов как И.Н. Якимов, С.М. Потапов, П.П. Семеновский, С.В. Познышев, Е.У. Зицер, и многих других. Трудно перечислить всех криминалистов, которые внесли существенный вклад в этот процесс, да это и не является основной целью нашей публикации, так как мы намерены уделить больше внимания анализу современного состояния криминалистического образования, прогнозу его будущего.

Существенное значение для криминалистического образования имеют тенденции развития знания, его интеграция и дифференциация, формирование общетеоретических положений. Вторая половина XX столетия как раз и была ознаменована окончанием дискуссии

о предмете криминалистики и обосновании основных положений ее общей теории, которая определившись в качестве самостоятельного элемента системы науки стала представлять собой ее постоянно пополняющиеся и развивающиеся фундаментальные положения.

На этой основе закономерно возникла необходимость, которая объективно требовала от криминалистов научно-практических объяснений основных положений криминалистической дидактики и методики преподавания криминалистики в вузах. В этой связи полезной следует считать работу В.Г. Коломацкого [8], который дал необходимые научно-практические обоснования этой проблеме.

Главной задачей криминалистического обучения, по его мнению, являлось не только снабжение обучаемого стандартным набором криминалистических знаний, навыков и умений, но и формирование у него, в первую очередь, основ криминалистического мышления, способности к осознанной реализации криминалистических знаний для решения практических задач, дальнейшего повышения квалификации посредством самостоятельного обучения и послевузовского образования.

Современные же реалии таковы, что за четверть века самостоятельной российской государственности мы имеем третий Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), уже не по специальности, а по направлению (бакалавриат) подготовки «Юриспруденция», где криминалистика хотя и представлена в базовой (общепрофессиональной) части, количество часов на ее изучение никак не отражает значимость предмета для подготовки криминалистически грамотного правоприменителя. Кроме того, не утихают споры относительно необходимости присутствия криминалистики в базовой части ФГОС ВПО по причине, якобы, ее исключительной уголовно-правовой направленности.

Мы придерживаемся иного мнения и полагаем, что корректировка криминалистической дидактики могла бы убедить «противников» криминалистики в несомненной пользе этого предмета для юридического образования и подготовки юристов, которые намерены употребить свои знания, навыки и умения, полученные в процессе обучения, не только для эффективной деятельности в государственных правоохранительной органах, но и других областях общественной деятельности, где может быть эффективно реализовано соответствующее образование.

Криминалистика наука прикладная и, конечно же, в большей степени она соотносится с уголовным судопроизводством. Однако в современных жизненных реалиях мало кто из юристов тем или иным образом не связывает свою профессиональную деятельность работой с документами, взаимодействием с органами государственной власти, правоохранительными и судебными органами. И на этом основании криминалистические знания и криминалистическое мышление для них, в зависимости от того насколько они ими грамотно владеют, важные факторы успеха или не успеха, в достижении искомого и желаемого результата. Эти знания должны опираться на практическую основу, представлять собой рекомендации, основанные на данных анализа обобщенных практических ситуаций, тогда посредствам криминалистического мышления они могут быть эффективно реализованы субъектом в практике принятия правильных решений в конкретных обстоятельствах повседневной профессиональной юридической деятельности.

К сожалению современная криминалистика грешит теоретизированием. Эта тенденция сложилась в последние десятилетия и, отчасти, мешает ее правильному развитию по причине того, что выполнение научных исследований, которые не находят надлежащего эмпирического подтверждения, не находят и эффективного применения на практике. Страдает от этого и современное криминалистическое образование, так как «фундаментальные» и «наукообразные» криминалистические знания не порождают у обучаемых необходимые навыки и умения, а также, что самое важное, способности к криминалистическому мышлению в различных областях юридической практики.

Однако вернемся к тем изменениям во многоуровневом высшем профессиональном образовании, которые, по нашему мнению, в настоящее время неэффективно влияют на обучение криминалистике. С большой натяжкой, на наш взгляд, это обучение в высшей школе можно назвать криминалистическим образованием. Фактически оно заменено криминалистической подготовкой. В подавляющем большинстве случаев эта подготовка связана с предсказыванием текстов учебников, ориентированных на криминалистические данные, отражающие предварительное расследование преступлений, большинство из которых «застряло» в прошлом веке, и освоением отдельных простых технических криминалистических действий на основе этих же учебников.

Подготовка бакалавров направления «Юриспруденция» на основе учебников, рекомендованных для вузовского образования, осуществляется в соответствии с натуралистической парадигмой криминалистики [9], в рамках которой подавляющее большинство этих учебников написано [10]. Это означает, что сложившаяся структура российской криминалистики «заточена» практически на удовлетворение интересов раскрытия и расследования преступлений и на этом основании один из главных блоков в обучении связан с материальными объектами, «состояние которых преобразовано действиями преступников или процессами, вызванными *такими действиями» [11, с. 14]. В этом аспекте отече*ственная криминалистика и ее дидактика достигла определенных существенных результатов, однако крен в уголовное право и процесс серьезно «отодвинул» ее от возможностей многовекторного развития и использования криминалистического знания и соответствующего мышления правоприменителем в других отраслях права и юридической деятельности.

Исходная криминалистическая парадигма, определенная еще Г. Гроссом относительно главной задачи криминалистики – развивать способность «… понастоящему судить о прошедшем, зная прошедшее – судить о настоящем» до конца, по сути, так и не реализована. Криминалистика до конца еще не стала источником знаний для формирования у обучающихся основ системного мышления и деятельностного подхода в реализации целей их будущей профессиональной юридической деятельности.

Возникает вопрос, что для этого следует сделать? Вопрос не простой и его решение следует начинать с общих проблем с тем, чтобы на их основе можно было бы решить частные задачи. Понимая, что в рамках от-

дельной публикации его решить нельзя мы попытаемся только тезисно высказать собственную позицию на этот предмет.

На наш взгляд, одной из главных задач современной криминалистики следует считать необходимость обучения студентов криминалистическому мышлению.

Однако, что собой представляет криминалистическое мышление, как оно реализуется в профессиональной юридической деятельности и почему этот вид мышления может стать универсальным для юристов?

Вернемся к тому, что существующая методологическая парадигма криминалистики является натуралистической и тесно связанной с уголовным правом и процессом. Этот факт уже давно «препятствовал» и препятствует до ныне исследованиям в криминалистике и обучению криминалистике в вузах, которые своим предметом могли бы охватывать не только систему «уголовное право и уголовный процесс – криминалистика», но и другие системы, где криминалистика могла бы стать полноценным элементом в системном мыследеятельностном аспекте. Мы имеем в виду полноценные исследования возможностей использования данных криминалистики и криминалистического мышления, например, в цивилистических видах юридической деятельности.

Однако для того, чтобы была возможна подобная реализация необходимо сделать несколько уточнений относительно структуры криминалистического мышления. Здесь отметим важный момент для понятия криминалистического мышления, его связи с понятиями деятельности и субъекта в этой деятельности.

Возможность решения юристами задач, соответствующих особенностям их профессиональной деятельности определяется системой «знание – обученность – умения и навыки». Однако субъект не располагает бесконечными знаниями и у него всегда существует проблема выбора из того арсенала знаний знания необходимого для выполнения конкретных действий в определенных обстоятельствах. В этой связи важное значение имеет рефлексивное управление этим процессом, который обеспечивает субъекту свободу выбора и действий. Этому учит криминалистика и, в немалой степени, способствует криминалистическое мышление, интерпретированное к определенному объекту вида профессиональной юридической деятельности.

На наш взгляд сущность криминалистического мышления, важная для развития криминалистической дидактики, может быть определена в качестве познавательной деятельности субъекта, на основе использования опосредованного и обобщенного способа отражения действительности, связанного с моделированием закономерностей окружающего мира на аксиоматических положениях, базой которого является юридическое образование и непрерывное пополнение запаса соответствующих ему понятий и представлений, в том числе введение в оборот новых суждений (осуществление умозаключений) для осуществления указанным субъектом профессиональной деятельности.

Мы полагаем криминалистическое мышление одним из главных принципов криминалистической дидактики и, может быть, юридической подготовки бакалавров. Его методологическое развитие в системе образовательной услуги может способствовать подготовке в российских вузах профессионально квалифицированных специалистов (в широком смысле этого слова) способных успешно решать различные правовые задачи. На наш взгляд обучение криминалистическому мышлению бакалавров не связанных уголовно-правовой специализацией подготовки может обеспечить им необходимые знания, навыки и умения в реализации практической профессиональной деятельности.

Список источников: 1. Орлов Н. Опыт краткого руководства для производства следствия. М., 1833. С. 46 – 47; 2. Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 51; 3. Колоколов Е. Правила и формы о производстве следствий, составленные по своду законов». М., 1950; 4. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб., 1861. С. 97; 5. См., например, Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Ч. II. СПБ., 1867; Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. Ч. II. Вып. 1. СПБ., 1901; Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. СПб., 1903; Лебедев В.И. Искусство раскрытия преступлений. I. Дактилоскопия. СПб., 1909; Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910 и др.; 6. См.: «Вестник полиции», «Журнал министерства юстиции», «Право», «Журнал гражданского и уголовного права», «Юридическая летопись», «Юридическая газета», «Судебная газета»; 7. Трегубов С.Н. Научная техника расследования преступлений. СПб., 1912; Трегубов С.Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. Пг., 1915; 8. Коломацкий В.Г. Курс криминалистики (дидактика и методика). Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. М., 1992; 9. Под натуралистической парадигмой криминалистики мы подразумеваем совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, а также связанных с ними методов, подходов, технических навыков и средств, принятых в научном сообществе в рамках устоявшейся научной традиции обусловленной пониманием криминалистики как системы знаний, предназначенных исключительно для целей расследования преступлений; 10. Мы не анализируем криминалистические магистерские программы обучения по причине того, что это направление высшего профессионального образования находится в начале пути и требует самостоятельного анализа и осмысления; 11. Каминский М.К. Что есть, что должно быть и чего быть не должно в криминалистике XXI века. Криминалистика XXI века: материалы международной научно-практической конференции. 25 – 26 октября 2010 года. Харьков, Право, 2010. С. 14. (Мы с большим уважением относимся к Марату Константиновичу Каминскому и его идеям, связанным с назначением криминалистики в современном юридическом образовании).

УДК 343.98

Komarov Y.M., Ian E.I. Criminalistics education in Russia

The article discusses some issues of formation and development of judicial education in Russia, its current status, the offer, the prospects for the development of judicial education in high school.

Key words: *forensic science, forensic education.*

Корж В. П.

Харьковский национальный университет внутренних дел

доктор юридических наук, профессор

(Харьков, Украина)

ПОДДЕРЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ

Проанализированы отдельные положения Уголовно-процессуального кодекса Украины и Закона «О прокуратуре», изложены расхождения и противоречия между ними, юридические коллизии в правотворчестве и в процессе реализации прокурором функции поддержания государственного обвинения в суде, предложены способы разрешения этих коллизий,

обосновываются правовые и процессуальные основания предъявления обвинения на досудебном следствии и в суде

Ключевые слова: *функция, обвинение, юридические коллизии, прокурор, досудебное следствие, правовая аксиома, суд, реформирование*

В системе правоохранительных органов прокуратура занимает центральное место. Следует отметить, что слово «*прокуратура*» происходит от латинского – «*procure*», что означает «*забочусь, обеспечиваю, предотвращаю*». Органы прокуратуры в Украине более 90 лет своего существования выступали гарантом законности во всех сферах правовых отношений, проводником правопорядка в обществе. Безусловно, проведение реформ в органах прокуратуры актуально , но она должна проводится не в угоду еврокомиссиям и правящей коррумпированной элите, а в интересах человека, общества, на основании комплексной научной обоснованной концепции, с учетом процессуальных традиций и положительного опыта работы органов прокуратуры.

Ошибки в правотворческой деятельности депутатского корпуса, их низкий профессиональный уровень, некомпетентность привели к тому, что вместо реформирования органов прокуратуры имеет место разрушение функций и системы органов прокуратуры, деформация полномочий и статусов прокурора в уголовном процессе.

Научный анализ отдельных положений УПК, Закона Украины «О прокуратуре» свидетельствует о деформации процессуальных функций органов прокуратуры и полномочий прокурора. Так, в ст. 22 Закона Украины «О прокуратуре» закреплены положения о том, что «*прокурор поддерживает государственное обвинение в судебном производстве по уголовным правонарушениям*». Эта норма противоречит п.1 ст.121 Конституции Украины и ч.1 п.1 ст. 2 Закона Украины «О прокуратуре», в которых указано, что на прокуратуру возлагается одна из важных и ответственных функций – «*поддержание государственного обвинения в суде*».

В теории прокурорской деятельности, уголовно-процессуального права поддержания государственного обвинения – является процессуальной деятельностью прокурора в суде, а не в судебном производстве. Кроме этого, согласно п. 24 ст. 3 УПК Украины судопроизводство – это уголовное производство в суде первой инстанции, которое включает подготовительное судебное производство, судебное разбирательство постановление и провозглашения судебного решения, производство по пересмотру судебных решений в апелляционном, кассационном порядке, Верховным Судом Украины, а также производство по вновь открывшимся обстоятельствам.

Указанные положения в ст. 22 Закона «О прокуратуре» искажают понятийный аппарат функции обвинения, процессуальные полномочия прокурора в уголовном процессе. Большинство исследователей правильно отмечает, что функция прокуратуры – это самостоятельный вид государственной деятельности, которая определяется социальным назначением прокуратуры, изложенным в ее задачах, характеризуется предметом прокурорской деятельности, направленной на решение этих задач и требует использования присущих ей полномочий и правовых средств [1, с.34]. Следует отметить, что основные положения института поддержания государственного обвинения в суде в течение нескольких десятилетий были реализованы государственными обвинителями в практической деятельности, потому что они отвечали требованиям практики, отечественным процессуальным традициям, положительному опыту работы органов прокуратуры. Полагаем, что псевдонаучные новации, изложенные в ст. 22 Закона Украины «О прокуратуре», создают юридические коллизии в правотворчестве и правоприменении. Способом разрешения данной коллизии является внесение изменений в указанную статью этого Закона, в которой функцию органов прокуратуры о поддержании государственного обвинения в суде необходимо изложить в соответствии с конституционной нормой.

Считаем, что о правовом невежестве авторов законов и законодателя свидетельствуют правовые нормы, закрепленные в УПК, Законе «О прокуратуре», которые обязывают прокурора поддерживать государственное обвинение *«по уголовным правонарушениям» то есть деяниям, которые не предусмотрены Уголовным кодексом* Украины. По предписанию ч.1 ст. 216 УПК Украины следователи органов внутренних осуществляют досудебное расследование *«уголовных правонарушений»* (преступлений и уголовных проступков), которые предусмотрены в Законе об уголовной ответственности за уголовные правонарушения. Такого Закона в Украине не существует. К сожалению, авторы УПК неправомерно вторглись в предмет науки уголовного права, что привело к юридическим коллизиям, несогласованности работе правовой системы, беспорядку в правоприменительной практике. Так, следователи, прокуроры, судьи вынуждены в процессуальных документах использовать терминологию *«уголовное правонарушение»* и при этом ссылаться на соответствующие статьи Уголовного кодекса Украины, тогда как полностью недопустима аналогия в сфере уголовного законодательства. Таким образом из-за правового невежества реформаторов УПК и законодателя практические работники вынуждены игнорировать правовую аксиому «*нет преступления и наказания за него, если нет закона*».

На наш взгляд, способом разрешения этой юридической коллизии является внесение изменений в отдельные положения УПК, Закона Украины «О прокуратуре» в которых необходимо исключить терминологию «*уголовное правонарушение*» и изложить терминологию норм материального права – «*преступление*».

Необходимо констатировать, что положения ст. 291 УПК Украины предусматривают составление обвинительного акта следователем по согласованию с прокурором (или прокурором), несмотря на то, что на досудебном следствии лицу обвинение не предъявлялось. Полагаем эта псевдонаучная новация реформаторов уголовно – процессуального законодательства не только нарушает права лица знать в чем его обвиняют, но и дискредитирует уголовно-процессуальный институт обвинения, функцию стороны обвинения в уголовном процессе. В теории уголовно-процессуальной науки, прокурорского надзора правильно изложены положения о том, что на досудебном следствии лицу предъявляется обвинение, после этого лицо приобретает процессуальные права обвиняемого и допрашивается в качестве обвиняемого по существу предъявленного обвинения. Отсутствие правовых и процессуальных оснований предъявления обвинения на досудебном следствии приводит к ущемлению прав обвиняемого, деформации практики поддержания государственного

обвинения в суде. Следует отметить, что положения УПК предусматривают поддержание обвинения в суде, право прокурора изменять обвинение (ст. 338 УПК), выдвигать дополнительное обвинение (ст. 339 УПК), отказываться от обвинения (ст. 340 УПК). В этой ситуации прокурор в качестве обвинения вынужден поддерживать письменное сообщения следователя о подозрении лица в совершении уголовного правонарушения, которое изложено в обвинительном акте. Эти псевдонаучные новации реформаторов УПК разрушили конституционную функцию прокурора по поддержанию государственного обвинения в суде, научные доктрины в уголовном процессе, правоприменительную практику.

На наш взгляд, поддержание государственного обвинения в суде должно выступать гарантом соблюдения законности, прав и свобод обвиняемого, подсудимого, других участников уголовного процесса. Состязательность и равенство сторон в уголовном процессе обязывает государственного обвинителя принимать участие в судебном рассмотрении уголовных производств публичного и частного публичного обвинения. Прокурор поддерживает государственное обвинение в суде от имени государства в интересах общества, потерпевшего, а потому должен иметь самостоятельную и независимую процессуальную позицию в отношении обвинения. В связи с этим целесообразно закрепить в положениях уголовно - процессуального законодательства процессуальную самостоятельность государственного обвинителя в суде.

Органы прокуратуры должны быть гарантом законности, проводником правопорядка в обществе. Эффективность работы правовой системы зависит от реформирования суда, прокуратуры, однако в основу реформы должны быть положены комплексные научно обоснованные концепции. Реформа должна проводиться в интересах человека, общества, с учетом процессуальных традиций и положительного опыта работы органов досудебного расследования, оперативно-розыскной деятельности, прокуратуры, суда, а не в угоду коррумпированным чиновникам, европейским комиссиям.

Список источников: 1. Настольная книга прокурора. Коллектив авторов. – М.:НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, изд-во «Экслит», 2002 – 850 с.

УДК 343.121

Korg V.P. Support of state accusation in court: problems of legislation and practice

Separate provisions of the Criminal Procedure Code of Ukraine and the Law "On the Prosecutor's Office" are analyzed, discrepancies and contradictions between them are set forth, legal conflicts in lawmaking and in the process of the prosecutor's implementation of the function of maintaining state accusation in court; ways of resolving these conflicts are proposed, the legal and procedural grounds for presentation are substantiated Charges on pre-trial investigation and in court

Keywords: *function, charge, legal collisions, prosecutor, pre-trial investigation, legal axiom, court, reforming*

Кошман В. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

ОСОБЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XVIII НА ПРИМЕРАХ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ТАВРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена исследованию особых производств в рамках уголовного процесса в Российской империи. Данная тема раскрыта на примере Таврической области. Как пример особого производства автором рассмотрена деятельность совестного суда. Кроме того, проиллюстрировано мнение о появлении особых производств в 18 веке, в отличие от точек зрения некоторых других авторов. В качестве примера дел особого производства рассмотрены два уголовных дела их архива Таврической области. В качестве вывода сформулированы алгоритмы передачи дел в органы особого производства.

Ключевые слова: *особые производства, уголовное дело, Таврическая область, Российская Империя*

Первые формы дифференциации порядка уголовного судопроизводства на территории России возникли одновременно с появлением ранних письменных памятников права. Так, аналоги такого института прослеживаются еще в Русской Правде. В дальнейшем особые порядки уголовного судопроизводства расширялись и конкретизировались и обрели современные формы в XVIII веке. В этот период был введен особый совестный суд, который рассматривал в особом порядке дела, касающиеся ряда преступлений (к примеру, о колдовстве) и категорий лиц (несовершеннолетних, умалишенных). Кроме того, дела по преступлениям, за которые виновные могли быть подвергнуты смертной казни, рассматривались апелляционными судами в качестве первой инстанции, после чего немедленно отправлялись на рассмотрение в Уголовную палату областного суда. Однако, несмотря на это некоторые авторы упускают из виду положения Учреждения для управления губерний, начиная отсчет начала дифференциации уголовного судопроизводства со Свода законов Российской империи 1830 года. Примером данного точки зрения является статья Марковичевой Е.В. «Эволюция производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: от Устава уголовного Судопроизводства до Уголовно-процессуального кодекса РФ» [1]. Мы не согласны с позицией автора о том, что особое производство в отношении несовершеннолетних появилось в российском праве лишь в XIX веке, поскольку ст. 399 Учреждения для управления губерний было установлено, что производства в отношении несовершеннолетних ведутся совестным судом, а ст. 397 устанавливала особые принципы судопроизводства в таковом суде. Таким образом, производство в отношении несовершеннолетних велось в особом порядке судом, не входившим в общую систему судов, который еще и мог назначить наказания в виде покаяния или же иные подобные виды на свое усмотрение.

Перейдем непосредственно к теме нашего исследования. В связи с тем, что в тот же исторический период территория Крымского ханства была присоединена к России, и на его месте была образована Таврическая область, то, соответственно, и российские законы впер-

вые стали действовать с этого же момента. Мы же рассмотрим дела особого производства на двух примерах, которые были нами изучены в Государственном архиве Республики Крым и до этого нигде не публиковались.

В первом деле, по убийству двух турок на судне турецкоподанного грека Григория Амурянеса матросами его команды [3], подсудимые подлежали смертной казни, и их дело рассматривалось в особом порядке, в соответствии с Учреждением для управления губерний. Стартом для дела послужило предложение правителя области Каховского М.В. в Феодосийский городовой магистрат. К нему сведения поступили из обращения пострадавшего владельца судна, на борту которого было совершено убийство. Обращение было передано рапортом начальника Феодосийского портового карантина, затем рапортом директором Таврических карантинов непосредственно правителю области, которому он и подчинялся. После начала производства по делу судом был произведён допрос пострадавшего и задержанных матросов, подозревавшихся в совершении убийства. Необходимо отметить, что следствие велось самим городовым магистратом. В тоже время был решен вопрос о содержании подсудимых. Данные лица содержались при городничем, однако впоследствии были отправлены к Феодосийскому монетному двору по распоряжению правителя области. После передачи на поруки в городовой магистрат подсудимые совершили побег. В дальнейшем предпринимались меры по их поиску. Для этого был разослан указ по поиску беглецов во все городовые магистраты, а через областное правление и в иные присутственные места. Но перед этим событием феодосийским городовым магистратом был составлен экстракт по установленным сведениям, а само дело передано на рассмотрение в первый департамент областного магистрата. Переписка по поводу поиска бежавших заключённых возобновлялась ежемесячно. После их поимки дело на основании экстрактов было рассмотрено областным магистратом и, без вынесения решения, немедленно передано на рассмотрение в уголовную палату, ибо только лишь она могла вынести окончательное решение по преступлению, которое каралось смертной казнью.

К сожалению, в материалах дела, как и в описях фонда уголовной палаты, отсутствуют документы, касающиеся дальнейшего продвижения дела. Интересным моментом является то, что привлекались данные лица согласно положениям морского устава Российской империи, и, несмотря на то, что данное преступление было совершено подданными других государств (Оттоманской Порты и Венеции). Это связано с тем, что преступление было совершено в феодосийском порту, т. е. на территории Российской Империи.

Вторым примером является дело 1791 года в отношении поселянки слободы Кардашиновки Е. Чайкиной, которая обвинялась в убийстве мужа совместно с другим жителем деревни, с которым они ранее якобы совершили прелюбодеяние [2]. Данное дело первоначально рассматривалось нижней расправой. После вынесения решения судом нижней инстанции, дело было отправлено на ревизию в верхнюю расправу. Оно было пересмотрено, в том числе и по связанному эпизоду о прелюбодеянии соседа, который якобы выступил в качестве пособника. В ходе рассмотрения дела верхней расправой, у суда возникли сомнения по поводу возраста подсудимой (17 лет), а также соучастия другого поселянина, наказанного за прелюбодеяние с ней. По требованию апелляционной инстанции Днепровская нижняя расправа произвела повторные допросы свидетелей, содержание которых было изложено в рапортах. На основании этих данных было установлено, что подсудимая Чайкина является малолетней и ей меньше 16 лет, а ее предполагаемый соучастник невиновен, что подтвердили приходской священник и другие поселяне. Новые сведения привели к тому, что решение Днепровской нижней расправы было отменено в отношении обоих лиц, соучастник был освобожден, но поскольку он уже понес наказание за прелюбодеяние, которое тоже не подтвердилось, то его отпустили «с миром» домой без каких-либо компенсаций за двадцать ударов плетьми. Возраст Чайкиной был установлен из свидетельских показаний родителей и соседей, хотя до этого в материалах дела указывалось, что ее мать якобы мертва [2, с. 21-24]. Что касаемо ее дела, то оно было передано в совестный суд для рассмотрения, по итогам которого, согласно его сообщения [2, с. 49], было вынесено решение о передачи подсудимой на церковное покаяние епископу Феодосийскому и Мариупольскому, а затем об отправке ее в дом для умалишенных. Данное дело, кроме прочего, является подтверждением того, что совестный суд функционировал в Таврической области. Необходимо отметить, что для остальных судов был разъяснен порядок о передаче дел, которые были подсудны совестному суду. Такие дела передавались путем прямой отсылки в областное правление.

Список источников: 1. Марковичева Е. В. Эволюция производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: от Устава уголовного судопроизводства до уголовно-процессуального кодекса РФ // Актуальные проблемы российского права. 2014. №7 С.1433-1439; 2. Дело поселянки слободы Кардашиновки Е. Чайкиной в убийстве мужа // ГАРК. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 97; 3. Дело об убийстве двух турок на судне турецкоподанного грека Григория Амурянеса матросами его команды // ГАРК. – Ф. 28. – Оп. 3. – Д. 21; 4. Учреждения для управления губерний. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/

УДК 343.137, 342.56

Koshman V.A. A special production in the criminal process in the Russian Empire at the end of the 18th century on examples of judicial practice in the Taurian region

The article is devoted to the special proceedings included in the Russian Empire's criminal procedure. This topic is explained on the Taurian district case study basis. The activity of the sovestniy sud is researched as an example of the special proceeding. Moreover, an opinion about special proceedings appearance in the 18th century is given, which comes in difference to some other authors positions. Two criminal cases from the Taurian district's archive are described in details as special proceeding cases. The algorithms for transferring the cases to the special proceeding authorities are given as a conclusion.

Key words: *special proceedings, criminal case, Taurian district, Russian Empire*

Кушниренко С. П.

Санкт-Петербургский государственный университет
кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)

Пристанскоов В. Д.

Санкт-Петербургский государственный университет
кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассмотрены и обоснованы возможности использования криминалистического анализа обстоятельств события преступления, являющегося по своей сути методологической основой профессиональной криминалистической деятельности по расследованию преступления. Посредством криминалистического анализа реализуются две генеральные функции криминалистической деятельности по выявлению и расследованию преступлений: поисково-познавательная и познавательно-аналитическая. Криминалистический анализ помогает выдвижению версий, построению вероятностной и достоверной модели события преступления, выбору стратегии и тактики расследования. В статье обозначены цели, задачи, объекты и инструменты криминалистического анализа. Продемонстрированы возможности использования в ходе криминалистического анализа аналитической структурной формулы события преступления. Предложенная методика криминалистического анализа позволяет значительно расширить объем исследования криминалистически значимых признаков (свойств и отношений) обстоятельств события преступления, способствуя тем самым продуктивному решению криминалистических задач по их всестороннему, полному и объективному исследованию.

Ключевые слова: *криминалистическая методика расследования преступлений, функции криминалистической деятельности, криминалистический анализ, системный анализ элементов криминального явления.*

Успех расследования преступления во многом зависит от уровня организации работы по нему и, прежде всего, от умения следователя анализировать криминалистически значимую (доказательственную и ориентирующую) информацию, объем и достоверность которой составляют сущность и содержание следственной ситуации на определенный момент расследования.

Криминалистический анализ обстоятельств события преступления или события с признаками преступления составляет, по своей сущности, методологическую основу профессиональной криминалистической деятельности по расследованию любого преступления. Именно через него в основном реализуются две генеральные функции криминалистической деятельности по выявлению и расследованию преступлений: поисково-познавательная и познавательно-аналитическая. Указанные функции ориентированы на достижение цели, которая определяется такими понятиями, как раскрытие преступления, а именно: установление факта события преступления и лиц, причастных к его совершению.

Границы криминалистического анализа устанавливаются системой координат, с которой работает криминалист, будь то ученый, следователь, дознаватель, прокурор, которые в силу своих профессиональных и должностных обязанностей решают криминалистические задачи в пределах осуществляемых непосредственно ими профессиональных действий, направленных на поиск криминалистически значимой информации, ее анализа и оценки.

Свойства и отношения элементов системы преступного деяния, выявленные в ходе криминалистического анализа, позволяют выявить механизм посягательства путем определения корреляционных связей между доминирующими факторами структуры преступления. Такой подход лежит в основе применения аналитической структурной формулы в качестве инструментария расследования преступлений, которая рассматривается ниже.

Криминалистический анализ осуществляется на двух уровнях, которые можно обозначить как «познавательный» и «аналитический». На познавательном уровне устанавливаются системные элементы структуры события и их свойства. Выявление элементов и их свойств на этом уровне требуется для того, чтобы упорядочить данные о криминальной деятельности субъекта и ее особенностях, обусловленных, прежде всего, спецификой предмета и мотива посягательства.

На следующем уровне анализа указанные элементы, а точнее их свойства подвергаются исследованию с целью выяснения их причинно-следственных отношений, объясняющих их значение как факторов, обусловливающих процесс посягательства и детерминирующих наступление общественно опасного последствия — преступного результата.

Цель применения криминалистического анализа – оптимизация процесса расследования, обеспечение его полноты, всесторонности, объективности, и, в конечном счёте, принятие обоснованного, законного и справедливого решения по делу.

Задачи анализа: а) надлежащая оценка, систематизация, переработка имеющейся в деле информации; б) получение новых выводных знаний; в) своевременное и правильное использование сведений, которыми располагает следователь; г) выдвижение необходимых версий; д) определение задач расследования и организации изыскания новых доказательств (по Г.А.Густову).

Часто при решении названных задач следователи ограничиваются только той информацией, на которую они обратили внимание. Такой подход уже сам по себе ограничивает возможности следствия в полном и объективном установлении обстоятельств события, затрудняет организацию расследования, влечет серьёзные упущения, включая следственные ошибки.

Успех зависит от выбора методов анализа и использования имеющейся в деле информации, организации изыскания новых данных.

В сложной ситуации помогают такие специальные методы, составляющие содержание криминалистического анализа, как версионный, программно-целевой, мысленное криминалистическое моделирование, комплексный подход, криминалистический факторный анализ, метод поэлементно-факторного анализа и др.

Непосредственным объектом анализа является информационное состояние дела. Цель анализа – уяснение ситуации на конкретном этапе расследования и оптимизация работы следователя по установлению обстоятельств события и изысканию необходимых доказательств о причастности к его совершению конкретных лиц.

Инструментами криминалистического анализа являются: а) специальные криминалистические программы, ориентированные на расследование преступлений; они позволяют определить основные направления мыслительной деятельности следователя; б) аналитические формулы, нацеленные на организацию мыслительной познавательно-аналитической деятельности; отображая технологию аналитического процесса они помогают уяснить и оценить следственную ситуацию, принять обоснованное решение по делу; в) процессуальные и не процессуальные средства, способствующие реализации принятых решений.

Криминалистический анализ помогает выдвижению версий, построению вероятностной и достоверной модели события преступления, выбору стратегии и тактики расследования.

Процесс криминалистического анализа из-за его сложности можно условно разделить на следующие этапы: общий анализ имеющейся в деле информации; анализ информации об отдельных системных обстоятельствах события преступления; анализ доказательственной информации о виновности (невиновности) обвиняемого (подозреваемого).

У каждого этапа свой объект изучения, свои задачи, инструменты, средства познания. *Общий анализ.* Объектом анализа здесь является информационное состояние дела в целом. Задачи анализа: а) на начальном этапе расследования – переработка имеющихся данных, уяснение ситуации, решение вопросов о наличии, полноте информации по делу в целом, выдвижение общих версий, определение направлений расследования; б) на последующих – контроль за движением дела в целом, выдвижение частных версий, построение вероятностных моделей события преступления; в) на заключительном этапе расследования – контроль за полнотой, всесторонностью исследования всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, построение достоверной модели события преступления.

Анализ отдельных системных обстоятельств события преступления. Объектом такого анализа является состояние доказательственной информации по отдельным элементам обстоятельств и тем объективным факторам, которые определяют процесс посягательства. Задача анализа – решение вопросов о полноте исследования и доказанности изучаемого объекта. Инструментами криманализа на данном этапе являются: а) криминалистические программы, ориентированные на изучение конкретного объекта; б) соответствующие аналитические формулы; в) процессуальные действия и оперативно — розыскные мероприятия, позволяющие реализовать организационно- тактические решения.

Общий анализ ситуации, определение основных направлений расследования. Инструментом общего анализа является аналитическая структурная формула события преступления, в которой оно представлено как система реального явления действительности в прошлом (оно уже исторически произошло), а его обстоятельства как элементы этой системы, информацию о которых надо восстановить на основе ретроспективного анализа и системного подхода к установлению и изучению каждого из обстоятельств, находящихся между собой в причинно-следственных отношениях, объективной сущностью которых является причинно-следственная связь между противоправным деянием субъекта и наступившими общественно опасными последствиями (по Г.А. Густову):

СбтПр→ [Прд · Сб · (ФзД→ ПсхД→ФПсл) · Мст · Вр]↔ Обст

Где: СбтПр – событие преступления; Прд – предмет (жертва) преступного посягательства (имущество, здоровье и жизнь человека и др.); Сб – субъект — преступник; ФзД – физическая деятельность - трехэтапная деятельность преступника: действия до совершения посягательства, система действий как способ преступного деяния, действия после совершения преступления; ФПсл — факты-последствия – события, возникшие вследствие совершенного преступного деяния, или события, на которые повлиял факт преступления; Мст – место совершения действий по каждому из этапов деятельности преступника; Вр – время совершения действий по каждому из этапов деятельности преступника; Обст – обстановка: причины, способствовавшие преступной деятельности и условия, в которых событие преступления развивалось. · – заменяет значение союза “и”; → – знак, заменяющий слова “если ..., то”; ↔ – знак прямой и обратной связи; [ ] – скобки обозначают достаточность системы события преступления, как целостного явления действительности.

Чтобы воспользоваться аналитической структурной формулой, для выведения суждений об объективной возможности преступления, необходимо выполнить следующее:

1. Изучить первичную информацию на предмет, что известно по каждому обстоятельству события, что необходимо установить, какие процессуальные действия и оперативно-розыскные мероприятия необходимо для этого выполнить.

2. Проанализировать информацию, полученную после проведения первого этапа расследования. Если доказательств недостаточно, уточнить, что и каким образом необходимо выяснить при дальнейшем расследовании и организовать поиск недостающих данных, ориентируясь при этом на криминалистическую характеристику как информационную модель события преступления.

3. Сделать выводы, используя результаты анализа. Возможны три варианта результатов:

а) все элементы формулы оказались со знаком “+”. Значит, наиболее вероятно, что в реальности существовали все элементы системы события преступления, оно совершено. Следовательно, надлежит переходить к проверке виновности подозреваемого и изобличению преступника;

б) какой-либо из элементов формулы получил знак “–”. Значит, совершение преступного деяния исключено. Например**,** есть данные, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, действовало в состоянии крайней необходимости или не достигло возраста уголовной ответственности**;**

в) какой-либо из элементов формулы получил знак “?”. Это означает, что в деле нет достаточных сведений для достоверного суждения о наличии или отсутствии какого-то обстоятельства события преступления. Следовательно, совершение преступления не исключается, и расследование надлежит продолжить в направлении изучения элемента или элементов, получивших знак “?”.

4. По результатам исследования проблемных элементов (получивших знак “?”) вновь вернуться к обще-

му анализу ситуации, повторить его и принять соответствующее решение по делу [1, 126-135].

Использование методики криминалистического анализа на основе применения аналитической структурной формулы позволяет значительно расширить объем исследования криминалистически значимых признаков (свойств и отношений) обстоятельств (элементов) события преступления, способствуя тем самым продуктивному решению криминалистических задач по их всестороннему, полному и объективному исследованию.

Целевое назначение криминалистической методики расследования преступлений как части криминалистики – обеспечить следователей необходимым комплексом знаний и навыков выявления и расследования преступлений в различных следственных ситуациях, возникающих в процессе противодействия преступной деятельности.

Список источников: 1. Густов Г.А. К разработке криминалистической теории расследования /Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. № 2 / Науч. ред. А.М. Дворянский. СПб, 2001. С. 126-135.

УДК 343.98 (075.8)

Kushnirenko S.P., Pristanskov V.D. The problems of methodological bases of a forensic research

In this article we reviewed and substantiated the possibility of using forensic analysis of the circumstances of a crime that is inherently methodological basis of the professional forensic investigations of the crime. Through forensic analysis implements two main functions of forensic activities on revealing and investigation of crimes: the search-cognitive and cognitive-analytic functions. Forensic analysis helps to guess of versions, to build a reliable model of a crime, to choose strategy and tactics of the investigation. The article outlines the goals, tasks, objects and tools of forensic analysis. The article also demonstrated the possibility of using the analytical structural formula of a crime during the forensic analysis. Proposed methodology of forensic analysis allows to expand the volume of research on forensically significant features (properties and relations) of the circumstances of a crime, thereby contributing to a productive solution forensic challenge is a comprehensive, full and objective research.

Key words*: forensic methods of investigation of crimes, the functions of the forensic activities, forensic analysis, system analysis of the elements of the crime.*

Лакомская М. Ю.

Краснодарский университет МВД РФ
адъюнкт кафедры криминалистики
(Краснодар, Россия)

ПОНЯТИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ – ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ

В *статье дается обоснование криминалистических понятий – «проблема», «ситуация», «проблемная ситуация», раскрывается генезис их возникновения и содержание, дается авторское определение понятия «проблемная ситуация».*

Ключевые слова: *проблема, ситуация, проблемная ситуация.*

Криминалистика как синтетическая наука имеющая прикладные цели оперирует рядом понятий, которые могут быть заимствованы из других отраслей знаний и приспособлены под объекты криминалистики с тем, чтобы объяснять их природу и значение для целей уголовного судопроизводства.

Среди таких понятий в криминалистический оборот давно введены понятия «проблема» и «ситуация». В языке криминалистики они используются раздельно, однако наиболее актуальным является их сочетание – «проблемная ситуация». Эта криминалистическая категория имеет свой генезис. Определить генезис (греч. genesis – источник, происхождение, рождение) понятия означает провести анализ его происхождения, становления и развития. Результатом этого вида мыслительной деятельности должно стать понимание того, что это понятие представляет собой в настоящее время, как оно востребовано современными теоретическими исследованиями и принятой практикой определенного вида общественной деятельности.

Процесс формирования научного понятия основан на его познании, познание как отражение субъектом объективной реальности посредством мыслительной деятельности есть процесс формирования понятия, логической категории – первоосновы любого познания. Столь сложное умозаключение в более простой форме изложения указывает на то, что понятие относится к фундаментальным основам познания того или иного объекта, процесса или явления и на этой базе реализуется последовательное движение познания к определенной цели, в том числе и на основе формирования новых (и уточненных) понятий. В этой связи правильно подмечено, что «…познание, начиная от его самой простейшей стадии и кончая наивысшей, во всех своих моментах имеет понятийный характер» [1, С. 76].

Формирование понятия многокомпонентный процесс, где особое место отводится как мыслительной, так и практической деятельности субъекта познания, итогом этой деятельности является определение понятия, по причине того, что определение всегда становится инструментом научного познания и в этом качестве способно эффективно участвовать в познавательном процессе как его важнейшее основание.

В соответствии с изложенным закономерным является вывод о том, что определение понятия имеет важное, если не определяющее, значение для целей научного познания. В равной степени это относится и к криминалистике, как науке, связанной изучением закономерностей преступной деятельности и деятельности по судебному исследованию и предотвращению преступлений, если обобщенно интерпретировать известное определение данное Р.С. Белкиным [2, С. 41].

Раскрытие, расследование преступлений, их судебное рассмотрение и предотвращение во все времена было проблемной (греч. problema – преграда, трудность, задача) деятельностью, так как установление фактов виновно совершенных общественно опасных деяний и лиц, причастных к их совершению, всегда, для следователя или судьи, было связано с «практическими вопросами, требующими своего изучения и разрешения» [3, С. 437], а если в более узком смысле – «ситуациями, которые характеризуются недостаточностью средств для достижения некоторой цели» [4, С. 546].

В рамках общей теории криминалистики нашли свое объяснение проблемные вопросы, связанные с ситуациями предварительного расследования преступлений и их судебного рассмотрения. Однако, прежде чем следственные ситуации стали предметом рассмотрения в общей теории криминалистики необходимость их учета в процессе раскрытия и расследования преступлений в своих исследованиях упоминали известные отечествен-

ные криминалисты [5, С. 331, 333]. Так, Р.С. Белкин обращал внимание на ситуационный процесс работы следователя с доказательствами и проявления неких закономерностей, которые «управляют» этой деятельностью. При рассмотрении содержания следственных ситуаций он связывал процессы организации предварительного расследования с особенностями соответствующей методики расследования, примененной следователем.

Этой проблематике были посвящены и первые фундаментальные исследования, проведенные в конце 60-х годов прошедшего столетия Р.С. Белкиным [6], А.Н. Колесниченко [7] и А.Р. Ратиновым [8]. На ситуационное планирование расследования обращал внимание И.М. Лузгин [9, С. 32].

Отметим, что криминалистикой до настоящего времени не выработано единого понятия «следственная ситуация», имеются разночтения и относительно понятий «следственная ситуация» и «ситуация расследования».

Из всего множества известных определений, которые мы рассмотрели и проанализировали [10], наиболее значимым в научно-практическом смысле мы считаем определение данное Л.Я. Драпкиным: «Под следственной ситуацией понимается информационная система (сумма, совокупность данных), отражающая с различной степенью адекватности информационно-логическое, тактико-психологическое и организационное состояние расследования, реально сложившееся по уголовному делу и характеризующее благоприятную или неблагоприятную обстановку расследования» [11, С. 9 – 10].

Теперь относительно соотношения понятий «следственная ситуация и «ситуация расследования». В криминалистике есть два мнения на этот счет, которые привлекли наше внимание. Это позиции Л.Д. Самыгина [12] и О.Я. Баева [13].

Позиция О.Я. Баева представляется нам более убедительной [14. С. 87 – 88]. Этот уважаемый криминалист, критикуя «общепринятые» методологические подходы к определениям понятия следственных ситуаций, данным Р.С. Белкиным, В.К. Гавло, В.И. Шикановым и другими уважаемыми учеными, как «совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование» не соглашается с ними.

В этой связи он справедливо отмечает, что основой просчет авторов, придерживающихся это концепции состоит в том, что они не делают различий между ситуацией расследования конкретного преступления и следственной ситуацией как научной криминалистической категорией.

На этом основании закономерным является вывод – следственная ситуация как категория науки криминалистики представляет собой модель информационного характера типичных ситуаций расследования, то есть она ограничена наиболее значимыми типичными свойствами и признаками тех ситуаций расследования конкретных преступлений, моделью которых она является. Относительно этой модели и должны создаваться все криминалистические средства разрешения реальных ситуаций расследования.

Деление понятий связано с их классификациями, что является одним их важных приемов познания исследуемого понятия. Совершенно очевидно – расследование относится к сложному процессу познания преступления как события имевшего место в объективной действительности, так же очевидно, что в указанном процессе познания могут возникать как простые, так и сложные [15] следственные ситуации. Семантически сложная ситуация расследования прямо указывает на ее проблемность, то есть при определенных обстоятельствах может считаться проблемной ситуацией расследования. На этот факт указывает и Л.Я. Драпкин [16, С. 9].

Изучение работ Л.Я. Драпкина относительно понятия «проблемные ситуации расследования» привели нас к убеждению, что мы в целом методологически правильно рассматриваем вопрос генезиса этого понятия. Однако дать его новое научно-практическое определение (даже с модифицированными существенными признаками), лучше, чем это сделал сам Л.Я. Драпкин больше тридцати лет назад, вряд ли возможно.

Он достаточно хорошо отразил это понятие определив его как «своеобразное противоречие между знанием и незнанием, специфическое соотношение известного и неизвестного по делу, при котором искомое не дано и непосредственно в исходных данных не содержится, но находится в неоднозначной, вероятностной связи с уже установленными фактами, в какой-то мере ограничивающими и направляющими поиск решения» [16, С. 10].

Определение Л.Я. Драпкина «проблемная ситуация расследования» является научным, «изготовлено» преимущественно для научных целей и в связи с тем, что диссертационное исследование кроме научных преследует еще и прикладные цели следует дать соответствующее определение понятия «проблемная ситуация расследования», заменив научные категории – существенные признаки определения Л.Я. Драпкина научно-практическими признаками, оборотов языка следователей и судей.

В этой связи, полагаем, правильно будет отметить, что проблемная ситуация расследования охватывает процессуальные стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования преступления, то есть период досудебного производства.

В соответствии с этим *проблемную ситуацию расследования в ее прикладном аспекте можно определить, как совокупность сведений* (ориентирующей и криминалистически значимой информации [17. С. 84]), *которая требует криминалистического анализа для выдвижения и построения системы следственных версий с целью использования этой системы для отыскания данных причинно связанных с событием преступления и не известных расследованию.*

Под криминалистическим анализом мы подразумеваем «логический прием исследования исходной и дополнительной информации о преступлении с последующим сопоставлением результатов анализа с содержанием структурных элементов криминалистической характеристики преступлений для целей выдвижения типичных следственных версий» [18, С. 14].

Рассмотрение генезиса понятия «проблемная ситуация расследования» и его прикладное определение являются авторской позицией и не претендует на абсолютность знания.

Список источников: 1. Кондауров В.И. Процесс формирования научного знания (онтологический, гносеологический и логический аспекты): Монография. – М.: ИНФРА-М, 2014. С. 76; 2. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: Учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. С.

41; 3. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. Второе, исправленное и дополненное издание. Издательство «Наука». М., 1976. С. 473; 4. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 546; 5. См., например, Белкин Р.С. Криминалистика. – М., 1959. С. 331, 333; 6. Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966; 7. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: Автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Харьков, 1967; 8. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967; 9. Дубровицкая Л.П., Лузгин И.М. Планирование расследования. М., 1972. С. 32; 10. Корноухов В.Е. Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений / Материалы науч. конф. Красноярск, 1972. С. 93; Гавло В.К. О следственной ситуации в методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц / Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973. С. 90; Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. С. 173; Шаталов А.С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты (научное издание). М.: ЛигаРазум. 2000. С. 90 и др.; 11. Драпкин Л.Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций. Автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва. 1987. С. 9 – 10; 12. Самыгин Л.Д. Раскрытие преступлений как система деятельности. Издательство МГУ. 1989; 13. См.: Баев О.Я. О структуре следственных ситуаций // Криминалистические и процессуальные проблемы расследования. Барнаул. 1983; Баев О.Я., Баева Н.Б. Реальные следственные ситуации и их модели // Вопросы совершенствования методики расследования преступлений. Ташкент. 1984 и пр.; 14. Баев О.Я. Следственные ситуации: их тактическая и методическая сущность. // Проблемы криминалистики и уголовного процесса (статьи разных лет) / О.Я. Баев. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. С. 87 – 88; 15. Сложные следственные ситуации классифицируются в зависимости от типа решаемых задач на ситуации открытого и закрытого типа, однако к вопросу их исследования мы обратимся в §3 настоящего исследования (См.: Гранат Н.Л. Характеристика следственных задач и психологические механизмы их решения. Дис. … канд. юрид. наук. М., 1973); 16. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та. 1987. С. 9; 17. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Издательство БЕК, 1997. С. 84; 18. Комаров И.М. Проблемы повышения эффективности розыскной деятельности по делам об уклонении от несения обязанностей военной службы: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Алматы, 1995. С. 14.

УДК 343.98

Lakomskaya M.Y. The concept of criminalistics is prob-lem situation of investigation

In article the substantiation of forensic concepts – "problem", "situation", "problem", explains the Genesis of their origin and content, the author's definition of concept "problematic situation".

Key words: *problem situation, problem situation.*

Лебедева А. А.

Федеральное государственное казенное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России»
кандидат юридических наук
(Москва, Россия)

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО/ОБВИНЯЕМОГО, ПОДСУДИМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассмотрены документы, удостоверяющие личность подозреваемого/обвиняемого, подсудимого лица, совершившего преступление. Документы, удостоверяющие личность, содержат так называемые установочные данные. От документов, удостоверяющих личность, следует отличать документы, подтверждающие статус их владельцев.

Не все документы, удостоверяющие личность их владельца, могут быть пригодны для идентификации личности подозреваемого/обвиняемого, подсудимого в уголовном процессе.

Неправильное установление личности подозреваемого по уголовному делу, на стадии предварительного следствия в большинстве случаев ведет к продлению срока следствия и срока содержания подозреваемого под стражей. В рамках уголовного процесса документами удостоверяющими личность подозреваемого/обвиняемого и подсудимого могут быть признаны документы, оговоренные в нормативных актах.

Ключевые слова: *документы удостоверяющие личность, уголовный процесс, установочные данные, биографические данные, личность подозреваемого в совершении преступления, обвиняемого, подсудимого.*

По официальным данным Генеральной Российской Федерации с 2011 по 2014 годы в России к уголовной ответственности неправомерно привлечено более 14 тысяч человек [19], 20% из которых (2 800 человек) необоснованно осуждены из-за удостоверения их личности не должным образом.

Указанные нарушения имели место и в Советский период.

Так, в 1944 г. Марусю Луцак осудили по обвинению во взрыве важного объекта. При аресте личность 23 летней девушки удостоверена с ее слов.

Сотрудники ЧК биографических данных осужденной документально не подтвердили. Девушка назвала установочные данные своей знакомой сироты, вместе с которой они воспитывались в монастыре.

После освобождения в 1955 г. она получила паспорт на имя Марии Ивановны Луцак 1921 года рождения, и лишь через 48 лет, в 1992 г. вернула подлинное имя — Елена Остаповна Юрчинская [13].

А.П. Гуськова, опираясь проанализированные данные 2000 уголовных дел, рассмотренных судами Оренбургской и Челябинской областей за 1975-1980 годы, указывает на пробелы установочных данных подозреваемых/обвиняемых, осужденных лиц в процессуальных документах [16].

Следует отметить, что данные о дате рождения в процессуальных документах, изученных А.П. Гуськовой, могли отсутствовать по объективным причинам [18].

Рассматривая историю становления Российской государственности, констатируем, что в 1933 году имели паспорта не все жители страны, а только лица, проживающие в режимных и крупных городах страны [5].

Так, даже на сегодняшний день паспорта ни всех граждан Российской Федерации содержат дату рождения, документ может содержать только год рождения [15].

На первоначальном этапе расследования личность подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления удостоверяется по документам с личными биографическими данными [9].

Однако, не все документы, удостоверяющие личность, их обладателя, подходят для установления личности в рамках уголовного судопроизводства.

Документы, удостоверяющие личность содержат так называемые установочные данные (совокупность биографических и других сведений, характеризующих личность лица). Установочные данные подразделяются на: краткие (фамилия, имя, отчество; дата, месяц, год и место рождения; специальность; семейное положение; место регистрации) и полные (краткие установочные данные, дополненные биографическими подробностями о прежних местах работы, жительства, занимаемых должностях, близких и дальних родственниках и их

положении в обществе, о материальном положении, судимости, данных о доходе, поведении по месту жительства и работы, о свойствах характера, психическом и физическом состоянии, приметах) [11].

Термин, документы, удостоверяющие личность содержится во многих нормативных актах Российской Федерации, в том числе и в ст. 13 п. 2 Закона «О полиции» [2], однако сам перечень документов отсутствует.

Паспорт гражданина Российской Федерации, являющийся основным документом, удостоверяющим личность [4].

При необходимости в качестве документа, удостоверяющего личность, может быть предъявлен любой документ, позволяющий идентифицировать личность, а так же через орган, выдавший указанный документ, установить данные лица, его предъявившего как гражданина. Данный документ должен содержать фотографию владельца, полные фамилию, имя, отчество, другие данные, которые указываются в обязательном порядке в указанной категории документов, срок действия документа, полное наименование органа или учреждения, выдавшего документ. Документ должен содержать оттиск печати или штампа и заверен подписью должностного лица или руководителя выдавшей его организации, так же может содержать голограмму.

От документов удостоверяющих личность, необходимо отличать документы, удостоверяющие статус их владельца (удостоверения личности, в том числе и сотрудника полиции, студенческие билеты, трудовые книжки, пенсионные удостоверения).

Следует отдельно остановиться на водительском удостоверении, которое по своей правовой природе является не документом, удостоверяющим личность, а документом, удостоверяющим право управления транспортным средством.

Однако в правоприменительной практике известны случаи, когда личность подозреваемого/обвиняемого удостоверяли по водительскому удостоверению.

Так, в г. Рузе в 2004 г. Н задержан собственником жилья при попытке квартирной кражи. Прибывшие на место преступления сотрудники милиции личность грабителя удостоверили по водительскому удостоверению. В отношении Н возбудили уголовное дело. В ходе предварительного следствия Н. отказывался от дачи показаний в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации [1], характеристики с места жительства, места работы не представил.

Только на стадии судебного следствия стало известно, что водительское удостоверение, на основе которого была установлена личность грабителя, похищено им во время совершения другого преступления [8].

При установлении личности подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления на стадии предварительного следствия, а так же личности подсудимого в суде используются только оригиналы гражданских паспортов. При отсутствии гражданского паспорта – личность участника уголовного судопроизводства устанавливается по оригиналу справки формы № 1-П [10], справки об освобождении [7], [12].

Идентификация личности участника уголовного судопроизводства, в том числе подозреваемого, обвиняемого на основании иных документов, удостоверяющих личность, может привести к неправильному установлению личности подозреваемого по уголовному делу, ненадлежащему установлению личности подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления.

Неправильное установление личности подозреваемого по уголовному делу, на стадии предварительного следствия в большинстве случаев ведет к продлению срока следствия и срока содержания подозреваемого под стражей [14].

Огрехи и неточности в указании установочных данных обвиняемого в совершении преступления, содержащиеся в обвинительном заключении (обвинительном акте), не позволяют однозначно идентифицировать его личность, а так же являются основанием для направления дела на новое судебное разбирательство.

При таких обстоятельствах, когда личность осужденного достоверно не установлена, постановление судьи нельзя признать законным и обоснованным. Постановление подлежит отмене, дело направлению на новое судебное разбирательство.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что в нормативных актах Российской Федерации отсутствует единое понятие документов, удостоверяющих личность.

Сам перечень документов, по которым может быть удостоверена личность для различных организаций индивидуален, определен спецификой их деятельности, зафиксирован в соответствующих законах и подзаконных нормативных актах.

В рамках уголовного процесса документами удостоверяющими личность подозреваемого/обвиняемого и подсудимого могут быть признаны документы, оговоренные в положениях Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3].

Личность участника уголовного судопроизводства не может быть идентифицирована по копиям документов или документам, подтверждающим статус их владельца [7].

Помимо данных зафиксированных в самих документах, удостоверяющих личность подозреваемого/обвиняемого и подсудимого, необходимо убедиться в принадлежности их личности, которая их предъявила.

Список источников: 1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)// Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, №31, ст. 4398; 2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 14.12.2015) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015)// Российская газета, № 25, 08.02.2011; 3. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»// Российская газета, № 106, 15.06.2002; 4. Указ Президента РФ от 13.03.1997 № 232 «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации»// Российская газета, № 53, 18.03.1997; 5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.04.1992 № 809. (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) не предоставляет точной информации, когда в паспортах СССР в графе дата рождения стали указывать полную информацию с числом и месяцем рождения гражданина. Паспорт гражданина СССР - бланк документа утвержден Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 года «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов»); 6. Постановление Совмина СССР от 28.08.1974 № 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР» // СП СССР, 1974, № 19, ст. 109; 7. Приказ Генпрокуратуры России от 23.10.2014 № 150 (ред. от 25.02.2016) «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» - Справка об освобождении подозреваемого печатается на бланке с

угловым штампом органа предварительного расследования, который произвел освобождение; 8. Приказ ФМС России от 30.11.2012 № 391 (ред. от 02.02.2015)- Форма: Заявление о выдаче (замене) паспорта гражданина Российской Федерации удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации. Форма № 1П; 9. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова, Фак. психологии. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. — 339 с. : черт. — Парал. тит. л. англ. - Биографические данные – это достаточно ограниченный объем сведений, о личности, таких как фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, семейное положение место жительства и работы; 10. Архив Рузского районного суда Московской области, уголовное дело 1-16/2004; 11. Контрразведывательный словарь. — Высшая краснознаменная школа Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР им. Ф. Э. Дзержинского 1972; 12. Лебедева А.А. Документы на основании которых, может быть удостоверена личность подозреваемого/обвиняемого, подсудимого в уголовном процессе// Библиотека криминалиста Научный журнал М. - издательство «Юрлитинформ» № 1(30) 2017, 347-354; 13. Макарова А.: «...прожившая 48 лет под чужой фамилией бывшая норильская каторжанка вернула себе подлинное имя...» //URL//http://www.memorial.krsk.ru (дата обращения 01.03.2017); 14. Малофеев И.В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.09, - Москва, 2015.- 217 с.; 15. Маресьев / сост. В. С. Шантарин. — Камышин, 1996. — 60 с. Существуют разночтения даже в дате рождения Героя Советского Союза, летчика А.П. Маресьева. Во всех официальных источниках отмечено , что он рожден 7(20) мая или 16 мая; 16. Маслов М.П., Гуськова А.П. Протоколу судебного заседания - высокое качество // Сов. юстиция. 1982, № 10, с. 24; 17. URL http://www.// statearchive.ru//(дата обращения 14.03.2017) Так, в стране с 1919 г. документом, удостоверяющим личность гражданина РСФСР, являлись трудовые книжки. С 1924 г. стали выдаваться удостоверения личности сроком на 3 года. С 1927 г. юридическая сила удостоверений личности распространялась на такие документы как метрические выписки о рождении или браке, справки домоуправлений или сельсоветов о проживании, служебные удостоверения, профсоюзные, военные, студенческие билеты, документы об окончании вузов; 18. URL http://www.//clck.ru/14qG (дата обращения 14.03.2017). Паспортная система в СССР (1932-1976); 19. URL//http://www /oktiabrsky.blg.sudrf.ru/modules.php?name)// Российская газета, № 106, 15.06.2002 - Практика установления личности обвиняемых (подсудимых) при рассмотрении дел и материалов в 2011 году — Октябрьский районный суд г. Белгорода.

УДК 343.13

Lebedeva A.A. Identity of the suspected / accused, subspecified in the criminal process

The article examines documents proving the identity of the suspect / accused, the defendant of the person who committed the crime. Identity documents contain so-called installation data. From identity documents, it is necessary to distinguish documents confirming the status of their owners.

Not all documents proving the identity of their owner may be suitable for identifying the identity of the suspect / accused, the defendant in criminal proceedings.

Incorrect identification of the suspect in the criminal case at the preliminary investigation stage in most cases leads to an extension of the investigation period and the period of detention of the suspect in custody. Within the framework of the criminal procedure, the documents certifying the identity of the suspect / accused and the defendant can be recognized as documents stipulated in regulatory enactments.

***Key words**: identity documents, criminal process, setting data, biographical data, the identity of the suspect in the commission of the crime, the accused, the defendant.*

Лифанова Л. Г.

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент
(Ставрополь, Россия)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ КАК УСЛОВИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

В статье предпринята попытка проанализировать условия и процессуальный порядок освобождения от уголовной ответственности посредством применения судебного штрафа и иных мер экономического воздействия

***Ключевые слова:** меры уголовно-правового воздействия, прекращение уголовного преследования, освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф*

Политика гуманизации уголовной и уголовно-процессуальной сфер российского права реализуется посредством совершенствования позиций отечественного законодательства, направленных на защиту общества и государства от противоправных посягательств, а также демократизацию прав граждан, подозреваемых и обвиняемых в преступлении.

В частности, обозначенная тенденция проявляется в корректировке норм, регламентирующих отказ от уголовного преследования посредством его прекращения за совершение преступлений экономической направленности, а также при первичном совершении преступлений небольшой или средней тяжести.

Речь идет о прекращении уголовного преследования по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности в соответствии со ст.28.1 УПК РФ и прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа – в соответствии со ст.25.1 УПК РФ.

Статья 28.1 появилась в законодательстве немногим более чем восемь лет назад, и изначально именовалась как «Прекращение уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах» [1]. Затем законодатель расширил ее действие и на иные деяния экономической направленности, обозначив как «Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности» [2]. После 2011 года в данную норму изменения вносились еще несколько раз, в том числе путем увеличения количества составов, по которым возможно прекращение уголовного преследования по анализируемой норме.

Обязательным условием применения альтернативного уголовной ответственности порядка разрешения уголовно-правового конфликта, является совершение преступления впервые и возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, путем уплаты в полном объеме следующих сумм: недоимки в размере, установленном налоговым органом в решении о привлечении к ответственности, вступившем в силу; соответствующих пеней; штрафов в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации (по ч.1 ст.28.1).

Для применения ч.3 ст.28.1 УПК РФ обязательно соблюдение большего количества условий:

- совершение преступления впервые;

- возмещение ущерба, причиненного гражданину, организации или государству в результате совершения

преступления, и перечисление в федеральный бюджет денежного возмещения в размере двукратной суммы причиненного ущерба,

- либо перечисление в федеральный бюджет дохода, полученного в результате совершения преступления, и денежного возмещения в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления,

- либо перечисление в федеральный бюджет денежной суммы, эквивалентной размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, и денежного возмещения в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления,

- либо перечисление в федеральный бюджет денежной суммы, эквивалентной размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и денежного возмещения в двукратном размере этой суммы.

В соответствии с частью 3.1. ст. 28.1 УПК РФ «лицо освобождается от уголовной ответственности при выявлении факта совершения им до 1 января 2015 года деяний…», если это лицо является декларантом или лицом, информация о котором содержится в специальной декларации, поданной в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], и если такие деяния связаны с приобретением (формированием источников приобретения), использованием либо распоряжением имуществом и (или) контролируемыми иностранными компаниями, информация о которых содержится в специальной декларации, и (или) с открытием и (или) зачислением денежных средств на счета (вклады), информация о которых содержится в специальной декларации. В этом случае не применяются положения в части возмещения ущерба, перечисления в федеральный бюджет денежного возмещения и полученного дохода.

Анализируемая норма (ст.28.1 УПК) в юридической литературе неоднократно подвергалась критике. В частности, исследователи замечали неверный подход законодателя к ее императивному характеру: закон не сохранил право усмотрения при применении обозначенной нормы, тем самым в определенной степени нарушив правовые принципы уголовного законодательства. Следователь и дознаватель более не должны оценивать целесообразность отказа от уголовной ответственности, как это предусмотрено в случае деятельного раскаяния, а обязаны принять решение о прекращении преследования в случае возмещения ущерба и уплаты сумм, обозначенных в диспозиции ст.28.1 УПК РФ. То есть экономическая сторона вопроса имеет преимущество перед правилом неотвратимости наказания.

Также немало вопросов возникло с появлением в законодательстве меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Условия применения ст.25.1 УПК:

- совершение преступления впервые;

- совершенное преступление относится к категории небольшой или средней тяжести;

- обвиняемый (подозреваемый) возместил ущерб или иным образом загладил причиненный преступлением вред.

Правила определения категории преступлений, и оценка того, что оно совершено впервые, в правоприменительной практике сложностей вызывать не должны, так как детально регламентированы уголовно-процессуальным законодательством и разъяснениями Верховного суда РФ.

А вот определение вреда, который необходимо загладить, являясь категорией оценочной, неизбежно будет вызывать споры в толковании. В декабре прошлого года Верховный Суд РФ постановлением Пленума «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» обозначил, что «Под заглаживанием вреда … понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства. Способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц» [4].

Являясь безусловными сторонниками позиции о приоритетной защите прав потерпевшего в уголовном процессе, тем не менее, следует отметить, что усмотрение данного участника судопроизводства в вопросе определения размера вреда, подлежащего заглаживанию, не исключает злоупотребления правом с его стороны. Определение размера морального вреда по сути не имеет сформулированных критериев и методов оценки, и зависит исключительно от совести потерпевшего. Зная, что полное возмещение ущерба от преступления и компенсация вреда является безусловным условием применения к правонарушителю процедуры освобождения его от уголовной ответственности, оно вполне может стать своеобразным манипулятором в отношениях потерпевший-правонарушитель.

Институт морального вреда и правила его определения и возмещения – достояние гражданских правоотношений. В соответствии с положениями части второй статьи 151 ГК РФ: «При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред». Статья 1101 ГК РФ несколько дополняет правила определения размера компенсации: «…Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего».

Представления о разумности и справедливости у различных людей разные. Установить определенную «таксу» моральных издержек и применять впоследствии закон по аналогии (что допустимо), практически невозможно.

Но и даже это не главное. Признавая правильной тенденцию законодателя о гуманизации уголовного и уголовно-процессуального права, следует, к сожалению, заметить, что применение анализируемых норм возможно к ограниченному кругу субъектов – лиц, которые способны понести серьезное финансовое бремя в качестве альтернативы уголовной ответственности. Ведь даже в ст.25.1 УПК возмещение ущерба и компенсация вреда потерпевшему является только условием для возможности применения последующих экономических санкций в виде судебного штрафа. В случае, если лицо финансово несостоятельно, то и применение к нему ст.ст.25.1 и 28.1 УПК РФ исключается. Обозначенные нормы рассчитаны на тех, кто имеет возможность «откупиться от правосудия», а это с одной стороны допускает пренебрежительное отношение к закону, а с другой – вполне обоснованное сомнение в действительности принципа о равенстве всех перед законом и судом.

Список источников: 1. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2009 г. N 383-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс].- URL: http://www.consultant.ru. - (Дата обращения: 09.03.2017); 2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс].- URL: http://www.consultant.ru. - (Дата обращения: 09.03.2017); 3. О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 08.06.2015 №140-ФЗ: ред. от 05.04.2016 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru. (Дата обращения: 09.03.2017); 4. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 № 19: ред. от 29.11.2016 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru. (Дата обращения: 09.03.2017).

УДК 319.07

Lifanova L. G. Economic sanctions as the condition of termination of criminal persecution

The article makes an attempt to analyze the conditions and procedural order of exemption from criminal liability by applying a judicial fine and other measures of economic impact

Key words: *measures of criminal and legal impact, the termination of criminal prosecution, exemption from criminal responsibility, judicial fine*

Лясковец А. В.

Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В рамках данной статьи автор делает попытку критического анализа современных нормативно-правовых предписаний, регламентирующих институт международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Рассматриваемый институт занимает одно из важнейших мест в современных условиях развития российского государства и его взаимодействия с иностранными структурами. Международное уголовно-процессуальное сотрудничество, при условии его качественной законодательной регламентации, является эффективным инструментом оптимизации усилий правоохранительных структур различных государств в процессе осуществления противодействия преступности. В то же время следует признать, что нормы, регулирующие данный институт в рамках отечественного уголовно-процессуального права, не позволяют в полной мере осуществить эффективную практическую реализацию международного сотрудничества. Указанные проблемы касаются как законодательного определения рассматриваемого института, так и отдельных аспектов уголовного судопроизводства, в частности, процедуры оценки доказательственного материала, получаемого в его рамках.

Ключевые слова: *международное сотрудничество, уголовное судопроизводство, регламентация международного сотрудничества, проблемы оценки доказательств*

Эффективная организация борьбы с преступностью в современных условиях развития государственных институтов, без сомнения, является одним из приоритетных направлений политики любого государства. В условиях глобализации и интеграции отдельных государственных институтов рассматриваемый вопрос приобретает важнейшее значение. В этой связи особое внимание привлекает институт международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, который является основным практическим инструментов, позволяющим осуществлять эффективное противодействие преступности на международном уровне.

Отметим, что рассматриваемый институт носит комплексный характер и напрямую связан с различными аспектами практической деятельности правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование уголовных дел. В то же время многообразие правоотношений, входящих в рамки рассматриваемого института порождает определенный комплекс различного рода проблем, которые оказывают негативное влияние на его эффективность. К числу такого рода проблем следует отнести и процессуальные аспекты, связанные с соблюдением разумных сроков уголовного судопроизводства [4, с. 28], оценки доказательственного материала, получаемого в рамках данного института [3], а также криминалистические проблемы деятельности следственных органов по расследованию преступных посягательств. [1, с. 2] Обозначенный комплекс проблем, безусловно, не является исчерпывающим и затрагивает лишь малую часть аспектов, критически влияющих на эффективность международного уголовно-процессуального сотрудничества.

Эффективность любого правового института во многом основана на качестве категориального аппарата, используемого в его реализации. Неопределенность категориального аппарата применительно к осуществлению международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, по сути, сводит к минимуму эффективность его практической реализации. Прежде всего, необходимо четко определить само понятие «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», так как неоднозначность понимания сущности данного института может оказать негативное воздействие на слаженность системы взаимоотношений, возникающих между правоохранительными органами различных государств в деле по борьбе с преступностью. Современное понятие рассматриваемого института во многом строится на исследовательских взглядах отдельных специалистов в области уголовного судопроизводства, которые в своей совокупности не

могут дать четкого понимания рамок рассматриваемого института.

Так, П. А. Смирнов отмечает, что правоотношения, входящие в рассматриваемый институт, носят ярко выраженный разноплановый характер и включают в себя различные формы борьбы с преступностью в целом и конкретными преступными посягательствами, которые в своей совокупности и образуют эффективный механизм привлечения виновных к уголовной ответственности в сложившихся условиях. [6, с. 4] Данная позиция видится вполне аргументированной, однако следует заметить, что она раскрывает только отдельные аспекты, входящие в рамки института международного уголовно-процессуального сотрудничества.

Более полным видится формулировка, предложенная А. Г. Волеводзом, который определяет международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства как регулируемую нормами международного и внутригосударственного права деятельность по защите интересов личности, общества, государства и мирового сообщества от международных, транснациональных и имеющих транснациональный характер преступлений, посягающих на внутригосударственный правопорядок, которая осуществляется путем принятия согласованных между странами мер по установлению наказуемости в уголовном порядке определенных общественно опасных деяний (криминализации) и унификации на этой основе уголовного законодательства; пресечению готовящихся или совершенных преступлений, в том числе и путем проведения в необходимых случаях оперативно-розыскных действий; оказанию помощи в расследовании уголовных дел и осуществлении уголовного преследования; организации деятельности международных судебных органов, связанной с расследованием международных преступлений, осуществлением уголовного преследования и наказанием лиц, виновных в их совершении; обеспечению исполнения уголовных наказаний; постпенитенциарному воздействию, а также оказанию профессионально-технической помощи и предупреждению преступлений. [2] Обозначенное определение подробно раскрывает основные аспекты и направления, которые входят в рассматриваемый институт.

Следует отметить, что практическая реализация института международного уголовно-процессуального сотрудничества строится в первую очередь на его нормативно-правовой регламентации. Нормативная регламентация осуществления исследуемого процесса включает в себя не только законодательное закрепление данного института в действующем УПК РФ, но и разработку международных соглашений в рассматриваемой области, причем договорной характер подобных соглашений ставит на первый план проблему взаимоприемлемости условий, которые могут быть включены в их состав. То есть, условия международного соглашения должны быть сформулированы таким образом, чтобы они принимались государствами-участниками без каких-либо существенных возражений и были исполнимыми, а именно имели практическую возможность их реализации. При отсутствии таких условий международные соглашения по вопросам сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства будут не более чем декларацией, что, безусловно, следует рассматривать как негативное явление. В то же время необходимо отметить, что российский законодатель не уделил данному вопросу должного внимания.

На наш взгляд, необходимо признать, что действующее российское уголовно-процессуальное законодательство далеко не в полной мере отвечает вышеизложенным требованиям. Причем данное явление во многом объясняется относительно неудачным нормативно-правовым закреплением института международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, а также норм, регулирующих отдельные вопросы, связанные с рассматриваемой деятельностью, например процесс оценки доказательственного материала, получаемого в рамках международного сотрудничества.

В действующем УПК РФ законодателем были изложены критерии, на основании которых производится процессуальная оценка доказательств, в совокупности позволяющая решить вопрос о юридической значимости отдельно взятого информационного массива и его способности иметь доказательственное значение. Данные критерии, представляющие собой правила оценки доказательств, общеизвестны. К ним относятся: относимость, допустимость, достоверность и совокупная достаточность. При этом определенные вопросы у специалистов вызывает практическая реализация нормативных предписаний ч. 1 ст. 75 УПК РФ, регламентирующей критерий допустимости доказательств.

Рассматриваемая проблема уже не первый год является предметом оживленных дискуссий в среде специалистов, которые, высказывая свои нередко совершенно противоположные мнения, сформировали две базисные точки зрения на данный вопрос: признание доказательства допустимым, если оно отвечает требованиям законодательства государства, на территории которого оно было получено, либо признание подобного доказательства допустимым лишь в случаях его соответствия требованиям УПК РФ. [5, с. 23]

В этой связи более продуктивной представляется вторая точка зрения. Безусловно, подача запроса о правовой помощи правоохранительным органам иностранного государства имеет своей целью получение информации, которая в дальнейшем может рассматриваться в качестве доказательства по уголовному делу. В то же время процессуальная оценка этой информации складывается из нормативных требований действующего УПК РФ. Следовательно, возможное нарушение требований российского процессуального законодательства, которое может существенно отличаться от законодательства государства, в которое направлен запрос, делает невозможным применение данной информации в качестве доказательства, по сути, сводит на нет весь смысл подачи такого запроса. Ярким примером тому является наличие в российском уголовном судопроизводстве института понятых, который не известен уголовному процессу ряда иностранных государств. [7, с. 215]

Подводя итоги, заметим, что обозначенные в рамках данной статьи вопросы являются одними из многих проблем института международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, которые оказывают самое непосредственное влияние на эффективность его реализации. Следует признать, что современная регламентация рассматриваемого института является не вполне совершенной и требует значительного числа доработок, причем, нередко, весьма кардинального характера.

Список источников: 1. Алымов Д. В. Эвристические методы в следственной деятельности// Российский следователь. 2013. № 19. С. 2 – 3; 2. Волеводз А. Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: Дис. … докт. юрид. наук. М., 2002; 3. Зуев Ю. Г. Современные критерии допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве// Уголовный процесс. 2013. № 6 (102). С. 76 – 79; 4. Калуцких А. М., Горяинова А. А. Каков разумный срок уголовного судопроизводства?// Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 15 лет правоприменения: сборник научных статей, посвященный 15-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Курск, 2016. С. 28 – 32; 5. Лясковец А. В. Некоторые аспекты нормативного закрепления института международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства// Духовная ситация времени. Россия XXI век. 2014. № 2 (3) С. 23-25; 6. Смирнов П. А. Понятие и содержание международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства как одно из направлений международной борьбы с преступностью// Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 1. С. 3 – 5; 7. Чистилина Д. О. К вопросу об участии понятых в ходе следственных действий// Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сборник материалов III Международной студенческой научно-практической конференции. Ответственный редактор Рябинина Т. К. 2016. С. 215 - 220

УДК 341.45

Lyaskovets A. V. On the question of problems of practical implementation of the institute for international cooperation in the field of criminal proceedings

In the framework of this article, the author makes an attempt to critically analyze the current regulatory and legal requirements regulating the institution of international cooperation in criminal justice. The institute under consideration is one of the most important places in the current conditions of the development of the Russian state and its interaction with foreign structures. International criminal procedural cooperation, provided its qualitative legislative regulation, is an effective tool to optimize the efforts of law enforcement agencies of various states in the process of countering crime. At the same time, it should be recognized that the norms regulating this institution within the framework of domestic criminal procedure law do not allow to fully implement the effective practical implementation of international cooperation. These problems concern both the legislative definition of the institution in question and certain aspects of the criminal procedure, in particular, the procedure for evaluating the evidence obtained in its framework.

Keywords: *international cooperation, criminal justice, regulation of international cooperation, problems of assessing evidence*

Макаров А. П.

Прокуратура г. Севастополя
(Севастополь, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О МЕЛКОМ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

В статье рассматриваются проблемные вопросы проведения и использования методов оперативно розыскной деятельности по уголовным делам о мелком взяточничестве. При этом основное внимание уделено законности и обоснованности уголовно-процессуальных аспектов борьбы с данными видами преступлений, исследуются возможности проведения оперативного эксперимента по уголовным делам коррупционной направленности, а также использования полученных материалов ОРД при производстве по уголовным делам.

Ключевые слова: *взяточничество, мелкое взяточничество, оперативно-розыскное мероприятие, оперативный эксперимент, коррупционные преступления.*

Взяточничество является одним из самых опасных должностных и коррупционных преступлений и представляет одну из основных угроз обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны [4].

Россия является участником многих международных антикоррупционных конвенций (Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999, Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 12.12.2000 «и др.»).

В ежегодных Посланиях Президента РФ В.В. Путина к Федеральному собранию РФ указывается на необходимость совершенствования системы уголовного преследования за коррупцию.

В Национальных планах противодействия коррупции, обозначаются главные направления работы законодательных, исполнительных и судебных органов в рассматриваемом направлении.

Анализ судебной практики дает понимание того, что в подавляющем большинстве приговоров по даче взятки или получению взятки объём взятки составляет менее 10 тысяч рублей.

В результате формируемые на этой основе статистические данные демонстрируют якобы нарастании борьбы с взяточничеством, но на самом деле создаётся лишь видимость активной борьбы с коррупцией, причем в большинстве случаев речь идет о привлечении к уголовной ответственности за взятки в среднем 1000 – 5 000 рублей [6].

В настоящее время одним из приоритетных направлений совершенствования российского законодательства является повышение эффективности правоприменения в антикоррупционной сфере.

Федеральным законом № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 03.07.2016 внесен ряд изменений в действующее законодательство, где наряду с изменениями в действующие нормы УК и УПК Российской Федерации были установлены новые составы преступлений коррупционной направленности, в том числе статья 291.2 «Мелкое взяточничество».

В данной статье законодателем предусмотрены два состава преступления: получение взятки и дача взятки через посредника, а признаком, отграничивающим мелкое взяточничество от составов, предусмотренных ст. 290 и ст. 291 УК Российской Федерации, является размер взятки – до 10 тыс. руб. [2].

Некоторые авторы высказывают мнение, что выделение в Уголовном кодексе РФ в качестве отдельного состава преступления за получение и дачи взятки в размере, не превышающем 10 тыс. рублей представляются поспешным и необоснованным в условиях высокой степени коррумпированности властных структур [7].

В правоприменительной практике преступления коррупционной направленности характеризуются наивысшим уровнем латентности. Это связано с обоюдной заинтересованностью, как взяткодателя, так и взяткополучателя в сокрытии коррупционного деяния и желании избежать уголовной ответственности.

При этом необходимо отметить, что вышеуказанные преступные деяния со стороны фигурантов коррупционных правонарушений следственными действиями и

иными гласными мероприятиями выявить, пресечь и раскрыть представляется крайне затруднительно.

Одним из самых эффективных оперативно - розыскных методов борьбы с взяточничеством, предусмотренных статьей 6 Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 (до принятия Федерального закона № 324-ФЗ от 03.07.2016 года), среди оперативных подразделений, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия по изобличению лиц, совершающих коррупционные преступления, является «Оперативный эксперимент» [3].

Важно заметить, что введение в уголовное законодательство нового состава преступления - «мелкое взяточничество» существенно повлияло не только на сложившуюся практику расследования данной категории уголовных дел, но и сделало невозможным проведение ряда оперативно-розыскных мероприятий таких как: «Оперативный эксперимент», «Снятие информации с технических каналов связи», «Прослушивание телефонных переговоров», «Получение компьютерной информации».

Согласно ч. 3 ст. 8 ФЗ от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» проведение оперативного эксперимента и прослушивание телефонных и иных переговоров допускается при осуществлении проверки сообщений о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких или производстве расследования преступлений указанной категории, а мелкое взяточничество относится к преступлениям небольшой тяжести [3].

Таким образом, оперативным подразделениям, осуществляющим оперативно розыскную деятельность, запрещено негласно документировать преступную деятельность лиц, совершающих преступления коррупционной направленности по делам о мелком взяточничестве с использованием методов ОРД, собирать доказательства и дальнейшем использовать их в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем у правоприменителей возникает вполне закономерный вопрос: «Каким же образом необходимо осуществлять негласное документирование преступной деятельности фигурантов, обоснованно подозреваемых в совершении преступлений о мелком взяточничестве, а также раскрывать преступления без проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий (в том числе и оперативного эксперимента), используемых для раскрытия коррупционных преступлений».

Устранение рассмотренной в рамках настоящей статьи коллизии возможно, на взгляд автора, только посредством внесения изменений в статью 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Это даст возможность оперативным подразделениям, осуществляющим ОРМ легальные основания для проведения «Оперативного эксперимента», а также других оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления небольшой тяжести и обеспечит их эффективными правовыми инструментами в борьбе с мелким взяточничеством [8].

По мнению некоторых ученых такая возможность предусмотрена ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, где указано, что ограничение прав и свобод человека может быть осуществлено государством только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности страны [1].

Конституционный Суд в своем Постановлении от 30.10.2003 N 15-П суммировал ранее сформулированные им правовые позиции (в решениях КС РФ ссылки на ст. 55 Конституции встречаются более 490 раз) и указал, что ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений, если они отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей.

При этом норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения [5].

Предоставление правоохранительным органам возможности проведения оперативного эксперимента и других оперативно-розыскных мероприятий по всей категории коррупционных преступлений касающихся небольшой тяжести значительно упростило бы процесс собирания и закрепления доказательств.

Однако повсеместное использование оперативно-розыскного инструментария по другим совершаемым преступлениям небольшой тяжести привело бы к существенному и неоправданному ограничению прав и свобод человека и гражданина.

Учитывая рост числа коррупционных преступлений в стране и недостаточно высокий уровень противодействия таким преступлениям, представляется возможным внесение изменений в статью 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в части допустимости проведения «Оперативного эксперимента» по преступлениям небольшой тяжести коррупционной направленности.

Список источников: 1. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_28399/ Система ГАРАНТ – Загл. с экрана. (дата обращения 03.03.2017); 2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно- процессуальный кодекс Российской Федерации» Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 324-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200716&fld=134&dst=100134,0&rnd=0.32477802513944654#0 Система Гарант – Загл. с экрана. (дата обращения 15.03.2017); 3. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.07.2016 года) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://base.garant.ru /10104229/ Система ГАРАНТ - Загл. с экрана. (дата обращения 04.03.2017); 4. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://base.garant.ru/71296054 /#ixzz4cDsoKtc4 Система ГАРАНТ – Загл. с экрана. (дата обращения 10.03.2017); 5. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://base.garant.ru/12132995/ Система ГАРАНТ – Загл. с экрана. (дата обращения 03.03.2017); 6. Заседание президиума Совета по противодействию коррупции 18 января 2016 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://kremlin.ru/events/councils/by-council/12/51207 (дата обращения 24.03.2017); 7. Чуклина Э.Ю. «Выделение уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): критический взгляд. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.naukaplus.ru/archive/2016/10/26 – Загл. с экрана. (дата обращения 03.03.2017); 8. Мурин С.В. «Коллизии правового инструментария как проблема квалификации мелкого взяточничества». [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/kollizii-pravovogo-instrumentariya-kak-problema-kvalifikatsii-melkogo-vzyatochnichestva – Загл. с экрана. (дата обращения 03.03.2017).

УДК 343.985

Makarov A. The problems of conducting out and the possibility of using the operational experiment in criminal cases of petty bribery.

The article deals with the problematic issues of carrying out and using methods of operatively investigative activity in criminal cases on petty bribery. At the same time, the main attention is paid to the legality and validity of the criminal procedural aspects of combating these types of crimes, the possibility of conducting an operational experiment on corruption-related criminal cases, as well as the use of the obtained materials of the operational-search activity in criminal proceedings is explored.

***Key words**: bribery, petty bribery, operational-search activity, operational experiment, corruption crimes.*

Михайлов М. А.

Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)

ЕЩЕ РАЗ О ТАЙНЕ СВЯЗИ

Обращается внимание на неопределенность в формулировании круга сведений, составляющих тайну связи (телефонных переговоров иных сообщений и др.). Подчеркивается, что отнесение к этой информации данных о соединениях абонентов, существенно снижает оперативность доступа к ней в ходе раскрытия и расследования преступлений ввиду необходимости получения судебного разрешения. Отнесение к тайне связи любой информации, передаваемой телефонной аппаратурой, снижает эффективность использования достижений научно-технического прогресса в противодействии преступности.

***Ключевые слова:** тайна связи, соединения абонентов и абонентских устройств, электронные доказательства, UFED, судебное разрешение, полномочия следователя, контроль и запись переговоров*

Права человека, защита его интересов обеспечиваются гарантиями невмешательства государства в личную жизнь, предоставлением возможности иметь свою среду, оберегаемую им от посторонних, охраной сведений, не предназначенных для распространения. Одной из сфер, прикосновение к которой людьми воспринимается наиболее болезненно, являются их коммуникации. Защита информации, передаваемой посредством письменного (переписка) или устного с помощью технических средств (переговоры) общения, обеспечивается Конституцией. Доступ правоохранительных органов к этим сведениям возможен лишь в особых случаях по специально разработанной процедуре, одной из составляющих которой, является получение судебного разрешения.

Развитие научно-технического прогресса неумолимо, и сегодня средства сотовой связи превращаются в сложные многофункциональные устройства, коммуникационная составляющая которых, становится лишь одним и порою не самым главным предназначением. Телефон превратился в компьютер с возможностью приема и передачи данных не только путем телефонных переговоров, но также текстового и видеообщения. Это прибор служит для хранения данных, просмотра видеоинформации, прослушивания аудиофайлов, использования различного рода приложений для навигации, расчетов, планирования, игр, а также является фото и видеокамерой и т.д. Его возможности с каждый годом расширяются, едва ли не в геометрической прогрессии. В связи с тем, что функция обеспечения телефонной связи уходит на второй план, само устройство телефоном уже не назовешь. Появились новые термины: коммуникатор – карманный персональный компьютер с модулем, обеспечивающим телефонную связь, камерафон - устройство с совершенными фотовидеокамерами, совмещенное с мобильным телефоном. В обиход вошел термин - смартфон[1], так в отличие от коммуникатора принято называть мобильный телефон с функциями персонального компьютера. Хотя уже не ясно чего в этом устройстве больше: функций телефона или компьютера. Различия между смартфоном и коммуникатором исчезли, а второе название практически не применяется.

Телефонное соединение и выход в интернет с помощью смартфона используется уже не только для общения между абонентами. Эти возможности позволяют получить сообщение об операции на банковском счете, о срабатывании охранной сигнализации, удаленно наблюдать за происходящим через камеры слежения. Системы «Умный дом» могут быть активированы с помощью SMS сообщений, (например, включение отопления и даже электрочайника). Новые холодильники позволяют переслать изображение своего содержимого хозяину, чтобы тот решил, какие запасы необходимо пополнить. Модулями телефонной связи снабжены устройства отслеживания местонахождения автомобиля в целях его охраны, трекеры[2] для контроля за передвижением иных объектов (например, пожилых или больных людей, лиц, которым избрана мера пресечения). Отдельные устройства осуществляют соединения с использованием телефонного модуля автоматически без желания и команды человека [1]. Такие контакты уже трудно назвать соединениями между абонентами в полном смысле этого слова. В связи с этим возникает необходимость уточнения таких понятий, как переговоры, телефонная аппаратура, сети электросвязи и главное тайна связи, а также объем и круг сведений, которые она охватывает.

Конституция СССР 1936 года упоминала лишь о тайне переписки (ст. 128). Основной Закон СССР в 1977 г декларировал охрану телефонных переговоров и телеграфных сообщений (ст.56). Ныне действующая Конституция Российской Федерации (ст.23) дополнила этот перечень еще и «иными сообщениями». Ст. 63 ч.1 «Тайна связи» Федерального закона «О связи» от 2003 г. определяет круг «тайн», входящих в это понятие. Это тайна переписки, тайна телефонных переговоров, тайна почтовых отправлений, тайна телеграфных сообщений, тайна иных сообщений, передаваемых по сетям почтовой и электросвязи [2].

УПК РФ разрешает контроль и запись переговоров только на основании судебного решения и лишь по делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких (ст.186).

Однако повсеместное распространение сотовой связи, постоянное пребывание ее средств рядом с их владельцами, дали широкие возможности не только контроля переговоров, но и установления их местонахождения, перемещения, поиска похищенных телефонов, розыска преступников. Анализ соединений абонентов из баз операторов мобильной связи стал эф-

---

[1] Англ. smartphone — умный телефон
[2] От англ. to track – отслеживать

фективным средством борьбы с преступностью, раскрытия и расследования преступлений, преодоления противодействия расследованию [3].

В связи с этим возникла необходимость в уточнении статуса служебной информации о соединениях абонентов, которая обычно накапливается операторами мобильной связи для учета предоставленных услуг связи, их тарификации и выставления счетов для оплаты. Это важно для того, чтобы понять входит ли она в круг сведений, составляющих тайну связи.

Дело дошло до Конституционного суда РФ, который в 2003 г., рассматривая обращение, инициированное начальником налоговой полиции Липецкой области, вынес решение, которое, наоборот, не только отнесло эти сведения к числу получаемых у операторов мобильной связи лишь по судебному разрешению, но и охватило понятием тайны телефонных переговоров большой объем сведений различного характера даже с перспективой развития научно-технического прогресса будущем.

Конституционный суд признал, что «информацией, составляющей охраняемую Конституцией Российской Федерации и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи…» [4].

Подчеркнем, что, таким образом, под судебную защиту, попадает вся информация *передаваемая*, *сохраняемая и устанавливаемая с помощью телефонной аппаратуры.* А если смартфон относится к этой самой аппаратуре, то тайной связи охватывается и вышеупомянутый обмен командами на включение чайников, срабатывание сигнализации, состояние содержимого холодильника и много еще чего, что появится в будущем. Главный признак «обработка телефонной аппаратурой» обозначен и запрет над доступ утвержден.

Другая проблема для правоохранителей кроется в формулировке «сведения, *сохраняемые* телефонной аппаратурой». Запоминающие устройства (память) средств мобильной связи и смартфонов, также хранит значительное количество информации о соединениях, переговорах, получении и отправлении SMS, MMS и их содержание, а также сведения об использовании IP-телефонии[1] и файлов, полученных с ее помощью. Изучение содержимого памяти смартфона в некоторых случаях позволяет получить сведения об имевшихся фактах подключения к конкретным локальным передатчикам информации по радиоканалам (WI-FI-роутерам), передвижению по маршруту с использованием приложения-навигатора, фотосъемке с географическими координатами, то есть дает возможность устанавливать конкретное местонахождение «телефонной аппаратуры». Эти сведения порою имеют важное доказательственное значение для расследования.

Обычно сведения, извлеченные из памяти изъятого средства мобильной связи оформляются протоколом осмотра предмета с участием специалиста (ст.180,ст.168 УПК). При этом свою эффективность показали специальные приборы, предназначенные для этой цели (например, UFED[2]) и программное обеспечение (из отечественного - «Мобильный криминалист»)[5]. Умелые действия по извлечению, анализу и представлению информации из памяти смартфонов и иных средств мобильной связи для доказывания, позволяют раскрывать и эффективно расследовать сложные и опасные преступления. Вышеуказанная формулировка в решении Конституционного суда может существенно затруднить эту работу. Процедура судебного разрешения сводит на нет весь успех от оперативности получения этих данных.

Дискуссии по поводу круга сведений, относящихся к тайне связи, идут уже несколько лет. Не все склонны считать, что Конституционный суд поставил на ней точку. Профессор Смолькова И.В.[6.с.205] обратила внимание, что Судебная коллегия по уголовным делам другой высшей судебной инстанции - Верховного Суда РФ в одном из своих надзорных определений от 2006 г указала, что «получение следователем информации о входящих и исходящих соединениях абонентов не посягает на тайну содержания переговоров и какого-либо нарушения прав абонента не усматривается, а все ссылки при этом на определение Конституционного суда от 2.10.2003 г не состоятельны» [7]. Подобную точку зрения, видимо разделял и законодатель, включивший в 2010 г. в УПК ст.186-1, чем дифференцировал процедуру контроля и записи телефонных переговоров и получение информации об абонентских соединениях. При этом, однако, не было отменено необходимость судебного разрешения на получение таких сведений.

Профессор Белкин А.Р. сторонник вывести из-под судебной защиты лишь часть этой информации, предложил разделять абонентские соединения, на контакты, имевшие место в прошлом (до принятия решения о получении сведений про их существование и характеристики) и текущую, оперативную слежку за интересующего следователя абонентами. Причем в первом случае информацию о таких соединениях предлагается получать путем обыкновенной выемки или истребования путем направления запроса следователя в учреждения, предприятия и организации в порядке ч.4 ст.21 УПК. Действие ст.186-1 УПК А.Р. Белкин предлагает перенести на получение только текущей информации о соединениях [8, с.38-39]. Такая позиция оправдана. К тому же информация о прошлых соединениях хранится не только в базах оператора, но и в памяти смартфона пользователя. А что касается сведений у операторов сети, то любой абонент, предъявив паспорт, может получить информацию о своих соединениях, а вот следователю для этого требуется судебное разрешение. Относительно контроля за текущими соединениями, то при получении судебного разрешения на контроль и запись переговоров в порядке ст.186 УПК следователю обязательно предоставляется и служебная информация о соединениях, доступа к содержанию которых, добился следователь. Другое дело, что контроль и запись переговоров более трудоемкое и дорогостоящее мероприятие (а значит реже используемое), нежели получение

---

[1] IP-телефония-телефонная и видеосвязь через Интернет по специальному протоколу IP. Наиболее известным примером является Скайп (Skype).

[2] UFED – англ. Universal Forensic Extraction Device, что можно перевести как универсальное устройство криминалиста для извлечения данных.

информации о соединениях. Нам представляется, что достаточно дополнить ст.186 УПК частью об «облегченном контроле» в виде получения информации о соединениях.

Относительно проблемы круга конкретных лиц, права которых на тайну связи ограничиваются в ходе получения информации о соединениях, мы уже писали [9]. Напомним, что во многих случаях, особенно по тяжким неочевидным преступлениям требуется информация о любых соединениях, позволяющих установить местонахождение средств связи каких бы то ни было абонентов, находившихся в определенном месте (например, на месте происшествия) в определенное время. Это эффективный метод установления лиц совершивших преступление, очевидцев, иных свидетелей, неизвестных следствию потерпевших и др. Анализируя содержание ст. 186-1 можно сделать вывод, что законодатель учел такую возможность в числе действий, регламентируемых этой нормой. Ст.186-1 ч.2, перечисляя информацию обязательную для указания в ходатайстве следователя, не требует от него упоминания ни конкретных данных абонентов, ни номеров абонентских устройств.

К тому же от получения информации о соединениях, до установления причастности лица к расследуемому событию, необходимо провести кропотливую работу, доказывающую, что в момент соединения этим устройством пользовалось конкретное лицо. При этом не так редки ошибки и противодействие преступников. Поэтому усложнять этот и без того трудоемкий процесс установления лиц, имеющих отношение к расследуемому событию, судебным разрешением на доступ следователя к массиву служебной (биллинговой[1]) информации на этом этапе преждевременно. Все утверждения о том, что сами факты телефонных соединений и местонахождение абонента также являются тайной личной жизни, и их нельзя доверять следователю лишь по его запросу, не состоятельны. Сведения о местонахождении и перемещениях лица можно получить и из баз данных авиационного и железнодорожного транспорта, анализа использования карточек «Тройка» и др. для оплаты услуг общественного транспорта. Перебор с судебным контролем за следователем, недоверие к последнему, сковывают следственную инициативу и существенно снижают эффективность расследования, о чем свидетельствует опыт наших соседей [10].

Считаем, что в условиях распространения средств мобильной связи, совершенствования их многофункциональности, а также в связи с их использованием для совершении различных преступлений(от телефонного мошенничества до террористических актов), круг сведений, входящих в тайну связи не должен толковаться расширительно, помимо уже определенных в законе «О связи» ее составляющих. Доступ к информации о соединениях операторами сотовой связи должен предоставляться следователю без дополнительных разрешений, как это происходило и ранее.

Список источников: 1. Что такое умный дом [Электронный ресурс] //Автоматизация и электрика [Сайт].:URL: https://www. asutpp. ru/elektrika-v-kvartire/sistema-umnyj-dom.html (дата обращения 30.03.2017); 2. О связи [Электронный ресурс]: ФЗ от 07.07.2003 №126-ФЗ, ред. от 06.07.2016.- Режим доступа: http://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/2add28425adfc0411d61abad9deab4873e7ad274/; 3. Шампаров А.В. Способы нейтрализации противодействия расследованию дорожно-транспортных преступлений с использованием информации об абонентских соединениях //Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4 (38). С. 44-47; 4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 г. №345-О Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года "О связи" [Электронный ресурс] URL: http://home.garant.ru/#/ document/ 12133311/paragraph/25:2 (дата обращения 30. 03. 2017); 5. «Мобильный криминалист»:[Электронный ресурс].URL: http://www. oxygensoftware.ru/ru/company (дата обращения 30.03.2017); 6. Смолькова И.В Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186[1] УПК РФ) - новое следственное действие.// Материалы международной научно-практической конференции. «Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства» отв. ред.А.А. Протасевич .- Иркутск, 2014. С. 204-209; 7. Производство по делу об отказе в даче разрешения на выемку документов о входящих и исходящих сигналах соединений телефонных аппаратов прекращено в связи с нарушением уголовно-процессуального закона [Электронный ресурс] Определение Верховного Суда РФ от 02.06.2006 n 9-дп06-10//Решения и постановления судов [сайт] URL: http://www.resheniya-sudov.ru/2005-2006/98967/ (дата обращения 30.03.2017); 8. Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть IX.Следственные действия. М.:МГУПИ,2014.81с.; 9. Михайлов М.А., Левашов И.В. Правовое регулирование доступа к информации об активности абонентов сотовой связи в определенном месте и периоде времени//Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы IV Международной научно-практической конференции, 28-29 апреля 2016 года, г. Симферополь-Алушта / Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. - Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. С.52-54; 10. Михайлов М.А. Необходимость учета крымского опыта при решении вопроса о создании института следственных судей в Российской Федерации //Материалы III международной научно-практической конференции «Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика»- Симферополь, 2015. С. 54-56.

[1] Биллинг (англ. billing — составление счёта)- автоматизированная система учёта предоставленных услуг, их тарификации и выставления счетов для оплаты.

УДК 343.102

Mikhailov M.A. Once again about the secret of communication

Attention is paid to the vagueness in the statement of the circle of information, which constitutes the privacy of communication (telephone conversations, other communications, etc.). It is underlined, that relating to this information subscriber's connections data, significantly reduces the speed of access to it during crime solving and crime investigation, because of necessity to obtain a judicial authorization. Relating any information to the privacy of communication, transmitted by telephone equipment, reduces the effectiveness of achievements of scientific and technological progress using in countering crime.

Key words: *privacy of communication, connection of subscribers and subscriber's devices, electronic evidence, UFED, judicial authorization, investigator's powers, communication control and recording*

Мишин А. В.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
кандидат юридических наук, доцент
(Казань, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье рассматриваются проблемные тактико-организационные аспекты назначения судебной экспертизы в досудебном производстве по уголовным делам. Обосновыва-

ются предложения по внесению отдельных изменений и дополнений в УПК РФ и в проект Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

***Ключевые слова**: следователь, судебная экспертиза, эксперт, защитник, законодательство.*

В последние годы сохраняется тенденция к увеличению как назначений, так и производству различных судебных экспертиз и экспертных исследований, в том числе в досудебном производстве по уголовным делам.[1]

На наш взгляд, судебная экспертиза, назначаемая в досудебном производстве по уголовному делу, имеет свои особенности и отличается от экспертизы, назначаемой в судебном производстве, а именно: субъектом, принимающим решение о назначении экспертизы, спецификой решаемых задач, особенностями возникающих при этом уголовно-процессуальных отношений, основаниями назначения и т.д.

Как показывает изучение следственно-экспертной практики, в процессе назначения судебных экспертиз существуют определенные недостатки и упущения. В то же время, в законодательном регулировании отношений, возникающих при назначении и производстве судебной экспертизы в процессе доказывания по уголовным делам, имеются отдельные лакуны. В этой связи, в данной статье предпринята попытка проанализировать некоторые из них и сформулировать соответствующие практические рекомендации по их устранению, а также предложения по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства в сфере проведения судебной экспертизы.

Проведенные нами исследования свидетельствуют, что правильная организация экспертного сопровождения досудебного производства по уголовному делу в значительной степени обеспечивают полноту, качество и эффективность раскрытия и расследования преступлений.

Представляется что судебная экспертиза, назначаемая в рамках досудебного производства, является особым видом следственного действия, состоящим из проведения по заданию следователя (дознавателя)[2] исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Основные тактические рекомендации по назначению судебной экспертизы в досудебном производстве уголовного дела достаточно успешно разработаны криминалистической наукой и апробированы следственно-экспертной практикой. Вместе с тем полагаем, что процедура назначения судебной экспертизы носит комплексный характер действий следователя и должна учитывать тактико-организационные, уголовно-процессуальные и психологические аспекты.

Следователь назначает судебную экспертизу в том случае, когда в ней возникает необходимость. С тактической точки зрения, вопрос о необходимости назначения экспертизы в определенной ситуации должен решаться следователем с учетом как потребности в использовании специальных знаний, так и значения разрешаемых вопросов для установления обстоятельств расследуемого дела, наличия или отсутствия других доказательств того же обстоятельства. Например, пожарно-техническая экспертиза должна назначаться, когда выдвинутая следователем версия о поджоге не может быть проверена без разрешения комплекса пожарно-технических вопросов или если в материалах дела содержатся противоречивые данные о месте и причине возникновения пожара, проверить которые можно только с помощью экспертного исследования.

Судебная экспертиза может быть назначена на любом этапе досудебного производства, в том числе до возбуждения уголовного дела в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении. В последнем случае назначение судебной экспертизы может носить неотложный характер, что оказывается тактически оправданным, поскольку у следователя появляется возможность более оперативно получить доказательственную информацию о существенных обстоятельствах произошедшего события, установить причинно-следственные связи между ним и наступившими последствиями, выдвинуть обоснованные версии. Как показывает изучение следственной и экспертной практики, необходимость назначения экспертизы еще до возбуждения уголовного дела возникает чаще всего при расследовании незаконного оборота наркотических средств, сильно действующих, ядовитых, психотропных веществ или их аналогов; причинении вреда здоровью; пожаров, взрывов и иных техногенных происшествий; при обнаружении трупа с признаками насильственной смерти; дорожно-транспортных происшествий, повлекших гибель людей или причинение крупного материального ущерба. В этих случаях судебная экспертиза зачастую помогает следователю в решении вопроса о своевременном возбуждении уголовного дела и в корректировке правовой оценки расследуемого события.

Определение времени и последовательности назначения судебных экспертиз в каждом конкретном расследуемом деле должен быть тактически обоснован. Экспертиза должна назначаться своевременно, если возникли вопросы, для разрешения которых требуются специальные знания и собраны необходимые и достаточные материалы для ее производства. Несвоевременное назначение судебной экспертизы может повлечь за собой порчу, искажение и уничтожение отдельных объектов экспертного исследования и неоправданному затягиванию сроков производства по делу.

При выборе тактики назначения судебной экспертизы важное значение имеет ситуационный подход, который включает использование специальных знаний эксперта в направлении достижения ситуации информационной определенности. Такой подход предполагает целесообразность проведения конкретной экспертизы (комплекса экспертиз), определяет последовательность назначения экспертиз (в том числе по одному объекту) в зависимости от ситуации (обстановки, совокупности условий), сложившейся на данный момент производства по делу. Такие ситуации, по нашему мнению, могут называться следственно-экспертными и использоваться следователем для принятия вариативных тактических решений по расследуемому уголовно-

---

[1] В 2016 г. по сравнению с 2015 г. общий экспертный объем составил на 5.4% больше. – См.: Основные итоги деятельности федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Минюста России за 2016 год. // Статистический сборник Министерства юстиции Российской Федерации. – М., 2017.

[2] При упоминании в настоящей статье следователя мы также подразумеваем и дознавателя.

му делу (например, при создании базы выдвигаемых и проверяемых версий).

Тактика назначения экспертизы в досудебном производстве по уголовному делу в качестве важного элемента включает деловое взаимодействие между следователем, назначившим экспертизу и экспертом (комиссией экспертов) с момента подготовки к ее назначению и до начала оценки заключения экспертизы. Тактически обоснованное построение такого взаимодействие влияет на объективность экспертного исследования, доказательственную ценность заключения и т.п. Полагаем, что взаимодействие следователя с экспертом должно содержать организационные, психологические, нравственные и морально-этические аспекты.

Особое значение взаимодействие следователя с экспертом (экспертами) приобретает в случаях, когда преступление расследуется следственно-оперативной группой. Эксперт, будучи включенным в состав такой группы имеет возможность принять участие в осмотре места происшествия в обстановке, наиболее близкой к моменту времени совершения преступления. Назначаемая в дальнейшем судебная экспертиза (экспертизы) может являться важной составляющей тактического комплекса в виде тактической операции, проводимой по единому плану следователя. В этой связи, актуальной следует считать научную разработку типичных тактических операций, которые осуществляются на отдельных этапах предварительного расследования тех или иных видов (групп) преступлений и обязательно включают назначение судебных экспертиз.

Эксперт может оказать содействие следователю в установлении отдельных элементов криминалистической характеристики (криминалистически значимых признаков) расследуемого преступления, в том числе в результате его участия при производстве осмотра места происшествия, следственного эксперимента и иных следственных действий. Представляется, что предвидение возможности назначения той или иной экспертизы во многом обуславливается знанием криминалистической характеристики расследуемого преступления (особенно способа совершения преступления, преступных орудий и средств, следов преступления и т.д.).

В следственной практике зачастую возникают проблемы при ознакомлении участников уголовного судопроизводства с постановлением следователя о назначении экспертизы. Следователи иногда протокол об ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы выше указанных лиц составляют задним числом, в том числе уже после производства экспертизы одновременно с предъявлением заключения эксперта, что может повлечь впоследствии признание судом заключения эксперта как недопустимого доказательства.

Как подчеркивается в Определении Конституционного Суда РФ от 24.09.2012. ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы «должно быть осуществлено до начала производства экспертизы; в противном случае названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с назначением экспертизы и вытекающие из конституционных принципов состязательности и равноправия сторон права, закрепленные статьей 198 УПК Российской Федерации».[1] Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, данная лакуна может быть устранена посредством внесения в виде дополнения к ч. 3 ст. 195 УПК РФ указания на необходимость ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы участников уголовного процесса до начала ее производства[2].

При назначении и производстве судебной экспертизы уголовно-процессуальным законодательством гарантированы права подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, представителя. Так, в соответствии с ч.2 ст. 159 УПК подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в производстве судебной экспертизы, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела. Однако, иногда правоприменительная практика складывается противоположным образом. В такой ситуации следует рекомендовать защитнику обратиться с адвокатским запросом к специалисту для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Специалист в заключении, представленном в письменном виде, разъясняет свое мнение по поставленным перед ним вопросам в виде суждения (в соответствии с п.3` ч.2 ст.74 УПК заключение специалиста допускается в качестве доказательств по уголовному делу).

В настоящее время отдельными учеными обсуждается вопрос о возможности предоставления стороне защиты права назначения судебной экспертизы и использования полученного заключения в качестве доказательства по уголовному делу (в том числе, в целях опровержения полученного стороной обвинения заключения официально назначенного эксперта).[3] Предлагаемое, на наш взгляд, согласовывается с обеспечением всестороннего, полного и объективного следствия, а также с установлением состязательной истины по уголовному делу. В пользу этого указывает Европейский Суд по правам человека, который в Постановлении от 27 марта 2014 г. «Дело Матыцина против Российской Федерации установил нарушения российскими судами п.1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в частности «о равенстве прав стороны обвинения и стороны защиты в получении экспертных заключений».[4]

Список источников: 1. Основные итоги деятельности федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Минюста России за 2016 год. // Статистический сборник Министерства юстиции Российской Федерации. – М., 2017; 2. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012. № 1620- О // СПС "КонсультантПлюс"; 3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. №28 "О судебной экспертизе по уголовным делам" // Российская газета №296

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012. № 1620- О // СПС "КонсультантПлюс".

[2] Согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ "О судебной экспертизе по уголовным делам" от 21 декабря 2010 г. № 28, в том случае, "если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы, оно должно быть ознакомлено с постановлением следователя одновременно с признанием его таковым, о чем составляется соответствующий протокол" // ИПП "Гарант".

[3] См.: Самутичева Е.Ю. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование): автореф. дисс. канд. юрид. наук. – М, 2016.

[4] См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 марта 2014 г. "Дело Матыцина против Российской Федерации" (жалоба № 58428/10) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека.2014.№ 4 (04).

от 30.12.2010 г.; 4. Самутичева Е.Ю. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование): автореф. дисс. канд. юрид. наук. – М, 2016.; 5. См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 марта 2014 г. "Дело Матыцина против Российской Федерации" (жалоба № 58428/10) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека.2014.№ 4 (04).

УДК 343.98

Mishin A.V.Peculiarities of tactics of appointment of forensic expertise in pre-trial proceedings in a criminal case

Tactic-organizational aspects of examination appointment at pretrial procedure in criminal matters are reviewed in the article. The author substantiates a proposal on brining changes and additions into Criminal-procedure Code and into a draft of Federal Law "About trial examination action in Russian Federation".

Key words: *Investigator, forensic expertise, expert, defender, legislation.*

Можаева И. П.

Академия управления МВД России
доктор юридических наук
(Москва, Россия)

НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И Г. СЕВАСТОПОЛЬ

В статье рассматриваются направления оптимизации деятельности по нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь такие как: оптимизация механизма правового регулирования; организация взаимодействия в рамках нейтрализации угроз безопасности; организация международного сотрудничества; оптимизация профилактической деятельности в рамках нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь.

Ключевые слова: *оптимизации деятельности, оптимизации деятельности по нейтрализации угроз безопасности.*

Оптимизация деятельности по нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь должна основываться на инновационном междисциплинарном подходе и согласованной деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, правоохранительных органов и институтов гражданского общества. В этой связи необходимо сосредоточить усилия на следующих направлениях.

1. Оптимизация механизма правового регулирования нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь.

Несовершенство механизма правового регулирования нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь обнаруживает глобальные проблемы. В частности, принимая во внимание политические, экономические, социальные, этические и другие сложности, возникшие в отношениях Республики Крым с соседними государствами, с Украиной, необходимо формирование и совершенствование законодательных механизмов, способствующих проведению мероприятий по нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь.

Меры, направленные на оптимизацию механизма правового регулирования нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь:

- проведение анализа законодательства в области нейтрализации угроз безопасности на территории Крымского федерального округа, на предмет недостатков правового регулирования деятельности органов государственной власти по профилактике угроз безопасности с учетом положений национального и международного законодательств в сфере обеспечения безопасности;
- осуществление мониторинга практики применения федерального и регионального законодательства в Республике Крым и г. Севастополь;
- формирование юридических механизмов, способствующих эффективной реализации мероприятий нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь;
- разработка долгосрочной программы нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь, направленной на согласованное взаимодействие органов государственной власти, органов местного самоуправления, правоохранительных органов и институтов гражданского общества в рамках нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь;
- совершенствование организационно-правовых механизмов осуществления оперативно-розыскной деятельности и ее координации; оформления и направления международных следственных поручений; экстрадиции лиц, совершивших преступления на территории государств – участников СНГ и других государств;
- совершенствование организационно-правовых механизмов взаимного признания юридической силы процессуальных документов, составленных на территории государств – участников СНГ и других государств, а также судебных решений.

2. Информационное обеспечение нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь.

Основой этого направления оптимизации может стать эффективная государственная информационная политика – деятельность системы органов государственной власти и управления по защите национальных интересов и обеспечению информационной безопасности личности, общества и государства в информационной сфере. Информационное обеспечение нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь должно включать в себя информационные ресурсы органов государственной власти и органов местного самоуправления, системы распределенных ситуационных центров и государственных научных организаций.

На сегодняшний день важной задачей является создание единого информационного пространства обеспечивающего нейтрализацию угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь на национальном и международном уровнях. Основой интеграции и взаимодействия в рамках этого пространства должна стать единая защищенная телекоммуникационная инфраструктура, организованная путем объединения информационных возможностей сетей связи и передачи данных, унификации используемых при их построении средств, определения стандартов информационного электронного обмена.

Меры, направленные на оптимизацию информационного обеспечения нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь:

- формирование и развитие единого защищенного информационного пространства, обеспечивающего нейтрализацию угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь, на основе действия единых принципов и общих правил для всех субъектов информационного взаимодействия при сочетании государственного регулирования и саморегулирующихся начал;

- постоянный анализ основных тенденций глобального информационного пространства, выявление новых форм воздействия с использованием информационного пространства на жизнедеятельность Республики Крым и г. Севастополь, осуществляемого заинтересованными государствами и непосредственно затрагивающих национальную безопасность России, в контексте выработки решений по противодействию использованию деструктивными силами интернет-технологий и социальных сетей;

- создание полноценной системы сбора, накопления и анализа информации об угрозах безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь;

- непрерывный обмен криминалистически значимой информацией на территории Республики Крым и г. Севастополь.

3. Организация межведомственного взаимодействия в рамках нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь.

Реализация мероприятий по нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь напрямую зависит от эффективности совместной, согласованной деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, правоохранительных органов и институтов гражданского общества.

Меры, направленные на организацию межведомственного взаимодействия в рамках нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь:

- целенаправленное, согласованное взаимодействие органов государственной власти, органов местного самоуправления, правоохранительных органов и институтов гражданского общества в рамках нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь;

- развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации;

- выработка правоохранительными органами совместной стратегии оперативного сопровождения процесса нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь;

- налаживание практики комплексного использования всего потенциала межведомственного взаимодействия между правоохранительными органами и надзорно-контрольными органами, включая выделение специалистов, дачу различных заключений, проведение совместных проверок, а также проведение совместных профилактических, учебно-консультационных и иных мероприятий;

- организация и проведение комплекса межведомственных профилактических, оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций по выявлению и пресечению каналов финансирования преступных организаций, действующих на территории Республики Крым и г. Севастополь.

4. Организация международного сотрудничества в рамках нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь.

Международное взаимодействие и сотрудничество в рассматриваемой сфере – это деятельность государств и международных организаций по определению основных направлений нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь, согласованию и координации усилий, направленных на оказание правовой помощи по уголовным делам, розыску преступников, защите населения от беззакония и произвола.

Такие факторы как нестабильность социально-политической обстановки в приграничных регионах Украины; наличие рисков в возможностях для развития международного сотрудничества, ослабление международных и внешнеэкономических связей, в том числе с приграничными регионами Украины, обуславливают дестабилизацию безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь.

Меры, направленные на организацию международного сотрудничества в сфере нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь:

- расширение и повышение эффективности международного сотрудничества российских и зарубежных правоохранительных органов в сфере нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь путем: организации непрерывного обмена оперативной информации; направления и исполнения запросов общего и конфиденциального характера; организации и проведения совместных международных межведомственных оперативно-профилактических операций; проведения совместных мероприятий по сбору доказательной базы об участии в террористической деятельности, организации розыска лиц, скрывающихся от следствия, суда или отбытия наказаний;

- осуществление мероприятий по организации взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств и международными правоохранительными организациями;

- реализация мероприятий, предусмотренных межгосударственными программами; координация программ международного сотрудничества и технического содействия со специализированными международными организациями, структурами и заинтересованными государствами.

5. Организация профилактической деятельности по нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь.

Профилактическая деятельность в рамках нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь реализуется путем осуществления комплекса мероприятий профилактического характера, включающего выявление причин и условий возникновения угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь, а также проведение

совместных профилактических, оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций.

Меры, направленные на организацию профилактической деятельности по нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь:

- определение уровня угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь; осуществление прогнозирования развития оперативной обстановки в сфере нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь на национальном и международном уровнях; определение уровня защищенности от угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь, осуществление взаимодействия в этих целях с уполномоченными органами государственной власти и представление соответствующих предложений по повышению этого уровня;
- создание системы мониторинга потенциальных конфликтов на территории Республики Крым и г. Севастополь с участием всех уровней управления и использованием всех средств информации путем организации в структуре федеральных органов исполнительной власти мониторинговых группы, осуществляющих анализ угроз безопасности по направлениям деятельности органов исполнительной власти;
- нейтрализация деструктивной деятельности на территории Республики Крым иностранных неправительственных организаций и международных организаций, способствующей возникновению очагов напряженности на межэтнической и межконфессиональной основе на территории Республики Крым и г. Севастополь;
- использование потенциала общественных организаций и традиционных конфессий для распространения идей единства, исторической общности и добрососедства среди народов Республики Крым, а также культуры межнационального общения и патриотизма;
- использование возможностей средств массовой информации в процессе организации профилактической деятельности в рамках нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь;
- стабилизация оперативной обстановки на территории Республики Крым и г. Севастополь путем проведения профилактических мероприятий, направленных на выявление каналов незаконной миграции, незаконного оборота оружия, наркотических средств и психотропных веществ.

УДК 343.98

Mozhaeva I. P. **The directions of optimization of activities to neutralize security threats in the territory of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol**

The article examines the directions of optimization of activities to neutralize security threats in the territory of the Republic of Crimea and Sevastopol, such as: optimization of the mechanism of legal regulation; Organization of interaction within the framework of neutralizing security threats; Organization of international cooperation; Optimization of preventive activities within the framework of neutralizing threats to security in the territory of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol.

Keywords: *optimization of activities, optimization of activities to neutralize security threats.*

Муратов К. Д.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Крымский филиал кандидат юридических наук (Симферополь, Россия)

АРЕСТ ВЕЩЕСТВЕННЫХ КРИМИНАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В данной статье автор обращает внимание на проблемы законодательного регулирования ареста на предметы и документы, которые признаны вещественными доказательствами по уголовному делу. В УПК РФ в системе иных мер принуждения существует арест имущества, но меры принуждения в виде ареста вещественных доказательств отсутствует. Однако, как один из вариантов хранения вещественных доказательств, в частности, в виде денег, ценностей и имущества закон устанавливает процедуру ареста, аналогичную иной мере принуждения - арест имущества. Критерий - доход от совершенного преступления. Логично ли это, если учитывать, что существует множество других видов другие виды вещественных доказательств? Законные собственники и физические и юридические лица не имеют четких процессуальных гарантий защиты их прав. Автор осуществил сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства других стран по данному вопросу и предложил направления по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: *виды вещественных доказательств, законный владелец, межотраслевые связи, арест денег, арест вещественных доказательств, законодательная перспектива*

Современное уголовное судопроизводство России и зарубежное уголовно-процессуальное законодательство достаточно подробно регламентирует виды предметов и документов, которые могут стать вещественными доказательствами по уголовному делу.

Актуальность определения правовых последствий признания предметов вещественными доказательствами наиболее четко показано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июля 2008 г. №9-П: судьба имущества, изъятого по уголовному делу и являющимся вещественным доказательством по делу, должна быть решена судом, а не следователем или дознавателям, так как это позволяет лишить собственника или законного владельца его имущества без судебного решения[1]. Отечественное и зарубежное уголовно-процессуальное законодательство определяет основания признания предметы и документы вещественными доказательствами. Кроме того, в обязательном порядке правовому регулированию подвергается порядок хранения вещественных доказательств. Арест вещественных доказательств не так четко определен законодательством, хотя основания и правовые последствия ареста имущества как меры принуждения предложен практических в каждом уголовно-процессуальном законе. Поэтому прежде чем перечислить процедуры хранения вещественных доказательств и определить их судьбу, законодатель формулирует их смыл и классифицирует в определенные группы: а) служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления; б) сохранили на себе следу преступления; б) на них были направлены преступные действия; г)деньги, ценности и иное имущество, полученное в

результате совершения преступления; могут служить средствами обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

В Модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств-участников СНГ (МУПК) [2] сформулировано понятия вещественных доказательств (ст.150 МУПК), порядок их хранения (ст.151 МУПК), обеспечение сохранности предметов при производстве по уголовному делу (ст.152 МУПК), последствия порчи, уничтожения или утраты предметов (ст.155МУПК). Аналогичные процедуры прописаны и в ряде уголовно-процессуальных законах государств-участников Содружества Независимых Государств (СНГ). Так, в УПК Азербайджанской Республики доказательственное значение вещи принимается судом в том случае, если: а) немедленно по получении вещи путем ее всестороннего описания, опечатывания устранена возможность существенного изменения признаков и особенностей имеющихся на ней следов, б) подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или свидетель опознал ее до исследования непосредственно в суде [3].

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения придание статуса вещественным доказательствам предметам и документам традиционно, но к ним и отнесены предметы, способствующие опровержению обвинения или смягчению ответственности (ч.1 ст.115). Наложение ареста на имущество регламентируется в глава 32: постановление следователя (органа дознания), прокурора с указанием имущества, его стоимости (ст.233,234), привлечение специалиста-товароведа (ч.3 ст.235), служба по обеспечению принудительного исполнения судебных актов осуществляет наложение ареста на имущество по постановлению суда, вынесенному по окончанию предварительного расследования (ч.2 ст.235) [4].

УПК Республики Беларусь в перечне традиционных оснований признания вещественных доказательств формулирует также и средства по обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств уголовного дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности обвиняемого (ст.96). Необходимо отметить, что в данном законе при определении традиционной судьбы вещественных доказательств (уничтожение, выдача, возвращение) предусматривает конфискацию. Кроме того, изъятые вещественные доказательства могут также обращаться на возмещение вреда от преступлений потерпевшему или иному лицу (ст.98). Предусмотрено также наложение ареста на имущество (ч.1, ч.2 ст.1321)[5].

В Уголовно-процессуальном кодеке Республики Молдова №122 от 14.03.2003г[6].правовое регулирование предметов как вещественных доказательств осуществляется в гл.9 «Материальные средства доказывания», споры о которых разрешаются в порядке гражданского производства (ст.159). Кроме традиционных оснований сущности вещественных доказательств , предусмотрено их применение как средство идентификации виновных лиц (ч.1 ст.158). Наложение ареста на имущество с санкции судьи применяется только в том случае, если собранные доказательства позволяют обоснованно полагать, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый или другие лица, могут его спрятать, повредить, растратить (ч.1 ст.203). Цель наложения ареста на имущество – обеспечение возмещения ущерба, возможной конфискации имущества (ч.2 ст.203). Арестованное имущество, как правило, изымается, за исключением недвижимости и громоздких предметов (ч.1 ст.208).

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, утвержденный Законом РУЗот 22.09.1994 г.№2013-X11, введен в действие с 01.04.1995г[7], предусматривает следующие правовые последствия изъятия предметов и документов: имущество потерпевшего или юридического лица, утраченного в результате преступления или признанное вещественным доказательством, подлежит возвращению по принадлежности (ч.1 ст.287). Реквизиция и конфискация имущества потерпевшего или других лиц осуществляется тогда, когда вещественным доказательством признано имущество, которое не может находиться в частной собственности. При условии, что оно в зависимости от правомерности или неправомерности его приобретения, реквизируется либо конфискуется судом (возмездно или безвозмездно) и передается государственному органу или юридическому лицу, правомочному владеть, пользоваться и распоряжаться таким имуществом (ст.289).

Уголовно-процессуальный кодекс Туркменской Республики, утвержденный Президентом и введенный в действие с 01.07.2009г, а также Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 4 июля 2014 года № 231-Vопредусматривают аналогичные процедуры правового регулирования вещественных доказательств и наложения ареста на имущества [8].

Криминальный процессуальный кодекс Украины 2012 [9] предусматривает также некоторые особенности в правовом регулировании судьбы вещественных доказательств: вещественные доказательства как можно быстрее должны быть возвращены владельцу, кроме случаев, прямо указанных в законе(ч.1 ст.100). Кроме того, правовое регулирование обеспечивает процессуальную процедуру, касающуюся вещественных доказательств - временный доступ к вещам и документам (гл.15), в которой определяются общие положения (ст.159), ходатайство (ст.160), вещи и документы, к которым запрещен доступ (ст.161), вещи и документы, которые содержат охраняемую законом тайну (ст.162), процедуру рассмотрения следственным судьей или судом ходатайства (ст.163), содержание постановления (ст.164), процедуру выполнения следственного судьи или суда о временном доступе к вещам и документам (ст.165), а также же перечислены правовые последствия следственного судьи, суда о временном доступе к вещам и документам (ст.166). В КПК Украины существует и процедура временного исключения имущества (гл.16), которая предусматривает правовое регулирование оснований (ст.167), порядка (ст.168) и прекращения временного исключения имущества (ст.169). Отдельно регламентируется арест имущества (гл.17): основания (ст.170), ходатайство (ст. 171) и процедура рассмотрения (ст.172), решение вопроса об аресте имущества(ст.173) и его отмены ст.174), в также выполнение постановление об аресте имущества (ст.175).

Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09.10.2009. №1772[10]предусматривает должность судьи-магистра, который может принять решение о судьбе вещественных доказательств до окончания уголовного процесса (ст.80), а также судьба вещественных

доказательств может решиться по окончании уголовного процесса (ст.81).

Таким образом, можно сделать следующие выводы после сравнительно-правового анализа уголовно-процессуального законодательства ряда зарубежных стран. Первое: определяется сущность и судьба вещественных доказательств: понятие, хранение, возвращение. Второе: определена судьба имущества, добытым преступным путем, признанное вещественным доказательством: возвращение потерпевшему, юридическому лицу; конфискация; обращение в доход государства. Третье: предусмотрен арест имущества, определены права третьих лиц на арестованное имущество, возможность компенсационных выплат потерпевшим.

В УПК РФ 2011года в последние годы правовое регулирование вещественных доказательств, порядка признания таковыми и хранения вещественных доказательств совершенствуется. Достаточно сказать, что ст.81 УПК РФ «Вещественные доказательства» изменялась четыре раза и последним был Федеральный закон от 31.12.14г. № 530. 3 июля 2016года в УПКРФ была введена новая статья 81.1. «Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики». Кроме того, необходимо отметить, что ст.82 УПК РФ «Хранение вещественных доказательств» редактировалась законодателем десять раз и последнее изменение было 31.12.14.г. (Федеральный закон №494 от 31.12.2014.). Наложение ареста на имущество как иная меры принуждения (ст.115 УПК РФ) и как система процессуальных процедур обеспечивает и процедуры наложения ареста на вещественные доказательства (п.3.1 ч.2 ст.82 УПК РФ), что,представляется, не совсем удачно в плане четкости правового регулирования судьбы вещественных доказательств. Конституционный суд РФ неоднократно излагал свои правовые позиции о судьбе изъятого имущества, вещественных доказательств, правах собственника, законного владельца и иных лиц, чьи права и интересы затрагиваются процедурами признания предметов, документов, ценности, имущества вещественными доказательствами и их изъятием. Поэтому законодатель постоянно совершенствовал уголовно-процессуальные нормы: четыре раза редактировал ст.115 УПК РФ «Наложение ареста на имущество» (последний раз Федеральным законом от 29 июня 2015года №190-ФЗ). Этим же законом была введена новая статья – 115.1 УПК РФ «Порядок продления срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество», где правовое регулирование было осуществлено в отношении срока ареста имущества других лиц, не являющиеся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось как орудие преступления, либо иного средства совершения преступления, либо для финансирования терроризма, экстремизма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества.

Считаю возможным ввести в УПК РФ новую статью «Наложение ареста на вещественные доказательств, письменные и электронные документы» следующего содержания: «На предметы, письменные и электронные документы, признанные вещественными доказательствами, в досудебном и судебном производстве по уголовному делу может быть наложен арест в порядке ст.125 УПК РФ». Кроме того, представляется, необходимо законодательно совместить конфискацию имущества как меру уголовно-правового принуждения и с возможностью обращения в доход государства, в необходимых случаях, вещественных доказательств по уголовному делу.

Список источников: 1. Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июля 2008 г. №9-П. «По делу о проверке конституционности положений ст.82 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В.В.Костылева»: Российская газета, 1 августа 2008 г., №163/4720.2. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ. Принят на VII Пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 Рекомендательный законодательный акт// Приложение к «Информационному бюллетеню», 1996, №10 – С.15-16, 216-220.3. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской утвержденный Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г.(с изм. на 16 июня 2007 г. Закон АР №389). Республики.Отвв.за выпуск Эльдар МамедоглыЭфендиев, кандидат юридических наук. – Баку: ИЗ-ВО «Юридическая литература», 2007. – С.250-266.4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения. Принят Национальным собранием 5 мая 1998 года Официальное издание официальный перевод. - ЕРЕВАН, Министерство юстиции РА, 16.052003. – С.97-98,142-147. 21 февраля 2007г. принят Судебный Кодекс Армении, где подробно регламентируются судебные полномочия. 5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларус, принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобрен Советом Республики 30июня 1999 г.) ь/Предисловие В.И.Рохлина, А.П.Стуконова; обзорная статья А.А.Данилевича. – СПб.: Из-во «Юридический цент Пресс», 2001. – С.199-201,332-339 (602с.) 6. Источник: ИС Параграф WWWhttp:/// online.zakon.kz 7. Источник: ИС Параграф WWWhttp:///online.zakon.kz 8. Источник: ИС Параграф WWWhttp:///online.zakon.kz 9. Источник: ИС Параграф WWWhttp:///online.zakon.kz 10. Законодательный Вестник Грузии ЗВГ, 31, 03/11/2009.

УДК 343.14

Muratov K.D . Arrest of material criminal evidence: a comparative legal aspect

In this article, the author draws attention to the problems of legislative regulation of arrest on objects and documents which are evidence in a criminal case. In the CODE of CRIMINAL PROCEDURE in the system other coercive measures there is a seizure, but coercive measures as arrest evidence is missing. However, as one of the options for storing material evidence, in particular in the form of money, goods and property law establishes the procedure for arrest, similar to some extent enforcing seizure. The criterion of income from crime. Whether it is logical, given that there are many other kinds of other types of physical evidence? Legitimate proprietors and natural and legal persons have no clear procedural safeguards for the protection of their rights. The author undertook a comparative law analysis of the criminal procedure law of other countries on this issue and suggested areas for improvement of the existing.

Keywords: kinds of evidence, legal owner of interbranch relations, seizure of money, seizure of evidence, legal perspective

Муратова Н. Г.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Республики Татарстан
(Казань, Россия)

СУДЕБНАЯ МОДЕЛЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕДУР В ИССЛЕДОВАНИЯХ АВТОРА)

В статье автор исследует ряд новых перспективных направлений в правовом регулировании правоотношений в сфере уголовного судопроизводства. Межотраслевые связи уголовного процесса позволяют наиболее оптимально осуществлять защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц. Единство судебной практики, её предпосылки, тенденции и перспективы становятся предметом конституционного нормоконтроля, правовых судебных позиций. Автор показывает значение договорных отношений в уголовном судопроизводстве: мировое соглашение, добровольное возмещение вреда потерпевшим, досудебное соглашение о сотрудничестве. В этом плане необходимо совершенствовать международные судебные процедуры и международный судебный контроль при осуществлении взаимной правовой помощи по уголовным делам. Одним из перспективных направлений автор называет совершенствование практики принятия судебных решений. Необходимая совокупность юридических правил, приемов, способов, терминов и понятий позволяет правильно и точно выразить смысл судебного решения, юридическую судебную мысль, принять справедливое судебное решение, что будет говорить о владении правоприменителем юридической техникой.

Ключевые слова: *защита прав, межотраслевые связи, мировое соглашение, судебный контроль, судебное решение, юридическая судебная мысль.*

Первый тезис.[1] Современное состояние судебной защиты в уголовном судопроизводстве предполагают выяснение критериев унифицированных судебных процедур с целью формирования основы единства судебной практики. Это необходимо по рядку причин: во-первых, для того, чтобы создать оптимальные судебные процедуры, обеспечивающие в разумные сроки разрешение правовых споров по смежным правоотношениям, во-вторых, исследование межотраслевых связей в сфере уголовного судопроизводства, во многом, обеспечить возможность применения прецедентного права [2]. Занимаясь данной проблематикой в различных своих публикациях были предложены различные законодательные модели. Так, предлагается внести в УПК РФ самостоятельную часть седьмую - «Особенности судопроизводства по материалам, связанным с уголовным судопроизводствам», содержанием которой могут стать пять разделов: раздел XX «Производство при осуществлении оперативно-розыскной деятельности», раздел XX1 «Производство проверки при применения мер принуждения психиатрического характера в соответствии с Законом Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», раздел XXП «Судебная реабилитация жертв уголовной юстиции», раздел XXШ «Производство по делам лиц, не достигших возраста уголовной ответственности», раздел XX1У «Производство по материалам о применении к военнослужащим дисциплинарного ареста». Кроме того, представляется, необходимо формулировать предложения по созданию проекта Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике вынесения судебных решений, связанных с уголовным судопроизводством» [3]. Поскольку проблема взаимосвязи судопроизводств исторически является традиционной в концептуальных основах уголовного судопроизводства, то необходимо провести мониторинговые исследования и обосновать принятие Федерального закона «Основы судебного права», где были бы рассмотрены все вопросы взаимосвязи всех видов судопроизводств, принципиальные начала правосудия и судебного контроля, а также определена система всех судебных решений и механизм их исполнения [4]. Например, Республики Армения 21.022007г. принят Судебный кодекс Республики Армения, где унифицированы все судебные процедуры наряду и система судебных органов. Кроме того, наряду с известными традиционными принципами судопроизводств существует и принцип эффективного осуществления правосудия (ст.16), в содержание которого включена необходимость соблюдения разумных сроков подготовки к судебному разбирательству, соблюдение ускоренных процедур, а судебное разбирательство, как правило, должно заканчиваться в течение одного судебного заседания. Интересен, текст Книги первой УПК Франции 1958г.- «Об осуществлении уголовного иска и о расследовании», где подробно сформулированы полномочия компетентных органов, процессуальные процедуры и условиях их производства, а также последствия несоблюдения процессуальных правил (раздел X «О недействительности следственных действий»)[5].

Второй тезис. Следующим предложение по совершенствованию судебных процедур, можно было бы назвать - совершенствование договорных отношений в уголовном судопроизводстве., и в частности, исследовать проблемы уголовно-процессуального договора[6]. Современные тенденции правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений выявили эффективность договорных (конвенциальных) начал в уголовном процессе: мировое соглашение, согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинение («сделка с правосудием»), досудебное соглашение о сотрудничестве, публичное обещание вознаграждения за информацию о преступлении, добровольное возмещение вреда потерпевшему). Поэтому проблема уголовно-процессуального договора имеет реальные законодательные перспективы при применении его в качестве основания для производства судебных процедур. Бесспорно, что гражданский процесс более оптимистичен в плане формулирования концепции процессуального договора, поэтому законодательная модель уголовно-процессуального договора должна основываться на оптимальных процессуальных решениях с момента начала уголовного судопроизводства: возможности отождествления гражданско-правовых отношений или уголовно-правовых при решении вопроса об уголовном преследовании, значении добровольного возмещении вреда потерпевшему (компенсационный договор), возможности примиренческих судебных процедур и обосновании процессуальных решений

Третий тезис. Современные тексты судебных решений в соответствии с действующей системой норм, обеспечивающих доступ к информационной деятельности судов, являются предметов пристального внимания как ученых, так и практиков, а также любого гражданина и юридического лица. Язык и стиль судебных реше-

ний и в досудебном производстве по уголовному делу (промежуточные), так и в судебном производстве (итоговые), должны отражать исторически сложившиеся, философско-нравственные традиции письменной речи в судопроизводстве. Представляется, что назрела необходимость продолжить совершенствовать юридическую технику правоприменителя и выработать концептуальный подход к совокупности юридических правил, приемов, способов, терминов и понятий, позволяющих правильно и точно выразить судебное усмотрение и смысл судебного решения [7]. Здесь необходимо проанализировать всю систему процессуальных решений: и сторон и суда. Закон разъяснил содержание принципа законности и связал его с необходимостью обосновывать и мотивировать процессуальные решение (ч.4 ст.7 УПК РФ). Поэтому необходима процессуальная модель этого процесса: процессуальные правила составления текстов судебных актов, определение содержания каждого вида судебных решений, формулирование запретов на применение юридических шаблонов письменной речи, которые могут превратить судебные решения в однообразные равнодушные к судьбе участников правоотношений тексты. Еще профессор И.Я.Фонницкий в конце Х1Х века писал, говоря о значении письменного материала и письменности (бумажности) процесса, что для сторон и для всего общества весьма важно, чтобы судебное решение «оставляло по себе прочные следы, делающие его бесспорным»[8].Но предостерегал, что письменность как способ производства представляет огромные недостатки при разбирательстве дела по существу, где письменность ставит суд, постановляющий решение, в зависимость от составителя актов.[9] Современный профессор Н.А.Колоколов говорит о том, что «порой принятое судом решение является безусловно законным, внешне выглядит идеально обоснованным, но это еще не вовсе не означает, что обществом оно воспринимается как исчерпывающее, оптимальное, справедливое»[10].

Четвертый тезис. Актуальным в современной, быстроменяющейся правоприменительной практике являются, как представляется, международные судебные процедуры и международный судебный контроль в отечественном законодательстве при осуществлении взаимной правовой помощи по уголовным делам. [11] Конституционный нормоконтроль за возможностью исполнения (неисполнения) решений Европейского суда по права человека влечет и необходимость совершенствование судебных процедур за законностью применения процессуальных норм законодательства иностранного государства при исполнении запроса о правовой помощи в Российской Федерации (ч.3 ст.457УПК РФ). Судебные процедура осуществления судебного контроля за производством отдельных процессуальных действий за пределами территории Российской Федерации в случаях, предусмотренных ст.12 УК РФ (ч.2 ст.2 УПК РФ и ч.1.1. ст.3 УК РФ) должны быть сформулированы и точно определены отечественным уголовно-процессуальным законодательством и синхронизированы в соответствии с международными договорами. Поддерживая многих авторов и теоретиков и практиков о создании единого правового пространства и в масштабах России и Европы, хочется продолжить разговор том , что назрела необходимость создания единого судебного органа государств СНГ – Международного уголовного суда - государств-участников СНГ[12]. Аргументы. Ранее субъекты права могли обратиться в Верховный Суд СССР, который был тем судебным органов, который анализировал многоаспектные проблемы правоприменения, обобщал судебную практику и вырабатывал общую концептуальную основу судебной деятельности . Широкая сеть надзорных инстанций в СССР позволяла гражданам, вовлеченным в сферу уголовной юстиции, надеяться на возможность исправления судебных ошибок на последующих вышестоящих этапах судебной деятельности. Таким образом, идея создания единой судебной инстанции для всех государств-участников СНГ, представляется, давно назрела и её необходимо сформулировать – создать суд, который мог бы, прежде всего, обобщить судебную практику всех государств-участников СНГ, рассмотреть ряд спорных вопросов применения общепризнанных принципов и норм международного права, разрешать правовые споры о нарушении прав человека в государствах-участников СНГ, осуществлять судебный контроль за применением экстрадиции в государств-участников СНГ, а также координировать международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. Таким судебным органов может стать Международный уголовный Суд государств-участников СНГ.

Пятый тезис. Современные правоотношения субъектов права должны быть прозрачными, четко урегулированными, с тем, чтобы избежать правоприменительных ошибок. Поэтому представляется, что необходимы судебные процедуры установления судебных и следственных ошибок и их правовые последствия. Исключает ли законодательная модель формулирования оснований для отмены или изменения судебного решения вероятность правовой ошибки?[13] Неоднократно в дискуссиях слышно о необоснованном субъективизме при принятии процессуальных решений, о социальной несправедливости уголовного процесса, его постоянном законодательном совершенствовании. При кажущейся простоте восприятия и смысла и значения слова «ошибка», законодательное регулирование этой проблемы носит завуалированный характер (запрет на ухудшение положение обвиняемого при изменении квалификации деяния в суде, возможность обжалования приговора, формулирование оснований отмены или изменения приговора или иного судебного решения и т.п.) [14]

Выводы: судебная модель уголовно-процессуального законодательства: во-первых, должна содержать единые, а также дифференцированные судебные процедуры, во-вторых, должна быть оптимальной в плане правового регулирования межотраслевых связей, в-третьих, должна создать предпосылки для единства судебной практики, в-четвертых, должна содержать перечень всех видов судебных решений и их правовых последствий.

Список источников: 1. Тезисы были подготовлены для участия в научно-практической конференции «Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России: основные проблемы применения и направления совершенствования» в Верховном Суде Российской Федерации 02.03.2017. (не опубликованы); 2. Муратова Н.Г. Единство судебной практики: предпосылки и тенденции// – Уголовное судопроизводство. Федеральный журнал, 2010, №3 – С.18-22; 3. Более подробно о направлениях совершенствования практики применения судебных процедур см. Муратова Н.Г., Подольский М.А. Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу: (понятие, виды, содержание, механизмы принятия): Казань ООО АКП им. Е.Сурьянинова Аделаида 2007. – С. 33; Мурадьян Э.М.

Судебное право – СПб.: Из-во «Юридический центр Пресс» - 2007. – С.544-555. Гуськова А.П., Муратова Н.Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства: монография. – М.: ИГ «Юрист», 2005. – С.110-112. Гамбарян Артур Судебный кодекс Республики Армения как форма кодификации судебного законодательства//Актуальные проблемы правоведения - сб. науч. ст. Ереван. изд. ЕГУ. 2007, ст. 11; 4. Муратова Н.Г., Гуськова А.П. Взаимосвязь судопроизводств: формирование правовых идей о судебном праве в X1X-XXвеках//Судебное правоприменение: проблемы теории и практики/Ред.В.М.Сырых. – М.:РАП, 2007. – С.325-335; 5. Муратова Н.Г., Подольский М.А. Зарубежный опыт принятия судебных решений при осуществлении судебного контроля за законностью расследования уголовных дел//Судья, 2007,№5 – С.48-52; 6. Муратова Н.Г. Процессуальный договор в механизме обеспечения прав личности в стадии возбуждения уголовного дела// Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (Продолжение Концепции О.А.Зайцева). Материалы Международной научно-практической конференции 3 июня 2011г. Московская академия экономики и права – Москва: МАЭП, 2011г. С.335-350; 7. Муратова Н.Г. Обоснованность судебных решений об избрании меры пресечения//судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста :Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. 25-26 ноября 2010г. - Нижний Новгород, НКИ, 2010г. – С.199-211; 8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – Санкт-Петербург: из-во «АЛЬФА», 1996г, (печатается по третьему изданию, С-пб, 1910) – С.82; 9. Фойницкий И.Ф. Курс уголовного судопроизводства. – Санкт-Петербург: из-во «АЛЬФА», 1996г, (печатается по третьему изданию, С-пб, 1910 С.85; 10. Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. - М.: Юрист, 2010г. – С.248; 11. Муратова Н.Г. Международный судебный контроль в уголовной юстиции: проблемы законодательного регулирования и совершенствования практики//Правосудие в Татарстане, 2006,№3(28) – С.17-21; 12. Муратова Н.Г. Правовое значение создания единого судебного пространства государствами-участниками СНГ//Муратова Н.Г., Муратова Н.Д./Постсоветская государственность: проблемы интеграции и дезинтеграции: Материалы У1 международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 15 апреля 2006г. Ч.1.- с.130-134; 13. Муратова Н.Г. Правовые ошибки в уголовной юстиции// Федеральный журнал Судейского сообщества – «Судья», Москва, 2007г., №7(31), с.55-58; 14. Муратова Н.Г. Правовые ошибки в уголовной юстиции: продолжение дискуссии//Диалектика современных инновационных механизмов по разрешению правовых конфликтов: материалы международной научно-практической конференции// под ред. А. П. Гуськовой –Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011 – С.142-148.

УДК 343.11

Muratova N. G. Judicial model of the criminal procedure code of the Russian Federation (improvement of judicial procedures in the author's research)

In the article, the author explores a number of promising new directions in the regulation of legal relations in criminal proceedings. Inter-industry linkages of the criminal process, allow the best to protect the rights and legitimate interests of individuals and legal entities. Unity of jurisprudence, its prerequisites, trends and prospects are subject to constitutional standards, legal judicial positions. The author shows the value of the contractual relationship in criminal justice: settlement agreement, voluntary reparation to victims, pre-trial agreement on cooperation. In this regard, it is necessary to improve international judicial procedures and international judicial supervision in implementing the mutual legal assistance in criminal matters. One of the promising author calls improved judicial decisions. The required set of legal rules, techniques, methods, terms and concepts enables rights .

Keywords. *Protection of the rights of interbranch relations, settlement agreement, judicial supervision, judicial decision, the legal judicial idea*

Мухин Г. Н.

Белорусский государственный экономический университет
доктор юридических наук, профессор
(Минск, Республика Беларусь)

Исютин-Федотков Д. В.

Адвокатское бюро г. Москвы «Асташкевич и партнеры»
кандидат юридических наук, доцент
(Москва, Россия)

О ТРЕБОВАНИЯХ К ЧАСТНЫМ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМ ТЕОРИЯМ

В работе идет речь об основных требованиях к частным криминалистическим теориям. Авторы полагают, что построение частной криминалистической теории начинается с определения совокупности фактов объективной действительности, требующих своего осмысливания, анализа и научного описания. Рассматривается соотношение общей и частных криминалистических теорий. Предлагается определение понятия «частная криминалистическая теория». Выделяются этапы в процессе построения частной криминалистической теории. Рассматриваются вопросы тенденций и перспектив развития частных криминалистических теорий.

Ключевые слова*: частная криминалистическая теория, гипотеза, общая теория криминалистики, закономерности, тенденции развития.*

1. Основные понятия, относящиеся к системе частных криминалистических теорий, носят дискуссионный характер и требуют своего решения. Отсутствует доступное научное определение понятия, сущности и содержания частной криминалистической теории. Дискуссионными и мало разработанными остаются вопросы периодизации этапов построения частной криминалистической теории, определения критериев оценки той или иной совокупности научных знаний как частной криминалистической теории и некоторые иные. Необходимость в систематизации научных достижений и установлении возможных путей решения названных проблем и привела к решению написать эту работу.

2. Оценка совокупности научных знаний как частной криминалистической теории неразрывно связана с конкретизацией этапов ее построения. Построение частной криминалистической теории начинается с определения совокупности фактов объективной действительности, требующих своего осмысливания, анализа и научного описания. Этот процесс должен вести к тому, что совокупности объективно взаимосвязанных и изученных фактов становятся базой для построения *гипотез*. Сами же гипотезы, как отмечается в научной литературе, отличаются от самой частной теории лишь степенью подтвержденности фактами [2, С. 136].

Гипотеза требует эмпирической проверки, т.е. проверки на практике, и теоретического обоснования. Это следует и из классического определения понятия гипотезы как научного предположения, выдвигаемого для обоснования какого-либо явления и требующего проверки на опыте и теоретического обоснования для того, чтобы стать достоверной научной теорией [4, С. 134]. Из этого следует и важнейший для рассматриваемой проблемы вывод о том, что возникновение и становление самостоятельной отрасли научного знания во многом зависит от достоверности и объема собранного научного эмпирического материала.

Изучение современных научных исследований, в т.ч. и диссертационных работ по проблемам криминалистики, показывает определенное пренебрежение к самому процессу сбора эмпирического материала, преобладание оторванных от нужд практики, а зачастую и просто надуманных, теоретических построений, наличие ничем не обоснованных, а иногда и деструктивных предложений по изменению действующего законодательства. Напрашивается вывод о необходимости развернутого описания в таких работах использованных научных методов, процесса изучения уголовных дел, *рабочей гипотезы*.

3. Отдельного рассмотрения заслуживает и вопрос о соотношении общей и частных криминалистических теорий. Вывод о том, что содержание общей теории криминалистики составляет система частных криминалистических теорий, не должен пониматься однозначно и требует дополнительных пояснений. Представляется, что общая теория никак не может сводиться к простой сумме частных, пусть даже и обладающих различной степенью общности теорий, а является теоретически построением совершенно иного, более высокого уровня. Развитие науки предполагает появление новых частных криминалистических теорий. Частная криминалистическая теория является совокупностью идей, теоретических положений, концепций и представлений об отдельных сторонах предмета криминалистики, относящихся к строго определенным явлениям объективной действительности, связанных с закономерностями, изучаемыми криминалистикой. Новые частные теории, могут сменять существующие, могут быть их развитием, продолжением, следствием интеграции или дифференциации теоретических знаний. Новые частные теории занять свое место в системе знаний о предмете науки, и увеличивать таким образом число элементов этой системы; это происходит в тех случаях, когда новые частные теории содержат знание о ранее не изучавшихся сторонах, элементах предмета криминалистики [3, С. 278–279].

Это не должно пониматься в том смысле, что развитие системы частных криминалистических теорий ведет к пересмотру воззрений на предмет и систему криминалистки, т.е. тех научных положений, которые составляют предмет криминалистической науки и не могут изменяться в зависимости от появления отдельных теоретических построений.

4. Предметом любой науки, в том числе и криминалистики, являются определенные группы закономерностей, которые составляют сферу познания именно этой, а не какой-либо другой, отрасли знаний. Отнесение той или иной новой частной теории к системе криминалистических знаний как раз и происходит только благодаря наличию конкретных и устоявшихся представлений о ее предмете и тех закономерностях объективной действительности, которые она изучает.

Криминалистика как прикладная наука о раскрытии и расследовании преступлений изучает закономерности самого процесса совершения преступления (т.е. системы действий преступника), отражения этого процесса в окружающей среде (т.е. закономерности возникновения следовой информации), а также закономерности поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов в процессе установления преступника по его следам. Для успеха такой деятельности необходимо знать достижения естественных и технических наук, которые могут быть использованы в этом процессе, особенности преступного поведения и приемы наиболее целесообразного поведения тех, кто осуществляет эту деятельность. Иными словами, закономерный процесс возникновения криминалистики определяет ее предмет, систему, а также содержание частных криминалистических теорий, которые и служат научной основой для разработки специальных криминалистических (т.е. служащих для раскрытия преступления) методов, приемов средств и рекомендаций.

Общая теория криминалистики – это система теоретических положений, концепций, категорий, методов, определений и терминов, отражающих весь предмет криминалистики и дающих целостное представление об изучаемых ею закономерностях. Общая теория криминалистики – методологическая основа криминалистики и возникающих частных криминалистических теорий.

Частная криминалистическая теория – это система теоретических положений, концепций, категорий, методов, определений и терминов, относящихся к отдельным сторонам предметной области криминалистики, отражающих строго определенные и взаимосвязанные явления объективной действительности и служащих основой для разработки специальных криминалистических средств, приемов и рекомендаций.

Это определение основывается на результатах анализа ряда предложенных Р.С. Белкиным выводов, среди которых следует выделить следующие: в основе частной криминалистической теории лежит гипотеза; базой для построения гипотез и превращения их в частные криминалистические теории, в конечном счете, являются факты; частные криминалистические теории позволили объяснить накопленный эмпирический материал на основе установленных этими теориями закономерностей; отдельные теоретические построения только тогда могут быть объединены в частную криминалистическую теорию, когда они относятся лишь к строго определенной совокупности явлений, связанных, к тому же, между собой органически [3, С. 278–303].

5. Приведенные сведения и выводы позволяют выделить следующие этапы в процессе построения частной криминалистической теории: выявление самого факта, его установление; описание, объяснение факта; выявление и фиксация новых фактов; установление эмпирических зависимостей между фактами; объяснение выявленных зависимостей, предвидение новых фактов; построение гипотезы; формулировка отдельных теоретических положений, являющихся промежуточным результатом объяснения и предвидения фактов; дальнейшие эмпирические исследования; исчерпывающее теоретическое объяснение; формулировка базовых теоретических положений; создание частной криминалистической теории.

6. Предметом частной криминалистической теории являются определенные закономерности объективной действительности из числа тех, которые изучает криминалистика в целом. Объектом частной криминалистической теории следует считать те явления, вещи, процессы, связи и отношения, ту часть предметной области, в которой проявляются изучаемые теорией объективные закономерности. Метод частной теории – это система познавательных приемов, используемых как для построения самой теории, так и для применения теории в практике познания ее предметной области; эта система может включать в себя как все методы, извест-

ные общей теории криминалистики, так и только часть их.

Если частная криминалистическая теория является подсистемой общей теории криминалистики, то и ее предметом являются определенные закономерности объективной действительности, входящие в предмет криминалистики в целом. В то же время, объект частной криминалистической теории относится к ее предмету как общее и частное. Если объектом познания частной криминалистической теории о личности преступника выступает преступное поведение как комплексное понятие, включающее различные биологические, психологические, социальные, криминологические и иные аспекты, то ее предметом являются те закономерности преступного поведения, которые, отражаясь в окружающей среде, позволяют выдвигать версии о личности преступника, имеют криминалистическое значение, т.е. значение для раскрытия и расследования преступлений. Это еще раз подтверждает вывод Р.С. Белкина о том, что частная криминалистическая теория может включать в себя как все методы, известные общей теории криминалистики, так и только часть их, если какие-то из специальных методов криминалистики в этой теории не находят своего применения [2, С. 140].

7. Перечисленное выше позволяет выделить те требования, которым должна удовлетворять та или иная совокупность знаний, чтобы стать частной криминалистической теорией. Частная теория представляет собой совокупность идей и представлений о закономерностях объективной действительности, образующих ее предмет и выделенных из окружающей среды множества криминалистически значимых элементов. Она выражает результаты теоретической деятельности, которая осуществляется комплексом наук и ее содержание соответствует основным направлениям теоретической деятельности, потребность в которых испытывает практика. Эта теория выступает теоретической основой применения криминалистических средств и методов раскрытия и расследования преступлений и ее возникновение является результатом развития смежных областей знания. Она относится к нескольким разделам криминалистики (криминалистической технике, тактике, методике) и связана с иными криминалистическими теориями. Так, например, очевидны связи криминалистической теории о личности преступника с учением о способе совершения преступления, с теорией криминалистической идентификации, учением о механизме преступления и механизме следообразования.

8. Рассматривая вопрос о тенденциях и перспективах развития частных криминалистических теорий, необходимо отметить, что причиной возникновения новых частных теорий являются не отдельные теоретические построения и даже не развитие общей теории криминалистики, а объективно существующие потребности практики раскрытия и расследования преступлений. Тенденции развития системы частных криминалистических теорий не определяются разнообразием в определении предмета криминалистики, т.к. изучаемые этой наукой закономерности носят объективный характер, т.е. не изменяются в зависимости от различия субъективных идей и представлений о ее предмете. Потребности следственной практики определяют перспективные направления развития криминалистики, которые могут стать частными криминалистическими теориями. В то же время, новое направление в развитии системы частных криминалистических теорий может быть оценено как таковое с определенной долей условности, являясь продолжением и совершенствованием уже существующих теоретических построений. Так, например, таковым является криминалистические учение о личности, т.к. на данных о биологических свойствах личности и ее психологических особенностях уже базируются учение о навыках (Г.А. Самойлов, 1966), учение о способе совершения преступления (Г.Г. Зуйков, 1970), исследования криминалистически значимых особенностей личности обвиняемого (П.П. Цветков, 1973; Ф.В. Глазырин) и др. [1, С. 620–621].

Новые перспективные направления развития частных криминалистических теорий связаны с возникновением новых методов научных исследований и с использованием достижений естественных и технических наук в раскрытии преступлений. Эти теоретические построения в криминалистике, связанные с закономерным проникновением в практику раскрытия преступлений достижений научно-технического прогресса, подтверждают, что возникающие частные теории могут не только сменять существующие, но быть их развитием, продолжением либо следствием интеграции или дифференциации теоретического знания, в т.ч. и использованием достижением иных наук в совершенствовании теории криминалистики.

Развитие молекулярной биологии, генотипоскопических исследований и использование этих специальных знаний в следственной практике, создание и внедрение автоматизированной системы генно-дактилоскопических учетов вызывает необходимость разработки и совершенствования теоретических построений в области возникновения генотипоскопической следовой информации о личности преступника, установления закономерных связей этого процесса с механизмом совершения преступления, а также собирания, исследования, оценки и использования этих данных в раскрытии и расследовании преступлений отдельных видов и групп.

Понимание познавательной сущности частных криминалистических теорий, закономерностей их возникновения, этапов построения и перспектив развития позволит оптимизировать процесс разработки новых направлений развития криминалистической науки.

Список источников: 1. Белкин, Р.С. Избранные труды / Р.С. Белкин. – М. : Норма, 2008. – 767 с. 2. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы : Общая и частные теории / Р.С. Белкин. – М. : Юрид. лит., 1987. – 270 с. 3. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : [Учеб. пособие для вузов по юрид. специальностям] / Р. С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М. : Закон и право, 2001. – 837 с. 4. Словарь иностранных слов / [Науч. ред. А.Г. Спиркин и др.]. – 7-е изд., перераб. – М. : Рус. яз., 1979. – 622 с.

УДК 343.9

Mukhin G.N., Izyutin-Fedotkov D.V. On the requirements for private forensic theories

Annotation*. The paper deals with the basic requirements for private forensic theories. The authors believe that the construction of a private forensic theory begins with the definition set of facts of objective reality requiring their comprehension, analysis and scientific description. We consider the ratio of the total and private criminological theories. Proposed definition of "private criminological theory." Are allocated steps in the process of building a private forensic theory. The questions of trends and prospects for the development of private criminological theories.*

Keywords*: private criminological theory, hypothesis, the general theory of criminology, law, development trends.*

Олиндер Н. В.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» кандидат юридических наук (Самара, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ

В статье проведен анализ данных, которые должен собрать следователь при расследовании преступлений, совершенных с использованием электронных средств. К числу таковых автор относит: данные подтверждающие корысть и противоправность деяния; данные подтверждающие безвозмездность хищения, а также изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц похищенных электронных средств; данные подтверждающие причинение ущерба собсвеннику или иному владельцу; данные подиверждающие правовую охрану информации и неправомерного доступа к ней. Выделены особенности следственных ситуаций, складывающихся при расследовании рассматриваемой группы преступлений. Отдельное внимание уделено привлечению специалиста для сбора таких данных, его правовому положению при расследовании преступлений.

Ключевые слова: р*асследование преступлений, совершенных с использованием электронных средств, данные о преступлении, построение версий, привлечение специалиста.*

Большое значение при расследовании преступлений имеет исходная следсвенная ситуация, которая позволяет строить следственные версии и составлять план расследования. Следовательно, для проведения полного и качественного расследования необходимо установление данных, в том числе указывающих на признаки преступления:

1) данные, подтверждающие корысть. Перевод денежных средств со счета на счет посредством титульных знаков заведомо предполагает наличие интереса на совершение противоправного безвозмездного изъятия имущества и пользу для лица, совершающего хищение. Причем в целях получения выгоды, пользы действует каждый участник преступной группы: «аналитик», «программист», «тестер», «пользователь технологией», «организатор обналичивания», «обнальщик» [1, с. 63-71].

2) данные, подтверждающие противоправность, включая данные о том, что подобное поведение запрещено законом; что у виновного нет прав на имущество, которым он завладевает; что виновный завладевает чужим имуществом помимо и вопреки воле собственника или законного владельца [2]. Подобные данные могут содержаться в заявлении о преступлении; в представленных заявителем договорах с владельцами электронной платежной системы; в правилах пользования электронной платежной системой; в иных документах организации и платежной системы; в положениях законодательства, регламентирующих правовую охрану сведений, составляющих некоторый вид тайны.

3) данные, подтверждающие безвозмездность хищения. Такая безвозмездность заведомо предполагается, поскольку денежные средства со счета потерпевшего переводятся на счета, оформленные, как правило, на чужие похищенные паспорта; перечисление средств осуществляется по «цепочке» аналогичных счетов; отдельные счета в электронной платежной системе, использованные при хищении денежных средств, достаточно быстро закрываются преступниками. Установление фактического владельца счета, использованного для хищения денежных средств, невозможно, вследствие чего и обратиться к нему с просьбой о возмещении денежных средств не представляется возможным.

4) данные, подтверждающие изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц похищенных электронных средств. На рассматриваемом этапе лицо, подозреваемое в совершении преступления, неизвестно. Вместе с тем факт перечисления со счета потерпевшего денежных средств всегда предполагает наличие их получателя, в качестве которого выступает фактический владелец электронного счета, на который первым переведены похищенные денежные средства. В пользу этого владельца счета и осуществлен перевод денежных средств посредством титульных знаков. Отслеживанием цепочки электронных счетов, участвующих в перечислении похищенных денежных средств, данный фактический владелец счета может быть установлен.

5) данные, подтверждающие причинение ущерба собственнику или иному владельцу. Указанные данные могут содержаться в заявлении о преступлении; в представленных заявителем документах организации; в документах, полученных от сотрудников платежной системы.

6) данные, подтверждающие правовую охрану информации, к которой был получен доступ посторонними. Такие данные были частично приведены в составе данных, подтверждающих противоправность совершенного деяния. Вместе с тем анализ уголовных дел показывает, что представление таких данных вызывает затруднения. Например, реквизиты доступа к счету в платежной системе (логин и пароль) иногда трактуется как охраняемая законом компьютерная информация, что может быть верным только в том случае, если такая информация составляет коммерческую тайну, то есть в отношении ее установлен режим коммерческой тайны в соответствии с ч. 1 ст. 10 ФЗ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне». В противном случае такая информация не является охраняемой законом компьютерной информацией.

Вызывает сложность и решение вопроса о правовой охране информации, которой оперирует собственно платежная система, а именно титульных знаков. В рассмотренных нами уголовных делах наличествует подход, заключающийся в том, что перевод титульных знаков со счета клиента без его ведома квалифицируется как приготовление к совершению преступления, а само преступление будет совершено в момент вывода из системы денежных средств. Такой подход нам представляется правильным, но он не в полной мере учитывает специфику работы электронной платежной системы и статус используемых в ней титульных знаков. По своей сути титульные знаки электронной платежной системы являются суррогатом ценных бумаг, поскольку специально введены как эквивалент стоимости и олицетворяют ее. В этом случае предмет хищения наличествует, а стоимость всех переведенных на чужой счет титульных знаков составляет та сумма, которую за них может

получить владелец счета при выводе денежных средств из электронной платежной системы.

7) данные, подтверждающие факт неправомерного доступа к информации. В соответствии со ст. 2 ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» доступ к информации – возможность получения информации и ее использования. При переводе титульных знаков со счета клиента электронной платежной системы без его ведома неустановленное на данном этапе лицо имело возможность получения информации и использовало ее. Указанные данные, как и данные о неправомерности доступа, то есть осуществлении доступа с нарушением установленного в организации или электронной платежной системе порядка и правил, могут содержаться в заявлении о преступлении; в представленных заявителем документах организации; в документах, полученных от сотрудников платежной системы.

8) данные, подтверждающие модификацию либо копирование информации. При хищении денежных средств со счета клиента электронной платежной системы не происходит уничтожения или блокирования информации, поскольку клиент платежной системы после события преступления сохранил полный набор возможностей по управлению своим счетом. По этому же основанию отсутствует факт нарушения работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

Проверка поступившей информации о преступлениях, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем, должна проводиться с учетом особенностей возникающих следственных ситуаций, которые достаточно детально рассмотрены применительно к компьютерным преступлениям [3, с. 380]. Представляется целесообразным с учетом специфики подготовки и совершения рассматриваемой категории преступлений уточнить особенности таких ситуаций:

– при проведении значительной части следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий необходимо привлечение лиц, обладающих специальными знаниями в области компьютерных технологий, а также знаниями порядка и правил учета финансово-хозяйственных операций, осуществляемого автоматизированным способом, в том числе порядка и правил использования электронных платежных средств и систем;

– значительный объем данных, которые требуется изучить в ходе следствия, находится преимущественно в электронном виде; особое значение при этом имеют данные и регистры о передаче и приеме электронных средств, иные источники информации о переводе либо обмене таких средств;

– дефицит времени и динамичность обстановки в сетевом окружении, связанные с ограниченностью дисковой памяти серверов, что не позволяет длительно хранить техническую информацию о сетевых взаимодействиях компьютеров иную информацию доказательственного и ориентирующего характера; высокая изменчивость отдельных видов доказательств в электронной форме (например, многие массивы служебной информации организованы таким образом, что новая информация перезаписывает старую в непрерывном цикле);

– противодействие расследованию со стороны преступника, в ходе которого им предпринимаются достаточно эффективные меры для сокрытия следов преступления, находящихся в электронном виде.

Отметим, что некоторые авторы научных работ рекомендуют в большинстве случаев до возбуждения уголовного дела проводить исследование с участием специалиста при осмотре места происшествия [4, с. 242]. Представляется, что такое утверждение верно с большими оговорками. Любое преступление, сопряженное с использованием современных компьютерных технологий, к которым мы относим и преступления рассматриваемой категории, сопряжено с очень сложным следообразованием на компьютерных носителях информации, предполагающим использование современных экспертных аппаратно-программных комплексов в ходе предварительного исследования предметов и документов. Такие комплексы позволяют работать с файлами различных форматов, оперативно восстанавливать удаленную информацию, минимизировать временные затраты на проведение исследования, однако они имеют в основном стационарное исполнение и не предполагают перемещения к месту проведения осмотра места происшествия. Вместе с тем может возникнуть ситуация, когда осмотру подлежат носители серверов, выемка которых технически нецелесообразна или невозможна. В этом случае проведение предварительного исследования предметов, документов на месте осмотра места происшествия остается единственной возможностью быстро получить и зафиксировать искомую информацию, в том числе ту, которая может быть уничтожена преступником с целью сокрытия следов преступления.

Список источников: 1. Олиндер Н.В. Преступления, совершенные с использованием электронных платежных средств и систем: криминалистический аспект (монография)Москва: Изд-во «Русайнс», 2004. – 124 с.; 2. Глава 21. Преступления против собственности [Электронный ресурс] : Сетевой ресурс «Yurlib – Он-лайн библиотека». Электрон. дан. [21.09.2016]. Режим доступа: http://yurlib.ru/book_224_chapter_31_Glava_21._Prestuplenija_protiv_sobstvennosti.html. Загл. с экр.; 3 Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы. Омск, 2009. – 413 с.; 4. Молоканов В. Н., Пазухин С. Б. Предварительные и экспертные исследования в стадии возбуждения уголовного дела // Вопросы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. / Волгогр. акад. МВД России. Волгоград, 2004. – С. 240-246; 5. Олиндер Н.В. Криминалистическая характеристика электронных платежных средств и систем Lex Russica – 2015. - № 10. – С. 128-138

УДК 343.9

Olinder N. V. Some features of investigation of crimes committed using electronic means of payment

In the article the analysis of the data gathered by the investigator during the investigation of crimes committed using electronic means. Among these include: evidence of self-interest, and the wrongfulness of an act; evidence of gratuitousness of theft, and withdrawal and (or) circulation in favor of the perpetrator or of other persons kidnapped electronic means; data confirming the damage to sobsvennye or other owner; the data podvergalsya legal protection of information and unauthorized access to it. The features of the investigative situations in the investigation of this group of crime. Special attention is paid to the involvement of a specialist for collecting such data, its legal position in the investigation of crimes.

Key words *The investigation of crimes committed using electronic means, information about the crime, the build version, the involvement of a specialist.*

Омельченко Т.В.
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)

ПРАВООТНОШЕНИЯ АДВОКАТА С ДОЗНАВАТЕЛЕМ, СЛЕДОВАТЕЛЕМ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Обосновывается положение о трансформации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь в соответствующие отраслевые права – право на защиту, право на представителя, право на адвоката.

Ключевые слова: *конституционное право на квалифицированную юридическую помощь, адвокат, представитель в уголовном процессе.*

Уголовный процесс является одним из государственных средств защиты законных интересов граждан от преступных посягательств. Обращаясь в правоохранительные органы, заявитель реализует конституционное право на доступ к правосудию, а также обращается к государству с просьбой о защите его законных интересов и восстановлении нарушенных прав. Совокупность прав, предоставленных государством для отстаивания законных интересов, образуют правовой статус личности. В юридической литературе правовой статус личности рассматривается из трех составляющих: а) конституционный статус, б) отраслевой статус, в) индивидуальный статус [1, 21]. При этом конституционный статус включает в себя как отраслевой статус, так и индивидуальный статус.

Эффективность реализации прав зависит от многих факторов. Кроме наличия корреспондирующих обязанностей у государственных органов, важное место отводится деятельности общественных объединений профессиональных юристов для оказания квалифицированной юридической помощи. По положению адвокатуры в государстве можно оценить уровень правового развития и демократии в государстве.

В ст. 48 Конституции Российской Федерации закреплено положение о том, что каждый имеет право на квалифицированную юридическую помощь. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Анализ данного положения позволяет прийти к выводу о том, что: а) законодатель разделяет понятия «право на защиту от обвинения» и «на квалифицированную юридическую помощь»; б) субъектом обеспечения права на защиту от обвинения и предоставления квалифицированной юридической помощи является адвокат; в) воспользоваться квалифицированной юридической помощью можно при разрешении дела в любом государственном органе.

Учитывая, что субъектом предоставления квалифицированной юридической помощи и защиты от обвинения является адвокат, необходимо изучение сущности деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве и особенно на досудебных стадиях. В юридической литературе участие адвоката в уголовном судопроизводстве многими авторами рассматривается либо только как адвоката–защитника, либо только как адвоката–представителя. На наш взгляд, данный подход не полной мере позволяет раскрыть сущность участия адвоката в уголовном судопроизводстве. Предпосылки и основания участия адвокатов в качестве защитника и представителя в уголовном процессе во многом схожи. Участие адвокатов обусловлено отсутствием правовых знаний у лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Для их участия необходимо волеизъявление лиц, которым они оказывают правовую помощь. Деятельность их направлена не на отстаивание личного интереса, а отстаивание интересов лица, которому оказывают правовую помощь. И те, и другие способствуют установлению истины. Основное условие их деятельности - не навредить лицу, которому оказывается правовая помощь.

Существующие в действующем законодательстве различия в процессуальном положении адвоката – представителя и адвоката – защитника, вызваны, общей тенденцией направленной на совершенствование правового статуса лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Одностороннее развитие уголовно-процессуального законодательства привело к дисбалансу между правами пострадавшего от преступления и правами лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Дисбаланс между правами указанных лиц, соответственно сказался и на процессуальном положении адвокатов–защитников и адвокатов-представителей.

В уголовном процессе адвокат, наряду с близкими родственниками, опекунами, попечителями может участвовать в качестве защитника обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) и в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика. Представляется, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации при участии в уголовном деле в качестве защитника и представителя любых лиц, кроме адвоката, не должно признаваться реализацией права на квалифицированную юридическую помощь. В связи с этим участвующим в деле лицам необходимо разъяснять не право иметь защитника или представителя, а право обратиться к адвокату за квалифицированной юридической помощью.

Самыми незащищенными в уголовном судопроизводстве являются потерпевшие – люди пожилого возраста. В связи с этим регламентация правового положения потерпевшего нуждается в совершенствовании. Необходимо урегулировать действующим законодательством вопросы обязательного участия представителя потерпевшего, недостаточно четко регламентирован порядок признания потерпевшим.

Нуждается в разрешении блок вопросов, связанных с началом уголовно-процессуальной деятельности. В науке уголовного процесса вопрос о начале уголовно-процессуальной деятельности остается дискуссионным. Если придерживаться позиции, что уголовно-процессуальная деятельность начинается с момента возбуждения уголовного дела, то необходимо признавать право заявителя на пользование правовой помощью, то есть участие адвокатов в данной стадии не может быть ограничено. Если придерживаться позиции что уголовно-процессуальная деятельность начинается с момента поступления заявления и сообщения в правоохранительные органы, то необходимо предусматривать порядок разъяснения заявителю права на квалифицированную юридическую помощь.

Нерешенными остаются и вопросы, связанные с обращением к адвокату до процессуального признания участником процесса. Это относится как к пострадавшим от преступления, так и к лицам, совершившим преступление. Представляется, что ограничивать конституционное право на квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе можно только в специально предусмотренных законом случаях и только после процессуального признания лица участником процесса. До этого момента основанием для рассмотрения ходатайств адвоката является наличие договора адвоката с клиентом об оказании правовой помощи. Правило об адвокатской тайне в таких случаях применяется с момента заключения договора об оказании правовой помощи. На реализацию этого положения направлены и изменения внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 17.04.2017 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Требует разрешения вопрос о возможности пользоваться правом на квалифицированную юридическую помощь лицам, содействующим осуществлению правосудия. В какой момент конституционное право данных участников должно ограничиваться нормами уголовного процесса? Есть ли необходимость предоставлять данной категории участников процесса право на квалифицированную юридическую помощь в рамках уголовного процесса? Представляется, что ответ на данные вопросы должен быть положительным. Сложно, например, говорить о незаинтересованности свидетеля, когда на него оказывается противоправное давление со стороны обвиняемого, его родственников, соучастников. Реализация права на квалифицированную юридическую помощь понятому, эксперту, свидетелю, переводчику в рамках уголовного процесса возможна в тех случаях, когда в ходе расследования по уголовному делу их личные права и законные интересы находятся под угрозой нарушения, в связи с исполнением ими процессуальных обязанностей.

Для права на квалифицированную юридическую помощь характерно наличие совокупности особенностей присущих принципам уголовного процесса. Данное право закреплено в Конституции, оно является исходным и конкретизируется в уголовно-процессуальном законодательстве. Действие конституционного права распространяется на все стадии уголовного процесса. Нарушение данного права влечет неблагоприятные последствия в виде отмены принятых по делу решений. В связи с этим в системе уголовно-процессуальных принципов, необходимо, выделять конституционный принцип уголовного судопроизводства - принцип обеспечения участникам процесса права на квалифицированную юридическую помощь со стороны адвоката.

Список источников: 1. Корнуков В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987.

УДК 343.121

Omelchenko T.V. Legal relationship of the lawyer with the investigator, investigator at the pre-trial stages of the criminal proceedings

The author substantiates the provision on the transformation of the constitutional right to qualified legal assistance into relevant sectoral rights - the right to protection, the right to a representative, the right to an advocate.

Key words: *constitutional right to qualified legal assistance, lawyer, representative in criminal proceedings.*

Патраш И. Ф.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Крымский филиал (Симферополь, Россия)

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «НЕОЧЕВИДНОЕ» И «НЕРАСКРЫТОЕ» ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Рассмотрены понятия неочевидное преступление и нераскрытое преступление. Проанализировано содержание ведомственного уровня организации расследования неочевидных преступлений.

Ключевые слова: *неочевидные преступления, расследование и раскрытие, нераскрытые преступления, организация расследования.*

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в значительной степени определяет эффективность уголовно-правовых средств в обеспечении прав и законных интересов в обществе. Надлежащее криминалистическое обеспечение значительно сокращает интеллектуальные, материальные и организационные затраты следственной деятельности. Особенно важное значение криминалистическое обеспечение расследования преступлений приобретает в случаях, когда преступление совершено в условиях неочевидности. Это может быть и кража, и дорожно-транспортное происшествие, и преступления против жизни и здоровья граждан. У каждого из этих видов преступной деятельности свои особенности в раскрытии, свои алгоритмы действий.

Но при этом можно согласиться с Ю.Л. Дябловой, которая полагает, что «неочевидные преступления - это межвидовая группа преступлений, объединенных по признаку неочевидности лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности на момент поступления информации о преступлении в правоохранительный орган и возбуждения уголовного дела»[1].

Безусловно, наиболее тяжким преступлением против жизни являются убийства. Необходимо отметить, что в специальной литературе не так много исследований, посвященных рассмотрению проблем расследования убийств, совершенных в условиях неочевидности. А наиболее известные труды относятся еще к советскому периоду развития криминалистической науки и не учитывают существенное изменение не только содержания общественных отношений, но и в целом научно-техническое развитие общества, распространённость средств фиксации и контроля. Разработка основ раскрытия расследования убийств, совершенных в условиях неочевидности необходимо начинать с уточнения понятийного аппарата. И если понятие «убийство» нашло достаточно единообразное понимание его содержания, то этого нельзя сказать в отношении понятия «неочевидность».

В юридической литературе неоднократно исследовалось понятие «неочевидности» при расследовании преступлений. Как отмечал А. Н. Васильев, по способу совершения убийств их можно классифицировать на

[1] Дяблова Ю.Л. Информационные технологии моделирования личности неустановленного преступника при расследовании неочевидных преступлений: дис. ... канд. юрид.наук. Тула, 2008. 228 с.

открытые и тайные. Под тайными автор понимал убийство, «совершенное в отсутствии свидетелей и с активными попытками преступника скрыть свою вину»[1]. Большинство криминалистов в качестве критерия неочевидности называют наличие свидетелей. Вероятно, такое понимание «неочевидности» в современных условиях будет не достаточным. Вполне возможны ситуации когда и свидетели будут отсутствовать, и преступник всячески будет пытаться скрыть свою вину, но факт преступления будет зафиксирован на камерах видеонаблюдения, автомобильных регистраторах, и иных средствах пассивной фиксации.

Некоторые авторы понятие неочевидности совершения преступления называют наличие, либо отсутствие виновного. Так, Р. С. Белкин отмечает, что очевидным считается преступление, совершенное в условиях очевидности, имеется информация и о событии, и о виновном. Неочевидными по его мнения является преступления, исходная информация о которых содержит данные только о событии преступления[2]. Полагаем что и данное определение не лишено недостатков. Так, наличие в исходной информации данных о виновном в совершении преступления не всегда является истинной. В некоторых случаях даже признание лица в совершении преступления в последующем может не подтвердиться и таким образом преступление останется не раскрытым, и вероятно из категории очевидных, перейдёт в категорию неочевидных. Нельзя не согласиться с точкой зрения, что даже при наличии свидетелей преступление может быть не раскрытым, а значит будет неочевидным.

«Неочевидное преступление - это деятельность в расследовании по исследованию наличия или отсутствия события преступления, когда все признаки состава преступления не установлены или имеют предположительный характер вне зависимости, есть ли подозреваемый или обвиняемый и выявлены ли при этом другие соучастники» - полагает В.А. Мазурский[3].

Понятие «неочевидность», как признак совершенного преступления рассматривают сравнивая с понятием «раскрытие» преступления. Более того, некоторые авторы предлагают ввести в научный оборот и следственную практику понятие «предварительное раскрытие», под которым понимается «этап окончания предварительного расследования и направления дела в суд с обвинительным заключением либо обвинительным актом»[4]. Обосновывается это тем, что в современных ведомственных нормативно-правовых актах «раскрытие преступления» и «раскрываемость преступлений» не используется. В межведомственном приказе «О едином учете преступлений» от 30.12.2005 № 7339 раскрываются понятия «предварительно расследованное преступление» (п.2.10) и «нераскрытое преступление» (п.2.11)[5].

Нераскрытым считается такое преступление, уголовное дело по которому приостановлено по п. п. 1, 2 или 3 ч.1 ст. 208 УПК. То есть раскрытие преступления с правовой точки зрения в настоящее время практически совпадает с понятием расследования, так как «преступления, предварительное следствие по уголовным делам о которых ранее было приостановлено на основании пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, исключаются из числа нераскрытых после принятия решения о направлении уголовного дела в суд либо его прекращении» (п. 2.11 Приказа).

Этот вывод подкрепляется и анализом п.2.10 Приказа, в соответствии с которым «предварительно расследованное преступление – преступление, по которому вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, а также преступление, по уголовному делу о котором окончено предварительное расследование и уголовное дело направлено в суд либо прекращено».

А.Г. Гельманов предлагает соотносить понятие «неочевидного» с понятием «нераскрытого преступления», аргументируя это переходом от незнания к знанию о том, кто является субъектом преступления[6]. Данный критерий предлагается использовать в качестве одной из предварительных, промежуточных оценок состояния расследования по делу, а именно момент получения данных, достаточных для предъявления обвинения установленному лицу, и степень доказанности его вины. По мнению В. А. Мазурского, это будет способствовать активизации деятельности по раскрытию преступлений прошлых лет[7].

Мы не можем подробно исследовать теоретическую и во многом дискуссионную проблему раскрытия преступления. Отметим лишь, что с точки зрения уголовного процесса очевидным является преступление, если дело возбуждено по факту преступления в отношении конкретного лица. Раскрытым оно считается после принятия процессуального решения – будь то предъявление обвинения или утверждение обвинительного заключения или обвинительного акта.

Мы не можем согласиться с тем, что «неочевидное преступление» и «нераскрытое преступление» являются тождественными понятиями. Ранее существовавшая система учета преступлений предполагала разные моменты признания раскрытия преступлений для разных

---

[1] Криминалистика / Под ред. А. Н. Васильева. М., 1980. С. 417

[2] Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд. доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. С. 182

[3] Мазурский В.А. Понятие неочевидных преступлений, их учет, систематизация и совершенствование расследования уголовных дел // Российский следователь. 2014. N 14. С. 35 - 40.

[4] Дяблова Ю. Л. К вопросу о понятии и уровнях организационной деятельности по расследованию и раскрытию неочевидных преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2015. №3-2 С.77-83.

[5] Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 (ред. от 20.02.2014)// Российская газета. 25.01.06. №13

[6] Гельманов А.Г. К вопросу о криминалистическом понятии неочевидного преступления // Межвузовский сборник научных трудов. Омск: Высшая школа милиции МВД СССР, 1989. С. 89 - 90.

[7] Мазурский В.А. Понятие неочевидных преступлений, их учет, систематизация и совершенствование расследования уголовных дел // Российский следователь. 2014. N 14. С. 35 - 40.

служб и ведомств. Раскрытие преступления для оперативных подразделений был момент реализации материалов ОРД в процессуальном порядке. Для следователя раскрытым считалось то преступление, по которому уголовное дело было направлено прокурору. Прокурор мог отчитываться о раскрытии преступления после утверждения обвинительного заключения, и соответственно суд – после постановления обвинительного приговора. В случае же постановления оправдательного приговора - все ранее полученные показатели о раскрытии преступления становились никчемными.

Практике известны случаи, когда преступление остается не раскрытым не по материальным признакам, а по процессуальным. Например, в ходе предварительного следствия утрачены доказательства виновности лица, а иные доказательства получить уже не возможно. Либо вследствие проведения процессуальных действий с нарушением уголовно-процессуального законодательства, полученные доказательства признаются не допустимыми, что влечет не возможность привлечения лица к уголовной ответственности.

Все это позволяет нам согласиться с теми авторами, которые под преступлением, совершенным в условиях неочевидности понимают преступления – которые, собственно говоря, совершены без очевидцев и не остались зафиксированными на пассивных средствах видеозаписи. Неочевидность совершения преступления является криминалистическим понятием, которое нельзя связать с какими-либо моментами расследования уголовного дела. В то время как раскрытие преступления – это подтверждение путем вынесения соответствующего процессуального документа, содержащего указание на наличие всех признаков преступления, или как минимум на объективную сторону и субъекта.

УДК 343.985

Patrash I.F. Correlation of the concepts "non-obvious" and "unsolved" crime

The concepts of non-obvious crime and unsolved crime are considered. The content of departmental level of organization of investigation of non-obvious crimes is analyzed.

Key words: *non-obvious crimes, investigation and disclosure, undisclosed crimes, organization of investigation.*

Поддубняк А. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)

ПРОИЗВОДСТВО ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Перед сотрудниками правоохранительной деятельности в современном обществе остро стоит вопрос относительно расширения перечня процессуальных средств, что используются для выявления и расследования преступлений, с целью борьбы с преступностью. Одним из важных способов собирания и проверки доказательств является производство следственных действий. Вопрос о необходимости проведения отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела обусловлен проверкой законности повода и основания к возбуждению уголовного дела, а также отсутствия обстоятельств, исключающих производство по нему. Единого мнения среди ученых относительно данного вопроса нет. Одни ученые считают целесообразным производство отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела, а другие – придерживаются противоположной точки зрения.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, следственные действия, стадия возбуждения уголовного дела.*

В современном российском обществе происходят преобразования политического, социально-экономического характера, что, в свою очередь приводит к совершенствованию, поиску новых путей разрешения конфликтов и взаимоотношений в различных сферах жизнедеятельности, и в частности в сфере уголовного судопроизводства.

УПК РФ 2001 года, по сути, установил новые стандарты обеспечения прав, свобод и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. Существенно реформирован и институт возбуждения уголовного дела, открывающий возможности для процессуального вторжения в сферу прав и законных интересов личности. Однако произошедшие изменения не разрешили проблем правовой регламентации первоначального этапа уголовного судопроизводства. Более того, отмечается нестабильность законодательства в правовом регулировании данного института, о чем свидетельствуют многочисленные его изменения уже после вступления в действие УПК РФ [3, с.5].

Стадия возбуждения уголовного дела является важным элементом современного российского уголовного процесса. Эффективность процессуальной деятельности, что осуществляется на данной стадии, во многом обуславливает достижение назначения уголовного судопроизводства. Суть обозначенной стадии заключается в том, что уполномоченные законом должностные лица и органы обязаны осуществлять только те действия и принимать только те процессуальные решения, которые обозначены уголовно-процессуальным законом. Основное содержание уголовного судопроизводства составляет доказывание. В свою очередь, следственные действия являются основным процессуальным способом собирания доказательств (ст. 86 УПК РФ) и проверки доказательств (ст. 87 УПК РФ) в досудебном производстве по уголовному делу. Проанализировав нормы законодательства относительно стадии возбуждения уголовного дела, приходим к выводу, что законодатель находится в постоянном поиске оптимального варианта регулирования первоначальной стадии процесса, предпринимая попытки ее видоизменить. В науке уголовного процесса на протяжении нескольких десятилетий довольно остро дискутируется вопрос о допустимости производства отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела. Так УПК РСФСР 1960 г., ч. 2 ст. 109 содержит категорический запрет на производство следственных действий до возбуждения уголовного дела. Затем 10 сентября 1963 г. путем внесения соответствующих изменений в ст. 178 УПК РСФСР - исключение из этого правила было сделано только для осмотра места происшествия [1]. Первоначальная редакция УПК РФ 2001 г. наряду с осмотром места происшествия дает разрешение на проведение таких следственных действий, как освидетельствование и назначение экспертизы. Расширение перечня производства следственных

действий в стадии возбуждения уголовного дела вполне объяснимо, так как на практике возникали ситуации, когда при наличии повода возбуждения уголовного дела в установленный законом срок и с помощью имеющихся процессуальных средств проверки не удавалось правильно установить наличие или отсутствие основания для возбуждения уголовного дела. Однако 5 июня 2007 г. законодатель исключил из ч. 4 ст. 146 УПК РФ положения о производстве освидетельствования и назначения экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела.

Такая непоследовательность решения вопроса относительно допустимости производства отдельных следственных действий в вышеупомянутой стадии наблюдается и в дальнейшем. Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. в стадию возбуждения уголовного дела вновь возвращено следственное действие − освидетельствование (ч. 1 ст. 179 УПК РФ) и предусмотрена возможность производства осмотра трупа (ч. 4 ст. 178 УПК РФ). Что позволяет сделать вывод, что законодатель не может выработать единого комплекса следственных действий, производимых в стадии возбуждения уголовного дела. Нет и единого мнения среди ученых относительно этого вопроса. Одни считают целесообразным производство отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела, а другие − отрицают это. Очевидно лишь то, что производство отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела необходимо для проверки законности повода, установления наличия или отсутствия основания к возбуждению уголовного дела, а также отсутствия обстоятельств, исключающих производство по нему.

Также на стадии возбуждения уголовного дела УПК РФ не устанавливает исчерпывающий перечень проверочных мероприятий, которые должны осуществляться. Согласно Федеральному закону от 04.03.2014 № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ходе проверки сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) [2].

Некоторые ученые в своих работах рассматривают вопрос о возможности производства до возбуждения уголовного дела иных следственных действий. Так, А.П. Гуляев предлагает следующее: «… было бы логично правила получения показаний от свидетелей на предварительном следствии распространить на стадию возбуждения уголовного дела» [4, с. 113]. Позиция Серебровой С.П. полагает, что производство допроса возможно осуществлять до возбуждения уголовного дела [6, с. 302-308]. Что, в свою очередь, стирает самое существенное отличие стадии возбуждения уголовного дела от последующих стадий уголовного судопроизводства, превращая ее, по мнению А.М. Ларина, «в суррогат расследования» [5, с. 55].

По общему правилу производство следственных действий до возбуждения уголовного дела не допускается. Исключение составляют: осмотр места происшествия, документов и предметов (ч. 2 ст. 176 УПК), осмотр трупа (ч. 4 ст. 178 УПК), освидетельствование (ч. 1 ст. 179 УПК), получение образцов для сравнительного исследования (ч. 1 Ст. 202 УПК), производство судебной экспертизы (ч. 4 ст. 195 УПК). Необходимость в расширении перечня следственных действий была обусловлена объективными потребностями правоприменительной практики. Позиция практических работников построена на том, что вышеперечисленные новеллы должны способствовать качественной проверке сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении и принятию обоснованного решения о возбуждении уголовного дела или отказе в этом. Однако не стоит забывать, что есть действия, которые не затрагивают конституционных прав граждан и носят нейтральный характер (такие как осмотр места происшествия, предметов, документов, осмотр трупа). Вместе с тем есть ряд следственных и процессуальных действий, разрешенных до возбуждения уголовного дела, которые ущемляют конституционные права граждан. К ним отнесем освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования и назначение экспертизы. А как известно, не по всем сообщениям о преступлениях возбуждаются уголовные дела, поскольку не везде есть основания для их возбуждения, огромное количество отказных материалов. Придерживаемся мнения, что ущемлять конституционные права граждан, еще до возбуждения уголовного дела, будет ошибочно и неверно.

Правоохранительные органы, осуществляя процессуальную деятельность на стадии возбуждения уголовного дела, должны действовать в рамках закона. Только тогда будет достигнута основная цель уголовного судопроизводства – охрана общественных интересов от преступных посягательств и будет обеспечена максимальная защита прав и интересов граждан – членов демократического федеративного правового государства (ст. 1 Конституции РФ).

Список источников: 1. "Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР" (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) – утратил силу. 2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.03.2017). 3. Акперов, Р. С. Возбуждение уголовного дела в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук./ Р. С. Акперов ; Науч. рук. И. Б. Михайловская. -Самара,2010. -20 с. 4. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 113. 5. Ларин А.М. Версии при возбуждении уголовного дела // Социалистическая законность. 1976. № 1. С. 55. 6. Сереброва С.П. Возбуждение уголовного дела // Уголовный процесс России: Учебник / Науч. ред. В.Т. Томин. М., 2003. С. 302-308.

УДК 343.132

Poddubnyak A.A. The production of separate investigative actions before the institution of a criminal case: issues of criminal procedural regulation

Before the law enforcement agencies in modern society, the issue is acute about expanding the list of procedural means used to identify and investigate crimes in order to combat crime. One of the important ways to collect and verify evidence is to conduct investigative actions. The issue of the need to conduct separate

investigative actions at the stage of initiating a criminal case is conditioned by the verification of the legitimacy of the reason and the grounds for initiating a criminal case, as well as the absence of circumstances excluding the proceedings on it. There is no common opinion among scientists about this issue. Some scientists consider it expedient to produce separate investigative actions in the stage of initiating a criminal case, and others - of the opposite point of view.

Key words: *criminal proceedings, investigative actions, stage of criminal case initiation.*

Потудинский В.П.

Ставропольский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
кандидат юридических наук, доцент
(Ставрополь, Россия)

РУКОПИСНЫЕ ЗАПИСИ, КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СОВЕРШЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА, И ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИХ ИССЛЕДОВАНИИ

Рассматривается проблема исследования рукописных записей, выполненных на языках народов республик, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, письменность которых основана на кириллице, как вещественных доказательств в качестве одного из источников информации об обстоятельствах совершения преступления.

Ключевые слова: *алфавит, кириллица, буквенные сочетания, рукописные записи (тексты), произношение, правописание, почерковедческая экспертиза рукописей.*

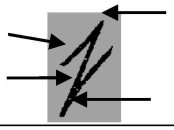
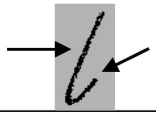
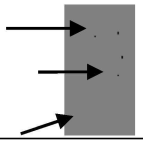
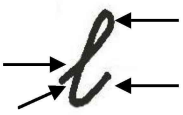
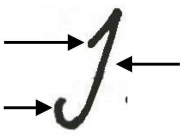
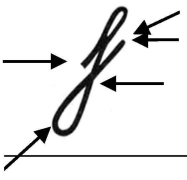
При расследовании преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом, совершенных как за рубежом, так и в России, в частности в Северо-Кавказском федеральном округе (далее – СКФО), в качестве одного из источников информации об обстоятельствах совершения преступления нередко фигурируют рукописные записи, письма, записки и т.п., приведем ряд примеров: при расследовании терактов в Бельгии был задержан гр. Мухаммед Абрини у которого следователи при обыске обнаружили записку, в тексте которой содержались подробности о его причастности к терактам в аэропорту Завентем и на станции метро Маальбек, в результате которых погибли 35 человек (информация из сайта: http://www.5-tv.ru/news/106960/) или другой пример, когда в московском торговом центре «Мега-Белая дача» в туалете была обнаружена записка о готовящемся теракте с указанием времени взрыва (информация из сайта: http://www.kp.ru/daily/25629/795261/).

В СКФО данные преступления, как правило, совершаются организованными преступными группами, основанными по национально-этническому признаку, поэтому рукописные записи, изымаемые в ходе расследования, чаще всего выполнены как на русском языке, так и на языках народов республик, входящих в состав СКФО письменность которых основана на кириллице или же на арабском языке. Так, например, в результате проведенной спецоперации МВД и ФСБ в Дагестане были задержаны шесть женщин-смертниц в возрасте от 15 до 29 лет, которых готовили к проведению терактов в центральной части России, у них было изъято оружие и прощальные письма, в ходе расследования было установлено, что их писали задержанные смертницы, в письмах они выражали желание проститься с жизнью, и давали наставления «сестрам» следовать их пути, ссылаясь на Коран (информация из сайта: http://www.9111.ru/articles/2010-07-13/43289-v-dagestane-zadergani-terroristki-smertnitsi.html). Следующий пример: в ходе проведенных УФСБ России по КБР и МВД по КБР совместных оперативно-разыскных мероприятий 02.11.2011 в пойме реки Баксан обнаружен тайник, из которого изъяты оружие, боеприпасы и микрокарта памятью объемом 1 Gb, при просмотре микрокарты на ней были обнаружены фотография и файл с текстом письма, о том, что арест обвиняемых, готовых к вооруженной борьбе с действующей властью, нанес серьезный ущерб «центральному сектору», также в письме имелась информация о планировании убийства членами незаконного вооруженного формирования, действующего на территории КБР, Председателя Верховного суда КБР, в дальнейшем было установлено, что автором письма является лидер незаконного вооруженного формирования, действующего на территории г. Нальчика Шамаев А.А., находящийся в федеральном розыске за совершение в декабре 2010 года убийства муфтия КБР Пшихачева А. и других тяжких и особо тяжких преступлений [8, с. 60-62]. Или еще один пример – текст записки, адресованный президенту России В.В. Путину от Ш. Басаева с требованиями террористов - часть текста было выполнено на арабском языке (информация из сайта: http://www.newsru.com/russia/29jun2006/beslan.html).

В процессе раскрытия и расследования вышеуказанных преступлений, совершенных на территории СКФО, при назначении почерковедческой экспертизы могут быть поставлены вопросы, как идентификационного, так и диагностического характера (установление пола, возраста, национальности, образовательного уровня и т.п.), а при определенных обстоятельствах эти особенности могут быть использованы не только при проведении почерковедческих исследований, но и для разыскных целей [4, с. 47-50], в частности, для установления этнической принадлежности исполнителя рукописи, место его жительства или местность, распространение определенного диалекта или говора и т.п.

И хотя исследование данных объектов с целью установления их исполнителей принципиально не отличается от исследования таких же объектов, выполненных на русском языке, так как абсолютное большинство букв алфавитов народов республик живущих в СКФО аналогичны по графике русской письменности, поэтому в данном случае экспертами-почерковедами применяется действующая методика производства почерковедческих экспертиз рукописей, выполненных на русском языке, но в то же время изучение рукописных текстов, выполненных на этих языках, позволяет выявить дополнительные признаки письменной речи и почерка, обусловленные особенностями данных языков, наличием комбинаций букв, состоящих из 2, 3, 4-х знаков и рядом букв, отсутствующих в русском алфавите, выражающих специфические фонетические особенности указанных языков, неизвестные русскому языку, а таких комбинаций и букв (нами в ходе исследования с учетом полученных данных была составлена таблица) около 90 вариантов. Также нами было установлено, что конструктивные составляющие прописных и строчных специфических букв «I i», например, в

абазинском, аварском, кабардино-черкесском и чеченском алфавитах различны, хотя в печатном варианте они идентичны. Нами было сведено в единую таблицу изображение печатных и рукописных специфических букв «I i» вышеуказанных алфавитов с делением на элементы и штрихи, характеризующих данные буквы, которые ниже даны по последовательности их выполнения. При составлении таблицы мы придерживались наименования и вариантов описания особенностей конструктивных составляющих прописных и строчных букв русского алфавита, изображенных в пособии П.М. Кошманова и М.П. Кошманова «Идентификационные признаки буквенного, цифрового и подписного почерка» и в пособии А.П. Моисеева, О.С. Мурашовой и И.С. Юркова «Таблицы признаков почерка» [5, с. 38-48; 7] и соответствия с прописями для 1-го класса на абазинском, аварском, кабардино-черкесском и чеченском языках [1; 2; 3; 6], которые мы взяли за основу (См.: ниже табл.):

п/п	Специфические буквы в печатном варианте	Графическая конструкция специфических букв в рукописном варианте	Название элементов и штрихов, характеризующих специфические буквы в рукописном варианте
1	2	3	4
1.	Буква «I» абазинского алфавита		Строчная буква «I» состоит из (1) начального угловатого наклонного элемента, (2) прямолинейного вертикального элемента, (3) подстрочного угловатого элемента и (4) заключительного наклонного штриха
2.	Буква «I» аварского алфавита		Строчная буква «I» состоит из (1) прямолинейного вертикального элемента и (2) заключительного дугового штриха
3.	Буквы «I I» кабардино-черкесского алфавита		Заглавная буква «I» состоит из (1) начального дугового наклонного элемента, (2) прямолинейного вертикального элемента и (3) заключительного дугового штриха
			Строчная буква «I» состоит из (1) начального штриха, (2) петлевого элемента, (3) прямолинейного элемента и (4) заключительного дугового штриха
4.	Буквы «I I» чеченского алфавита		Заглавная буква «I» состоит из (1) начального прямолинейного правонаклонного элемента, (2) прямолинейного вертикального элемента и (3) заключительного дугового штриха
			Строчная буква «I» состоит из (1) петлевого элемента (подстрочная часть), (2) прямолинейного вертикального элемента, (3) начального прямолинейного правонаклонного штриха, (4) петлевого элемента (строчная часть) и (5) заключительного штриха

При исследовании же почерка, которым выполнены исследуемые записи на данных языках, эксперт-почерковед невольно будет изучать их особенности, но так как отсутствует методика производства почерковедческих экспертиз рукописей, выполненных на письменных языках народов республик живущих в СКФО и не имеется приложений и дополнений к существующей методике с учетом вышеописанных специфических букв и комбинаций букв (идентификационная значимость признаков, обусловленных написанием данных букв и их сочетаний, не исследовалась и не вошла в методику), то в данном случае результаты данных почерковедческих исследований необходимо считать неполными и недостоверными.

По нашему мнению, в данной ситуации необходимо разработать приложения или дополнения к существующей методике производства почерковедческих экспертиз рукописей и подписей с учетом алфавитов государственных языков народов республик живущих в СКФО, письменность которых основана на кириллице,

с учетом специфических буквенных сочетаний (комбинаций) отдельных букв и букв, не имеющих аналогов в русской письменности.

Список источников: 1. Аганова С.М. Прописи к букварю Тлисовой Л.Н., Экба Н.Б., Хамуковой Щ.Д. на абазинском языке. Пособие для 1-го класса в 2-х частях. – Черкесск: РГУ «КЧИПКРО», 2010; 2. Алиева, С.А. «Абат» цIе йолучу Iаматна лерина белхан тетрадь. 1 кл. /С.А. Алиева, Е.А. Хамраева. – М.: Дрофа, 2012; 3. Балова Л.Ф. Пропись: к учеб. для 1 кл. общеобразоват. учреждений. – 1 и 2 часть, 5-е изд. на кабардинском языке. – Нальчик: Эльбрус, 2014; 4. Жиров Р.М. Значение оперативно-розыскной информации в раскрытии и расследовании преступлений против жизни /Р.М. Жиров //Новый университет. Серия «Экономика и право». - Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2012. №10 (20); 5. Кошманов, П.М., Кошманов, М.П. Идентификационные признаки буквенного, цифрового подписного почерка /П.М. Кошманов, М.П. Кошманов. - Волгоград: ВА МВД России, 2006; 6. Курбанов З.М. Прописи к букварю на аварском языке для 1-го класса дагестанской школы: тетрадь 1, 2 /З.М. Курбанов. - Махачкала: ООО «Издательство НИИ педагогики», Смоленск: «Смоленский полиграфический комбинат» ОАО «Издательство «Высшая школа», 2013; 7. Моисеев, А.П., Мурашова, О.С., Юрков, И.С. Таблицы признаков почерка /А.П. Моисеев, О.С. Мурашова, И.С. Юрков //Под ред. В.А. Снеткова. – М: ВНИИ МВД СССР, 1984; 8. Хараев А.В. Особенности расследования преступлений террористического характера в Кабардино-Балкарской Республике, по которым законодательством РФ предусмотрено изменение территориальной подсудности /А.В. Хараев //Особенности расследования преступлений экстремистской и террористической направленности: сборник материалов научно-практического семинара (Ростов-на-Дону, 24-25 мая 2012 года). – М.: Институт повышения квалификации СК РФ, 2012.

УДК 343.148.4

Potudinsky V.P. Handwritten notes as a source of information about the circumstances of the commission of extremism and terrorism, and problems arising from their investigation

The problem of research handwritten records, made-tion in the languages of the peoples of the republics of the North Caucasus of the Federal district, the writing of which is based on the Cyrillic alphabet, as exhibits of evidence as a source of information about the circumstances of the crime.

Keywords: *alphabet, Cyrillic alphabet, letter combinations, handwritten notes (texts), speaking, spelling, handwriting examination of manuscripts.*

Привалова Н. В.

Международный юридический институт
Тульский филиал
кандидат юридических наук
(Тула, Россия)

Рыжаков А. А.

ООО «Юридический» Альянс»
(Симферополь, Россия)

Рыжаков А. П.

Международный юридический институт
Тульский филиал
кандидат юридических наук, профессор
(Тула, Россия)

ОБОСНОВАННОЕ ПОДОЗРЕНИЕ

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 23 «О внесении изменений в отдельные Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» изменена формулировка п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». Высший орган правосудия нашего государства уточнил понятие обоснованности подозрения и добавил два абзаца, в которых сформулировал обязательные требования к проверке таковой. В настоящей статье авторами разъяснено содержание новых редакций искомых пунктов Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: *задержание, заключение под стражу, мера пресечения, обоснованность, подозрение, причастность к преступлению.*

Согласно новой редакции п. 2 Постановления Пленума ВС от 19 декабря 2013 г. № 41 «Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.).

Обратить внимание судов на то, что проверка обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению не может сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению. При рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении.

Оставление судьей без проверки и оценки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению должно расцениваться в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона (части 4 статьи 7 УПК РФ), влекущего отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица».

Пленум ВС пытается сформулировать пределы обоснованности подозрения, а равно обращает внимание судов на то, что именно недопустимо делать в ходе проверки таковой.

Согласно действующей редакции абз. 1 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных не «о том, что лицо могло совершить преступление», как это было указано раньше. Гипотетически любой достигший четырнадцатилетнего возраста, вменяемый, не имеющий алиби человек мог совершить преступление, но это еще не повод подозревать его в совершении конкретного преступления. Об этом уже писали [5; 6, с. 25—26; 7; и др.] и Пленум Верховного Суда РФ согласился с данной позицией.

Сейчас обоснованное подозрение предполагает наличие сведений о том, что «это лицо причастно к совершенному преступлению». Как это понимать? Полагаем, означает это то, что, во-первых, лицо не просто могло совершить какое-либо преступление, оно причастно к совершению конкретного, расследуемого в

настоящее время преступления. А во-вторых, причастно к совершенному преступлению не любое, а именно то лицо («это лицо»), в отношении которого имеется обоснованное подозрение.

Обычно под подозрением понимается «предположение, что» кто-нибудь «совершил» что-нибудь «плохое» [1, с. 137]. «Предположение, основанное на сомнении в правильности, законности» чьих-нибудь «поступков» [3, с. 466]. В рассматриваемом нами случае «подозрение» — это предположение, основанное на имеющихся в распоряжении следователя (дознавателя и др.), а равно представленных судье сведениях (доказательствах), указывающих на возможную причастность конкретного лица к совершению преступления.

И это могут быть любые сведения (доказательства). Лишь в случае появления в уголовном процессе фигуры подозреваемого в связи с его задержанием в соответствии со ст. ст. 91 и 92 УПК РФ, понятие «подозрение» несколько специфично. Подозрение в такой ситуации имеет место только в случае наличия одного или нескольких фактических оснований задержания. И даже основание задержания, о котором идет речь в ч. 2 ст. 91 УПК РФ (иные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления), — это не любого рода информация. Это фактические данные, среди которых в обязательном порядке есть те, которые содержатся в уголовно-процессуальных доказательствах.

Основная идея второго предложения абз. 1 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 заключается в том, что фактические основания задержания одновременно являются фактическими основаниями подозрения лица в совершении преступления, свидетельством того, что это лицо причастно к совершению преступления. Наличие таковых, а равно всех иных оснований подозрения лица в совершении преступления суду и следует проверять при рассмотрении вопроса об избрании в отношении такого лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Идея понятна, но представляется, ее формулировка несколько несовершенна. Высший орган правосудия нашего государства ориентирует суды на необходимость обладания в момент избрания меры пресечения в виде заключения под стражу «данными о том, что это лицо причастно к совершению преступления». В этой связи сразу хотелось бы уточнить, что суд не может принимать решения, не располагая доказательствами. Сведения (данные, информация), не содержащиеся в предусмотренном законом источнике — источнике доказательств, вряд ли могут и тем более, должны быть подтверждением обоснованности подозрения. Речь идет о данных, которые получены оперативно-розыскным путем и не вовлечены в процесс доказывания. Они не являются содержанием уголовно-процессуального доказательства. И поэтому не должны влиять на решение суда об удовлетворении или неудовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Согласно ч. 1 ст. 108 УПК РФ фактическими обстоятельствами, на основании которых судья принял решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ. Согласно же ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Уже только поэтому данными, о которых идет речь во втором предложении абз. 1 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41, не может быть такого рода информация (рапорта[4]). К тому же ранее сам Верховный Суд РФ обращал внимание судов на необходимость строгого соблюдения данного требования [2].

Думается, к тем данным, о которых идет речь в анализируемом предложении, нельзя относить и слухи, сплетни, сведения, источник получения которых не известен, и т.п.

В нем говорится «обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершению преступления». Что это за «лицо»? Под «этим лицом» здесь понимается именно тот гражданин, в отношении которого, во-первых, имеется подозрение, во-вторых, таковое оценивается судом. Соответствующим «лицом» может быть и организатор, и исполнитель, и пособник; и лицо, уже обладающее статусом подозреваемого, и лицо, которое подозреваемым станет после применения к нему меры пресечения. Таким лицом, несомненно, может быть и обвиняемый, подозреваемый в совершении иных (по которым ему еще не предъявлено обвинение) преступлений.

А теперь несколько слов об обстоятельствах, свидетельствующих об обоснованности подозрения. Примеры «данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению» (иначе, оснований подозрения конкретного лица в совершении преступления) приведены в скобках в абз. 1 п. 2 Постановления 2013 г. — «лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.».

Сразу отметим, полагаем, последовательно под выражением «и т.п.» в анализируемой ситуации подразумевать прежде всего сведения, являющиеся одновременно второй, предусмотренной ч. 2 ст. 91 УПК РФ группой фактических оснований задержания — иные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления, когда это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Нет необходимости, вернее даже, и возможности, более широкого толкования термина «и т.п.». Вряд ли правильно утверждение, что «достаточными данными о том, что лицо могло совершить преступление» может стать и иного рода информация. Полагаем, что иных, помимо тех, что закреплены в ст. 91 УПК РФ оснований подозрения лица в совершении преступления просто быть не может. И вот почему.

Последним из фактических оснований подозрения лица в совершении преступления (они же основания задержания по подозрению в совершении преступления) является наличие «иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, … если следователем с согласия руководителя следствен-

ного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу». Таким образом, формулировка ч. 2 ст. 91 УПК РФ настолько широка, что невозможно существование каких-либо еще оснований подозрения помимо тех, что закреплены в ст. 91 УПК РФ, тем более применительно к вопросу об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Они все равно будут «иными данными, дающими основание подозревать лицо в совершении преступления».

Список источников: 1. Краткий толковый словарь русского языка [Текст] / Сост. И.Л. Городецкая, Т.Н. Поповцева, М.Н. Судоплатова, Т.А. Фоменко; Под ред. В.В. Розановой. — 4-е изд., стереотип. — М.: Рус. Яз., 1985. — 245с.; 2. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2010 года»; 3. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.; 4. Определение Верховного Суда РФ от 7 октября 2013 г. № 5-Д13-51; 5. Рыжаков А.П. Анализ разъяснений практики применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 / А.П. Рыжаков. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». 2010; 6. Рыжаков А.П. Заключение под стражу, залог и домашний арест / А.П. Рыжаков. — М.: Дело и Сервис, 2011. —256 с.; 7. Рыжаков А.П. Подробный комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» А.П. Рыжаков. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». 2010.

УДК 343.1 (075.8)

Privalova N.V., Ryzhakov A.A., Ryzhakov A.P. Reasonable suspicion

Decision of the Supreme Court of the Russian Federation from May 24, 2016 № 23 «Amending certain rulings by the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in criminal cases» changed the wording of p. 2 of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2013 № 41 «The courts are to apply the legislation on preventive measures as detention, house arrest and bail». The highest organ of Justice of our country clarified the notion of reasonableness of suspicions and added two paragraphs, which formulated the mandatory requirements for such. In this article the authors explained the content of the new editions of the desired points of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: *detention, detention, preventive measure, legal explanation, suspicion, involvement in crime.*

Прусс А. Р.

Некоммерческая организация
«Алтайская краевая коллегия адвокатов»
(Барнаул, Россия)

О ПОРЯДКЕ ОЗНАКОМЛЕНИЯ ОБВИНЯЕМОГО И ЕГО ЗАЩИТНИКА С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Статья посвящена одной из актуальных проблем российского уголовного процесса – порядку ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела на стадии предварительного расследования. Проблема затягивания процесса ознакомления с материалами стороной защиты приводит к увеличению сроков предварительного расследования и нарушению прав других участников процесса. По мнению работников органов предварительного расследования, существующая возможность пресечения неправомерного поведения обвиняемого и его защитника в случае явного затягивания процедуры ознакомления с делом, не решает возникающих проблем. Автор анализирует предложения, содержащиеся в разъяснениях адвокатских палат субъектов, а также обсуждаемые на уровне законопроектов.

Ключевые слова: *предварительное расследование, ознакомление, материалы уголовного дела, права обвиняемого и защитника.*

Ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела является заключительным этапом производства по уголовному делу и одним из важнейших процессуальных действий. Сторона защиты впервые получает полную информацию о всей совокупности доказательств, собранных лицом, ведущим производство предварительного расследования. Кроме того, после ознакомления с материалами дела у обвиняемого появляется право на выбор формы уголовного судебного производства.

Вопросы правовой регламентации этапа ознакомления обвиняемого и защитника остаются во внимании учёных и практиков. Это связано с тем, что норма статьи 217 УПК РФ не дает ответов на все проблемные вопросы, возникающие в практической деятельности. Особо пристальное внимание уделяется проблеме затягивания процесса ознакомления с материалами стороной защиты. По мнению некоторых авторов это является одним из самых распространенных и опасных нарушений уголовно-процессуального законодательства [1, с. 211], которое приводит к увеличению сроков предварительного расследования и нарушению прав других участников процесса.

В этой статье мы проанализируем возможные пути преодоления спорных ситуаций, возникающих в правоприменительной деятельности при ознакомлении обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела.

По общему правилу, установленному ст. 217 УПК РФ, обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела [2]. В ч.3 ст. 217 УПК РФ, законодатель предусмотрел инструмент, позволяющий следователю по судебному решению пресечь неправомерное поведение обвиняемого и защитника в случае явного затягивания процедуры ознакомления с делом. Если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела явно затягивают время ознакомления с указанными материалами, то на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 125 УПК РФ, устанавливается определенный срок для ознакомления с материалами уголовного дела. Однако, эта норма не решает возникающих проблем, т.к. в её описании законодатель использовал оценочные, субъективные категории, указав на грань разумного [3, с. 193].

Предложения установить конкретные сроки для ознакомления с материалами уголовного дела разрабатываются в научной литературе, содержатся в разъяснениях адвокатских палат субъектов, а также обсуждаются на уровне разработки законопроектов отдельными ведомствами.

Подчеркивая, что действия защитника по ознакомлению с материалами уголовного дела представляют собой трудоемкую интеллектуальную деятельность, состоящую из детального изучения материалов, их анализа и сопоставления, Советом Адвокатской палаты Новосибирской области даны разъяснения «О продолжительности времени ознакомления с материалами

уголовного дела». В разъяснении адвокатам рекомендуется руководствоваться следующими положениями о продолжительности времени ознакомления: материалы уголовного дела, не составляющего особую сложность – не менее двух дней на изучение одного тома уголовного дела; материалы уголовного дела в отношении трех и более обвиняемых (подсудимых), в случае предъявления обвинения по трём и более преступлениям, в отношении несовершеннолетних и т.д. – не менее трёх дней на изучение одного тома [4]. Аналогичные рекомендации даны в разъяснениях Совета Адвокатской палаты Волгоградской области [5] и Совета Адвокатской палаты Тверской области [6]. Эффективность этих разъяснений вызывает обоснованные сомнения, так как неизвестны критерии, по которым была определена продолжительность изучения. В случае изучения материалов уголовных дел, объемы которых исчисляются сотнями томов, следование рекомендациям с очевидностью приведет к продолжительности ознакомления с материалами дела, исчисляемого годами. Кроме того, положения носят рекомендательный характер для адвокатов, а для следователей и дознавателей необязательны вовсе.

В 2014 г. в Государственную Думу был внесен законопроект №500393-6 «О внесении изменений в Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации (в части ограничения следователем времени ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела в случае их явного затягивания), разработанный Министерством внутренних дел Российской Федерации. В этом законопроекте предлагается внести изменения в статью 217 УПК РФ, а именно:

1)установить срок для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела не свыше 3 месяцев с момента вынесения судебного решения в порядке статьи 125 УПК РФ. При этом общий срок ознакомления не должен превышать 6 месяцев;

2) предусмотреть возможность продления срока ознакомления на 1 месяц на основании судебного решения по ходатайству обвиняемого и его защитника;

3) ограничить до двух суток срок на подготовку стороной защиты письменных ходатайств после ознакомления с материалами дела [7].

Безусловно, внесение подобных изменений в процессуальный закон сделало бы процесс ознакомления с делом максимально комфортным и удобным с точки зрения организации работы по делу для органов предварительного расследования.

Указанный законопроект подвергся обоснованной критике, в том числе со стороны адвокатского сообщества, выраженной в опубликованной правовой позиции Федеральной палаты адвокатов РФ. По мнению авторов позиции, законопроект прямо нарушает принципы международного и российского права (равенство сторон; состязательность), нивелирует значение судебного контроля как гарантии предотвращения незаконных и необоснованных ограничений прав и свобод граждан. Кроме этого, предлагаемый судебный порядок обращения за установлением срока ознакомления и за его продлением является бессмысленным в ситуации, когда к моменту рассмотрения ходатайства общий срок ознакомления истек и уголовное дело передано в суд для разрешения по существу [8].

22 марта 2017 г. указанный законопроект был рассмотрен на заседании Государственной Думы РФ в первом чтении, но отклонен [7].

На наш взгляд, реализация положений законопроекта кардинально изменит процесс ознакомления с материалами дела. Поэтому к внесению таких неоднозначных изменений в федеральный закон законодатель должен подходить крайне взвешенно и осторожно.

Кроме того, ч.3 ст. 217 УПК РФ уже предусматривает инструмент противодействия явному затягиванию ознакомления с делом обвиняемым и его защитником. В усовершенствовании нуждается скорее практика применения этого положения с цель повышения его эффективности его действия.

В настоящее время, по ходатайству следователя об установлении срока для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела суд принимает решение в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ гл. 16 УПК РФ) «Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство», что по мнению некоторых авторов является недопустимым, поэтому такие ходатайства необходимо рассматривать в порядке гл. 30 УПК РФ (Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия) [9, с.132].

По нашему мнению, более целесообразным является предложение рассматривать указанное ходатайство следователя в порядке, аналогичном разрешению ходатайства об избрании или продлении меры пресечения, т.е. с изучением судом материалов, с участием обвиняемого и его защитника. При этом вопрос об адекватности времени и возможностей защиты должен решаться с учетом всех обстоятельств дела, а именно: сложность дела; необходимость делать выписки, сравнивать документы; необходимость согласования позиции адвоката с его доверителем; перерывы в работе с материалами дела; возможные ограничения, примененные к защитнику при ознакомлении с материалами дела. На важность учета перечисленных обстоятельств обращает внимание Европейский Суд по правам человека (Malofeeva v. Russia, Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia) [8].

Список источников: 1. Игнатьев А.Н. Затягивание процесса ознакомления с материалами уголовного дела: отстаивание прав доверителя или процессуальное нарушение? // Пробелы в российском законодательстве. – №2. – 2012. С. 210-213; 2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»; 3. Попенков А.В. Актуальные проблемы ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. – Вестник Московского университета МВД России. – №9. – 2015. – С. 193-195; 4. Разъяснения Совета Адвокатской палаты Новосибирской области «О продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела» от 26.05. 2015 г. // Адвокатская палата Новосибирской области. URL: http:// www.advpalatanso.ru/docs/razyasnen29052015.doc; 5. Разъяснения Совета Адвокатской палаты Волгоградской области «О минимальной продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела» от 26.02.2016 г. // Адвокатская палата Волгоградской области. URL: http://www.apvo-volgograd.ru/resheniesoveta/ min_time_ oznakomlenya.rtf; 6. Разъяснения Совета Адвокатской палаты Тверской области «О минимальной продолжительности времени ознакомления защитника с материалами уголовного дела» от 08.04. 2015 г. // Адвокатская палата Тверской области. URL: http://www.adv-tver.ru/files/doc/min-vremya-oznakom.docx; 7. Законопроект №500393-6 «О внесении изменений в Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации (в части ограничения следователем времени ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела в случае их явного затягивания) // Государственная Дума РФ. Официальный сайт. Автоматизированная система обеспечения государственной деятельности URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/

(Spravka)? OpenAgent&RN=500393-6; 8. Позиция ФПА РФ в отношении проекта Федерального закона «О внесении изменений в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Федеральная палата адвокатов РФ. URL: http://fparf.ru /documents/legal_positions/14705/; 9. Нагаев Е.В. О совершенствовании процессуального порядка ознакомления с материалами уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. – №3. – 2015. – С. 128–132.

УДК 343.1

Pruss A.R. About the order of the process of learning the criminal case materials by the accused and defence counsel

The article is devoted to one of the actual problems in the Russian criminal procedure – the problem of dragging out the process of learning the criminal case materials at the stage of preliminary investigation by the accused and defense counsel. The problem of dragging out the process of learning the criminal case materials by the defending party is leading to the extension of the timing of preliminary investigation and to violations of the rights of the other participants. According to the opinion of preliminary investigation, the existing possibility to prevent the illegal behavior of the the accused and defense counsel, in case of evidently dragging out the process of learning the criminal case materials, does not resolve the problem. The author reveals proposals contained in explanations of the regional bar chambers, being discussed at the legislative level..

Keywords: *introduction, materials of the criminal case, the rights of the accused and defense counsel.*

Рябинина Т. К.

Юго-Западный государственный университет
кандидат юридических наук, профессор
(Курск, Россия)

Масликова Н. В.

Юго-Западный государственный университет
(Курск, Россия)

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СУДА КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье рассматривается текущий вид правоприменительной практики суда как способ разрешения некоторых диалектических противоречий в уголовно-процессуальном познании. На основании обобщения практики анализируется влияние противоречивых показаний обвиняемого, подозреваемого на оценку доказательств при принятии решения по уголовному делу.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальное познание, противоречия, оценка показаний обвиняемого, подозреваемого.*

Уголовный процесс, представляя собой деятельность всех участников уголовного судопроизводства, осуществляется в рамках определенных взаимоотношений. Эти отношения, отличаясь многочисленностью и разнообразием, носят как правовой (преимущественно процессуальный), так и организационный характер и выстраиваются не только на основе сотрудничества и взаимопомощи друг другу, но и на началах противоречия и состязательности сторон. Вопрос о сущности уголовно-процессуального познания (доказывания) занимает центральное место в исследовании основных проблем уголовного судопроизводства. Общеизвестным, хотя небесспорным, является мнение юристов о том, что доказательственное право является тем стержнем, на котором основывается весь уголовный процесс. Однако до сих пор на практике возникают различные противоречия, связанные с осуществлением данной деятельности. Следует отметить, что противоречия, возникающие в процессе познания обстоятельств по уголовному делу, а также в результате собирания, исследования, проверки и оценки доказательств носят объективный и закономерный характер. Более того, данные противоречия способствуют совершенствованию уголовного процесса в целом, а также выяснению и полному установлению тех обстоятельств, которые имеют значение для разрешения уголовного дела. В этом заключается их основополагающая роль.

Однако следует различать диалектические и формально-логические противоречия в процессе уголовно-процессуального познания. Первые оказывают позитивное влияние на развитие уголовного процесса, в то время как вторые - негативно сказываются на возможностях осуществления цели познания по уголовному делу, а также реализации задач уголовного судопроизводства в целом. Поэтому необходимо проводить четкие различия между данными видами противоречий и соотносить их роль в уголовном процессе, основываясь на их сущности. Хотелось бы отметить, что исследование данной проблемы, а также способов познания и механизмов преодоления различных видов противоречий представляет, как нам кажется, огромный теоретический и практический интерес. Ведь еще Г. В. Ф. Гегель говорил о том, что противоречия есть критерий истины, отсутствие же противоречий - критерий заблуждения. [1] К сожалению, проблема противоречий в уголовном судопроизводстве в целом и в уголовно-процессуальном познании в частности остается до сих пор актуальной, но не вполне исследованной. Поэтому интерес к рассмотрению различных способов разрешения противоречий в процессе познания по уголовным делам со стороны ученых не ослабевает. В рамках данной статьи хотелось бы подробнее остановиться на правоприменительной практике суда как способ разрешения диалектических, возникающих в уголовно-процессуальном познании.

Основными способами разрешения и регулирования противоречий являются привлечение арбитра (третьей стороны), правотворчество и правоприменительная деятельность. [2] В самом широком смысле под правоприменительной практикой следует понимать ставшее общепринятым юридически значимое поведение судей и других правоприменителей, основанное на сложившемся истолковании правовых норм, восполнении их пробелов и неясностей. [3] В теории права принято выделять следующие формы правоприменительной практики: текущая, прецедентная и руководящая. [4 Рассмотрим более подробно текущий вид правоприменительной практики в контексте темы статьи. Текущая судебная практика является тем строительным материалом, “кирпичиками”, на котором базируется вся система правоприменительной практики. Это повседневная деятельность судов по рассмотрению и разрешению уголовных дел. При этом, будучи проявлением конкретного опыта разрешения различных конфликтов и противоречий в уголовном процессе, текущая правоприменительная практика суда отражает прецедентную и руководящую практику. Действительно, судья, рассматривая уголовное дело, будет в том числе ориентироваться и на разъяснения судов высшей инстанции. Естественно, что такое положение дел иногда негативно сказывается на выражении внутреннего

убеждения суда при принятии решения по уголовным делам. Следует понимать, что в рамках уголовно-процессуальных отношений противоречия в качестве конфликта наиболее ярко проявляются в стадии судебного разбирательства, предполагающей проявление принципа состязательности сторон. Закон, предоставляя сторонам равные возможности по участию в процессе доказывания в стадии судебного разбирательства, тем самым раскрывает не только правовую, но и социальную связь правоотношений по разрешению данного конфликта. При этом разрешение юридического конфликта является обязанностью суда. В то же время наличие социального конфликта обуславливает вынесение обоснованного, мотивированного и справедливого решения по уголовному делу. Следует согласиться с В. М. Савицким в том вопросе, что предметом возникшего противоречия между сторонами будет являться обвинение. [5] Поэтому эффективное проведение расследования по уголовному делу, а также грамотное и последовательное поддержание обвинения в суде играют важную роль при вынесении окончательного решения в уголовном процессе. Это подтверждают результаты проведенного исследования. При поддержании государственного обвинения на вынесение решения по делу оказывает влияние позиция прокурора. При обобщении собранных уголовных дел был использован частотный метод анализа данных с использованием программно-вычислительного комплекса MS Exel с формулой для определения эффективности обвинительной деятельности, построенной на принципе построчной проверки соответствия поведения участников процесса заданным требованиям. Объектом анализа служили уголовные дела разных категорий дел, рассмотренные в суде первой инстанции. Проведенное обобщение позволило определить, по каким категориям дел процесс расследования и поддержания государственного обвинения осуществлялся наиболее эффективно.

Для оценки эффективности функционирования института обвинения в системе уголовного процесса было проведено обобщение 462 материалов уголовных дел в районном суде г. Курска.

Согласно предложенной методике процесс обвинительной деятельности по 399 уголовным делам из 462 признаны неэффективными. Из них было окончено с вынесением обвинительного приговора 293 уголовных дела, прекращено 106 уголовных дела. Решение о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями принималось в 20% случаев.

Наиболее эффективно из обобщенных уголовных дел процесс расследования и поддержания государственного обвинения осуществлялся по следующим категориям уголовных дел: ст. 30 ч. 3 ст. 291, ч. 2 ст. 161. В то время как неэффективно обвинительная деятельность происходила по п. в ч. 2 ст. 158. Это связано с принятием решения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим обстоятельствам (прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон) по большинству дел данной категории. Таким образом, данный показатель можно считать условным.

При обобщении результатов статистической отчетности было выявлено следующее влияние позиции отдельных участников стороны обвинения на принятие решения по уголовному делу.

Так, в зависимости от роли противоречивых показаний подозреваемого, обвиняемого при вынесении приговоров были выявлены следующие результаты. В делах, когда лицо в качестве подозреваемого давало признательные показания, а при предъявлении обвинения изменило свои показания, либо воспользовалось ст. 51 Конституции РФ, но в суде вновь признало свою вину, то в 100% случаев суд выносит обвинительный приговор. Ситуация не меняется и при наличии противоречий в показаниях лица, данных на предварительном следствии при предъявлении обвинения и на суде, если в качестве подозреваемого он давал признательные показания.

В случаях присутствия явных противоречий в показаниях подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу, а именно, когда лицо в качестве подозреваемого давало признательные показания, но не признало вину при предъявлении обвинения и в суде, то в 56,3% случаев – суд при вынесении решения вынесет обвинительный приговор, в 37, 7% случаев – согласится с доводами стороны защиты. При этом с вероятностью в 25% суд при вынесении приговора будет руководствоваться доводами, отличными от доводов стороны обвинения и защиты. Если лицо в качестве подозреваемого не признает вину, в качестве обвиняемого и подсудимого признает вину, то суд выносит обвинительный приговор в 100% случаев. Такие же результаты наблюдаются и при наличии противоречий в показаниях обвиняемого, подозреваемого, данных на предварительном следствии, и отказе от прежних показаний в суде. Однако в 33% случаев суд склонен учитывать мнение стороны защиты при вынесении приговора.

Таким образом, как показывает анализ практики, при наличии противоречий в показаниях подозреваемого, обвиняемого, суд склонен в большинстве случаев при оценке доказательств руководствоваться мнением стороны обвинения. Однако в случаях наличия явных противоречий, суд разрешает свои сомнения в оценке доказательств либо с учетом доводов стороны защиты, либо обосновывая приговор на своих собственных умозаключениях, отличных от доводов как стороны защиты, так и стороны обвинения.

Таким образом, правоприменительная практика суда по разрешению противоречий действительно способствует развитию уголовно-процессуальной деятельности. Ведь именно через оценку представленных сторонами доказательств суд приходит к определенным выводам и обосновывает их в мотивировочной части приговора. Поэтому можно говорить о том, что разрешение противоречий является путем к вынесению законного, обоснованного и справедливого решения судом. Следовательно, способствует осуществлению цели уголовно-процессуального познания.

Список источников: 1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2-х тома. Т. 1. – Москва, Институт философии АН СССР, “Мысль”.1970. С. 265; 2. Гревцов Ю. И. Социология: Курс лекций. – СПб.: Издательство “Юридический центр Пресс”, 2003. – с.323-324; 3. Большой юридический словарь/ Под ред. А. Я. Сухарева. — 3-е изд., доп. и перераб. — М.: ИНФРА-М, 2007. С. 455; 4. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. – М., 1981. С. 352; 5. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде: монография. - М.: Наука, 1971. С. 60;

УДК 343.1

Ryabinin T.K., Maslikova N.V. Law enforcement practice of the court as a way to resolve contradictions in the process of cognition in criminal cases

In article the current type of law-enforcement practice of court as a way of permission of some dialectic contradictions in criminal procedure knowledge is considered. On the basis of synthesis of practice influence of contradictory testimonies of the defendant suspected on an assessment of proofs at decision-making on criminal case is analyzed.

Key words: *criminal procedure proof, contradictions, assessment of testimonies of the defendant and suspect.*

Смуглова Н. В.

Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Республики Крым «Крымское республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы» (Симферополь, Россия)

Позняк Т. В.

Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Республики Крым «Крымское республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы» (Симферополь, Россия)

Садовник Н. Г.

Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Республики Крым «Крымское республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы» (Симферополь, Россия)

Полехина Ж. Ю.

Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Республики Крым «Крымское республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы» (Симферополь, Россия)

ТАКТИКА СУДЕБНО-БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОТА

В настоящее время среди всего объема проводимых судебно-биологических экспертиз около 20% занимает экспертиза выделений человека. В последнее время всё чаще на исследование в лабораторию поступает пот. При этом исследователей интересует вопрос о наличии пота обвиняемого на рукоятках орудий убийства. На современном этапе при установлении наличия пота преимущество отдается методу хроматографического исследования, который позволяет установить наличие пота в следах, в том числе при наличии примесей крови, слюны, мочи, спермы и других выделений в пятне, поскольку серин в поте содержится в значительно большем количестве, чем в перечисленном биоматериале. Диагностическим признаком пота является наличие аминокислоты – серина, которая выявляется с помощью специфичного реагента – нингидрина. Рекомендуется определенный алгоритм при обнаружении невидимых контактных следов пота на вещественных доказательствах.

Ключевые слова: *Судебно-биологическая экспертиза, выделения человека, пот, серин, нингидрин.*

Второй по частоте экспертизой, назначаемой в судебно-биологических отделениях, является экспертиза выделений – спермы, слюны, пота и мочи. Этот вид исследований в среднем составляет около 20% всех проводимых судебно-биологических экспертиз [1].

Целью настоящей работа явилось определение тактики судебно-биологического исследования одного из выделений человека – пота.

В последнее время всё чаще на исследование в лабораторию поступает пот. При этом обычно следователей интересует вопрос о наличии пота обвиняемого на рукоятках орудий убийства (ножах, топорах, молотках и др.), верёвках, шнурах, палках, ремнях, камнях, предметах личного пользования (часах, зажигалках, ювелирных украшениях), мобильных телефонах, средствах транспорта (рулевое колесо, рычаги переключения приборов и скоростей), масках, перчатках, головных уборах. Иногда, при отсутствии потерпевших (например, при исчезновении людей, когда не может быть получен образец крови), используются в качестве образцов пота предметы их одежды. Перед экспертом может быть поставлен вопрос о наличии и групповой принадлежности пота на вещественных доказательствах [2].

Что же такое пот? Основную массу пота составляет секрет потовых желез, который образуется в результате пропотевания жидкости и растворённых в ней веществ из плазмы крови. Потовые железы на теле человека распределены относительно неравномерно, больше всего их на ладонях, лице, подошвах, в подмышечных впадинах и в области промежности. Кроме секрета потовых желез, в состав пота входят также выделения апокринных желез, расположенных в подмышечных впадинах и в небольшом количестве вокруг сосков, в области промежности и в паховых складках. А так же пот содержит значительную примесь кожного сала, которое является продуктом деятельности сальных желез. Сальные железы имеются в кожных покровах почти всюду, за исключением ладоней, подошв, сосков и головки полового члена. Количество пота, выделяемого человеком, зависит от многих причин - функционального состояния организма, психических воздействий (страх, волнение), температуры тела и температуры окружающей среды, приёма лекарственных препаратов, заболеваний и др. Реакция пота колеблется от слабокислой до щелочной, удельный вес - от 1,001 до 1,01. Состав пота сложен и непостоянен, зависит от многих экзогенных и эндогенных факторов. 97-99% пота составляет вода и микроэлементы - натрий, калий, кальций, магний, медь, марганец, железо в виде хлоридов, йодидов, фосфатов и сульфатов. Из органических веществ в поте содержатся: следы белка, липиды, мочевина, креатин, креатинин, мочевая кислота, ароматические кислоты, холестерин, сахар и продукты его преобразования, роданистые соединения (которых больше в поте у курящих людей, чем у некурящих людей). Кроме того пот содержит ферменты (в том числе амилазу), аскорбиновую кислоту и различные аминокислоты: серин, аргинин, гистидин, лейцин, изолейцин, лизин, фенилаланин, тирозин и др. При этом серин значительно преобладает над другими аминокислотами. Серин в поте присутствует постоянно и в достаточно высокой концентрации, в то время как в других биологических жидкостях его содержится ничтожно-малое количество, не обнаруживаемое обычными качественными химическими реакциями. Концентрация серина в поте не изменяется при болезнях обмена веществ, не зависит от характера принимаемой пищи и от того в

какой области тела он образуется. Морфологические элементы пота малочисленны и нехарактерны. Это могут быть слущенные клетки и чешуйки эпидермиса, иногда кристаллы (мочевина, холестерин и др.), микроорганизмы, капли жира.

Пот представляет собой бесцветную жидкость. Пятна пота на белых тканях имеют желтоватый цвет, на окрашенных тканях они обычно не видны, но на участках одежды, подвергающихся постоянному интенсивному пропитыванию потом (например, в области подмышек, воротника), нередко происходит обесцвечивание или стойкое изменение цвета ткани.

При ультрафиолетовом облучении пятна пота флюоресцируют голубовато-беловатым светом. Это явление можно использовать в качестве ориентировочного метода исследования при поисках малозаметных пятен, подозрительных на присутствие пота. Однако в ряде случаев пятна пота могут и не флюоресцировать, например, в случаях их сильных загрязнений и наличия различного рода примесей (например, кровь и др.).

На современном этапе при установлении наличия пота преимущество отдается методу хроматографического исследования, который позволяет установить наличие пота в следах, несмотря на примеси крови, слюны, мочи, спермы и других выделений, поскольку серин в поте содержится в значительно большем количестве, чем в перечисленном биоматериале. Диагностическим признаком пота является наличие аминокислоты – серина, которая выявляется с помощью специфичного реагента – нингидрина.

Серин обычно удаётся обнаружить в пятнах пота, которые подвергались кратковременному замачиванию в растворах стиральных порошков, слабой щёлочи (соды), слабом растворе уксусной кислоты. Так, в нашей практике было установлено наличие пота на одежде убитой женщины, пролежавшей в бочке с водой около 7 дней. Однако застирывание мылом или стиральным порошком полностью удаляет пот из пятна. Промывание перекисью водорода, бензином, керосином, проглаживание горячим утюгом – не препятствует обнаружению пота. Пергидроль быстро разрушает серин, поэтому после обработки им исследуемого материала пот в нём не обнаруживается [1, 3].

Определение серина зависит от концентрации и количества пота в исследуемом объекте, поэтому в процессе проведения судебно-биологической экспертизы пота приходится варьировать величину навесок.

Обнаружение пота на вещественных доказательствах всегда должно сопровождаться также соответствующим исследованием расположенного в непосредственной близости от исследуемого пятна участка предмета-носителя и заведомого пятна пота [4, 5].

Необходимость определения видовой принадлежности пота возникает очень редко, так как большинство животных, с которыми соприкасается человек в повседневной жизни, не обладают способностью к потоотделению.

Группа пота устанавливается по изосерологической системе АВО. Необходимо отметить, что при этом часто могут быть получены ложные результаты, когда выявляются все антигены изосерологической системы АВО - А, В и Н. Это связано с тем, что на руках человека с определённой группой крови могут быть выявлены и не свойственные ему групповые факторы за счёт соприкосновения с какими-либо предметами: ручками дверей, перилами в подъездах, на эскалаторах, поручнями в автобусах, товарами в магазинах, деньгами и т.п., или тактильными контактами с другими людьми (рукопожатия). Таким образом, если этот человек затем соприкасается с предметами, которые направлены на экспертизу, то на этих предметах могут оказаться чужие антигены, не свойственные данному человеку. А так как перечисленными выше вещественными доказательствами обычно пользуется широкий круг лиц, то выделить кого-то одного практически невозможно. Поэтому следователи должны помнить об этих обстоятельствах при назначении судебно-биологических экспертиз по потожировым выделениям.

В настоящее время однозначно решить вопрос об источнике происхождения того или иного биологического объекта (в том числе и пота) можно с помощью молекулярно-генетического исследования. Так достижения с использованием технологии ДНК-анализа применяются при исследовании минимальных количеств ДНК ядросодержащих клеток, которые обнаруживаются в следах пота на вещественных доказательствах. Успешные результаты достигаются при типировании ДНК клеточного материала, перенесённого с кожи индивидуума на объект во время прикосновения или контакта, даже после отрицательной реакции на пот, так как чувствительность методики на пот значительно ниже, чем установление профиля ДНК в следах контакта. Находящиеся в руках человека предметы, такие как оружие, или другие предметы, связанные с преступлением, поверхности к которым прикасаются руками, предметы одежды, украшения и др. несут на своей поверхности небольшое количество клеток, которые содержат минимальное количество ДНК, необходимое для идентификации личности. Определение ДНК-профиля потожировых следов, обнаруженных на вещественных доказательствах, обладает большим потенциалом при идентификации личности и помогает при раскрытии многих преступлений.

Однако назначение генетической экспертизы рекомендуется вначале согласовать с экспертами-генетиками с целью рационального отбора вещественных доказательств и решения вопроса о целесообразности такой экспертизы при определённых обстоятельствах дела.

В заключении хочется рекомендовать следующий алгоритм при обнаружении невидимых контактных следов на вещественных доказательствах:

1. Вначале назначается судебно-биологическая экспертиза с целью установления наличия пота. При обнаружении пота устанавливается его групповая принадлежность. В случаях обнаружения разных групп пота у потерпевшего и подозреваемого исследование может быть окончено. Однако, смывы и вытяжки из исследуемых пятен оставляют для возможного молекулярно-генетического исследования.

2. В случае, если в процессе проведения судебно-биологической экспертизы пот не обнаружен, то смывы и вытяжки из исследуемых объектов направляют для судебно-цитологического исследования с целью установления наличия клеток. При установлении достаточного количества пригодных клеток определяется групповая, а при необходимости и половая принадлежность. При обнаружении разных групп клеток потерпевшего и подозреваемого, исследование может быть окончено.

Часть клеток остаётся для возможного молекулярно-генетического исследования.

3. В случаях недостаточного количества и качества цитологического исследования, смывы и вытяжки из исследуемых объектов рекомендуется направлять для дальнейшего молекулярно-генетического исследования, эффективность которого составляет, как известно 99,99%. В случае отсутствия образцов для сравнения, например подозреваемого, профиль установленной ДНК сопоставляется с архивом образцов ДНК.

Список источников: 1. Барсегянц Л.О., Левченков Б.Д. Судебно-медицинская экспертиза выделений организма. – М., «Медицина», 1978. – 121 с. 2. Кривда Г.Ф., Демиденко А.Н. Осмотр трупа и вещественных доказательств на месте происшествия. – Херсон, 2012. – 53 с. 3. Барсегянц Л.О. Судебно-медицинское исследование вещественных доказательств. – М., «Медицина», 2005. – 35 с. 4. «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации». – Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации N 346н, Москва, 12.05.2010. – 120 с. 5. Г.М. Сулейменова. Идентификация следов выделений. Составление выводов при судебно-медицинской биологической экспертизе. – Санкт-Петербург, 2013. – 56 с.

УДК 340.62

Smuglova N. V., Poznyak T. V., Sadovnik N. G., Polehina J. Y. Tactics of forensic sciencesexamination of sweat

Currently, among the total volume of carried out it is judicial-biological examinations, about 20% is the examination of human excreta. In recent years, increasingly on research in laboratory sweat. While researchers interested in the question of the presence of sweat on the arms of the accused of the murder weapons. At the present stage to establish whether sweat preference is given to a method of chromatographic study, which allows to establish the presence of sweat in the traces, including the presence of blood, saliva, urine, semen and other secretions in the macula, because the serine in the sweat contains much more than the listed biomaterial. Diagnostic sign of sweat is the presence of amino acids – serine, which can be detected using a specific reagent – ninhydrin. We recommend a specific algorithm for the detection of invisible contact sweat stains on the material evidence.

Key words: *Forensic biological examination, the isolation of man, sweat, serine, ninhydrin.*

Сидорова Н. А.

Санкт-Петербургский государственный университет
кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)

ВОПРОСЫ ПОДСУДНОСТИ И СОСТАВА СУДА В УПК СТРАН СНГ

В статье анализируются нормы уголовно-процессуальных кодексов стран СНГ. Традиционный состав суда при рассмотрении дела в суде первой инстанции – судья единолично или коллегия из трех профессиональных судей, в отдельных УПК допускаются дифференцированные составы суда, в которые включаются представители общественности. К таким составам можно отнести суд присяжных, число которых колеблется от двенадцати до девяти, а также составы, в которых участвуют заседатели из числа общественности, избираемые или назначаемые. При рассмотрении отдельных уголовных дел в ряде УПК предусмотрен состав из трех профессиональных судей. При пересмотре решений, не вступивших в законную силу, допускается коллегиальный порядок пересмотра решений, в судах кассационной и вышестоящих инстанций устанавливается коллегиальный состав судей.

Ключевые слова *Состав суда, единолично судья, коллегия из трех судей, присяжные заседатели, народные заседатели , мировой судья*

Существенное значение для всестороннего, полного и объективного рассмотрения и разрешения уголовного дела имеет законный, компетентный, независимый и беспристрастный состав суда.[1] Одной из актуальных задач уголовного судопроизводства является обеспечение права на доступ к правосудию, реализации которого и будет способствовать такой состав суда, который позволит вынести справедливое и законное решение, реализовать основ-ное назначение уголовного процесса. Суд, как носитель функции правосудия, реализует свои полномочия в различных составах – единолично, коллегиально, с привлечением общественности либо без нее. Все это определяется целой группой факторов, например, правовыми традициями того или иного государства, особенностями правовой системы, спецификой системы судебных органов и др. В соответствии с действующим российским законодательством можно выделить следующие составы суда при рассмотрении уголовного дела в суде 1 инстанции: судья единолично, коллегия из трех профессиональных судей, один профессиональный судья и 12 присяжных заседателей (с июня 2018 г – в районных судах 1 судья и 6 присяжных, в судах 2 звена – 1 судья и 8 присяжных)[2] . Ст.5 УПК РФ не дает определения понятию состав суда.. В ст.30 УПК РФ анализируются различные составы. В УПК стран, входящих в СНГ, предлагаются различные варианты составов судов при рассмотрении уголовных дел и соответственно дифференцируется их подследственность. Так УПК Азербайджанской Республики[4] в ст.78 устанавливает, что « В судах Азербайджанской Республики уголовные дела рассматриваются судьями единолично или в коллегиальном составе», при этом устанавливается, что как уголовные дела, так и материалы, которые связаны с уголовным пре-следованием по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести ,дела о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности рас-сматриваются судьями единолично. Эти категории дел относятся к подсудности районных городских) судов (ст. 67 УПК АР). Суды по тяжким преступлениям рассматривают уголовные дела уже в коллегиальном составе - 3 судей. В таком же составе уголовные дела рассматриваются в апелляционной и кассационной инстанциях (ст. 78 УПК АР). Пленум Верховного Суда АР рассматривает дела как в порядке . Исходя из специфики государственного устройства специальными нормами определяется подсудность уголовных дел Верховному суду Нахчыванской Автономной Республики (ст.71). УПК Республики Армения[5] более лаконично регламен-тирует вопросы подсудности и составов судов. Ст.39 УПК Республики Арме-нии также предусматривает 2 основных вида составов – коллегиальный и единоличный, при этом в ч.2 ст.39 УПК РА определено, что «Все уголовные дела в суде первой инстанции рассматриваются в составе одного судьи», ст.44 УПК РА ограничивается указанием на тот факт, что в суд первой инстанции разрешаются все категории дел. Дифференциация полномочий апелляционной и кассационной инстанций предложена в ст.ст. 45 и 46 .В Республике Беларусь [6] при рассмотрение дел в суде 1 инстанции осуществляется как единолично судьей, так и коллегиально. Однако коллегия судей здесь состоит из судьи и двух народных заседа-

телей – непрофессиональных судей. К компетенции судьи единолично относятся дела о преступлениях с максимальной санкцией до 10 лет лишения свободы (ст.32,267 УПК РБ). Коллегиально же рассматриваются такие дела, по которым может быть назначено наказание свыше 10 лет лишения свободы и более тяжкое, а также дела о преступлениях несовершеннолетних (ст.32, 268 УПК РБ). Ст.268 УПК РБ определяет специальную подсудность областному, Минскому городскому суду уголовных дел, в которых содержатся сведения, относящиеся к категории специально охраняемых. Дела о преступлениях, совершенных высшими должностными лицами государства и специальными субъектами относятся к исключительной компетенции Верховного Суд РБ (ст.269 УПК РБ). Дифференцирует составы суда при рассмотрении дела в первой инстанции и ст. 52 УПК Республики Казахстан[7]. Два вида составов, подсудность которым устанавливается в ч.1 ст. 52 УПК РК путем определения перечня дел, относящихся к компетенции коллегиального состава. Коллегиальный состав суда - судья и 10 присяжных. К их компетенции относятся дела о преступлениях, за которые может быть назначено пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Исключение составляют дела дел об убийствах, совершенных в условиях чрезвычайной ситуации и в ходе массовых беспорядков, о воинских преступлениях, совершенных в военное время или боевой обстановке, и преступлениях, предусмотренных ст.170 (частью четвертой), 175, 177, 178, 184, 255 (частью четвертой), 263 (частью пятой), 286 (частью четвертой), 297 (частью четвертой), 298 (частью четвертой), 299 (частью четвертой) УК РК . В остальных случаях дела рас-сматривается судьей единолично, в том числе и при решении вопроса и при-менении принудительных мер медицинского характера. Дифференцируются составы судей и в апелляционной инстанции. По общему правилу дело пере-сматривается коллегиально тремя профессиональными судьями, судья единолично рассматривает апелляционные обращения в случае сокращенного производства, по делам об уголовных проступках и преступлениях небольшой тяжести, при решении вопросов об исполнении судебных решений и поста-новлений следственного судьи. Что же касается кассационного порядка, то здесь исключительно коллегиальный состав (не менее 3 судей) и устанав-ливаются ограничения по кругу судебных актов, которые могут быть пере-смотрены в этой инстанции. Особая процедура установлена для возобновле-ния дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Ходатайства рассматривают-ся судьей суда 1 инстанции, которая вынесла приговор, единолично (ст.504 УК РК).В Кыргызской Республике (КР) подсудность дел в суде 1 инстанции по составу суда дифференцируется на уголовные дела, подсудные судье еди-нолично и суду присяжных[8]. К компетенции суда присяжных относятся категории уголовных дел, установленные ч.5 ст. 240 УПК РК, все остальные дела рассматриваются единолично судьей. Состав коллегии присяжных определяется в 9 человек (ч.2 ст331-11 УПК КР.). В апелляционном и кассацион-ном порядке дела рассматриваются коллегиально. Соответственно для апел-ляции этот состав определяется – 3 профессиональных судьи, такой же состав формируется и в кассационной инстанции. Надзорной инстанцией является Судебная коллегия по уголовным делам и делам об административных правонарушениях Верховного суда КР, которая действует в данном случае в составе 3 судей. В Республике Молдова [9] состав суда определяется ст.30 УПК : это единолично судья или коллегиально 3 судей. К компетенции коллегии судей при рассмотрении уголовного дела в суде 1 инстанции относятся дела о чрезвычайно тяжких преступлениях, за совершение которых закон предусматривает наказание в виде пожизненного заключения (ч.3 ст. 30), уголовные дела особой сложности, уголовные дела, которые имеют большую общественную значимость (ч.4ст.30) при наличии мотивированного решения председателя судебной инстанции. Апелляционная инстанция действует в составе 3 судей. Расширенная коллегия Высшей судебной палаты рассматривает кассационные жалобы в составе 5 судей, Коллегия по уголовным делам Высшей судебной палаты рассматривает жалобы на отмену и кассационные жалобы в интересах закона в составе не менее двух третей общего числа судей. (ч.6,7,8 ст. 30, ст. 39 УПК). При этом ст.29 УПК допускает возможность создания специализированных судов, коллегий или составов. Однако изменением состава суда допускается только до начала судебного расследования (ст. 31). Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан[10] также устанавливает 2 основных вида составов при рассмотрении уголовного дела в суде 1 инстанции - коллегиальный состав и единолично судья. В данном случае в состав коллегии входят два народных заседателя. К компетенции судебной коллегии относятся рассмотрение уголовных дел об особо тяжких преступлениях. Большая часть уголовных дел подсудна городским и районным судам. Ст.252 УПК РТ определяет подсудность уголовных дел суду Душанбе, областному суду и суду Горно-Бадахшанской автономной области. К их компетенции отнесено рассмотрение уголовных дел, по которым в качестве наказания может быть назначено смертная казнь или пожизненное заключение. Но и в отношении этих судов есть исключения, установленные ст. 254 УПК – это подсудные военным судам дела (в частности, преступления, совершенные, военнослужащими, военнообязанными во время сборов, в отдельных случаях сотрудниками МВД, начальствующим составом ИТУ, шпионаж. Если преступление совершено в соучастии и хотя бы один из соучастников является специальным субъектом, отвечающим признакам, предусмотренным ст.254 УАК, то дело подлежит рассмотрению в военном суде. Верховный Суд РТ рассматривает дела, которые в своих материалах содержат государственную тайну, а также дела о преступлениях, которые подсудны судам 2 звена, но если они совер-шены в районах и городах республиканского подчинения. В кассационной инстанции дело рассматривается коллегиально в составе 3 судей. Состав над-зорной инстанции определяется соответственно структурой надзорной инста-нции. Так в Верховном Суде Республики Таджикистан, если надзорной инстанцией является коллегия, то она действуют в составе 3 судей, если дела рас-сматривается в президиуме – не менее двух третей членов. В Верховном Суде Горно-Бадахшанской автономной области, суде города Душанбе надзорной инстанцией также является Президиум суда. В судах Туркме-нистана [11] также функционируют 2 основных вида составов суда при разрешении дела, кроме профессионального судьи, который может рассматривать дела единолично, коллегиальный состав

определен как судья и заседатели судов. Единоличное рассмотрение судьей уголовных дел допускается в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, остальные де-ла рассматриваются коллегиально. При этом ст.53 УПК Туркменистана устанавливает очень важные принципы осуществления правосудия при коллегиальном порядке рассмотрения уголовных дел: «При осуществлении правосудия заседатели суда пользуются равными правами с судьей. Заседатели суда, основываясь на принципах коллегиальности, в решении всех вопросов, возникающих в судебном заседании при рассмотрении уголовных дел и вынесении приговора, пользуются равными правами с председательствующим на нем.» Ст. 55 УПК Туркменистана определяет правило, в соответствии с которым по решению в суд может быть вызван запасный заседатель, если предполагается длительное судебное разбирательство. В случае замены выбывшего заседателя, судебное разбирательство может быть продолжено, если вновь вступивший заседатель не требует возобновления произведенных в его отсутствие судебных действий. Все без исключения суды республики могут рассматривать уголовные дела как суды первой инстанции, подсудность определяется по предметному признаку и по признаку специального субъекта. Так Верховному Суду Туркменистана подсудны дела, которые он может принять к своему производству по собственной инициативе, если они являются сложными, имеют особую общественную значимость, дела о преступлениях судей и др. При этом вышестоящий суд может принять к своему производству любое уголовное дело, которое подсудно нижестоящему суду. Также, как и в Туркменистане, функционируют 2 вида составов суда и в Республике Узбекистан [12]: судья и коллегиальный состав – судья и народные заседатели (ст.30 УПК РУ). Допускается назначение запасного заседателя, который присутствует с самого начала процесса и пользуется всеми правами судьи, кроме права участвовать в совещании и принимать решения по делу (ст.407УПК). Исходя, из содержания, ст. 497-11,506,519, 520 УПК РУ рассмотрение дел в апелляционном, кассационном и надзорном порядке осуществляется судом коллегиально. Таким образом закон предусматривает несколько видов составов суда при рассмотрении дел судами общей юрисдикции.

Список источников :1. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года.; 2. Федеральный закон от 23.06.2016 N 190-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей"; 3.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.03.2017);.4.Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.09.2016 г.); 5.Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 года № ЗР-248(с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.07.2016 г.) ;6.Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.04.2016 г.) ; 7. Кодекс Республики Казахстан уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.02.2017 г.) ; 8.Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.02.2017 г.) ; 9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.07.2016 г.) ; 11.Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.07.2016 г.) ; 12.Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 года(с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.03.2016 г.); 13.Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII)(с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.04.2016 г.) ; 14.Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств - участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 17 февраля 1996 г.)

УДК 343.17

Sidorova N.A. the jurisdiction and composition of the court in The criminal procedure code of the cis countries

The article analyzes the norms of criminal-procedural codes of the CIS countries. The traditional composition of the court in the proceedings in the court of first instance, single judge or a panel of three professional judges, in some of the CPC allowed the court differentiated compositions, which included members of the public. In criminal cases, usually for grave and particularly grave crimes, the criminal procedure code provides for a composition of three professional judges. The revision of the decisions that entered into legal force allowed the peer review of decisions in the courts of cassation and higher courts set a collegiate composition of judges.

Keywords: *the composition of the court, single judge, a panel of three judges, jurors, judges , justice of the peace*

Рубанова Л. В.

Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Республики Крым «Крымское республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы»
(Симферополь, Россия)

Юрий Т. А.

Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Республики Крым «Крымское республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы»
(Симферополь, Россия)

Соколова И. Ф.

Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Республики Крым «Крымское республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы»
кандидат медицинских наук, доцент
(Симферополь, Россия)

Позий В. С.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
кандидат химических наук, доцент
(Симферополь, Россия)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Предварительные методы исследования вещественных доказательств биологического происхождения облегчают работу судебно-медицинским экспертам и помогают обнаружить и изъять необходимые для исследования следы и объекты на месте происшествия. При обнаружении следов такой природы приходится сталкиваться с определенными трудностями. Возможности выявления следов крови, спермы, слюны, пота могут зависеть от различных факторов: характера следов крови; изменения цвета и внешнего вида ее под влиянием различных воздействий; характера цвета и

свойств предмета, на котором имеется след крови; действий преступника, направленных на уничтожение следов крови. Предварительные исследования таких объектов на месте происшествия помогают в дальнейшем экспертам эффективно провести различные биологические экспертизы, а в дальнейшем и экспертизы ДНК.

Ключевые слова: *вещественные доказательства биологического происхождения, предварительные методы исследования, экспертиза.*

Предварительные методы исследования вещественных доказательств биологического происхождения помогают обнаружить и изъять необходимые для исследования следы и объекты на месте происшествия. Обнаружение веществ биологического происхождения не представляет затруднений, если следы располагаются на светлых предметах, имеют большие размеры и представляют густые пятна. Однако иногда обнаружение таких следов связано с определенными трудностями, которые отражаются на результатах проведенных последующих экспертиз. Актуальность работы заключается в определении положительных и отрицательных факторов при предварительном исследовании следов биологического происхождения при осмотре места происшествия.

Рассмотрим методы предварительного исследования на примерах наиболее часто встречающихся объектов биологического происхождения. Так, например, обнаружение следов крови связано с изменением цвета и внешнего ее вида под влиянием различных воздействий; цветом и свойств предмета, на котором имеется след крови; действиями преступника, направленными на уничтожение следов крови [1-3]. При этом используют следующие методы: исследование в ультрафиолетовых лучах, обработка 3%-ной перекисью водорода, взаимодействие с реактивной бумагой «Гемоцвет-1», флюоресцентная микроскопия, хемилюминесценция и др.

Из перечисленных наиболее эффективным метода обнаружения следов крови является хемилюминесценция. Он основан на возникновении свечения голубого цвета длительностью 65 сек при взаимодействии даже с ничтожно малыми количествами крови с образованием белой пены. После повторного нанесения реактива вновь возникает яркая вспышка. Минус данного метода заключается в том, что реакция специфична не только для крови, однако, опытный специалист всегда отличит свечение крови от свечения ее имитаторов (соков, чернил, ржавчины, красителей, химикатов и других веществ). Важно отметить, что реакция сохраняет свою чувствительность и после попыток удаления крови (соскабливания, стирки с мылом или стиральными порошками, химчистки, проглаживания горячим утюгом) практически на любых материалах. Исключение составляют случаи тщательного удаления крови с гладких невпитывающих поверхностей (например, пластмассы). Важным фактором является то, что воздействие люминала не мешает последующему судебно-медицинскому исследованию крови.

Следующий биологический объект, на который следует обратить внимание, – это сперма. Часто возникает необходимость установить наличие спермы при проведении экспертизы по уголовным делам, возбужденным в связи с совершением половых преступлений, а так же развратных действий в отношении малолетних или несовершеннолетних лиц. Обнаружение спермы возможно на различных предметах и объектах, но, прежде всего, на одежде и теле потерпевшей, одежде и теле подозреваемого, мазках и тампонах, предметах, расположенных в непосредственной близости от места совершения преступления. Остановимся на методах предварительного исследования спермы. К ним относится визуальный метод, который применяют, в основном, для выявления следов спермы на месте происшествия. Эффективность обнаружения зависит от предмета-носителя, жидкости, с которой она смешивается и др. Так, кровь, смешиваясь с семенной жидкостью, может практически полностью маскировать следы спермы.

Второй метод исследования спермы – макролюминесцнтный. Применяется при не обнаружении спермы во время первичного (визуального) осмотра. С этой целью обычно используют ртутно-кварцевую лампу Вуда. Различают два вида люминесценции: флюоресценцию и фосфоресценцию. Первая означает свечение, имеющее место только во время действия возбудителя: с прекращением облучения прекращается и свечение. Фосфоресценцией называют «послесвечение», т. е. способность вещества испускать световые лучи не только в момент облучения, но и в течение некоторого времени после прекращения действия светового возбудителя. Люминесцентный анализ достаточно «капризен»: многое зависит от подбора источника облучения, установки светофильтров и др. Любое отклонение от требуемых стандартов может привести к ошибочным выводам. Степень люминесценции уменьшается по мере старения сперменных пятен. Нередко следы спермы могут быть уничтожены путем застирывания или замывания. В таких случаях их невозможно обнаружить даже с помощью ультрафиолетового облучения.

Способ этот, однако, неспецифичен, поскольку такое же свечение дают многие вещества, в том числе жидкости растительного и животного происхождения, в частности, сок растений, слюна, моча, молоко и др. Иногда заведомые пятна спермы утрачивают способность флюоресцировать из-за смешивания с кровью, действия красителей, щелочей, кислот и др.

Тем не менее, исследование в лаборатории при проведении экспертизы позволяет выявить сперму на ткани даже после чистки или стирки ее. Поэтому одежда потерпевшей и все предметы, на которых сперма визуально не определяется, но может там находиться, исходя из обстоятельств происшествия, всегда должны направляться на дальнейшую экспертизу.

В последнее время на месте происшествия используются экспресс-тесты следов крови и спермы по обнаружению простатического специфического антигена (далее – PSA Semiquant).

Третий метод обнаружения спермы – микрокристаллическая реакция (проба Флоранса). Является одним из методов предварительного исследования, так как ввиду своей неспецифичности дает лишь ориентировочную информацию для дальнейшего установления наличия спермы. В настоящее время проба Флоранса не имеет практической значимости и представляет лишь исторический интерес.

При осмотре места происшествия часто возникает необходимость обнаружения слюны или ее следов. Исследованию подвергаются куски ткани, одежда жертвы, веревки (петли при повешении), окурки, конверты и др.

Слюна представляет собой бесцветную вязкую жидкость, прозрачную или мутноватую, что зависит от примеси в ней микроорганизмов, эпителиальных клеток, лейкоцитов, остатков пищи и др. Ее химический состав довольно сложный: в ней растворены многие органические вещества (белки, аминокислоты) и минеральные соли. Слюна богата ферментами. Состав слюны непостоянен и зависит от многих факторов: возраста, количества съеденной пищи, общего состояния здоровья, гигиены полости рта, наличия и характера протезов, заболевания желудочно-кишечного тракта, приема лекарств и др.

Выявление слюны сводится, прежде всего, к обнаружению постоянного компонента слюны – фермента амилазы. Добавляя к исследуемому объекту последовательно растворы крахмала и йода и наблюдая наличие или отсутствие синего окрашивания, можно судить о присутствии или отсутствии амилазы. Проведение реакции в лаборатории и точном соблюдении методики исследования практически специфична для слюны и пригодна для судебно-медицинских целей.

Еще одним из объектов, на который в последнее время обращают внимание, являются следы потожировых выделений, которым посвящены работы ряда авторов по обнаружению групповых веществ в выделений человека [4]. В настоящее время возникла реальная возможность установить происхождение следов пота от определенного лица на исследуемых объектах.

Окончательные выводы относительно природы веществ биологического происхождения, их сравнительного исследования можно сделать, лишь проведя экспертизу ДНК.

Следует отметить, что иногда методы предварительного исследования выглядят настолько убедительно, что у следственных органов возникает уверенность в том, что это действительно следы биологического происхождения [5, 6].

Так, на практике приходится сталкиваться с ситуациями, когда, например, при осмотре вещей подозреваемого в ультрафиолетовых лучах было обнаружено свечение, характерное для следов крови. При проведении же экспертизы в условиях лаборатории данное предположение не подтвердилось.

Еще один пример. В биологическое отделение Бюро судебно-медицинской экспертизы поступила экспертиза по уголовному делу о развратных действиях в отношении малолетнего. В постановлении было указано, что вещественные доказательства осматривались следователем и специалистом на месте происшествия и на них были обнаружены следы спермы, т.к. вещи исследовались в ультрафиолетовых лучах и был проведен экспресс-тест на наличие спермы. Назначая экспертизу, следователь был уверен в положительном результате. При осмотре вещественных доказательств экспертом в судебно-биологическом отделении при помощи ртутно-кварцевой лампы (в ультрафиолетовых лучах) наблюдалось отсутствие характерного свечения (объекты светились грязно-серым цветом). Эксперт также исследовал объекты при помощи экспресс–теста и реакции с картофельным соком – результат оказался отрицательным.

Такое несовпадение результатов предварительного исследования и исследования в лаборатории при производстве экспертиз можно объяснить несколькими причинами. Довольно часто положительный результат на наличие следов биологического происхождения при осмотре вещей в ультрафиолетовых лучах дают моющие средства, которые активно светятся ярко-голубым светом. Кроме того, использование методов предварительного исследования требует строгого соблюдения условий их применения. Для осмотров таких объектов настоятельно рекомендуется привлечение специалистов – биологов (экспертов-биологов) или судебно-медицинских экспертов, так как именно они смогут наиболее точно и правильно определить место локализации, последовательность и методику работы с данными объектами. Не следует забывать о том, что после предварительного исследования вещества и их следы должны сохранять свои свойства для дальнейшего изучения в лаборатории.

В заключение хочется обратить внимание на то, что предварительные методы исследования помогают экспертам и правоохранительным органам обнаружить следы биологического происхождения на месте происшествия и это, безусловно, плюс. С другой стороны, эти методы и экспресс-тесты могут дать ложноположительную реакцию при исследовании выделений человека, что повлечет тщательное исследование в рамках экспертизы, при которой вещественные доказательства будут подвергнуты многочисленным исследованиям и на скрытую кровь, и на потожировые выделения, и на слюну и мочу и др., а в результате может быть получен отрицательный ответ. Тем не менее, даже это затраченное время не будет напрасным, т.к. на данном этапе решается вопрос о целесообразности дальнейшего исследования доказательств биологического происхождения в рамках экспертизы ДНК, которая является трудоемкой и дорогостоящей.

Список источников. 1. Барсегянц Л.О. Судебно-медицинское исследование вещественных доказательств: Руководство для судебных медиков. – М: Медицина, 1978. 2. Барсегянц Л.О. Судебно-медицинская экспертиза выделений организма. – М: Медицина, 1978. 3. Барсегянц Л.О. Обнаружение различных выделений человеческого организма при судебно-медицинской экспертизе вещественных доказательств: Дис. … д-ра мед.наук. – М. 1971. 4. PSA In Body Fluids An Overview For Users Of the SERATEC® PSA SEMIQUANT Tests. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www seratek. com/docs/user instructions/psa in bodi fluids. 5.Томилин В.В., Барсегянц Л.О., Гладких А.С. Судебно-медицинское исследование вещественных доказательств. – М: Медицина, 1989. 6. Сидоров В.П., Заславский Г.И., Маяцкая Н.В. и др. Люминесцентные методы исследования крови и спермы в пятнах на вещественных доказательствах. – Спб: издательство НИИХ СПб ГУ, 2000.

УДК 340.62

Rubanova L. V., Yuriy T. A., Sokolova I. F., Poziy V. S. Preliminary research methods of material evidence of biological origin at inspection of the scene: the plus and minus

Preliminary research methods of material evidence of biological origin facilitate the work of forensic experts and help to detect and remove is necessary to study the traces and objects in the scene. Upon detection of traces of this nature has to face certain difficulties. It is possible to identify traces of blood, semen, saliva, sweat can depend on various factors: the nature of blood; changes of color and appearance under the influence of different impacts; the nature of the color and properties of an object that has a trace of blood; the actions of the perpetrator aimed at destroying traces of blood. Preliminary studies of such objects on the scene help in the future experts to effectively conduct a variety of biological examination, and further examination of DNA.

Key words: *physical evidence, the allocation of human, forensic biological examination, tentative and evidence-based methods.*

Соловьев Е. А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Крымский филиал (Симферополь, Россия)

АПЕЛЛЯЦИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются формы и процедуры пересмотра судебных решений в апелляционном порядке. На основе обобщения судебной практики раскрываются полномочия суда апелляционной инстанции.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, суд, апелляция, полномочия, основания, отмена, изменение.*

В современной России одним из приоритетных направлений правовой реформы является усиление правовой защищенности личности. В ст.2 Конституции РФ провозглашено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, подчеркивая, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Все это не могло не сказаться на состоянии современного российского уголовно-процессуального права, которое в последнее десятилетие претерпело значительные изменения.

Система судебной защиты прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве складывается из установленных Конституцией РФ и общепризнанными принципами и нормами международного права взаимосвязанных положений, регламентирующих:

- права на рассмотрение дела гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом (ст.10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.);
- право на справедливое судебное разбирательство (ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950г.);
- право каждого осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом (п.5 ст.15 Международного Пакта «О гражданских и политических правах» 1966 г., ч.3. ст.50 Конституции РФ);
- гарантированность для каждого судебной защиты его прав и свобод (ч.1 ст.46 Конституции РФ);
- возможность судебного обжалования решений и действий (или бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ч.2 ст.46 Конституции РФ);
- право потерпевших на доступ к правосудию (ст.52 Конституции РФ);
- право на повторное рассмотрение дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела (п.2 ст.4 Протокола №7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Указанные нормы предопределяют исключительную значимость института пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве как важнейшего инструмента судебной защиты прав и свобод человека.

Возможность проверки законности и обоснованности судебного решения – важная составляющая права человека на справедливое правосудие.

Задачи защиты прав личности в уголовном судопроизводстве применительно к институту пересмотра судебных решений находят свое развитие и продолжение в ст.19 УПК РФ, регламентирующей право на обжалование процессуальных действий и решений как принцип уголовного судопроизводства, в п.4 ч.1 ст.29 УПК РФ, определяющем право вышестоящего суда отменить или изменить решение, принятое нижестоящим судом, а также в главах 45.1, 47.1 и 48.1 УПК РФ, регламентирующих порядок пересмотра судебных решений как не вступивших, так и вступивших в законную силу.

Пересмотр судебных решений представляет собой определенную систему процессуальных средств, обеспечивающих такой порядок, при котором вступали бы в силу и исполнялись лишь законные и обоснованные приговоры.

Традиционно под апелляцией (от лат. *appellatio* – «обращение») понимается обращение к вышестоящему (апелляционному) суду с целью пересмотра решения нижестоящего суда, рассмотревшего дело. По сути же апелляция представляет собой не что иное, как механизм пересмотра судебных решений (а фактически – устранения судебных ошибок), заключающийся в полной или частичной юридико-фактической проверке не вступивших в законную силу решений суда первой инстанции.

При этом важнейшими свойствами апелляции, обеспечивающим высокий уровень качества и эффективности данного вида судопроизводства является право суда второй инстанции непосредственно исследовать доказательства (проводить допрос участников процесса, осмотр, экспертизу, предъявление для опознания и др.).

Апелляционными основаниями отмены или изменения судебного решения являются нарушения норм материального или процессуального права, которые привели к вынесению незаконного, необоснованного и несправедливого судебного решения. Перечень оснований к отмене или изменению приговора или иного судебного решения дан в ст.389.15 УПК, а содержание каждого из них раскрыто в ст.ст.389.16—389.18УПК.

Своевременное выявление и устранение ошибок и нарушений закона, допущенных при производстве по делу до его разрешения по существу в первой инстанции, имеет значение для обеспечения прав участников процесса, а также служит гарантией правосудия. При решении вопроса о наличии оснований отмены или изменения приговора или постановления необходимо руководствоваться не только положениями ст.ст.389.15—389.18 УПК, но и учитывать нормы международного права: ст.8 Всеобщей декларации прав человека, п.1 ст.14 Международного пакта о гражданских и политических правах, п.1 ст.6 ЕКПЧ и др. Они, как известно, являются в силу ч.4 ст.15 Конституции РФ составной частью правовой системы Российской Федерации. Не менее важны и позиции Конституционного Суда РФ, в частности положения об обеспечении справедливого судебного разбирательства.

В соответствии со ст.389.15 УПК основаниями отмены или изменения приговора в апелляционном порядке традиционно являются:

- несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции;

- существенное нарушение уголовно-процессуального закона;

- неправильное применение уголовного закона;

- несправедливость приговора.

Причиной отмены или изменения обжалуемого судебного решения может послужить как одно из перечисленных оснований, так и одновременно несколько из них.

Из перечня оснований отмены или изменения приговора по уголовному делу, рассмотренному с участием присяжных заседателей, исключено основание, связанное с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела, поскольку фактические обстоятельства уголовного дела устанавливаются вердиктом присяжных заседателей, который пересмотру не подлежит.

Приговор, постановленный в соответствии с требованиями глав 40 и 41 УПК, не может быть обжалован в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции. В связи с этим суд апелляционной инстанции не вправе проверять такой приговор по основаниям, предусмотренным п.1 ст.389.15 УПК.

Несоответствие выводов суда, изложенных в судебном решении, фактическим обстоятельствам дела может быть признано в нескольких случаях:

1) выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании;

2) суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на выводы суда;

3) в приговоре не указано, по каким основаниям при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, суд принял одни из этих доказательств и отверг другие;

4) выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности осужденного или оправданного, на правильность применения уголовного закона или на определение меры наказания.

Все эти случаи касаются фактической стороны дела, правильности оценки судом имеющихся по делу доказательств. На практике часто встречаются не одно, а несколько подобных обстоятельств, которые являются причинами отмены или изменения судебного решения.

С введением апелляции в уголовно-процессуальный закон с 1 января 2013 г. возвращено традиционное понятие существенности нарушений уголовно-процессуального закона как основания для отмены или изменения приговора или иного судебного решения. Это означает, что не всякое формальное нарушение положений процессуального закона может послужить причиной отмены решения суда первой инстанции.

Существенным может быть признано лишь такое нарушение уголовно-процессуального закона, которое в данном деле путем лишения или ограничения гарантированных законом прав участников процесса, несоблюдения его процедуры или иным путем повлияло или могло повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора.

Часть 2 ст.389.17 УПК содержит перечень оснований, по которым отменяются или изменяются судебные решения в любом случае. Отличие этих процессуальных нарушений от других состоит в том, что суду апелляционной инстанции не приходится взвешивать их существенность. При таких нарушениях обвинительный приговор суда подлежит безусловной отмене.

Например: вынесение приговора незаконным составом суда, нарушения права подсудимого на защиту.

Другие, т.е. не указанные в ч.2 ст.389.17 УПК, существенные нарушения уголовно-процессуального закона, служащие основаниями отмены приговоров как в целом, так и в части, можно указать:

- участие в деле в качестве представителя потерпевшей адвоката, который в ходе предварительного следствия оказывал юридическую помощь осужденному;

- незаконное оглашение показаний свидетелей, данных ими в ходе предварительного следствия;

- постановка перед присяжными вопросов без учета результатов судебного следствия и позиции стороны защиты;

- противоречивость вердикта присяжных заседателей;

- рассмотрение дела о применении принудительных мер медицинского характера в отсутствие самого лица, в отношении которого велось данное производство;

- взыскание причиненного в результате преступления вреда с лица, не признанного гражданским ответчиком по делу, что повлекло отмену приговора в части гражданского иска.

В случае, если суд апелляционной инстанции не выявил допущенных по делу существенных нарушений норм УПК, они могут явиться основанием для отмены самого апелляционного решения по делу.

Существенное нарушение уголовно-процессуального закона может послужить причиной не только отмены, но и изменения судебного решения.

При апелляционном рассмотрении уголовного дела независимо от доводов жалобы или представления суд обязан проверить, не имеется ли существенных нарушений уголовно-процессуального закона, предусмотренных ст.389.17 УПК. Установив наличие таковых, суд апелляционной инстанции обязан отменить или изменить приговор или иное судебное решение в отношении всех осужденных, которых касаются допущенные нарушения, независимо от того, кто из них подал жалобу и в отношении кого принесено представление.

Действующим законодательством в одной статье УПК (389.18) объединены два основания для отмены или изменения судебного решения – неправильное применение уголовного закона и несправедливость приговора.

В законе нет даже примерного перечня неправильного применения норм материального права, которые по своему содержанию могут или должны являться основанием для отмены или изменения решения суда первой инстанции. Этого сделать невозможно. Неправильное применение норм материального права может выражаться в применении уголовного закона, не подлежащего применению в данном случае, либо в неприменении закона, который должен быть применен, либо в неправильном толковании закона.

Основанием для отмены или изменения судебного решения может послужить неправильное применение

норм как Общей, так и Особенной части УК, о чем свидетельствует судебная практика Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ:

- неверное толкование положений о совершении преступления группой лиц по предварительному сговору;

- ошибки при применении правил об обратной силе уголовного закона – применение нового закона, ухудшающего положение осужденного;

- назначение дополнительного наказания в виде ограничения свободы несовершеннолетнему осужденному, либо лицу, не имеющему постоянного места жительства на территории РФ;

- при наличии смягчающего наказание обстоятельства в виде явки с повинной назначение наказания в размере, превышающем пределы, предусмотренные ч.1 ст.62 УК;

- назначение наказания без одновременного применения правил, предусмотренных ст.ст.65, 66 УК, при наличии по делу иных смягчающих обстоятельств.

В ст.6 УК указано, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми. Назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечает назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Как показывает судебная практика, и неправильное применение уголовного закона, и несправедливость приговора могут применяться в качестве оснований пересмотра и промежуточных судебных решений, вынесенных на всех, в том числе досудебных, стадиях производства по уголовному делу.

Основание несправедливости судебного решения также применяется при пересмотре промежуточных судебных решений (вынесенных в порядке исполнения приговора), в частности при рассмотрении ходатайства об освобождении от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соответствии со ст.10 УК (п.13 ст.397 УПК).

Подтверждением универсальности апелляционного суда служит то обстоятельство, что предметом судебного разбирательства в апелляционном порядке являются законность, обоснованность и справедливость приговора, законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции (ст.389.9 УПК).

Суд апелляционной инстанции (как и суд первой инстанции) ограничен предъявленным лицу обвинением и не вправе выходить за его пределы. Судебное разбирательство судом апелляционной инстанции производится в соответствии с требованиями ч.1 ст.252 УПК в пределах предъявленного лицу обвинения, поддержанного государственным обвинителем. В случае полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения в суде первой инстанции, суд апелляционной инстанции рассматривает уголовное дело в пределах нового обвинения, если не принесено представление вышестоящим прокурором по причине необоснованности отказа государственного обвинителя от обвинения.

В этих пределах он вправе переквалифицировать содеянное на статью или несколько статей закона, предусматривающих ответственность как за менее, так и за более тяжкие преступления, если такое изменение не будет означать признания осужденного виновным в совершении преступления, существенно отличающегося по фактическим обстоятельствам от предъявленного обвинения. Вынести новый обвинительный приговор вместо обвинительного приговора суда первой инстанции либо иным образом ухудшить положение осужденного он вправе лишь при наличии представления прокурора или жалобы частного обвинителя или потерпевшего (его представителей) и в пределах содержащихся в них доводов.

Если говорить о ревизионном порядке рассмотрения дела, то он заключается в том, что при его разрешении в апелляционном порядке суд не связан доводами апелляционных жалоб или представления и вправе проверить все производство по уголовному делу в полном объеме. При этом должно соблюдаться обязательное условие – недопустимость ухудшения положения осужденного.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п.17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 года №26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке суд вне зависимости от доводов жалобы или представления проверяет, имеются ли предусмотренные ст.389.15 УПК основания отмены или изменения судебного решения, не влекущие ухудшения положения осужденного (оправданного). Установив наличие таких оснований, суд апелляционной инстанции отменяет или изменяет судебное решение в отношении всех осужденных, которых касаются допущенные нарушения, независимо от того, кто из них подал жалобу и в отношении кого принесены апелляционные жалоба или представление.

Закон предоставил суду апелляционной инстанции право принятия широкого спектра решений:

- об отмене обвинительного приговора и о вынесении оправдательного или нового обвинительного приговора;

- об отмене оправдательного приговора и о вынесении своего оправдательного приговора;

- об отмене определения или постановления и о вынесении оправдательного приговора либо иного судебного решения;

- об отмене приговора, определения, постановления и о прекращении уголовного дела, а также о прекращении апелляционного производства.

В то же время за судом апелляционной инстанции сохраняется часть кассационных судебных функций. В исключительных случаях, когда допущенные в ходе производства по уголовному делу ошибки и недостатки он сам устранить не может, он вправе отменить решение суда первой инстанции и передать дело на новое судебное рассмотрение либо возвратить прокурору.

В заключение подчеркнем, что принципиальные правила, определяющие положение суда в состязательном уголовном процессе, сводятся к тому, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне защиты или обвинения. Он лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Новые задачи, поставленные перед судами общей юрисдикции, рассматривающими уголовные дела, в связи с введением апелляции требуют единого подхода к их решению, правильного и единообразного применения уголовно-процессуальных норм и принципов, определяющих порядок апелляционного производства по уголовным делам.

Список источников: 1. Ершов В.В. Апелляция в уголовном судопроизводстве, Москва, Право, 2013 – 320 с; 2. Давыдов В.А. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения, Москва, Право, 2012, № 11 – 50 с; 3. Александров А.А., Ковтун Н.Н. Основания к отмене (изменению) приговора в суде апелляционной инстанции, Государство и право – 2001- № 10.

УДК 343.11

Soloviev E.A. Appeal in criminal proceedings

The article examines the appeal grounds of cancellation or change of judicial decisions. On the basis of generalization of court practice reveals the power of a court cancellation or change of judicial decisions on appeal.

Key words: *criminal justice, court, appeal, powers, substrates, cancel, show original.*

Сошина Н. В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Крымский филиал (Симферополь, Россия)

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ИНСТИТУТА ОТВОДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В данной статье проанализированы правовые нормы, обеспечивающие возможность отвода в уголовном процессе. Данные правовые нормы создают правовой институт уголовно-процессуального права, который является общим правовым институтом. Процессуальные значение института отвода заключается в том, что он одновременно является гарантией прав личности, поскольку создает возможность устранить на законных основаниях должностное лицо, проявляющее необъективность. Такие последствия института отвода позволяют признать его гарантией правосудия.

Ключевые слова: *уголовный процесс, отвод, правовой институт, признаки правового института, уголовно-процессуальное право, правосудие.*

Достижение задач российского уголовного процесса невозможно без всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела, как на этапе предварительного расследования, так и при рассмотрении его в суде. УПК РФ прямо не закрепил данное требование, но это не меняет его основополагающей сути для должностных лиц и органов, наделенных властными полномочиями. Обеспечить защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, как и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, возможно лишь в том случае, если обстоятельства дела будут исследованы должным образом. Залогом объективного расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела является институт отвода в уголовном процессе.

Он содержит комплекс мер по устранению заинтересованных лиц от расследования и разрешения уголовных дел. Многое зависит от объективности следователя, осуществляющего расследование по уголовному делу, а также от объективности суда, рассматривающего уголовное дело по существу. Предвзятое отношение к расследованию и разрешению уголовного дела существенно снижает качество работы не только отдельно взятого органа или должностного лица, но и всей правоохранительной системы в целом, при этом у граждан формируется негативное отношение к государственным органам [1, с.3].

Термин «правовой институт» в юридической литературе один из наиболее употребляемых, однако до настоящего времени он не получил достаточной определенности, хотя его исследованием занимались такие ученые-процессуалисты, как С.С. Ампенов, В.Т. Задерако, С.П. Гришин, Х.А. Мамедова, А.П. Рыжаков и др.

Природа и особенности правового института могут быть правильно поняты в том случае, если исходить из того, что институт - такая общность норм-предписаний, которая в свою очередь является элементом отрасли права. С рассматриваемой точки зрения правовой институт является базой, основой отрасли права [1, с.119].

Имеющиеся в литературе определения правового института позволяют сделать выводы, что под ним понимают, во-первых, совокупность норм, которая призвана регулировать определенную группу общественных отношений в рамках отрасли права; во-вторых, составную часть, структурное подразделение отрасли права. В самом широком виде правовой институт понимается как нечто среднее между нормой и отраслью права [3].

Говоря о признаках правового института, С.С. Алексеев среди них выделяет такие, как единство регулятивных особенностей, интеллектуально-волевое и юридическое содержание [1, с.123].

Под единством регулятивных особенностей понимается то, что правовой институт обеспечивает самостоятельное регулирование определенной сферы общественных отношений.

Интеллектуально-волевое содержание правового института проявляется в том, что ему присуща фактическая и юридическая однородность, то есть он выражается через специфическую группу понятий, общих положений и терминов.

Юридическое содержание правового института выражается в том, что группа правовых норм, составляющих правовой институт, должны объединяться единой правовой конструкцией. В.С. Якушев указывает, что большинство правовых институтов закрепляются в виде самостоятельных структурных подразделов кодифицированного нормативного акта - главы или раздела [4, с. 66-67].

Нормы, регламентирующие отводы в уголовном процессе, обособленно содержатся в кодифицированном нормативно-правовом акте, в частности, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ в главе 9, которая называется «Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве». В указанной главе компактно сосредоточены правовые нормы, регламентирующие определенную сферу уголовно-процессуальных отношений - отвод судье, прокурору, следователю, дознавателю, секретарю судебного заседания, эксперту, специалисту, переводчику, защитнику, представителю потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика.

Итак, если исходить из общих положений теории права, то можно с уверенностью констатировать, что перед нами устойчивая группа правовых норм, которые органично объединены в такое образование, как правовой институт.

Рассматривая образование и классификацию институтов процессуального права С.С. Алексеев указывает, что формирование правового института подчинено ряду системообразующих факторов, поскольку правовые институты охвачены процессом специализации [1, с.136]. Для выделения института отвода в уголовном процессе по отраслевым критериям нужно рассмотреть классификацию процессуально-правовых институтов, в первую очередь на общие и специальные.

В частности, под специальными правовыми институтами уголовно- процессуального права следует понимать совокупность правовых норм, регулирующих отдельные виды однородных общественных отношений по стадиям (например, институт возбуждения уголовного дела и др.). Относительно общих правовых институтов, то под ними следует понимать группу правовых норм, которая регламентирует общие стороны, присущие не отдельному процессуальному правоотношению, а всей их системе по конкретному делу. Иначе говоря, если специальные правовые институты регулируют те стороны однородных общественных отношений, которые являются особыми, то общие правовые институты - те стороны, которые являются у данных однородных отношений общими.

Вопрос отвода судей (прокурора, следователя, дознавателя, секретаря судебного заседания, эксперта, специалиста, переводчика, защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика) является общим, поскольку его можно решить на любой стадии уголовного процесса, а учитывая то, что эти вопросы обобщенно разрешаются на протяжении всего уголовного дела, можно говорить о том, что отвод в уголовном процессе выступает общим уголовно-процессуальным институтом.

Рассматривая юридическую природу общих правовых институтов, С.С. Алексеев, выделяет среди них общие, «выводящие за рамки» единые моменты, которые касаются ряда отношений, и входят в общие положения кодифицированных актов [1, с. 144-145]. Далее анализируя предметные и функциональные правовые институты он указывает, что общеукрепляющие институты по своей сути - это наиболее общие функциональные институты, осуществляющие «сквозное» регулирование отдельной операции в правовом регулировании. Причем если функциональные правовые институты рассматривать изолированно, то каждый из них имеет свой участок общественных отношений.

Институт отвода, кроме того, что он выступает общим правовым институтом, имеет характеристики функционального института, осуществляющего «сквозное» регулирование отвода по уголовному делу на любой стадии уголовного процесса.

Вместо того, чтобы этот вопрос регламентировать в каждой стадии, законодатель выделил его в отдельную главу кодифицированного акта, показав, таким образом, более высокий уровень юридической техники и более высокую степень специализации уголовно-процессуального права. Ведь его регламентация на каждой стадии уголовного процесса снизила бы техническое совершенство кодифицированного акта.

В целом, если принимать во внимание общие правовые институты в уголовно-процессуальном праве, то их роль вытекает из назначения уголовного судопроизводства - обеспечить защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Поэтому общие правовые институты уголовно-процессуального права, такие как институт отвода, институт процессуальных сроков и др., имеют обеспечительный характер, поскольку они связаны с реализацией общих принципов уголовного процесса. Поэтому отводить им второстепенную роль, учитывая то, что некоторые из них закреплены в общих положениях кодифицированных актов, как, например, институт отвода, вряд ли оправдано.

Таким образом, совокупность правовых норм, регламентирующих вопросы отвода в уголовном процессе, выступает правовым институтом, который является общим и функциональным институтом, имеет свой предмет правового регулирования.

Институт отвода является также гарантией прав лиц, защищающих свои законные интересы и также является гарантией правосудия. Реализация задач уголовного судопроизводства невозможна при необъективном исследовании обстоятельств дела, предвзятом отношении к кому-либо из участников уголовного судопроизводства. Процессуальные решения лиц, подлежащих отводу, будут сопровождаться сомнениями относительно законности их принятия, а, следовательно, способствовать снижению авторитета правосудия в глазах общественности.

Список источников: 1. Алексеев С. С. Структура советского права. - М.: Юрид. лит., 1975. – 261 с.; 2. Ампенов С.С. Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве: Автореферат дис. кандидата юридических наук. - Тюмень, 2011. – 24 с.; 3. Ефимцева Т. В. К вопросу о понятии правового института // Российское право в Интернете. – 2010. - №4. Электронный ресурс. - Режим доступа: http://www.rpi.msal.ru/prints/201004_21efimtseva.html; 4. Якушев В.С. О понятии правового института // Правоведение. - 1970. - № 6. - С. 61-67.

УДК 343.1

Soshina N.V. The concept and essence of the institution of challenge in criminal proceedings

This article analyzes the legal norms that ensure the possibility of recusation in criminal proceedings. These legal norms create a legal institution of criminal procedure, which is a common legal institution. The procedural significance of the institution of recusation is that it simultaneously guarantees the rights of the individual, because it creates the opportunity to eliminate, on a legal basis, an official who is biased. Such consequences of the institute of recusation allow to recognize it as a guarantee of justice.

Key words: *criminal process, recusation, legal institution, features of a law institute, criminal procedure law, justice.*

Стаценко В. Г.
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
Первый факультет повышения квалификации (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону) института повышения квалификации
кандидат юридических наук, доцент,
(Ростов-на-Дону, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИСТРЕБОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ И ПРЕДМЕТОВ, ИХ ИЗЪЯТИЯ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы проверки сообщения о преступлении в контексте изменений, внесенных в статью 144 УПК РФ. Автором анализируются положения уголовно-процессуального закона, регламентирующие процессуальные средства доследственной проверки - истребование документов, предметов и их изъятие, а также практика их применения органами предварительного расследования.

Ключевые слова: *проверка сообщений о преступлении, истребование документов и предметов, их изъятие, правовая регламентация.*

Достижение целей уголовного судопроизводства во многом зависит от своевременного возбуждения уголовного дела. При этом принимаемое уполномоченным должностным лицом процессуальное решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Правовая регламентация способов проверки сообщения о преступлении выступает одним из важных элементов правового механизма, обеспечивающего раскрытие преступлений и изобличение виновных в их совершении.

Принятие Федерального закона от 4 марта 2013 года №23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», несомненно, стало позитивным решением законодателя, сделавшим шаг навстречу инициативам правоприменителей относительно расширения процессуальных возможностей проверки сообщения о преступлениях [1,с.150]. Вместе с тем, изменения породили ряд вопросов, требующих обсуждения.

Полагаем, что вполне обоснованно в новой редакции ч.1 ст.144 УПК РФ закреплено право следователя «истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом». Однако отсутствие правовой процедуры реализации этих прав, правил документального оформления порождает неоднозначное толкование и применение по собственному усмотрению способов проверки сообщения о преступлении, а, следовательно, и противоречивую правоприменительную практику, споры о соблюдении порядка их применения, заявления ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Как известно, к таковым относятся в соответствии со ст.75 УПК РФ, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона. Верховный Суд Российской Федерации разъясняет, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены «…установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также, если собирание и закрепление доказательств осуществлено в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами» [2].

К числу распространенных процессуальных действий, обеспечивающих пополнение доказательственной базы, относится истребование. Практически по каждому уголовному делу истребуются различные справки, характеристики и иные документы. По сложившейся практике следователи, в случае необходимости истребовать документы и материалы, составляют письменный запрос. Хотя в самой норме о порядке такого запроса ничего не сказано. При невыполнении требования следователь не располагает какими-либо процессуальными мерами, обеспечивающими выполнение его запроса. Возможно следует согласиться по данному поводу с В.А.Семенцовым, который считает, истребование эффективно применять для получения доказательств в случаях, когда отсутствует необходимость в проведении следственных действий, в применении мер уголовно-процессуального принуждения [3,с.30]. Чтобы впоследствии облегчить предание статуса допустимого доказательства истребованным документам и предметам, полагаем необходимым установить в законе форму или общие реквизиты требования, а также сроки и меры, предусматривающие его исполнение [4, с.150].

Неоднозначно толкуется следователями право изымать документы и предметы, «в порядке, установленном настоящим Кодексом». Как известно, самостоятельного процессуального действия «изъятие» не существует. Формулировка положений ч.1 ст.144 УПК РФ не определяет, посредством каких действий могут быть изъяты предметы и документы, имеющие отношение к рассматриваемому сообщению о преступлении.

Допустимо ли изъятие предметов и документов путем производства выемки (ст.183 УПК РФ), обыска (ст.182 УПК РФ), личного обыска (ст.184 УПК РФ), наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку (ст.185 УПК РФ)? Придерживаемся мнения: ответ должен быть отрицательным. Законодатель выразил свою позицию по данному вопросу путем внесения изменений и дополнений в ч.1 ст.144 УПК РФ, ч.2 ст.176 УПК РФ, ч.1 ст.179 УПК РФ, ч.4 ст.195 УПК РФ, ч.ч. 1,4 ст.202 УПК РФ.

Подтверждением этому служит информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20.08.2014, согласно которому в ч.1 ст.144 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела. К таковым относятся осмотра места происшествия, предметов, документов, трупов, освидетельствование, в протоколе о производстве которых должны найти отражение сведения об изъятии предметов, документов. В связи с чем их изъятие при производстве иных следственных действий законом исключается [5]. Позиция руководства Следственного комитета Российской Федерации по этому вопросу обозначена в информационном письме от 30.12.2014: «указанная в ч.1 ст.144 УПК РФ ссылка «в порядке, установленном настоящим Кодексом» не дает правовых оснований для изъятия предметов и документов в рамках следственных действий, производство которых до возбуждения уголовного дела не предусмотрено УПК РФ (в том числе путем производства выемки (ст.183)» [6].

Вместе с тем анализ следственной и судебной практики показывает, что в некоторых регионах правоприменители придерживаются иного мнение, полагая, что выбор соответствующего следственного действия, в рамках которого возможно изъятие, обусловлен обстоятельствами происшествия, особенностями изымаемых объектов, процессуальной и тактической целесообразностью. Не соглашаясь с таким мнением, все же отметим, что оно не лишено права на существование. Интересной в этой связи, представляется, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в Определении от 29.09.2015 «По смыслу статей 144-145 УПК Российской Федерации проверка сообщений о преступлениях имеет целью разрешение вопроса о наличии или отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела, а значит, о необходимости предварительного расследования, то есть - по буквальному смыслу закона - в связи с возможным проведением такого расследования. Это предполагает наделение органа дознания или следователя полномочиями по собиранию и проверке необходимых для решения этой задачи сведений, в том числе составляющих врачебную тайну, в частности, если это требуется для назначения и проведения судебных экспертиз, касающихся состояния здоровья тех или иных участников процесса [7].

Так, Апелляционным постановлением Московского городского суда от 24 сентября 2013года №10-10652 постановление Симоновского районного суда г. Москвы от 03 сентября 2013 года, которым удовлетворено ходатайство следователя Симоновского МСО СУ по ЮАО ГСУ СК РФ по г. Москве Д. о разрешении выемки медицинских документов по материалам проверки № 217 пр-2013 г оставлено без изменения, апелляционная жалобу адвоката – без удовлетворения [8]. В центральном районном суде г.Сочи Краснодарского края по постановлению следователя 28.01.2014г. произведена выемка гражданских дел по искам К., Я., К. и П. в связи с проверкой сообщения о преступлении – заявления Я. о неправомерных действиях должностных лиц администрации г.Сочи [9]. По постановлению Ленинского районного суда г.Уфы Республики Башкортостан от 19.10.2015 следователем произведена выемка регистрационного дела ООО «Башторгэнерго» в Межрайонной инспекции ФНС России №39 по Республике Башкортостан в связи с проверкой сообщения о фальсификации ЕГРЮЛ в отношении «Башторгэнерго» [10].

Вполне очевидно, что неопределенность норм закона не позволяет обеспечить их единообразное понимание и порождает противоречивую правоприменительную практику, возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного его применения [11,с.93]. Вместо детальной регламентации деятельности по проверке сообщений о преступлении в рамках единых процессуальных форм законодатель способствует искусственному сдерживанию тех процессуальных возможностей, которые так необходимы в данной стадии [12,с.22].

Полагаем, что регламентация деятельности по проверке сообщений о преступлении нуждается в дальнейшем совершенствовании и обозначенные вопросы как можно быстрее должны найти разрешение в уголовно-процессуальном законе.

По мнению автора, основная задача публикации - привлечение внимания ученых, судей, прокуроров, следователей, дознавателей к одному из проблемных вопросов правоприменительной практики. Возможно, что при обсуждении будут найдены оптимальные средства его решения.

Список источников: 1. Стаценко В.Г. О проблемах применения новых средств проверки сообщения о преступлении // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации. Материалы 3-й Всероссийской научно-теоретической конференции. -Ростов-на-Дону: Ростовский Юридический институт МВД России, 2014. – С.243-246; 2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года (в ред. от 16.04.2013. №9) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // СПС «Консультант плюс»; 3. Семенцов В.А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве: Автореферат дисс. … доктора юридических наук. Екатиренбург.2006. С.30; 4. Стаценко В.Г. Новые средства проверки сообщения о преступлении: проблемы применения и пути их решения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. Выпуск 3. –М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации 2014. –С.148-151; 5. Информационное письмо Заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Гринь В.Я. от 20.08.2014 №36-11-2014; 6. Информационное письмо Заместителя Председателя Следственного комитета Российской Федерации Пискарева В.И. от 30.12.2014 №211-51098-14 // Сборник информационно-методических документов СК России. - М.2015. – С.86; 7. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. N 2300-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Копылова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 7 Федерального закона "О Следственном комитете Российской Федерации" и статьи 13 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"// СПС «Консультант плюс»; 8. Апелляционным постановлением Московского городского суда от 24 сентября 2013года №10-10652 // Справочная поисковая система Консультант-Плюс; 9. Архив уголовных дел Следственного управления СК России по Краснодарскому краю; 10. Архив уголовных дел Ленинского МСО по г.Уфе Следственного управления СК России по Республике Башкортостан; 11. Стаценко В.Г., Шепелева Ю.Л. Проблемы производства проверки сообщений о преступлениях // Северо-Кавказский юридический вестник. Научно-практический журнал. Выпуск 3. 2014.-С.90-93; 12. Цховребова И.А. Новые процессуальные средства проверки сообщений о преступлении: что изменилось? // Российский следователь. 2013.№21. С.22.

УДК 343.1

Statcenko V. G. Problems of legal regulation of discovery of documents and objects, their seizure when checking crime reports

The article considers topical issues of verification of a crime report in the context of changes made to article 144 of the criminal procedure code of the Russian Federation. The author analyzes the provisions of criminal procedure law regulating the procedure of funds preliminary investigation - discovery of documents, objects and their withdrawal, as well as practical application by bodies of preliminary investigation.

Key words*: verification of crime reports, discovery of documents and objects, their seizure and legal regulation.*

Сухинин А. Г.

Народный Совет Донецкой Народной Республики (Донецк)

МЕСТО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА В ИЕРАРХИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

В статье рассматриваются особенности правовой природы уголовно-процессуального кодекса в системе законодательства, его отличительные признаки в контексте приоритетности по отношению к другим отраслевым законом, а также последствия нарушения иерархии нормативных пра-

вовых актов применительно к уголовно-процессуальной отрасли.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальный кодекс, нормативный правовой акт, иерархия нормативных правовых актов, правовая природа, система законодательства.*

Традиционно одним из основных критериев правового государства является уровень эффективности механизма защиты основных прав и свобод человека в уголовно-процессуальном судопроизводстве. В этом смысле основной целью уголовно-процессуального законодательства выступает обеспечение принципов объективного и всестороннего рассмотрения уголовных дел. Отображая аутентичную суть романо-германского права, уголовно-процессуальная отрасль ряда постсоветских стран (Россия, Беларусь, Казахстан, Украина) имеет явно определенные признаки структурной иерархии, берущей свое начало из конституционных норм, последовательно раскрывающихся в актах отраслевого законодательства. Системообразующим источником в указанной сфере является уголовно-процессуальный кодекс, который, как и аналогичный кодифицированный акт любой другой отрасли, направлен на комплексное регулирование определенных правоотношений. Однако, несмотря на формально-определенную сущность уголовно-процессуального кодекса как закона, его правовая природа в плоскости затрагиваемых им прав и свобод человека, а также сопоставления его определяющей роли по отношению к другим отраслевым законам, имеет несколько отличительных особенностей. Для осознания данной проблематики в целом следует определить место и роль кодексов в иерархии нормативных правовых актов. Исходя из смысла слова «кодекс», одновременно возникает вопрос о его предназначении, которое усматривается через процедуру кодификации, а именно объединения совокупности норм, относящихся к единой отрасли права. Отсюда, под кодексом подразумевается систематизированный законодательной акт, который всецело охватывает отдельную сферу правоотношений и выступает фундаментом для построения единообразной структуры в рамках определенной отрасли. Данный тезис находит свое подтверждение в положениях Гражданского кодекса Российской Федерации (часть 2 статьи 3) [2], Семейного кодекса Российской Федерации (часть 2 статьи 3) [3], Налогового кодекса Российской Федерации (часть 1 статьи 1) [4], согласно которым законодательство в указанных сферах правоотношений состоит из кодекса и принимаемых в соответствии с ним иных федеральных законов. При этом, несмотря на общий характер кодекса, зачастую порождающий необходимость принятия специального актов, которые будут раскрывать его отдельные нормы, все иные отраслевые законы не должны изменять его первоначальный смысл, а лишь дополнять и конкретизировать узконаправленные аспекты. Неоднозначность в понимании роли кодекса в системе нормативных правовых актов на примере ряда постсоветских стран вызвана, как правило, отсутствием единого законодательного акта, устанавливающего нормативную иерархию. Большинство вопросов, связанных с определением приоритетов нормативных правовых актов по их юридической силе, а также способами преодоления коллизий и пробелов в законодательстве, фрагментарно раскрыты в конституционных нормах [1] либо зафиксированы в судебной практике [5] и научной литературе [6,7], что нивелирует их значение в качестве эффективного законодательного инструмента в процессе правоприменения. Однако имеют место и случаи, когда на уровне закона однозначно определяется роль кодексов в системе законодательства. К примеру, в соответствии с Законом Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» в иерархии нормативных правовых актов по степени юридической силы кодекс имеет более высокую силу, чем закон [6].

Развивая мысль о первостепенной роли кодексов в построении отраслевого законодательства, отдельное внимание стоит уделить процессуальным актам, поскольку именно всеобъемлющая систематизация процессуальных норм максимально соответствует букве и духу материального закона, обеспечивая наиболее адекватную и однозначную форму его реализации. В этом смысле именно Уголовно-процессуальный кодекс должен выступать единым началом в установлении порядка уголовного судопроизводства, без соблюдения которого никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию. Данное утверждение можно рассмотреть на примере Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, с учетом позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 года № 13-П [5]. Исходя из содержания данного решения, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации представляет собой обычный федеральный закон, который не имеет преимущества перед другими федеральными законами с точки зрения определенной непосредственно Конституцией Российской Федерации иерархии нормативных актов, вместе с этим, уголовно-процессуальная деятельность при производстве по уголовному делу регламентируется по правилам, установленным им. Дело в том, что для Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как для обычного федерального закона, который не имеет преимуществ перед другими федеральными законами, обладающими равной юридической силой, применяется правило lex posterior derogat priori («последующий закон отменяет предыдущие»). Данное правило означает, что даже если в последующем законе отсутствует специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений, в случае коллизии между ними действует последующий закон, однако независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений [7]. Тем самым, ввиду того, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации направлен на обеспечение единообразия и согласованности нормативных правовых актов, а также складывающейся на их основе правоприминительной практики, и обусловлено закрепление его приоритета в качестве закона, регулирующего производство по уголовным делам. Аналогичный унифицированный подход находит свое отражение также в гражданско-процессуальной, арбитражно-процессуальной отраслях, поскольку именно таким образом сохранятся единство правового пространства в указанных сферах правоотношений и обеспечивается единообразие в процессе правоприменения. Вместе с тем, приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими федеральными законами не является безусловным, а ограничен рамка-

ми специального предмета регулирования, который заключается в установлении порядка уголовного производства (досудебного и судебного) по уголовным делам на территории Российской Федерации [5].

Учитывая изложенное, можно говорить о следующих ключевых особенностях, предопределяющих правовую природу уголовно-процессуального кодекса и его приоритетность в системе отраслевого законодательства. Во-первых, фундаментальный и системообразующий характер, выражающийся в установлении рамок уголовно-процессуальной отрасли, в пределах которых и формируется вся система уголовно-процессуального законодательства. Во-вторых, роль уголовно-процессуального кодекса как специального закона, регулирующего уголовно-процессуальные отношения, подразумевает приоритетный характер его норм по отношению к положениям других отраслевых законов, которые затрагивают уголовное производство, даже несмотря на более поздний срок вступления их в силу. В-третьих, общий характер уголовно-процессуального кодекса должен рассматриваться исключительно в разрезе неурегулированности отдельных вопросов уголовного процесса, а также необходимости конкретизации его положений в специальных законах. При этом закрепление новых норм уголовно-процессуального законодательства должно коррелироваться с положениями уголовно-процессуального кодекса.

В свою очередь, непонимание первостепенной и всеобъемлющей роли уголовно-процессуального кодекса в качестве акта, формирующего отраслевое законодательство, может привести к неопределенности в правовом положении участников уголовного процесса, двусмысленности толкования и асимметричности в правоприменении, что, в конечном итоге, создает предпосылки для дестабилизации системы уголовно-процессуального законодательства и ставит под сомнение саму суть кодификации. Поэтому при построении уголовно-процессуального законодательства необходимо исходить из позиции максимально возможной систематизации процессуальных норм, концентрируя их в едином кодифицированном акте и не допуская создания многоуровневой системы.

Список источников: 1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 года // Российская газета. – 25.12.1993; 2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994; 3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета.- № 17.- 27.01.1996; 4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Российская газета. - № 148-149. - 06.08.1998; 5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы от 29 июня 2004 г. № 13-П // Российская газета, 2004; 6. Ежегодник публичного права – 2015; Административный процесс («Инфотропик Медиа»), 2015, с. 163; 7. Загорский Г. И. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. – М.: Проспект, 2016. – с. 6.

УДК 343.13

Sukhinin A.G. The place of the Code of Criminal Procedure in the hierarchy of normative legal acts

The article considers the peculiarities of the legal nature of the criminal procedural code in the system of legislation, its distinctive features in the context of priority in relation to other sectoral law, as well as the consequences of the violation of the hierarchy of normative legal acts in relation to the criminal procedure branch.

***Key words**: criminal procedural code, normative legal act, hierarchy of normative legal acts, legal nature, system of legislation.*

Тозик И. В.

Донецкая академия внутренних дел Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики (Донецк)

О НЕОБХОДИМОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ БЕСПОМОЩНОГО СОСТОЯНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются вопросы установления критериев беспомощного состояния и возможности их фиксации в уголовном процессе, для решения которой автором изучается понятие и правовая регламентация беспомощного состояния потерпевших от насильственных половых преступлений. Проводится анализ нормативно-правовой регламентации возрастного критерия беспомощного состояния, его использования в практической психолого-психиатрической деятельности и значения для расследования указанных преступлений. Раскрываются и определяются такие понятия, как: юридическое содержание, медицинские и психологические критерии беспомощного состояния, процессуальный порядок их установления правоохранительными органами. Анализируется уголовно-процессуальное законодательство на предмет обязательного проведения экспертных исследований. Обосновывается необходимость обязательного назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы по всем делам о половых преступлениях в отношении несовершеннолетних и уголовно-процессуальное закрепление данного правила.

***Ключевые слова:** беспомощное состояние, психолого-психиатрическая экспертиза, насильственные половые преступления, возраст сексуального согласия.*

Беспомощное состояние потерпевших по делам о половых преступлениях свидетельствует о применении насилия и играет существенную роль для квалификации деяния, поэтому его установление занимает важное место в рамках методики их расследования.

Проблема определения беспомощного состояния рассматривалась экспертами-психологами в рамках проведения судебно-психологических экспертиз. Целью нашего исследования является установление критериев беспомощного состояния и возможности их фиксации в уголовном процессе.

В диспозиции ч. 1 ст. 133 уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) как один из признаков объективной стороны изнасилования указывается беспомощное состояние потерпевшей [1, ч.1 ст. 133]. При этом юридическое определение «беспомощного состояния» в законодательном акте не определяется, а содержится в Постановлении №10 Пленума Верховного Суда ДНР: «изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего … возраста (малолетнее лицо) … не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному» [2]. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит примечание, относящееся к составу изнасилования, согласно которому к насильственным половым преступлениям относятся также деяния, подпадающие под признаки ненасильственных, «совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в бес-

помощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий» [3, с. 58].

Определение верхней границы беспомощного состояния в силу возраста непосредственно в уголовном законе на наш взгляд упрощает процедуру расследования насильственных половых преступлений, совершенных в отношении лиц, не достигших двенадцати лет. Законодательство ДНР прямого указания на возраст, когда лицо признается беспомощным, не имеет. При установлении возрастного критерия беспомощного состояния используется категория «возраст сексуального согласия», но единого подхода к нему у психологов не сложилось. Во времена СССР указанный возраст совпадал с малолетним (до 14 лет) [4], и эта тенденция сохраняется на территории ДНР. Так, Верховный суд ДНР в своем постановлении о практике рассмотрения судами преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности отметил, что беспомощное состояние зависит от малолетнего возраста, а малолетним является лицо в возрасте до 14 лет [2]. Однако, данная интерпретация фактически не совпадает с идеей закона о наличии такого состава преступления, как половое сношение с лицом, достигшим двенадцатилетнего возраста, но не достигшим четырнадцатилетнего возраста (ч.3 ст.136 Уголовного Кодекса ДНР).

Профессор психологии М.М. Коченов подчеркивает, что не вызывает сомнений неспособность девочек понимать значение и характер совершаемых с ними действий моложе 10 лет, а уже в отношении возраста 10-12 лет этот вопрос приходится специально выяснять [5, с. 56]. Верховный суд Российской Федерации обращает внимание правоохранительных органов на то, что по смыслу уголовного закона для признания беспомощного состояния потерпевшей в возрасте от 12 до 14 лет «недостаточно лишь возрастного признака, а необходимо еще установить, что в силу возраста, уровня развития и иных причин потерпевшая не могла понимать характера и значения совершаемых с ней действий» [6].

Все вышеуказанное приводит к необходимости установления правоохранительными органами факта беспомощного состояния потерпевшей по каждому уголовному делу индивидуально.

Юридическое определение беспомощного состояния содержит наличие интеллектуального (невозможности понимать характер и значение совершаемых действий) либо волевого (невозможности оказывать сопротивление) признаков [7]. При этом наличие интеллектуального признака всегда влечет за собой наличие волевого, но даже полное понимание потерпевшей характера и значения совершаемых с нею действий не обязывает наличие столь же полной способности оказывать сопротивление [8, с.101].

Закон же обязывает устанавливать не только принципиальную способность, но и реальную возможность потерпевшей понимать характер и значение действий виновного и оказывать им сопротивление. Кроме того, юридическое определение беспомощного состояния лишь указывает его основные критерии (медицинские или психологические), не раскрывая их содержания. Учитывая, что по делам об изнасиловании и иных половых преступлениях вопрос беспомощности принимает юридическую значимость, его самостоятельное решение правоохранительными органами недопустимо. Здесь следует согласиться с И.А. Кудрявцевым, что эффективной процессуальной формой определения всей совокупности факторов на состояние потерпевшей может быть только комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза [9, с. 69].

Вопрос об обязательном назначении психолого-психиатрических экспертиз в отношении потерпевших уже ранее рассматривался учеными. Так, Т.М. Клименко и О.Ю. Савельева указывают, что «при решении вопроса о квалификации действий виновного, вступившего в половую связь с лицом в возрасте от 12 до 14 лет, необходимо обязательное проведение судебно-психиатрической экспертизы потерпевшего» [10, с. 82]. Однако, на наш взгляд, в период с 14 до 18 лет реальная возможность оказывать сопротивление с учетом индивидуально-психологических особенностей также требует дополнительного установления посредством производства экспертизы.

Отсутствие единого подхода к обязательному производству экспертизы в отношении несовершеннолетних потерпевших от насильственных половых посягательств создает возможность для неправильной квалификации преступных действий. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, Украины, Республики Казахстан и Республики Беларусь не имеет указания на обязательное назначение экспертизы несовершеннолетних потерпевших от насильственных половых посягательств. Проект Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики также не включил комплексную психолого-психиатрическую экспертизу несовершеннолетнего потерпевшего по делам об изнасиловании в перечень обязательных. На практике это приводит к тому, что правоохранительные органы пытаются самостоятельно исследовать медицинские и индивидуально-психологические реакции потерпевших, что является недопустимым, так как относится к сфере использования специальных знаний. В такой ситуации даже заключение комплексной психолого-психиатрической экспертизы о нахождении потерпевшей в беспомощном состоянии, может неоднозначно толковаться правоприменителями.

Законодательное закрепление возрастной градации беспомощного состояния (до 12 лет) и обязательного назначения экспертного исследования для установления беспомощного состояния потерпевших от половых преступлений в возрасте от 12 до 18 лет, позволит избежать ошибок при расследовании данной категории преступлений.

Список источников: 1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики.– ООО «Компания «Мегаинвест», 2015. – 188 с.; 2. О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 26.04.2016 №10. [Электронный ресурс]–Режим доступа:http://supcourt-dnr.su/pplenum/o-praktike-primeneniya-sudami-doneckoy-narodnoy-respubliki-zakonodatelstva-po-delam-o; 3.Уголовный кодекс Российской Федерации: офиц. текст по состоянию на 23 сент. 2013 года.–М.: Омега-Л, 2013.– 192 с.; 4. Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 г. – Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, №19 с.348; 5. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. – М.: изд-во Моск. унив-та, 1980. – 117 с.; 6. Определение Верховного Суда РФ от 09.04.2014 № 5-АПУ 14-15. [Электронный ресурс]– Режим доступа: http://www.consultant. ru/cons/cgi/ online. cgi?req =doc; base=ARB;n=420044#0; 7. Метелица Ю.Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. – М.: Юридическая литература, 1990. – 208 с.; 8. Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. Справочное пособие. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2000 – 160 с.; 9. Кудрявцев

И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза - М., 1988 -83 с.; 10. Клименко Т.М., Савельева О.Ю. Статья 134 УК РФ: понятие, признаки и некоторые вопросы квалификации // Общество и право. - 2013 №4 (46) - 80-84 с.

УДК 343.985.7

Tozik I. V. About the necessity of establishing a helpless condition of underage victims suffered from violent sexual crimes

The problem of establishing the criteria of a helpless condition and the possibility of their fixing in criminal procedure is considered in the article. To solve this problem, the notion of a helpless condition of victims suffered from violent sexual crimes and its legal regulation are studied by the author. The analysis of the legal regimentation of the age-related criterion of a helpless condition, its usage in a practical psycho-psychiatric activity and the meaning for detecting of the named crimes is held. The following aspects are defined and disclosed, they are legal content, medical and psychological criteria of a helpless condition, procedural method of their establishment by the law enforcement agencies. Criminal procedural legislation on a subject of an obligatory expert researches conduction is analyzed. The necessity of the obligatory appointment of the complex psycho-psychiatric examination on all the cases concerning sexual crimes referring to underage and criminal procedural holding of this rule is supported.

Keywords: *a helpless condition, psycho-psychiatric examination, violent sexual crimes, the age of sexual agreement.*

Торопов С.А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук
(Симферополь, Россия)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛЕДОВ ЖИВОТНЫХ В ВОССОЗДАНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРОИЗОШЕДШЕГО СОБЫТИЯ

В статье предлагается рассмотреть наиболее типичные следы, оставляемые животными (семействами псовых, кошачьих, медвежьих) на месте происшествия, обращается внимание на актуальность рассматриваемой проблемы. Намечены перспективные пути развития рассматриваемого вида исследований.

Ключевые слова: *следовая картина, следы животных, установление обстоятельств произошедшего, среда обитания*

В процессе первичного сбора информации по установлению обстоятельств произошедшего события важную роль приобретает следовая картина на месте происшествия. Анализируя следовую картину, можно построить вероятные версии произошедшего события, путем изучения которых формируется вывод о его отнесении к наказуемым деяниям либо к происшествиям, не требующим квалификации.

Надо учитывать, что необходимость изучения следовой информации, оставленной животными возникает прежде всего в районах, удаленных от городской черты, а также вблизи лесных горных массивов, т.е. в естественной среде обитания животного мира. Но, в последнее время, наступление среды обитания человека на природные насаждения и расширение границ населенных пунктов способствует уменьшению мест нахождения животных и вынужденному контакту человека с ними, который может повлечь негативные последствия.

Вышеуказанные причины вызывают у заинтересованных лиц необходимость работы со следами животных, которые могут выступать орудием преступления, объектом преступного посягательства либо в случае установления обстоятельств произошедшего события. Изучением и развитием рассматриваемой проблематики занимались такие ученые как Н.П. Майлис, И.В. Власюк, С. Бадарчи, Ж. Хурцгэрэла, А. Доржготова, И.И. Алгазин.

Как показывает практика, количество специалистов, работающих со следовой информацией, оставленной животными, не является достаточным и не всегда они привлекаются для осмотров происшествий в силу разных причин, что может негативно повлиять на качество проведенного осмотра мест происшествий. Поэтому по делам данной категории дел желательно привлекать к осмотру кинолога, ветеринара либо зоотехника.

Животное может выступать орудием преступления, известны случаи натравливания на людей (чаще всего собак). Примером может служить ряд нападений, произошедших в г. Дзержинске Нижегородской области на протяжении 2002-2003г., когда владелец дрессированной собаки бойцовой работы при помощи команд натравливал животное на потерпевших с целью реализации своих преступных целей (вымогательство, грабежи).

Истории известны случаи, когда преступники с помощью дрессировки и последующей выработки навыков у животных: переправляли через границу контрабандный товар (закрепленный на собаках); совершали кражи ювелирных украшений с ног пострадавших в общественных местах; охраняли место преступления в момент его совершения с последующей переноской похищенного имущества в заранее приспособленные тайники [1, с. 47-49].

Встречаются также факты самовольного содержания диких животных в ненадлежащих условиях в пределах населенных пунктов. Это создает дополнительную угрозу для жизни или здоровья лиц, проживающих в данном районе. Так, в 2011 году в одном из поселков Санкт-Петербурга сорвавшийся с цепи и сбежавший из домовладения бурый медведь напал на проходящего мимо человека и причинил тяжкий вред здоровью последнего [2, стр. 163-164].

В г. Хабаровск неоднократно жители и городские службы вынужденно отлавливали диких кабанов, которые в период гона (декабрь-январь) могут проявлять агрессию по отношению к окружающим. Учитывая, что вес взрослого самца дикого кабана достигает 250-300 килограммов, вступать в самостоятельное противостояние с животным смертельно опасно [3].

Власюк И.В. предлагает на месте происшествий по рассматриваемой категории дел обращать внимание на следующие признаки, описание и изучение которых может помочь в установлении обстоятельств происшествия: 1) в случаях обнаружения трупа потерпевшего и отработки версий нападения собак тщательно изучают цепочки следов (тропы), оставленные животными и сосредоточение следов у ложа трупа. Следы собачьих лап некрупные (относительно следа мякиша пальцев), образуют треугольник, с двух сторон которого расположены четыре овальных углубления мякиша пальцев и когтей. Высокая концентрация следов у ложа трупа вызвана необходимостью упора лапами в грунт животными при отрывании рывковыми движениями фраг-

ментов от тела жертвы, перешагивание с места на место и соскальзывании лап, временами с перемещением трупа. При длительном пребывании собак вблизи трупа они образуют лежки для отдыха между приемами пищи в виде примятой травы и листьев. Собаки способны поедать труп с признаками гниения, а также при минусовой температуре, хотя это требует больших усилий при отделении фрагментов. На одежде потерпевшего повреждения представлены, как правило в виде лоскутов или линейных разрывов длиной 15-20см, местами Т-образной формы. Оторванные фрагменты одежды трупа можно обнаружить на расстоянии 25-30 метров от места обнаружения трупа; 2) лапы семейства кошачьих представлены в виде крупного (относительно следа мякиша пальцев) треугольника с двух сторон которого расположены четыре овальных углубления мякиша пальцев (следы когтей отсутствуют). Плотность следов низкая, цепочек следов обычно не более 1-2, лежки отсутствуют, либо расположены на значительном расстоянии. Перемещение тела жертвы при поедании незначительное, т.к. фрагменты отделяются вращением головы хищника. В отличие от псовых кошачьи не поедают труп со следами разложения (гниения). Повреждения одежды на трупе имеют вид дефектов, края которых разволокнены и имеют вид кистей; 3) следы медведя внешне имеют схожесть с человеческими следами босых ног, но шире и напоминают плоскостопие. Лапа животного имеет пять пальцевых мозолей, отпечатки когтей присутствуют. Концентрация оставленных следов высокая, имеются множественные повреждения окружающей обстановки: примятая трава, сломанные ветки и кустарники, перемешенные временами с разорванной одеждой потерпевшего. Труп может быть перенесен на значительное расстояние для дальнейшего поедания. Лежка присутствует, характеризуется множественными повреждениями растительности и значительного углубления в грунте, ввиду давления значительной массы тела животного. Разрывы одежды трупа множественные, возможны отрывы. Труп поедается в несколько этапов: вначале внутренности жертвы и мускульные ткани, затем возможно прикапывание и после появления первых признаков разложения возможно последующее поедание. Зубной аппарат медведя сильно отличается от кошачьих и псовых и оставляет на одежде потерпевшего сквозные отверстия [4].

И.И. Алгазин отмечает, что в необходимых случаях надо проверять соответствует ли окружающая обстановка реально произошедшему событию, т.к. возможна инсценировка нападения дикого животного, для того чтобы ввести в заблуждение потерпевших и представителей правоохранительных органов. К такому прибегают латышские цыгане, совершившие кражу домашних животных, прибегающие затем к имитации следов волка на земле в районе места пропажи. В итоге владелец, обнаруживший данные следы и введенный в заблуждение может вообще не обращаться в правоохранительные органы с заявлением о пропаже домашнего скота [5, с.46-47].

Подводя итог можно отметить, что для успешной работы со следовой информацией, оставленной животными на месте события, необходимы: дальнейшее изучение механизма образования следов различными видами животных, разработка и совершенствование методических рекомендаций исследования, анализа и использования передового зарубежного опыта, внедрение полученных разработок в программы подготовок специалистов согласно профилю.

Список источников: 1. Китаева В.Н. Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. - 284 с. 2. Семенов К.П. Животные как предмет и средство преступления: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Семенов Константин Петрович; [Место защиты: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации].- Санкт-Петербург, 2016.- 227 с. 3. Охота на кабана [Электронный ресурс] // Сайт «5-знак отличия». Новости. URL: http//www.5-tv.ru/news/76049 (дата обращения: 11.03.2017). 4. Власюк И.В. Осмотр места происшествия в случае подозрения на причинения повреждений животными // Медицинская экспертиза и право. — 2012. — №1. — С.20-22. 5. Алгазин И.И. Способы совершения краж сельскохозяйственных животных // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. №1 (7). . — С.38-47.

УДК 343.982.35

Toropov S.A. Forensic significance of traces of animals in the reconstruction of the circumstances of the event.

The article proposes to consider the most typical traces left by animals (the family of canids, cat, bear) at the scene, attention is drawn to the relevance of the problem under consideration. Prospective ways of development of this type of research are outlined.

***Key words**: trace pattern, traces of animals, establishing the circumstances of the event, habitat.*

Халилев Р. А.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялте
доктор юридических наук, профессор
(Ялта, Россия)

Легеза Л. А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Крымский филиал
кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)

Османова Л. С.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В работе представлены особенности использования специальных знаний в процессе расследования преступлений экстремистской направленности. Рассмотрен вид судебных экспертиз, которые следует проводить в процессе расследования и какие вопросы могут ставиться при ее проведении. Человек обладает сложной системой различных диспозиционных образований, которые регулируют его поведение и деятельность. Поведение зависит как от субъективных факторов, так и от объективных, а также от их взаимного влияния друг на друга.

В работе отмечено результативность проведения судебно-психологической экспертизы и какие можно получить ответы на вопросы касательно психологического портрета подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), его личностных свойствах, о мотивах преступного поведения, причинах возникновения вражды или ненависти на национальной или расовой почве, антисоциального поведения каждого из соучастников и тому подобное.

Ключевые слова: *судебно-психологическая экспертиза, экстремизм, преступления экстремистской направленности.*

В соответствии со ст.11 Федерального закона от 25 июля 2002г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1] (далее – Закон) запрещается распространение через средства массовой информации экстремистских материалов и осуществление экстремистской деятельности. В ст.1 Закона сформулировано понятие экстремизма, который может иметь различную идеологическую ориентацию и вторгаться в разные сферы социально-экономических отношений: национальную, религиозную, экономическую, внутреннюю и внешнюю политику и т.д.

В то же время, под экстремизмом можно понимать и любую форму экстремального социального поведения. Он может быть политическим и бытовым, национальным и религиозным. Следовательно, экстремизм – это многоликое социальное явление, проявляющееся в различных формах, порождение нестабильных социально-экономических условий, национальных, политических, расовых, религиозных обострений. Данная проблема является одной из острейших для российского общества и государства, она непосредственно связана с обеспечением национальной безопасности и территориальной целостности страны.

Методологическая и методическая обеспеченность производства психологических экспертиз по делам об экстремизме не соответствует высокому спросу на такие исследования, их актуальности и общественной значимости, а также их сложности, а случаях необходимости проведения психо-лингвистических экспертиз – и междисциплинарности.

Учитывая специфику данной категории преступлений особо важным является всестороннее исследование личности подозреваемого (обвиняемого, подсудимого). С этой целью могут проводиться судебно-психологические и судебно-психиатрические экспертизы. У субъекта желание предпринять определенные действия может быть обусловлено его установкой (существующей или формируемой). Взаимосвязь компонентов установки предполагает, что при сформированности когнитивного и эмоционального компонентов, т. е. при наличии у субъекта определенного эмоционально-смыслового отношения к объекту, существует и готовность к определенному поведению по отношению к этому объекту (т. е. оформляется поведенческий компонент). Однако не следует забывать, что социальные установки не связаны с поведением напрямую, непосредственно (известный «парадокс Лапьера» [2]). Тем самым наличие, к примеру, ксенофобических установок не всегда влечет реальное агрессивное поведение по отношению к представителям иной расы, религии или национальности.

При определении вида экспертизы, которую необходимо назначить, следует учитывать различие судебно-психологической экспертизы, которая изучает социальную составляющую человека, черты его характера, воспитания и объектом которой является психически здоровый человек подобное от судебно-психиатрической экспертизы, которая устанавливает наличие психических заболеваний у лица, их развитие и влияние на преступное поведение, психический тип лица, а также устанавливает его вменяемость. В последнее время получила распространение комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, которая изучает личность с точки зрения социальной и медицинской. В специальной литературе встречается и такое понятие как этнопсихологическая экспертиза [3, с. 93], которая ориентирована на установление детерминант, которые существенно влияют на мотивацию и поведение подозреваемого (обвиняемого) во время совершения инкриминируя деяний.

Психологическая экспертиза устанавливает те особенности психической деятельности и такие их проявления в поведении человека, которые имеют юридическое значение и вызывают определенные правовые последствия. Психологическая экспертиза назначается на стадии предварительного следствия и судебного рассмотрения уголовных дел. Объектом экспертизы является психически здоровые лица (подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, свидетели, потерпевшие: малолетние; несовершеннолетние; лица пожилого возраста). Главной задачей психологической экспертизы является определение у подэкспертного лица индивидуально-психологических особенностей, черт характера, ведущих качеств личности; мотивирующих факторов психической жизни и поведения; эмоциональных реакций и состояний; закономерностей протекания психических процессов, уровня их развития и индивидуальных ее свойств.

На проведение судебно-психологической экспертизы могут ставиться следующие вопросы:

1) какие индивидуально-психологические особенности имеет испытуемые лицо?

2) имеет ли испытуемые лицо индивидуально-психологические особенности, которые существенно повлияли на характер его противоправных действий или преступления или преступной деятельности (указывается, что именно имеет значение для суда или следствия: повышенная агрессивность, подчиненность, жестокость, нерешительность, этические ориентации, социальные установки, мотивационная сфера)?

3) какие психологические личностные качества и ведущие мотивационные факторы поведения имеет испытуемые лицо? В какой связи они находятся с обстоятельствами, которые исследуются в деле?

4) могли ли индивидуально-психологические особенности подэкспертного лица существенно повлиять на его поведение во время совершения им противоправных действий (или преступления)?

5) какой индивидуально-ролевой статус имеет подэкспертный в преступной группе (лидер, подчиненный, ведомый и т. п) и обусловлено ли это его индивидуально-психологическими свойствами и особенностями социально-психологической структуры преступной группы (преступной группировки)?

6) каким образом семейная ситуация, индивидуально-психологические особенности родителей (указать, если необходимо, одного или обоих из них), особенности их воспитательного поведения влияют на эмоциональное состояние, психическое развитие и ощущение благополучия ребенка?

7) каким образом могут повлиять условия воспитания каждого из родителей на психологическое состояние и развитие ребенка?

8) имеет ли зависимость оценка семейной ситуации ребенком от влияния со стороны родителей и других взрослых?

9) имеет ли испытуемое лицо отклонения в психическом развитии, которые не являются проявлениями

психического заболевания? Если имеет, то каким именно являются их признаки?

10) является ли ситуация, которая исследуется по делу, психотравмирующей для N. (указываются фамилия, имя и отчество)?

11) если да, то причинены ли N. (указываются фамилия, имя и отчество) страдания (моральный вред)?

12) вызваны N. (указываются фамилия, имя и отчество) страдания (моральный вред) в условиях ситуации (указываются условия ситуации), которые исследуются по делу? Если N. (указываются фамилия, имя и отчество) причинены страдания (моральный вред), какой возможный размер составляет денежная компенсация за причиненные страдания N. (морального вреда)?

Для проведения исследования суд или следствие предоставляет эксперту возможность психологического обследования подэкспертного и материалы дела. Необходимо (учитывая возраст подэкспертного и конкретные вопросы, поставленные перед экспертизой) предоставить: медицинскую документацию, личное дело, школьные характеристики и характеристики с места работы, свидетельства соучеников, педагогов, коллег, друзей, знакомых, родственников и других людей, с которыми подэкспертный близко общался. В показаниях родных и близких должны быть отражены особенности его развития и поведения, условий жизни, окружения, присущие ему склонности, увлечения, интересы. При наличии нужно предоставить дневники, письма, образцы творчества подэкспертного [4, с.92].

Судебно-психологическая экспертиза может назначаться в отношении потерпевшего с целью установления морального вреда, который был причинен в результате совершения преступления.

Таким образом, в результате проведения судебно-психологической экспертизы можно получить ответы на вопросы об особенностях психологического портрета подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), его личностных свойствах, о мотивах преступного поведения, причинах возникновения вражды или ненависти на национальной или расовой почве, антисоциального поведения каждого из соучастников и тому подобное.

Особое значение судебно-психологическая экспертиза приобретает при расследовании насильственных преступлений, совершенных группой лиц. Так, для понимания роли того или иного участника конфликта существенное значение имеет выявление типа акцентуации характера каждого подозреваемого. Например, эпилептоидные склонны к насилию и жестокости, а акцентуанты конформного типа принимают участие в совершении преступления, покоряясь авторитету лидера или следуя групповой установке. Эта информация позволяет более обоснованно сделать вывод о том, каким образом и почему разделены рои в группе. Также возможно уяснить, почему то или иное действие, которое кажется неадекватным было совершена и преследовало ли оно какую-либо цель или нет.

Особое значение судебно-психологические экспертизы приобретают в случаях, когда подозреваемыми или обвиняемыми являются несовершеннолетние лица. Согласно статье 196 УПК РФ [5] в случае необходимости для решения вопроса о наличии у несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого психического заболевания или задержки психического развития и его способности полностью или частично осознавать значение своих действий и руководить ими в конкретной ситуации назначается комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Для выяснения уровня развития, других социально-психологических черт личности несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, которые необходимо учитывать при назначении наказания и избрании мер воспитательного характера, может быть назначена психологическая экспертиза.

С психологических позиций проблема побудительности к действиям экстремистской направленности представляется сложной и неоднозначной. С одной стороны, эффективность социального влияния зависит не только от готовности людей придерживаться определенных взглядов или даже формировать определенные намерения, но также и от наличия легких и очевидных путей, помогающих облекать эти взгляды и намерения в конкретные действия.

Поведение субъекта зависит от большого числа факторов. Человек обладает сложной системой различных диспозиционных образований, которые регулируют его поведение и деятельность. Поведение зависит как от субъективных факторов (например, потребностей), так и от объективных (ситуации), а также от их взаимного влияния друг на друга.

Противодействие и борьба с экстремизмом, выработка эффективных мер возможна лишь на основе глубокого понимания закономерностей и тенденций его развития, предпосылок и условий его возникновения, то есть на основе выявления и учета все возможных факторов экстремизма.

Список источников: 1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017)// Собрание законодательства РФ. – 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921; 2016. - № 26 (Часть I). - Ст. 3889; 2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002 г. - № 30. – Ст.3031; 2015 г. - № 48 (часть I). - Ст. 6680; 3. Гольдшмидт Е.С., Поддубиков В.В. Интернациональные факторы этнопсихологического своеобразия и адаптивных возможностей малочисленных коренных народов Сибири. //Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 1 (65). – С. 93 – 99; 4. Копец Л. В. Классические эксперименты в психологии. - К., 2010; 5. Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти /А.Я. Винников, Н.М. Гиренко, О.Н. Коршунова, А.В. Леухин, Е.Б. Серова. Под общ. ред. О. Н. Коршуновой. - СПб., 2002. - 92 с.

УДК 343.148.33

Khalilov R.A., Legeza LA., Osmanova L.S. Features of the appointment of forensic psychological examinations in criminal cases on crimes of extremist orientation

The article presents features of use of special knowledge in investigation of crimes of an extremist orientation. Considered a kind of legal expertise that should be undertaken in the investigation process and what issues might put it. Man has a complex system consisting of various entities that regulate its behavior and operation. The behavior depends on subjective factors and objective, and their mutual influence on each other. The author mentions the performance of forensic-psychological examination and what you can get answers to questions about the psychological portrait of the suspect (accused, defendant), his personal properties, the motives of criminal behavior, the causes of enmity or hatred on national or racial grounds, anti-social behaviour each of the partners.

Key words: *judicial-psychological expertise, extremism, extremist crimes.*

Шадрин О. Ю.
Ставропольский филиал
Краснодарского университета
Министерства внутренних дел России
кандидат юридических наук, доцент
(Ставрополь, Россия)

СПЕЦИФИКА ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С УЧАСТИЕМ С ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

В статье раскрываются некоторые специфические особенности планирования расследования преступлений, отягощённых иностранным элементом и предлагаются способы его оптимизации.

Ключевые слова: *планирование, расследование, иностранный гражданин, следственная группа.*

Планирование расследования - это процесс последовательного снижения степени неопределенности исходной информации и динамичного контроля за результативностью выполняемых действий.

В своих исследованиях мы уже не однократно отмечали, что расследование преступлений, совершенных с участием граждан иностранных государств невозможно без тесного взаимодействия следователя и сотрудников оперативных служб с паспортно-визовой и миграционной службами, ГТК РФ, ФПС ФСБ России и компетентными органами сопредельных государств [1]. Такое сотрудничество имеет неоспоримое преимущество, но и одновременно возникают осложнения в организации взаимодействия. Следователь должен обеспечить не только свое взаимодействие с каждой службой (ведомством), но и организовать необходимое взаимодействие между этими службами [2, с. 61].

Расследование уголовного дела, затрагивающее деятельность нескольких ведомств требует правильного распределения обязанностей, точного определения круга вопросов, подлежащих выяснению, одним словом - планирование расследования. По уголовным делам с участием иностранных граждан оно полностью подчинено принципам научного планирования расследования [3], однако характерны и некоторые особенности.

Во-первых, основополагающее значение при планировании приобретает принцип динамичности, что обусловлено скоротечностью процесса расследования по делам с иностранными гражданами.

Во-вторых, в силу кратковременности пребывания иностранцев в России и (в приграничных регионах в особенности), в числе первоочередных планируется производство следственных действий, проведение которых без иностранца невозможно.

В-третьих, необходимость учитывать то обстоятельство, что повторное проведение следственных действий (чаще осмотра места происшествия) бывает затруднено, а порой и невозможно (перемена места работы, погодные условия, уход судна, окончание сезонных сельскохозяйственных работ, значительное удаление от центра и транспорта).

В-четвертых, планирование расследование с учетом обстоятельства безвизового пересечения границы гражданами отдельных государств, а соответственно отсутствие учета их пребывания и убытия.

В-пятых. В силу значительного количества иностранных граждан на территории региона, образуются землячества, которые в определенных случаях организовывают противодействие расследованию. Планирование должно мгновенно реагировать на изменения в процессе следствия, но это планирование обречено на фиксацию уже совершившихся событий. Следователь реагирует на ситуацию, когда участник процесса или следственного действия уже сделал тактический шаг.

Соответственно - планирование расследования должно носить упреждающий характер, опережать реальное развитие следственной ситуации.

В-шестых, планирование расследования преступлений, совершенных с участием иностранных граждан должно быть согласованным.

Согласованное планирование следственных действий включает совместный анализ имеющейся информации о преступлении, выдвижение следственных и розыскных версий, определение путей их проверки. Основная цель этой деятельности - совместное планирование всех сил и средств, которыми располагают сотрудники ОВД и иных ведомств. В соответствии со своим целевым назначением, согласованное планирование должно заканчиваться составлением единого согласованного плана следственный действий и ОРМ. Планирование совместных действий различных правоохранительных органов (далее - ПО) и служб по делам о преступлениях с участием граждан иностранных государств должно охватывать все этапы планирования, совместный анализ и оценку результатов совместной и персональной деятельности, полноценный и всеохватывающий взаимный обмен информацией.

Изучение материалов уголовных дел и опрос практических работников ОВД показал, что при проведении совместных мероприятий не всегда осуществляется и соответствующее планирование. Упущения совместного планирования сказывается на эффективности проводимых профилактических мероприятиях и установлении скрывшихся иностранных граждан.

Подобные недостатки устраняются в деятельности следственно-оперативных групп, создаваемых совместными приказами руководителями служб, когда в раскрытии и расследовании участвуют одновременно несколько представителей служб ПО, каждый из которых использует свои специфические возможности и действует в пределах своей компетенции.

В условиях крупного города и с учетом большой территориальной протяженности РФ, преступники стремятся как можно быстрее скрыться с места совершения преступления; иностранные граждане, пересекшие границу с целью совершения преступления, выбирают регион в качестве «транзитного» и из-за кратковременности пребывания в районе совершения преступления часто не попадают в поле зрения районных ОВД.

Действия преступников, задержанных одним ОВД, не всегда сопоставляются с материалами нераскрытых уголовных дел по другим городам и районам. В результате преступление остается продолжительное время не раскрытым.

Устранить эти недостатки и обеспечить усилия по раскрытию и расследованию преступлений с участием иностранных граждан возможно в специализированных следственных и оперативных подразделениях по раскрытию и расследованию преступлений с участием иностранных граждан на уровне УВД субъектов РФ, либо создание единого регионального цента.

Это позволит посредством единого сбора и обмена информацией, совместного планирования, осуществлять методическую и практическую помощь низовым формированиям ОВД решать указанные выше криминальные проблемы. При этом возникает, по нашему мнению, ряд специфических преимуществ:

- обеспечивается оптимальный состав сотрудников, свободных от другой работы;
- у сотрудников появляются необходимые навыки и знание нюансов сотрудничества с другими правоохранительными ведомствами;
- создаются реальные возможности для совместной деятельности и повышения её эффективности, т.к. процессуальные и оперативно-розыскные действия, свойственные заинтересованным структурам, выполняются одновременно для решения совместных задач. Это обеспечивает быстрое преобразование процессуальным путем в доказательства данных, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий;
- возрастает маневренность сил в связи с возможностью вести расследование одновременно в разных направлениях, разных местах, концентрировать усилия на решающем участке;
- обеспечивается возможность сконцентрировать имеющуюся в различных районах региона информацию относительно преступлений, или способствующую их раскрытию, а так же организации проверки всех выявленных лиц на причастность к нераскрытым преступлениям данной категории.

Составление и реализация планов расследования рассматриваемых преступлений в целом должны быть подчинены специфическим условиям большинства и, в особенности, приграничных регионов:

- интенсивной миграцией населения как внутри региона (сельские и городские; с островов на материк; период каникулярных отпусков учащейся молодёжи), так и внешней (трудовая и незаконная миграция);
- миграцией сезонных строительных и овощеводческих бригад наемных иностранных рабочих;
- незначительным сроком пребывания иностранных туристов, предпринимателей (если отсутствует долгосрочный контракт);
- координацией своих действий с заинтересованными ведомствами и службами, как российских, так и иностранных.

Необходимостью анализа и перепроверки собранной информации и после направления материалов уголовного дела в суд (например, для отыскания ненайденных ценностей, воспользоваться которыми и вывезти за границу могут неизвестные правоохранительным органам сообщники).

Только после тщательнейшего анализа исходной информации о преступлении, выдвижения и обоснования версий, возможно приступать и к проведению следственных действий, и организовывать взаимодействие на всех уровнях и с заинтересованными ведомствами.

Список источников: 1. Шадрин О.Ю. Методика расследования преступлений, совершаемых иностранными гражданами и в отношении граждан иностранных государств (по материалам Дальневосточного региона). Дисс. ...канд. юрид. наук - М.: Академия управления МВД России, 1998. - 185 с.; Шадрин О.Ю., Коомбаев А.А. Теоретико-правовые основы международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью. - Бишкек: Академия МВД Кыргызской Республики, 2013. - 385 с.; 2. Бастрыкин А.И. Проблемы первоначального этапа расследования. // Сборник научных трудов. - Ташкент: НИиРИО, 1986; 3. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. - М., 1970. - 224 с.; Дубровицкая Л.П., Лузгин И.М. Планирование расследования. - М., 1972. - 54 с.

УДК 343.985.1

Shadrin O.Yu. Specificity of planning the investigation of crimes committed with participation from foreign citizens

The article reveals some specific features of planning of investigation of crimes, burdened with a foreign element, and suggests ways to optimize it.

Key words: *planning, investigation, a foreign citizen, investigation team.*

Юношев С. В.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» кандидат юридических наук, доцент (Самара, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОМПЕНСАЦИЙ ЖЕРТВАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Конституция России установила, что государство обеспечивает потерпевшим компенсацию причиненного ущерба. Однако в России механизм таких компенсаций отсутствует. Между тем, действующие международные акты требуют от национальных правительств создания и укрепления механизмов, обеспечивающих жертвам преступлений в определенных случаях возможность получать компенсацию причиненного преступлением ущерба за счет государства или из средств специально создаваемых в этих целях фондов. Более того, в рассматриваемых актах необходимость всемерной защиты этих лиц и восстановления их нарушенных прав, разработка соответствующих мер и обеспечение их эффективного действия признается в качестве одного из основных стандартов производства по уголовным делам. В связи с этим, безусловно необходима разработка соответствующих национальных мер возмещения ущерба потерпевшим.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, жертвы преступлений, государственные компенсации, возмещение вреда, международные стандарты.*

Конституция России (ст. 52) провозгласила, что «государство обеспечивает потерпевшим… компенсацию причиненного ущерба». Между тем, на сегодняшний день данная конституционная гарантия [1, с. 129 - 130] не подкреплены какими-либо нормами отраслевого законодательства. В России полностью отсутствует механизм подобных компенсаций (в отличие от многих зарубежных стран, в том числе и тех, которые трудно отнести к числу развитых) [2, с. 213- 217], не выделяются средства на эти цели в государственном бюджете, не созданы как альтернатива государственному финансированию этих расходов общественные фонды, доказавшие свою высокую эффективность во многих странах мира.

Пострадавший от преступления в такой ситуации зачастую остается один на один со своей проблемой. Существующий на сегодняшний день основной (а фактически единственный) законный способ возмещения ущерба, причиненного преступлением, – реституция, то есть предъявление гражданского иска к виновному либо ответственному за возмещение ущерба лицу, во многих случаях является заведомо безрезультативным. Так, очевидно, что вообще не может идти речь о возмещении ущерба потерпевшему при неустановлении следственными органами лиц, виновных в совершении

преступления. И даже если такие лица будут установлены и гражданский иск к ним будет удовлетворен судом, надежда на реальное возмещение вреда достаточно призрачна, поскольку показатель реального исполнения судебных решений в этой части в России составляет лишь порядка 20% [3, с. 4]. На остроту данной проблемы и негативные последствия такого положения вещей постоянно обращается внимание в литературе [4, с. 125].

В связи с этим небезынтересно обратиться к международным нормам в этой части, ведь в соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы России.

24 ноября 1983 года была принята Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS № 116). В данной Конвенции впервые на международном уровне были закреплены цели, принципы и основания государственной компенсации, обозначены источники финансирования, определялись виды ущерба, подлежащего компенсации, и круг лиц, имеющих на нее право.

В преамбуле Конвенции подчеркивается, что возмещение государством ущерба жертвам преступлений исходит из понятий справедливости и общественной солидарности, и такая система должна внедряться прежде всего тогда, когда преступник неизвестен или не имеет средств для возмещения причиненного им ущерба.

В соответствии со ст. 2 Конвенции если возмещение ущерба не может быть обеспечено из других источников, государство должно взять на себя эту обязанность в двух основных случаях: 1) когда в результате умышленных насильственных преступлений был нанесен серьезный ущерб физическому состоянию или здоровью и 2) в отношении тех лиц, которые находились на иждивении погибших в результате такого преступления.

Особо оговаривается, что государство обязано принять на себя обязанность по выплате соответствующей компенсации в указанных выше случаях, даже если преступник не может быть подвергнут судебному преследованию или наказанию.

Данная Конвенция вступила в силу 1 февраля 1988 года и на сегодняшний день ее участниками являются 26 государств – членов Совета Европы, при этом еще 8 государств подписали Конвенцию, но не ратифицировали ее.

Россия же не только до сих пор не ратифицировала данную Конвенцию, но даже не подписала ее, что, по нашему мнению, само по себе является грубым нарушением международных обязательств, принятых на себя нашим государством. В соответствии с заключением № 193 (1996) по заявке России на вступление в Совет Европы, принятым Парламентской ассамблеей Совета Европы 25 января 1996 года, Россия приняла на себя, помимо прочих, следующие обязательства: подписать и ратифицировать конвенции Совета Европы и с момента их вступления соблюдать основополагающие принципы, закрепленные в конвенциях; продолжить проведение правовой реформы с тем, чтобы привести свое национальное законодательство в соответствие с принципами и стандартами Совета Европы. За последовавшие за этим 20 лет с лишним лет по интересующему нас вопросу Россией во исполнение принятых на себя обязательств не было сделано практически ничего.

Законодательство Совета Европы не остановилось в своем развитии в этой области. Последовал еще целый ряд актов, как правило, на уровне Кабинета министров Совета Европы, конкретизирующих, уточняющих и расширяющих положения Конвенции. К таковым относятся, в частности, Рекомендации № R (85) 11 Кабинета министров от 28 июня 1985 года о положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса; Рекомендации Кабинета министров от 17 сентября 1987 года об оказании помощи жертвам и предупреждении виктимизации и другие.

Во многом благодаря тем наработкам, что были сделаны на уровне европейского законодательства, а равно законодательства и практики ведущих стран мира в области государственных компенсаций жертвам преступлений и, прежде всего, конечно, Закона США о защите жертв и свидетелей преступлений от 12 октября 1982 года, рассматриваемая проблема стала предметом внимания ООН.

29 ноября 1985 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью.

В пункте 4 Декларации получило закрепление общее правило, в соответствии с которым жертвы преступлений имеют право на скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством.

Помимо этого, в Декларации (п. 5) определено, что в тех случаях, когда это необходимо, государствам следует создавать и укреплять механизмы, обеспечивающие жертвам возможность получать компенсацию с помощью официальных или неофициальных процедур, которые должны носить оперативный, справедливый, недорогостоящий и доступный характер.

Далее в Декларации проводится разграничение реституции и компенсации как по основаниям их применения, так и по видам ущерба, подлежащим возмещению в том и другом случае.

Реституция, то есть возмещение причиненного преступлением ущерба правонарушителями или третьими лицами, несущими ответственность за их поведение, должна включать в себя возврат собственности или выплату за причиненный вред или ущерб, возмещение расходов, понесенных в результате виктимизации, предоставление услуг, восстановление в правах (п. 8). Таким образом, реституция в рамках Декларации выступает как полное возмещение вреда, причиненного правонарушением.

Совсем иное компенсация. В соответствии с п. 12 Декларации государствам следует предоставлять финансовые компенсации жертвам преступлений только в том случае, когда компенсацию невозможно получить в полном объеме от правонарушителя (реституция) или из других источников (речь идет, например, о социальном страховании, пенсионном обеспечении и т.п.).

Более того, согласно положениям Декларации правительства должны осуществлять выплату компенсаций лишь: 1) жертвам, которые в результате тяжких преступлений получили значительные телесные повреждения или существенно подорвали свое физическое или психическое здоровье; 2) семьям, в частности иждивенцам лиц, которые умерли или стали физически

или психически недееспособными в результате такой виктимизации.

Принятие Генеральной Ассамблеей ООН названной Декларации было очень высоко оценено международным сообществом. Декларация рассматривается в качестве «выдающегося достижения в сфере международного сотрудничества» [5, с. 107]. Подчеркивается, что этот документ позволил определить систему исходных и принципиальных идей, ставших отправными в деле формирования надлежащего механизма защиты прав жертв преступлений [5, с. 107].

Таким образом, в действующих международно-правовых актах государственные компенсации жертвам преступлений рассматриваются как некий дополняющий, субсидиарный и весьма ограниченный по своим основаниям механизм, к которому могут обратиться лишь отдельные категории жертв преступлений, если не срабатывают все иные механизмы возмещения им вреда.

Представляется, что на сегодняшний день такой подход вполне оправдан. Начинать такое большое дело надо обязательно, хотя бы и в весьма ограниченных пределах, а в дальнейшем основания предоставления государственных компенсаций, конечно же, желательно расширять.

Как уже указывалось, в России никакие практические шаги в этом направлении до сих пор не сделаны. Однако еще в 2012 году Следственный комитет РФ совместно с членами Общественной палатой РФ разработали проект федерального закона «О потерпевших от преступлений» [1, с. 137 - 138]. Следует отметить, что после опубликования первоначальной редакции законопроекта он в дальнейшем был существенно переработан.

В последней редакции законопроекта предполагается, что право на государственную компенсацию будет иметь весьма ограниченный круг жертв преступления, который в целом отвечает сложившимся международным стандартам в этой части. К таким лицам отнесены: 1) потерпевший, который в результате совершения в отношении его преступления: а) получил тяжкий вред здоровью или заразился ВИЧ-инфекцией; б) получил вред здоровью любой степени тяжести, если преступление было совершено близким родственником потерпевшего, от которого он находится в материальной зависимости; в) стал жертвой сексуального насилия; г) находится в затруднительном материальном положении, в связи с совершением в отношении него кражи, мошенничества, вымогательства, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, умышленного уничтожения или повреждения имущества, при условии, что его ежемесячный доход ниже двукратного размера прожиточного минимума; и 2) иждивенцы потерпевшего, который умер в результате совершения преступления или в связи с полученным от преступления вредом здоровью.

Для осуществления выплат потерпевшим законопроект предполагает учреждение государственного внебюджетного Федерального фонда помощи потерпевшим. Финансирование данного фонда предполагается осуществлять за счет конфискованных денежных средств, полученных преступным путем, взимаемых штрафов, реализации арестованного имущества должников, сумм залогов, обращенных в доход государства, а также добровольных взносов граждан и юридических лиц. Такие источники финансирования подобных фондов также традиционны в сложившейся международной практике государственных компенсаций жертвам преступлений.

Предложенный законопроект несвободен от целого ряда серьезных недостатков (так, например, в нем ничего не говорится о компенсации за счет государства причиненного преступлением морального вреда), но, несмотря на это, радует сам факт появления такого законопроекта, поскольку можно надеяться, что проблема государственных компенсаций жертвам преступлений выйдет за рамки сугубо академических рассуждений и перейдет наконец-то в практическую плоскость.

Список источников: 1. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики : учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой и А.А. Тарасова. – М.: Юрайт, 2013. – 476 с.; 2. Юношев С.В. Государственные компенсации жертвам преступлений: зарубежный опыт и российские перспективы // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Юриспруденция. – 2014. - № 11/2 (122). – С. 212-219; 3. Грицай О.В. Исполнение приговоров в части имущественных взысканий: процессуальная сущность, основания и порядок: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 – Самара, 2007; 4. Леви А.А. Потерпевший в уголовном процессе: конспект лекций – М.: РУДН, 2007; 5. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М.: Экзамен, 2001.

УДК 343.1

Yunoshev S.V. To the problem of state compensation to victims of crimes

The Constitution of Russia has established that the State shall provide for victims of crimes compensation for the damage sustained. However in Russia the mechanism of such compensations is absent. Meanwhile, active international acts demand from the national governments of creation and strengthening of the mechanisms, providing for victims of crimes in certain cases possibility to obtain compensation of the damage sustained at the state's expense or from means of funds specially created in these purposes. Moreover, in these acts, the need for all possible protection of these persons and the restoration of their violated rights, the development of appropriate measures and ensuring their effective action are recognized as one of the basic standards of criminal proceedings. In this regard, it is absolutely necessary to develop appropriate national measures to compensate victims.

Key words: *criminal justice, victims of crimes, state compensation, compensation for the damage, international standards.*

Юрченко Л. В.

Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского,
кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛИЦА ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье исследуются некоторые вопросы процессуального порядка реализации норм уголовного закона, касающиеся процедуры освобождения лица от уголовной ответственности и проблемы субъектного состава, уполномоченного вынести решение об освобождении от уголовной ответственности.

Ключевые слова: *освобождение от уголовной ответственности, презумпция невиновности, суд, судья, органы предварительного расследования*

Проведение законотворческой работы, направленной на совершенствование уголовно-процессуального законодательства и приведение в соответствие с Кон-

ституцией РФ и международно-правовыми стандартами, стало весомым вкладом в реализацию судебно-правовой реформы в Российской Федерации. Отечественное уголовное судопроизводство постепенно лишается инквизиционных проявлений, которые были характерны для советского уголовного судопроизводства. Демонстрируя терпимость к нарушителям уголовного закона, государство реагирует на совершенные преступления, возбуждая уголовное дело. Уполномоченные им органы императивно привлекают правонарушителей в сферу уголовного судопроизводства, но при наличии на то законных оснований освобождают их от нежелательных последствий в виде уголовной ответственности и наказания. Этим обеспечивается значительный морально-психологический эффект, связанный, прежде всего, с нереабилитирующим характером такого освобождения.

Надо отметить, что институт освобождения от уголовной ответственности был известен давнейшему уголовному законодательству и присущ уголовному законодательству подавляющего большинства современных государств. Не является исключением отечественное уголовное законодательство. Так, глава 11 «Освобождение от уголовной ответственности» Общей части УК РФ, в 2016 была дополнена еще одним основанием освобождения от уголовной ответственности - ст.76.2 в связи с назначением судебного штрафа, а в Особенной части уже 41 одна статья содержит примечания, в которых предусмотрены основания освобождения от уголовной ответственности.

При анализе норм уголовно-процессуального кодекса, регулирующих порядок принятия решения об освобождении лица от уголовной ответственности, возникает вопрос: всегда ли они соответствуют конституционному принципу презумпции невиновности?

Несмотря на то что основания от освобождения от уголовной ответственности предусмотрены разными статьями, как Общей, так и Особенной части УК РФ, но во всех случаях имеет место, санкционированное государством освобождение лица от типичных уголовно-правовых последствий совершенного им общественно опасного деяния (осуждения его и его преступного поведения обвинительным приговором, отбытия наказания, статуса судимости).

Можно прийти к выводу, что с точки зрения уголовного процесса, освобождение от уголовной ответственности - это освобождение от вынесения в отношении лица обвинительного приговора.

Реализация уголовно-правового института освобождение от уголовной ответственности лица может быть осуществлена только с соблюдением определенной процессуальной формы. Сущность которой состоит в совокупности действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и принятии решения о прекращении уголовного преследования и прекращении уголовного дела при наличии основания освобождения от уголовной ответственности.

Надо отметить, что начальным моментом реализации освобождения от уголовной ответственности является начало уголовного судопроизводства, то есть досудебное производство, а именно: стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, а окончательным моментом – судебное производство, вплоть до момента вынесения приговора судом. Если же обвинительный приговор вынесен, то здесь может идти речь только об освобождении лица от отбывания уголовного наказания.

В отличие от освобождения от наказания, где принятие такого решения прерогатива только суда, освобождение от уголовной ответственности возможно, как на стадиях досудебного производства (возбуждения уголовного дела и предварительного расследования), так и на стадии судебного разбирательства.

Определение конкретного субъекта, уполномоченного принять решение о прекращении уголовного преследования и /или прекращении уголовного дела с освобождением от уголовной ответственности на досудебном производстве зависит, прежде всего, от признаков, определяющих подследственность уголовных дел тому или иному органу: дознания или предварительного следствия, квалификации преступления, субъекта преступления и др.

Так, исходя из норм уголовного и уголовно-процессуального закона, принять решение о прекращении уголовного преследования и/или прекращении уголовного дела с освобождением от уголовной ответственности может дознаватель с согласия прокурора по следующим общим основаниям:

1) «действенное раскаяние лица» (ст. 75 УК, ч.1 ст. 28, ч.4 ст.24 УПК);

2) «примирение обвиняемого с потерпевшим» (ст. 76 УК, ст. 25 УПК);

3) «по делам о преступлениях в экономической сфере» (только по преступлениям, указанным в ч. 2 ст. 76.1 УК, ч.3 ст.28.1 УК);

4) «истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности» (ст. 78 УК, п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК);

5) «в связи с актом амнистии» (ст. 84 УК, соответствующее постановление Государственной Думы РФ об амнистии, п.3 ч.1 ст.27 УПК).

Следователь с согласия руководителя следственного органа может принимать такое решение по таким общим основаниям (без изъятий как у дознавателя с согласия прокурора):

1) «действенное раскаяние лица» (ст. 75 УК, ч.1 ст. 28, ч.4 ст.24 УПК);

2) «примирение обвиняемого с потерпевшим» (ст. 76 УК, ст. 25 УПК);

3) «по делам о преступлениях в экономической сфере» (ст. 76.1 УК, ст.28.1 УК);

4) «истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности» (ст. 78 УК, п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК);

5) «в связи с актом амнистии» (ст. 84 УК, соответствующее постановление Государственной Думы РФ об амнистии, п.3 ч.1 ст.27 УПК).

Что же касается таких оснований, как: с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК, с. 25.1 УПК) и применение к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного характера (ст. 87 УК, статьи 9, 427, 431, 432 УПК) то окончательное решение по уголовному делу может принять только суд.

При установлении в ходе расследования уголовного дела обстоятельств, указывающих на наличие таких оснований, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора выносят постановление:

- о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 87 УК, статьи 9, 427, 431, 432 УПК)

- о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Таким образом, в одном случае – ст.87 УК – органы расследования прекращают уголовное дело и/или уголовное преследование и ходатайствуют перед судом об освобождении лица от уголовной ответственности, а во втором - (ст. 76.2 УК, с. 25.1 УПК) ходатайствуют перед судом принять по уголовному делу окончательное решение.

Если вопрос ставится о применении несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия, то где логика в прекращении производства по уголовному делу органом предварительного расследования, ведь окончательное решение по уголовному делу принимается именно судом.

Как нами выше было указано, основания освобождения от уголовной ответственности содержатся не только в статьях Общей части УК, но предусмотрены также в примечаниях к сорок одной статье Особенной части.

Принципиальное отличие между специальным и общим освобождением от уголовной ответственности состоит в том, что: применение норм о специальном освобождении возможно только в случае совершения тех преступлений, которые точно указаны в соответствующей статье; значительно отличается степень тяжести преступлений, в случае совершения которых допускается специальное освобождение, что объясняется в основном предупредительным назначением такого освобождения, они имеют ярко выраженную направленность на достижение цели предупреждения и раскрытия преступлений значительной и повышенной общественной опасности, и высоколатентных преступлений.

Нормами уголовно-процессуального законодательства порядок принятия решений по основаниям, указанным в примечаниях ряда статей Особенной части не регламентирован. В соответствии с существующей практикой принятие решения осуществляется в общем порядке, предусмотренном для дел, которые подлежат прекращению на основании ст. 75-78 УК РФ.

При установлении обстоятельств, влекущих за собой освобождение от уголовной ответственности, на стадии возбуждения уголовного дела органы расследования выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

По нашему мнению, исходя из конституционного положения о презумпции невиновности, наделившего исключительным полномочием признать лицо виновным только суд, то и принятие решение об освобождении лица от уголовной ответственности с вынесением постановления (определения) о прекращении уголовного преследования и производства по уголовному делу, при наличии на то законных оснований, предоставить только суду.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает, что освобождение от уголовной ответственности в стадии судебного разбирательства происходит путем прекращения уголовного дела (ст. 254 УПК).

На основании вышеуказанного, считаем, что решение вопроса следователем (дознавателем) об освобождении лица от уголовной ответственности в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела не соответствует нормам Конституции РФ, УК и УПК Российской Федерации и требует законодательного решения путем внесения изменений в УПК Российской Федерации. По нашему мнению, в этом случае должно быть проведено предварительное расследование (дознание или предварительное следствие), ведь было совершено преступление, и поэтому должны быть установлены все обстоятельства его совершения и выполнены необходимые процессуальные действия. Так, уголовно-процессуальный закон среди обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указывает и на «обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания» (ст.73 ч.1 п.7)).

Полагаем, что органы предварительного следствия или дознания обязаны возбудить уголовное дело (преследование), установить событие преступление, лицо его совершившее, иные обстоятельства, а также обстоятельства, подтверждающие наличие условий, предусмотренных уголовным законом для освобождения лица от уголовной ответственности за конкретный вид преступления, и оканчивать расследование вынесением постановления о направлении материалов дела в суд для разрешения вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности. И только суд должен быть уполномочен выносить окончательное решение об освобождении лица от уголовной ответственности по уголовному делу по любому основанию, предусмотренному как в Общей частью УК РФ, так и Особенной.

УДК 343.1

Yurchenko L.V. Some procedural aspects of person's release from criminal liability

Some procedural issues of criminal law rule's implementation are examined in the article. They are linked with procedure of person's release from criminal liability and with problems of subject's composition which is entitled to adjudicate on the exemption from criminal liability.

Key words: *release from criminal liability, presumption of innocence, court, judge, bodies of preliminary investigation.*

Яковлев Д. Ю.

Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент
(Иркутск, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ БАНКА ГЕНОМНОЙ РЕГИСТРАЦИИ – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Исследование митохондриальной ДНК человека позволяет решать целый ряд идентификационных и диагностических задач при раскрытии, расследовании преступлений и судебном разбирательстве уголовных дел. К числу таких задач можно отнести установление личности человека, оставившего следы биологического происхождения на месте происшествия, установление личности лица, не могущего сообщить сведения о себе в силу возраста или болезни, установление личности неопознанного трупа. Однако перспективным представляется использование в уголовном судопроизводстве диагностических возможностей молекулярно-генетических исследований. К числу таковых мы относим установление свойств (состояний) лица в момент следообразования. Представляется, что расширение, как идентификационных, так и диагностических возможностей исследования митохондриальной ДНК возможно путем внедрения в практику правоохранительных органов банка геномной регистрации. Достоинства и недостатки такого внедрения обсуждаются в статье.

***Ключевые слова**: молекулярно-генетическая экспертиза, митохондриальная ДНК, идентификация и диагностика, геномная регистрация, криминалистическая регистрация.*

Бурное развитие молекулярной биологии и молекулярной генетики в последние годы XX столетия позволило сформировать новое направление экспертных исследований, объектом которых выступают гипервариабильные участки дезоксирибонуклеиновой кислоты (STR ДНК-локусы). Исследование этих фрагментов позволяет с высокой точностью устанавливать принадлежность того или иного следа (объекта) биологического происхождения конкретному лицу и решать целый ряд вопросов не только в рамках уголовного, но и гражданского судопроизводства. По сути, речь идет о создании словесного портрета по генетическим характеристикам того или иного человека.

Однако, возможности использования методов ДНК-анализа в следственной, оперативно-розыскной и судебной практики могут быть значительно шире. При наличии сформированных баз данных федерального или местного уровня, содержащих генетические признаки зарегистрированных граждан, поиск лица, являющегося источником происхождения биологического объекта, обнаруженного на месте происшествия, может быть осуществлен и в его отсутствие путем сравнения генетических признаков объекта экспертизы с признаками, имеющимися в базе данных [3].

Первая в мире база данных была создана в Великобритании в 1995 году, затем стали создаваться базы данных в других европейских странах - Австрии, Нидерландах, Норвегии, Германии, Бельгии и т.д.

Впервые в России такая база данных была создана приказом МВД России от 10.02.2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации». В этой базе данных велся учет данных ДНК биологических объектов – следов, изъятых с мест происшествий (неизвестных лиц), а также образцов тканей неопознанных трупов. 1 января 2009 года вступил в действие Федеральный закон № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [1]. Этим законом создана законодательная основа для нового вида криминалистических учетов, обеспечивающая возможность внесения в федеральную базу данных генетической информации, в том числе, лиц с известными персональными данными.

Не вызывает сомнений тот факт, что принятие указанного закона – важное событие, как для правоохранительных органов, так и для граждан Российской Федерации. В связи с этим, хотелось бы высказать ряд соображений.

Закон прямо предусматривает два вида регистрации: добровольная и обязательная. Обязательной геномной регистрации подлежат: 1) лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; 2) неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий; 3) неопознанные трупы.

К первой категории лиц, подлежащих геномной регистрации, закон относит осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Очевидно, что эффективность использования базы данных тем выше, чем большее объем последней. Однако, на начальном этапе создания системы геномной регистрации не возможно охватить весь массив совершаемых преступлений. Понимая это, законодатель ограничивает круг тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Приоритетом в этом отношении являются преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Безусловно, «формирование базы данных о генетических признаках целесообразно начать, прежде всего, по случаям половых преступлений, при наличии материальных и технических условий расширяя область ее применения и охватывая другие тяжкие преступления против личности» [4].

Другая категория лиц, чей профиль, согласно Федеральному закону, вносится в базу данных, неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий. Цель изъятия таких следов - получение профилей ДНК лиц, совершивших преступления. Федеральный закон не содержится перечня категорий преступлений, по которым целесообразно изымать биологический материал в ходе следственных действий. Следовательно, круг таких преступлений не ограничен. Однако, возникает вопрос, в связи с какими преступлениями будут изыматься следы на практике?

Логично предположить, что преступления, по которым изымаются следы биологического происхождения, должны соответствовать тем, по которым предусмотрена криминалистическая регистрация осужденных. В этом случае вероятность совпадения профилей ДНК будет выше, чем в случае разнородных преступлений.

Поскольку источник происхождения объектов не всегда ясен, нельзя исключить такой ситуации, когда в базу данных профилей ДНК преступников будут вноситься ДНК иных, не имеющих отношения к преступ-

лению, лиц. Принятый Федеральный закон каких-либо уточнений на этот счет не дает.

В законе не приводится перечень следственных действий, в ходе которых возможно изъятие биологического материала для геномной базы данных.

Третьей категорией лиц, генетическая информация которых подлежит внесению в базу данных, являются неопознанные трупы. Однако, закон не определяет цели и порядок использования указанной информации. Из духа закона следует, что такая информация может быть использована для установления личности неопознанного трупа, хотя не исключаются и иные пути использования генетической информации, полученной в данном случае.

Таким образом, способствуя расширению возможностей молекулярно-генетической экспертизы в решении вопросов идентификации личности, обеспечении полноты и объективности отправления правосудия, необходим полноценный механизм реализации основных положений Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», который на сегодняшний день представляется не до конца разработанным.

Список источников: 1. О государственной геномной регистрации в РФ [Электронный ресурс] : федер. закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ : в ред. от 17.12.2009. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; 2. Перепечина, И. О., Пименов, М. Г. Кондрашов, С. А. Особенности формирования базы данных о генетических признаках на основе автоматизированных информационных систем / И. О. Перепечина, М. Г. Пименов, С. А. Кондрашов // Экспертная практика, 1996. - № 40. - С. 3-5; 3. Перепечина, И. О. Разработка проблемы судебно-медицинской генетической идентификации / И.О. Перепечина // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2002. – № 4. – С. 287-296; 4. Пименов, М. Г., Перепечина, И. О. О возможностях использования банка ДНК при расследовании половых преступлений / М. Г. Пименов, И. О. Перепечина // Информационное письмо: М., МВД РФ, 1995.

УДК 343.98

Yakovlev D. Yu. The formation of a genomic registration bank is a prerequisite for the provision of molecular genetic expertise

The study of human mitochondrial DNA allows solving a number of identification and diagnostic problems in the course of disclosure, investigation of crimes and criminal proceedings. Such tasks include the identification of a person who left traces of biological origin at the scene, the identification of a person who can not report information about himself due to age or illness, or the identification of an unidentified corpse. However, it seems promising to use the diagnostic capabilities of molecular genetic studies in criminal proceedings. Among these we attribute the establishment of the properties (states) of the person at the time of the formation of the trace. It seems that the expansion of both identification and diagnostic capabilities of mitochondrial DNA research is possible by introducing genomic registration into the practice of law enforcement agencies of the bank. Advantages and disadvantages of such implementation are discussed in the article.

***Key words**: molecular genetic examination, mitochondrial DNA, identification and diagnosis, genomic registration, forensic registration.*

СОДЕРЖАНИЕ

Александров А. С., Александрова И. А. *Новые правовые стандарты противодействия преступности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности* 1

Александров А. И., Мельников Е. А. *Проблемы уголовно-процессуальной политики на современном этапе* 3

Алымов Д. В. *О некоторых проблемах тактики проведения очной ставки* 6

Ануфриева Е. А. *Проблемы получения образцов голоса при назначении фоноскопической экспертизы* 8

Асанов Р. Ш. *Поручение следователя о принятии процессуальных решений и производстве следственных действий* 10

Баянов А. И. *Основообразующие понятия криминалистической теории допроса*.....12

Белкин А. Р. *Присяжный заседатель как потенциальный субъект противодействия правосудию* 14

Биляев В. А. *Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании: системный подход* 16

Боровских Р. Н. *Особенности криминалистической характеристики организованной преступной деятельности в сфере автострахования* 19

Бочарова О. С. *Новые возможности видеоспектрального компаратора «Регула» 4307 для судебно-экспертных исследований защищенных документов и их реквизитов*.....21

Бурмагин С. В. *Разрешение судом уголовно-процессуального конфликта в досудебном производстве* 24

Ван Хайцзюнь *Институт обеспечения судьи в России и Китае: сравнительно-правовой анализ* 26

Волочай С. Н. *Значение типовых криминальных ситуаций для оценки обстановки совершения преступлений (на примере убийств несовершеннолетних по сексуальному мотиву)* 28

Гаврилов Б. Я. *К 15-летию действия УПК РФ: процессуальная теория и правоприменительная практика*.....29

Гармаев Ю. П. *Криминалистические методики расследования и судебного разбирательства: состояние концепции и перспективы развития* 33

Герасенков В. М., Герасенкова О. А. *Характеристики ускоренных досудебных производств в уголовном процессе и критерии их дифференциации* 37

Григорьев В. Н. *Крымский вариант экономии уголовно-процессуальных средств: исторический опыт и современные тренды* 41

Губанова Е. В. *Формирование профессиональных компетенций при подготовке специалистов для служб, обеспечения судопроизводства*.....43

Духно Н. А. *Современные проблемы доказывания по уголовным делам* 45

Жигулин А. М., Моисеев А. М. *Конституционные истоки уголовно-правовой политики Донецкой Народной Республики* 48

Журба О.Л. *Некоторые особенности проведения следственных действий (обыск, выемка)* 50

Злоченко Я. М., Вафин Р. Р. *Организационно-управленческие оперативно-следственные ситуации: принятие решений в условиях неопределенности, конфликта и риска при расследовании транснациональных (трансграничных) преступлений* 52

Игнатьев М. Е. *Внутреннее убеждение следователя и причинность* 56

Исламова Э. Р., Сундюкова А. Р. *Актуальные вопросы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства в судебных прениях* 57

Ищенко Е. П. *Криминалистические аспекты расследования киберпреступлений* 60

Ижийт Б. Б. *Реформы в системе уголовного наказания Монголии* 63

Кащенко С. Г. *«Каролина» об уголовном процессе* 65

Кириллова Н. П. *Доследственная проверка по сообщениям о преступлениях, совершаемых при оказании медицинской помощи пациентам в лечебных учреждениях* 67

Климович Л. П. *Формирование специальных экономических знаний в процессе образовательной подготовки юриста* 70

Комаров И. М., Ян Е. И. *Криминалистическое образование в России* 72

Корж В. П. *Поддержание государственного обвинения в суде: проблемы законодательства и практики* 74

Кошман В. А. *Особые производства в уголовном процессе в российской империи конца XVIII на примерах судебной практики Таврической области* 76

Кушниренко С. П., Пристансков В. Д. *К вопросу о методологических основах криминалистического исследования обстоятельств события преступления* 78

Лакомская М. Ю. *Понятие криминалистики – проблемная ситуация расследования* 80

Лебедева А. А. *Удостоверение личности подозреваемого/обвиняемого, подсудимого в уголовном процессе* 82

Лифанова Л. Г. *Экономические санкции как условие прекращения уголовного преследования* ...84

Лясковец А. В. *К вопросу о проблемах практической реализации института международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства* 86

Макаров А. П. *Проблемы проведения и возможности использования оперативного эксперимента по уголовным делам о мелком взяточничестве* 88

Михайлов М. А. *Еще раз о тайне связи* 90

Мишин А. В. *Особенности тактики назначения судебной экспертизы в досудебном производстве по уголовному делу* 92

Можаева И. П. *Направления оптимизации деятельности по нейтрализации угроз безопасности на территории Республики Крым и г. Севастополь* 95

Муратов К. Д. *Арест вещественных криминальных доказательств: сравнительно-правовой аспект* 97

Муратова Н. Г. *Судебная модель Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (совершенствование судебных процедур в исследованиях автора)* 100

Мухин Г. Н., Исютин-Федотков Д. В. 102

О требованиях к частным криминалистическим теориям 102

Олиндер Н. В. *Некоторые особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств* 105

Омельченко Т.В. *Правоотношения адвоката с дознавателем, следователем на досудебных стадиях уголовного судопроизводства* 107

Патраш И. Ф. *Соотношение понятий «неочевидное» и «нераскрытое» преступление* 108

Поддубняк А. А. *Производство отдельных следственных действий до возбуждения уголовного дела: вопросы уголовно-процессуальной регламентации* 110

Потудинский В.П. *Рукописные записи, как источник информации об обстоятельствах совершения экстремизма и терроризма, и проблемы возникающие при их исследовании* 112

Привалова Н. В., Рыжаков А. А., Рыжаков А. П. *Обоснованное подозрение* 114

Прусс А. Р. *О порядке ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела* 116

Рябинина Т. К., ***Масликова Н. В.*** *Правоприменительная практика суда как способ разрешения противоречий в процессе познания по уголовным делам* 118

Смуглова Н. В., Позняк Т. В., ***Садовник Н. Г., Полехина Ж. Ю.*** *Тактика судебно-биологической экспертизы пота* 120

Сидорова Н. А. *Вопросы подсудности и состава суда в УПК стран СНГ* 122

Рубанова Л. В., Юрий Т. А., Соколова И. Ф., Позий В. С. *Предварительные методы исследования вещественных доказательств биологического происхождения при осмотре места происшествия: плюсы и минусы* 124

Соловьев Е. А. *Апелляция в уголовном судопроизводстве* 127

Сошина Н. В. *Понятие и сущность института отвода в уголовном процессе* 130

Стаценко В. Г. *Проблемы правовой регламентации истребования документов и предметов, их изъятия при проверке сообщений о преступлении* 132

Сухинин А. Г. *Место Уголовно-процессуального кодекса в иерархии нормативных правовых актов* 133

Тозик И. В. *О необходимости установления беспомощного состояния несовершеннолетних потерпевших от насильственных половых преступлений* 135

Торопов С.А. *Криминалистическая значимость следов животных в воссоздании обстоятельств произошедшего события* 137

Халилев Р. А., Легеза Л. А., Османова Л. С. *Особенности назначения судебно-психологических экспертиз по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности* 138

Шадрин О. Ю. *Специфика планирования расследования преступлений, совершаемых с участием с иностранных граждан* 141

Юношев С. В. *К проблеме государственных компенсаций жертвам преступлений* 142

Юрченко Л. В. *Некоторые процессуальные аспекты освобождения лица от уголовной ответственности* 144

Яковлев Д. Ю. *Формирование банка геномной регистрации – необходимое условие обеспечения возможностей молекулярно-генетической экспертизы* 147

Научное издание

УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(27-29 апреля 2017 года)
г. Симферополь-Алушта

Составитель:
Омельченко Т. В.

Под редакцией:
Михайлова М. А., Омельченко Т. В.

Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 17,90. Тираж 75 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражникова Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru